

Н. НЕКРАСОВ

Алек. Некрасов

2

Н.А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

2

НЕКРАСОВ

***Печатается по постановлению
Совета Министров Союза ССР
от 28 ноября 1946 г.***

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Под общей редакцией

В. Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА, А. М. КГОЛИНА и К. И. ЧУКОВСКОГО

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1948

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ II

СТИХОТВОРЕНИЯ

1856—1877

О Г П З

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1948*

*Редакция тома и историко-литературные
комментарии*

КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

Подготовка вариантов и текстологические примечания

А. Максимовича

И. А. ПЕКРАСОВ
С фотографии 1868 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1856—1877

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Г р а ж д а н и н

(входит)

Опять один, опять суров,
Лежит — и ничего не пишет,

П о э т

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Г р а ж д а н и н

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

П о э т

Так что же?

Г р а ж д а н и н

Да глядеть обидно.

П о э т

¹⁰ Ну, так уйди.

Г р а ж д а н и н

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;

В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

П о э т

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Г р а ж д а н и н :

Вот новость! Ты имеешь дело,
²⁰ Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

П о э т

А! знаю: «вишь куда метнул!»
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить (*берет книгу*).
Спаситель Пушкин! — Вот страница:
Прочти — и перестань корить!

Г р а ж д а н и н

(*читает*)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
³⁰ Для звуков сладких и молитв».

П о э т

(*с восторгом*)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Г р а ж д а н и н

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!

⁴⁰ И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

П о э т

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикый.
Так я, по-твоему, — великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!

Г р а ж д а н и н

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
⁵⁰ Сатиры чужды красоты,
Неблагодарны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо —
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неуютно,
⁶⁰ Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою вьютсямах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
⁷⁰ Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сияньи спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный

Едва колеблет паруса, —
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто, вместо корабля,
Под ними твердая земля.
80 Но гром ударил; буря стонет
И снасти рвет и мачту клонит —
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес — и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
90 Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоленью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог-помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
100 Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи мудрецы:
Их назначенье — разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
110 Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,

И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
120 Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибли безупречно,
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избраник неба.
Глашатай истин вековых,
130 Не верь, что неимуций хлеба
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служба искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
140 И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

П о э т

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
150 Ты слишком далеко шагнул.
Учить других — потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,

Не сто́им медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
160 Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

Г р а ж д а н и н

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильной судить:
170 Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын. —
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но пущю, нужно нам граждан
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
180 Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!!
Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он как свои на теле носит
190 Все язвы родины своей

.
.

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,

Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же, но молчу... Хоть мало,
И среди нас судьба являла
200 Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоём сравнении смысла нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

П о э т

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
210 Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной, —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
220 Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки,
Иль поплатиться головой...
230 Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?

Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
250 Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего поправ
250 Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын больной большого века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюм и полон озлобленья
У двери гроба я стою...

Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
260 И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в стены,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи,
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
270 Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких ворониск

Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
280 Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О Муза, гостью случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
290 Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

«НЕСЧАСТНЫЕ»

1

Тяжел мой крест: уединенье,
Преступной совести мученье,
Нужда, недуги. Говорят,
К цветущей юности возврат
Под старость нам одно спасенье,
Отрада верная. — «Живи,
Покуда кровь играет в жилах,
А станешь стариться, нарви
Цветов, растущих на могилах,
10 И ими сердце обнови...»
И я попробовал... но что же?..
Душа попрежнему нема,
И с одичалого ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый боже!
Ужели долгая тюрьма,
Ограбив сердце без пощады,
Душе моей не даст отрады
В воспоминаньи юных лет?
20 Иль точно там отрады нет?
Увы! там душно, там пустыня.
Любя, прощая, чуть дыша,
Там угасает, как рабыня,
Святая женская душа.
Переступить порог не смея,
Тоски и ужаса полна,
Так вянет сказочная фея
В волшебном замке колдуна.
Воображенье прихотливо

- 30 Рисует ей другие дни:
В чертогах, убранных на диво,
Горят венчальные огни:
Невеста ждет, жених приходит,
И речь его тиха, нежна...
Где ум красавицы не бродит,
Чего не думает она?
Ликует день, щебечут птицы,
Красою блещут небеса,
Доходят до дверей темницы
- 40 Любви и воли голоса, —
Но ей нет воли, нет отрады.
Не нужно камней дорогих,
Возьмите пышные наряды!
Где мать? где сестры? где жених?
Где няня с песенкой и сказкой?
Никто не сжадется над ней,
И только докучает лаской
Противный, старый чародей.
Но нет!.. она любить не станет,
- 50 Скорей умрет... Уходит он
И в гневе подданных тиранит.
Кругом проклятья, вопли, стон...
Но в сказке витязь благородный
Придет — волшебника убьет,
И клочья бороды негодной
К ногам красавицы свободной
С рукой и сердцем принесет.
А здесь?..

Рога трубят ретиво,
Пугая ранний сон детей,
60 И воют псы нетерпеливо...
До солнца сели на коней —
Ушли... Орды вооруженной
Не видит глаз, не слышит слух,
И бедный дом, как осажденный,
Свободно переводит дух.
Меняя быстро пост невольный
На празднословье и випо,
Спешит забыться раб довольный.
Но есть одна: ей всё равно!

70 В ее душе светлей не станет,
Всё тот же мрак, всё тот же гнет:
И сон перерванный не машит,
И утро к жизни не зовет.
Скорей, затворница немая,
Рыданьем душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая,
И лучшей участи не жди!..

Осаду не надолго сняли...
Вот вечер — снова рог трубит.

80 Примолкнув, дети побежали.
Но мать остаться им велит;
Их взор уныл, невнятен лепет...
Опять содом, тревога, трепет!
А ночью свечи зажжены,
Обычный пир кипит мятежно.
И бледный мальчик, у стены
Прижавшись, слушает прилежно
И смотрит жадно (узнаю
Привычку детскую мою) ...

90 Что слышит? песни удалые
Под топот пляски удалой;
Глядит, как чаши круговые
Пустеют быстрой чередой;
Как на лету куски хватают
И рот захлопывают псы,
Как на тени растут, кивают
Большие дядины усы...
Смеются гости над ребенком.
И чей-то голос говорит:
100 «Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленным волчонком?
Поди сюда!» Бледнеет мать;
Волчонок смотрит — и ни шагу.
«Упрямство надо наказать —
Поди сюда!» — Волчонок тягу...
«Ату его!»

Тяжелый сон!..
Нет, мой восход не лучезарен —
Ничем я в детстве не пленен
И никому не благодарен.

- 110 Скорее к юности! Она
Всегда мила, всегда ясна...
Не бедняку! — Воображенье
К столице юношу манит,
Там слава, там простор, движенье,
И вот он в ней! Идет, глядит —
Как чудно город изукрашен!
Шпили его церквей и башен
Уходят в небо: пышны в нем
Театры, улицы, жилища
- 120 Счастливец мира — и кругом
Необозримые кладбища...

О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых,
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Пленный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвьи полночи безлунной,

130 В движеньи гордой суеты!

.....
Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится в невские струи;
Пусть, теща буйство удалое
И сея плевелы свои,
Толпы пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кишат. В стенах твоих
И есть и были в стары годы

140 Друзья парода и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам, — ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Всё так. Но если ненароком
В твои пределы загляну,
Купаясь в омуте глубоком,
Переживая старину,

- 150 Душа болит. Не в залах бальных,
Где торжествует суета,
В приютах пищеты печальных
Блуждает грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но редкий солнца луч... о нет!
Твой день большой, твой вечер мгlistый,
Туманный, медленный рассвет
Воображенью мне рисует...
Светает. Чу, как ветер дует!
- 160 Унять бы рады сорванца,
Но он смеется над столицей
И флагом гордого дворца
Играет, как простой тряпичей.
Нева волнуется, дома
Стоят, как крепости пустые;
Железным болтом запертые,
Угрюмы лавки, как тюрьма.
Их постепенно отворяют,
Товару в окна прибавляют, —
- 170 Так ставит с вечера капкан
Охотник на добычу падкий.
Вот солнце глянуло украдкой,
Но одолел его туман —
И снова мрак. Какие лица
Теперь приходится встречать!
Такую страшную печать
Умеет класть одна столица.
Проехал воз: ни рус, ни сед,
Чухонец им курносый правил
- 180 И ельника зеленый след
На мокрой улице оставил —
Покойник будет. Вот и он!
До пышных дожил похорон:
Четверкой дроги, гроб угрюмый
Стоит высоко под парчой,
Идет родня с печальной думой,
Поникнув молча головой;
Плетутся дряхлые кареты,
То там, то тут, полуодеты,
- 190 Из окон женщины глядят,

Прохожий крестится сурово...
Прошла процессия — и снова
Всё пусто. — Вот идет солдат
За фурой вроде погребальной —
Глядит оттуда глаз печальный,
И видно бледное лицо...
Довольно! что теперь ни встретишь,
На всем унынья след заметишь.
Но вот парадное крыльцо
260 В богатом доме отворяет
Какой-то рослый молодец, —
Теперь-то утро наступает!
Туман осилив наконец,
Одело солнце сетью чудной
Дворцы и храмы и мосты,
И нет следов заботы трудной
И недовольной нищеты!
Как будто появляться вредно
При полном водвореньи дня
210 Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,
Что ходит, голову склоня!
Теперь гляди на город шумный!
Теперь он пышен и богат —
Несется в толкотне безумной
Блестящих экипажей ряд,
Всё полно жизни и тревоги,
Все лица блещут и цветут,
И с похорон обратно дроги
220 Пустые весело бегут...

Ликует сердце молодое —
В восторге юноша. Постой!
Ты будешь говорить другое,
Родство постигнув роковое
Меж этим блеском и тобой!
Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как из машины винт негодный,
Быть может, брошен будешь ты?
230 Счастлив, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей верен был

И в жизни ни однажды бога
 В пустой груди не ощутил.
 Но если той тревоги смутной
 Не чуждо сердце — пропадешь!
 В глухую полночь, бесприютный,
 По стогнам города пойдешь:
 Громадный, стройный и суровый,
 Заснув под тучею свинцовой,
 240 Тогда предстанет он шым,
 И опоясанный гробами,
 Своими пышными дворцами,
 Величьем царственным своим —
 Не будет радовать. Невольно
 Припомнишь бедный городок,
 Где солнца каждому довольно.
 То правда: город не широк,
 Не длинен — лай судейской шавки
 В нем слышен вдоль и поперек.
 250 Домишки малы, пусты лавки,
 Собор, четыре кабака,
 Тюрьма, шлагбаум полосатый,
 Дом судный, госпиталь дощатый
 И площадь... площадь велика:
 Кругом не видно ей границы,
 И, слышно, осенью на ней
 Чудак, заезжий из столицы,
 Успешно щёт дупелей.
 Ну, всё, как надо, как известно,
 260 Над чем столичные давно
 Острыят то глупо, то умно.
 Зато покойно — и не тесно...
 Не жди особенных отрад:
 Что бог послал, тому будь рад,
 Глади в халате на дорогу:
 Вон гуси выступают в ногу
 С гусиной важностью... но вдруг —
 Смятенье, дикий крик, испуг!
 Три тройки насккали близко.
 270 Присев и крылья распустив,
 Одни бегут, другие низко
 Летят, а третьи, прискочив,
 Удрать не летом и не бегом

Снешат... и вот простор телегам —
 Рассыпались, куда кто мог!
 Так, гордый собственным значеньем,
 Своим неожиданным появленьем
 Детей пугает педагог;
 Так поэтические грезы
 280 Разносит дуновенье прозы...
 Но уж запели соловьи,
 Иди гулять — до сна недолго!
 Гляди, как тихо катит Волга
 Свои спокойные струи,
 Уснув в песчаной колыбели;
 Как, нагибаясь до земли,
 Таскают бурлаки кули,
 А воробьи уж налетели
 И, теребя мочалу, нос
 290 Просунуть селятся в овес.
 Куда ни взглянешь — птичье племя!
 Уснув под берегом реки,
 Чернеют утки, как комки,
 Но, видно, им покушать время:
 Проснулись — поплыли гурьбой,
 Кувырк! и ног утиных строй
 Стоит недвижно над водой.
 На всем лучи зари румяной.
 Как ожерелье, у воды
 300 Каких-то белых птиц ряды
 Сидят на отмели песчаной,
 И тут же сотни куликов
 Снуют с оглядкой вороватой;
 Все белобрюхи, без хохлов,
 А почему ж один хохлатый?
 Не долиняв, с весенних пор
 Сберег он пышную прибавку
 И ходит важно, как майор,
 С мундиром вышедший в отставку,
 310 Недостает счастливцу шпор!

 Не любишь птиц — гляди бездумно,
 Как приближается паром,
 Неторопливо и нешумно;
 А там, на берегу другом,

Под легким матовым туманом,
 Как будто войско тесным станом
 Расположилось на ночлег:
 Не перечесть коней, телег!
 Под каждым стогом-великаном
 320 Толпа... И слышны голоса,
 Стыдливый визг и хохот женский.
 Но потемнели небеса —
 Спи мирно, житель деревенский!
 Ты спишь сна... Идем домой,
 Закрыты ставни — всё спокойно.
 Что ж медлит месяц золотой?
 Темно. Ни холодно, ни знойно, —
 Так ровно-ровно дышит грудь,
 Но слышишь, что-то заскрипело!
 330 Калитку отворив чуть-чуть,
 Выходит девушка несмело.
 Она глядит по сторонам,
 Но вот увидела — и к нам
 Шаги проворно направляет.
 Ты улыбнулся, ты молчишь...
 Вдруг — «ах!» и быстро исчезает.
 Ошиблась, милая! Так мышь,
 С испугу пискнув, убегает,
 Заметив любопытный глаз.
 340 Пору любви, пору проказ,
 Чем нашу молодость помянем?
 Не побежать ли нам за ней?
 Не подстеречь ли у дверей?
 Нет, только даром мы устанем.
 Народ уснул — пора и нам.
 Одно досадно: по ночам,
 Должно быть переспав нещадно,
 Собака воев безотрадно —
 Весь город чьей-то смерти ждет,
 350 Толкует набожно и тихо.
 И ведь случается — возьмет
 Да и скончается купчиха,
 Перед которой глупый пес
 Три ночи выл, поднявши нос.
 Тогда попробуй разуверить.
 «Да как ты смеешь сам не верить?..»

Молчи — фанатики они!
Люби покой, природу, книгу
И независимость храни,
360 Не то среды поддайся игу
И лямку общую тяни.

Но есть и там свои могилы,
Но там бесплодно гибнут силы,
Там духота, бездумье, лень,
Там время тянется сонливо,
Как самодельная расшива
По тихой Волге в летний день.
Там только не грешно родиться
Или под старость умирать.
370 Куда ж итти? к чему стремиться?
Где силы юные пытаться?

Храни господь того, кто скажет:
«Простите, мирные поля!»
И бедный свой челнок привяжет
К корме большого корабля...

Кому судьба венц готовит,
Того вопрос: куда итти?
Не утрашит, не остановит;
Кого на жизненном пути
380 Любовь лелеет с колыбели,
Незримо направляя к цели, —
И тот находит путь прямой.
Но кто ни богом не отмечен,
Ни даже любящей рукой
Не охранен, не обеспечен,
Тот долго бродит как слепой:
Кипит, желает, тратит силы
И, поздним опытом богат,
Находит у дверей могилы
390 Невольных заблуждений ряд...
К чему бы жизнь ни вынуждала,
И даже разницы путем
Не зная меж добром и злом,
Я по теченью плыл сначала...
Лишь гордость иногда спасала...

Бог весть, куда бы прихоть воли
Прибила мой убогий челн:
Сбирались тучи, путь был труден,
А я упорен, безрассуден, —
400 Ждала тяжелая борьба.
Но вдруг распутала судьба
Загадку жизни несчастливой —
Я полюбил, дикарь ревнивый...

О ты, кого я с ужасом бежал,
Кому с любовью рвался я в объятия,
Кому чистосердечно расточал
Благословенья и проклятья, —
Тебя уж нет! На жизненной стезе
Оставив след загадочный и странный,
410 Являясь ангелом в грозе
И демоном у пристани желанной, —
Погибла ты... Ты сладить не могла
Ни с бурным сердцем, ни с судьбою
И, бездну вырыв подо мною,
Сама в ней первая легла...
Ругаясь буйно над кумиром,
Когда-то сердцу дорогим,
Я мог бы перед целым миром
Клеймом отметить роковым
420 Твой путь. Но за пределы гроба
Не перешла вражда моя,
Я понял: мы виновны оба...
Но тяжелей наказан я!
Года чредой определенной
Идут, но время надо мной
Остановилось: страж бессменный.
Среди той ночи роковой
Стою... ревниво закипаю,
И вдруг шаги... и голос твой...
430 И вопль — и с криком: «не прощаю!..»
Всё помню с ясностью такой,
Как будто каждый день свершаю
Убийство... Тот же, тот же сон
Уж двадцать лет: молящий стон,
Безумный крик, сверканье стали...
Прочь, утонувшие в крови,

Воспоминания любви!
Довольно сердце вы терзали.

Скорее в душную тюрьму!
440 Оттуда сердцу моему
Единый в жизни луч отрады
Мерцает... Так огонь лампы
До вечной сени гробовой
Горит над каждой головой...

2

Безлюдье, степь. Кругом всё бело,
И небеса над головой...
Еще отчаянье кипело
В душе, упившейся враждой,
И смерти лишь она алкала,
450 Когда преступная нога,
Звуча цепями, попирала
Недружелюбные снега
Страны пустынной, сиротливой...
Среди зверей я зверем стал,
Вином я совесть усыплял
И ум гасил...

В толпе строптивой
Меж нами был один: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорил он ничего,
460 Работал медленно и мало.
Кряхтя, копается весь день,
Как крот — мы так его и звали —
А толку нет: не то чтоб лень,
Да силы скоро изменяли.
Рука, не твердая в труде,
Как спицы ноги, детский голос
И словно лен пушистый волос
На голове и бороде.
Оброс он скоро волосами,
470 Питался черствым сухарем,
Но и под грубым армяком
Глядел неровней между нами.
Его дежурный понукал,

И было нам сначала любо
Смотреть, как губы он кусал,
Когда с ним обходились грубо;
Так удила кусает конь,
Когда седок его пришпорит.
В глазах покажется огонь,
480 Однако промолчит — не спорит!
Бывало, подойдем гурьбой,
Повалим, будто ненароком,
Кричим: «не хочешь ли домой?»
Он только поглядит с упреком
И покачает головой.
Не пьет, не балагурит с нами.
Но скоро час его настал...

Был вечер; скрежеща зубами,
Один из наших умирал.
490 Куда деваться в подземельи?
Кричим: «скорей! мешаешь спать!»
И стали в бешеном весельи
Его мы хором отпевать:
«Умри! нам всем одна дорога,
Другой не будет из тюрьмы!..»

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас бога!»
И песни не допели мы.
Глядим: добро б вошел начальник, —
Нет, просто выступил вперед
500 Наш белоручка, наш молчальник,
Смиранный копотливый Крот.
Корит, грозит! Дыханье трудно,
Лицо сурово, как гроза,
И как-то бешено и чудно
Блестят глубокие глаза.

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила —
Бог весть! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
510 Он нам ту бездну обнаружил,
Куда стремглав летели мы!

В заботе новой, в думах строгих
Мы совещались до утра,
Стараясь вразумить немногих,
Не внявших вестнику добра:
Душой погибнув невозвратно,
Они за нами не пошли
И обновиться благодатно
Уж не хотели, не могли.

520 В них сердце превратилось в камень,
Навек оледенела кровь...
Но в ком, как под золою пламень,
Таились совесть и любовь,
Тот жадно ждал беседы новой,
С душой, уверовать готовой...

Не вдруг мы поняли его,
Но он учить не тяготился —
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего!

530 Забыты буйные проказы,
Наступит вечер — тишина,
И стали нам его рассказы
Милей разгула и вина.
Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладал он тайной слова,
Доступного душе живой.

Не на коне, не за сохою, —
Провел он свой недолгий век
540 В труде ученья, но душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.

550 Она не знает середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины

Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

Его пленяло солнце юга —
Там море ласково шумит,
560 Но слаще северная вьюга
И больше сердцу говорит.
При слове «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет...
Наступит ли вечерний час —
Внимая бури вой жестокий,
«Теперь, — он говорил, — у нас,
На нашей родине далекой,
570 Еще тепло... Закат горит,
Над божьим храмом реют птицы,
Домой идут с работы жницы,
Въезжая на гору, скрипит
Снопамы полная телега;
Играя, колос из снопа
Хватает сытый конь с разбега
И ржет. За ним бредет толпа
Коровушек. Стемнело небо
И смолкли вдруг работы дня;
580 Ложится пахарь без огня,
И распростерли скирды хлеба
Свою хранительную тень
Вокруг уснувших деревень.
Всё тихо; разве без оглядки
Фельдъегерь пролетит селом
Или обратные лошадки,
Понуря голову, шажком
Пройдут: заснул ящик ленивый
Верхом на дремлющем коне,
590 Один бубенчик говорливый
Воркует сладко в тишине.
Да старый вяз в конце селенья
Шумит, столетний часовой;

Пред ним проходят поколения,
Меняясь быстрой чередой,
Он невредим: корысть, беспечность —
Его ничто не сокрушит,
Любовь народная хранит
Его святую долговечность.
600 Он укрывает в летний зной
Шатром детей деревни целой;
Бедняк-калека престарелый
Под ним ложится на покой;
Наш брат, звуча цепями, ссыльный,
Под ним сидит, обритель, пыльный,
И богомолоч молодых
Под тень ветвей его густых
Приводит давняя привычка...

Чу! тянут в небе журавли,
610 И крик их, словно перекличка
Хранящих сон родной земли
Господних часовых, несется
Над темным лесом, над селом,
Над полем, где табун пасется,
И песня грустная поется
Перед дымящимся костром...

Не ждут осенние работы,
Не долгодых мужиков —
Скрипят колодцы и ворота
620 При третьей песне петухов,
Дудит пастух свирелью звонкой,
Бежит по ниве чья-то тень:
То беглый рекрутчик сторонкой
Уходит в лес, послышав день.
Искал он, чем бы покормиться,
Ночь не послала ничего,
Придется, видно, воротиться,
А страшно!.. Что ловить его!
Хозяйка старших разбудила —
630 Блеснули в ригах огоньки
И застучали молотила.
Бог-помочь, братья мужики!»

Родные русские картины!
Заснул, и видел я во сне
Знакомый дом, леса, долины,
И братья сказывали мне,
Что сон их уносил с чужбины
К забытой, милой стороне.
Летишь мечтой к отчизне дальней,
640 И на душе светлей, теплей...

Чего не знал наш друг опальный?
Слыхали мы в тюрьме своей
И басни хитрые Крылова
И песни вещие Кольцова,
Узнали мы таких людей,
Перед которыми поздней
Слепой народ восторг почует,
Вздохнет — и совесть уврачует,
Воздвигнув пышный мавзолей.
650 Так иногда, узнав случайно,
Кто спас его когда-то тайно,
Бедняк, взволнованный, бежит.
Приходит, смотрит — вот жилище,
Но где ж хозяин? Всё молчит!
Идет бедняга на кладбище
И на могильные плиты
Бросает поздние цветы...

Но спит народ под тяжким игом,
Бойтся пуль, не внемлет книгам.
660 О Русь, когда ж проснешься ты,
И мир на месте беззаконных
Кумиров рабской слепоты
Увидит честные черты
Твоих героев безымянных?
О ней, о родине державной,
Он говорить не уставал:
То жребий ей пророчил славный,
То старину припоминал, —
Кто в древни веки ею правил,
670 Как люди в ней живали встарь,
Как обучил, вознес, прославил

Ее тот мудрый государь,
 Кому в царях никто не равен,
 Кто до скончанья мира славен
 И свят: Великого Петра
 Он звал отцом России новой,
 Он видел след руки Петровой
 В основе каждого добра.
 Сто вечеров до поздней ночи
 68) Он говорил нам про него —
 Никто сомкнуть не думал очи
 И не промолвил ничего.
 Он говорит, ему внимаем,
 И полны новых дум, тогда
 Свои оковы забываем
 И тяжесть черного труда.
 Встает во мраке подземелья
 Пред нами чудный лик Петра,
 И как монашеская келья
 69) Тиха преступников нора.
 Сносней наутро труд несносный,
 Таскаешь горы на плечах,
 Чтоб трудолюбец венценосный
 Сказал спасибо в небесах...
 Да! видит бог, в кровавом поте
 Омыли мы свою вину
 И не напрасно на работе
 Певали песенку одну:

ПЕСНЯ ПРЕСТУПНИКОВ

1

Дружней! работа есть лопатам,
 700 Недаром нас сюда ввели,
 Недаром бог насытил златом
 Утробу матери земли.

Трудись, покамест служат руки,
 Не сетуй, не ленись, не трусь,
 Спасибо скажут наши внуки,
 Когда разбогатеет Русь!

У ней, родимой, требы многи:
 Бедна по милости воров!
 В ней пышны барские чертоги,
 710 Но жалки избы мужиков.

Недостает у ней дохода
 В неурожай кормить крестьян,
 И нечем выкупить народа
 Царю у палачей дворян!..

3

Пускай бежит в упорном деле
 С нас пот ручьями, как вода,
 И мерзнет на клейменом теле,
 Когда почиет от труда.

Пускай томимся голодом, жаждой,
 720 Пусть дрогнем в холоде зимы,
 Ей пригодится камень каждый,
 Который добываем мы!

Ее сложил в часы недуга
 Наш тихий, вечно грустный Крот,
 И часто, поминая друга,
 В своем углу ее поет.
 Прощеный ссыльный. Здесь мы гости,
 Сюда вернулись мы не жить —
 С отцами рядом положить
 730 Трудом изломанные кости,
 Но рады, рады и тому!..

Начальство к нам добрее стало,
 Получше отвело тюрьму
 И хорошо аттестовало.
 Что будет с нами — до конца
 Тяжелой было нам загадкой,
 Но в умиленные сердца
 Прокрался луч надежды сладкой.
 Так, помню, солнышко украдкой

740 Глядит, бывало, поутру
И в нашу черную нору...

Но он надежде верил мало,
Едва бродя, едва дыша,
И только нас бодрить хватало
В нем сил... Великая душа!
Его страданья были горды,
Он их упорно подавлял,
Но иногда изнемогал
И плакал, плакал. Камни тверды,
750 Любой попробуй... но огня
Добудешь только из кремня.
Таков он был. Воспоминанья
Страшней не помню: знал и я
Изнеможение страданья, —
Но что была печаль моя?
К довольству суетному зависть,
Быть может, личная ненависть,
Тоска по женщине пустой,
С тряпичной, дюжинной душой,
760 Томленьё скуки, злость бессилья.
Я, говорят, был мелко зол
В моей тоске... Не так орел
Свои оплакивает крылья,
Которых мощь изведал он,
Которых царственная сила
Его под небо уносила...
Да! возвращаясь с похорон,
Недаром в голос мы сказали:
«Зачем его Кротом мы звали?»
770 И мертвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!»

О чем была его кручина?
Рыдал ли он рыданьем сына,
Давно отчаявшись обнять
Свою тоскующую мать,
И невеселая картина
Ему являлась: старый дом
Стоит в краю деревни бедной,
И голова старухи бледной

780 Видна седая под окном.
Вздыхает, молится, гадает
И смотрит, смотрит, и двойной
В окошко рамы не вставляет
Старуха позднею зимой.
А сколько, глядя на дорогу,
Уронит слез — известно богу!
Но нет! и бог их не считал,
А то бы радость ей послал!

Любовь ли бедного томила?
790 Что случилось с нею? Позабыла?
Или грустит... и далеко
Несется... мысленно заглянет
И содрогнется глубоко?
Где ей? в ней сердца не достанет!
Ах! чувство женское легко!
Они его хранят, лелеют,
Покуда радуется оно,
Но если тучи тяготеют,
И небо грозно и темно —
800 Его спасти им не дано!

Быть может, он душою верной
Припоминал былых друзей;
В кичливой гордости своей,
Быть может, враг высокомерный
Ему являлся в час ночной...
И с криком кинувшись, ногами,
Отягощенными цепями,
Топтал он призрак роковой?

Или изгладила чужбина
810 Всё то, чем молодость жила,
И только слезы гражданина
Душа живая сберегла?
Как знать! Пред ним мы дети были,
Ничем мы права не купили
Делить великую печаль;
Не все мы даже понимали,
За что его сюда заслали,
Но было трудно, было жаль.

Закоренелого невежду
820 Спроси, и тот отдать был рад
Свою последнюю надежду —
Под небо родины возврат —
За миг единый облегченья
Его тоски, его мученья.
Но только правосудный бог
Утешить мученика мог.
И скоро гробовые двери
Пред ним открылись, но не вдруг
Клейменных каторжников друг
830 Сошел в них: роковой потери
По капле яд глотали мы.
Почти два года, из тюрьмы
Не выходя, он разрушался.
Зачем? Известно небесам!
«Чтоб человек не баловался»,
Смеясь, говаривал он нам.
И день и ночь поочередно
Его мы ложе берегли,
Зимой окутывали плотно,
840 Весной на солнышко несли
(Был для того у нас устроен
Снаряд особенный): больной
Кивал тихонько головой
И как-то грозно был спокоен.
Не шевельнется целый день;
Тосклив и кроток беспредельно,
Молчит: так, раненный смертельно,
Глядит и смерти ждет олень...

И наконец пора пришла...
850 В день смерти с ложка он воспрянул,
И снова силу обрела
Немая грудь — и голос грянул!
Мечтаньем чудным окрылил
Его господь перед кончиной,
И он под небо воспарил
В красе и легкости орлиной.
Кричал он радостно: «вперед!»
И горд, и ясен, и доволен:
Ему мерещился народ

860 И звон московских колоколек;
Восторгом взор его сиял,
На площади, среди народа,
Ему казалось, он стоял
И говорил...

Прошло два года.
Настал святой, великий миг,
В скрижалях царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовест достиг.
Разверзлась роковая яма,
870 Как птицы, вольны вышли мы,
И не сговариваясь, прямо
Пришли гурьбою из тюрьмы
К одной могиле одинокой.
Стеснилась грудь тоской жестокой,
И каждый небо вопрошал:
«Зачем он жил, зачем страдал,
Зачем свободы не дождался?»
— *Чтоб человек не баловался!* —
Один сказал — и присмирел.
880 Переглянулись мы уныло,
И тихий ангел пролетел.
Лишь буря, не смолкая, выла
И небо хмурилось. Земли
Добыв лопатой привычной,
Мы помолчали — и пошли.
И жизнь пошла чредой обычной!..

Хотелось мне увидеть мать,
Но что пришлось бы ей сказать?
Кто подтолкнуть не устрашится
890 Утес, готовый обвалиться,
На плечи брата своего?
Кто скажет ей: «уж нет его!
Загородись двойною рамой,
Напрасно горниц не студи,
Простись с надеждою упрямой
И на дорогу не гляди!»
Пусть лучше, глядя на дорогу,
Отдаст с надеждою душу богу...

Но люди звери: кто-нибудь
900 Утес обрушит ей на грудь...

Кто знал его, забыть не может,
Тоска по нем язвит и гложет,
И часто мысль туда летит,
Где гордый мученик зарыт.
Пустыня белая; — над гробом
Неталый снег лежит сугробом,
То солнце тусклое блестит,
То туча черная висит,
Встают смерчи, режут бураны,
910 Седые стелются туманы,
Восходит день, ложится тьма,
Вороны каркают — и злятся,
Что до костей его добраться
Мешает вечная зима.

1 8 5 7

*

*

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

ТИШИНА

1

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
¹⁰ Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но тыдохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны ---
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
²⁰ И в умиленьи посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,

- И деревенек тишину,
 И нив широкие размеры...
 Храм божий на горе мелькнул
 И детски-чистым чувством веры
 Внезапно на душу пахнул.
- ³⁰ Нет отрицанья, нет сомненья,
 И шепчет голос неземной:
 Лови минуту умиленья,
 Войди с открытой головой!
 Как ни тепло чужое море,
 Как ни красна чужая даль,
 Не ей поправить наше горе,
 Размыкать русскую печаль!
 Храм воздыханья, храм печали —
 Убогий храм земли твоей:
- ⁴⁰ Тяжеле стонов не слыхали
 Ни римский Петр, ни Колизей!
 Сюда народ, тобой любимый,
 Своей тоски неодолимой
 Святое бремя приносил —
 И облегченный уходил!
 Войди! Христос наложит руки
 И снимет волею святой
 С души оковы, с сердца муки
 И язвы с совести больной...
- ⁵⁰ Я внял... я детски умилился...
 И долго я рыдал и бился
 О плиты старые челом,
 Чтобы простил, чтоб заступился,
 Чтоб осенил меня крестом
 Бог угнетенных, бог скорбящих,
 Бог поколений, предстоящих
 Пред этим скудным алтарем!

2

- Пора! За рожью колосистой
 Леса сплошные начались,
⁶⁰ И сосен аромат смолистый
 До нас доходит... «Берегнее!»
 Уступчив, добродушно смеясь,

Мужик торопится свернуть...
 Опять пустынно-тих и мирен
 Ты, русский путь, знакомый путь!
 Прибитая к земле слезами
 Рекрутских жен и матерей,
 Пыль не стоит уже столбами
 Над бедной родиной моей.

70 Опять ты сердцу посылаешь
 Успокоительные сны,
 И вряд ли сам припоминаешь,
 Каков ты был во дни войны, —
 Когда над Русью безмятежной
 Восстал немолчный скрип тележный,
 Печальный, как народный стон!
 Русь поднялась со всех сторон,
 Всё, что имела, отдавала
 И на защиту высылала

80 Со всех проселочных путей
 Своих покорных сыновей.
 Войска водили офицеры,
 Гремел походный барабан,
 Скакали бешено курьеры;
 За караваном караван
 Тянулся к месту ярой битвы —
 Свозили хлеб, сгоняли скот.
 Проклятья, стоны и молитвы
 Носились в воздухе... Народ

90 Смотрел довольными глазами
 На фуры с пленными врагами,
 Откуда рыжих англичан,
 Французов с красными ногами
 И чалмоносных мусульман
 Глядели сумрачные лица...
 И всё минуло... всё молчит...
 Так мирных лебедей станица,
 Внезапно спугнута, летит,
 И с криком обогнув равнину

100 Пустынных, молчаливых вод,
 Садится дружно на средину
 И осторожнее плывет...

Свершилось! Мертвые отпеты,
 Живые прекратили плач,
 Окровавленные ланцеты
 Отчистил утомленный врач.
 Военный поп, сложив ладони,
 Творит молитву небесам.
 И севастопольские кони

¹¹⁰ Пасутся мирно... Слава вам!
 Вы были там, где смерть летает,
 Вы были в сечах роковых
 И, как вдовец жену меняет,
 Меняли всадников лихих.

Война молчит — и жертв не просит,
 Народ, стекаясь к алтарям,
 Хвалу усердную возносит
 Смирившим громы небесам.

Народ-герой! в борьбе суровой
¹²⁰ Ты не шатнулся до конца,
 Светлее твой венец терновый
 Победоносного венца!

Молчит и *он*... как труп безглавый,
 Еще в крови, еще дымясь;
 Не небеса, ожесточась,
 Его снесли огнем и лавой:
 Твердыня, избранная славой,
 Земному грому поддалась!

Три царства перед ней стояло,
¹³⁰ Перед одной... таких громов
 Еще и небо не метало
 С нерукотворных облаков!
 В ней воздух кровью напоили,
 Изрешетили каждый дом
 И, вместо камня, намостили
 Ее свинцом и чугуном.

Там по чугунному помосту
 И море под стеной течет.
 Носили там людей к погосту,
¹⁴⁰ Как мертвых пчел, теряя счет...

Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня,
Могилы... Люди в той стране
Еще не верят тишине,
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина,
150 Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет
И думу думает она.

4

А тройка всё летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
160 Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
170 Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листьями!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревияжских душ

- 180 И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
- 190 Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай — не споря...

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

1

Беспокойная ласковость взгляда
И поддельная краска ланит,
И убогая роскошь наряда —
Всё не в пользу ее говорит.
Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее да расспросим:
«Как дошла ты до жизни такой?»

- Не длинен и не нов рассказ:
10 Отец ее, подьячий бедный,
Таскался писарем в Приказ,
Имел порок дурной и вредный —
Запоем пил — и был буян,
Когда домой являлся пьян.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведет,
Уложит наскоро в кроватку
И двери поплотней припрет.
Но бедной девочке не спится!
20 Ей чудится: отец бранится,
Мать плачет. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучит в ней сердце... где тут спать?
Раздвинув завесы цветные,
Глядит на двери запертые,
Откуда слышится содом,
Не шевелится и не дремлет.
Так птичка в бурю под кустом
Сидит — и чутко буре внемлет.

30 Но как ни буюен был отец,
Угомонился наконец,
И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по муже,
А девочку взяла «Мадам»
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила...
.
.

2

40 «Впрочем, что ж мы? нас могут заметить
Рядом с ней?!» И отхлынули прочь...
Нет! тебе состраданья не встретить,
Нищеты и несчастья дочь!
Свет тебя предаёт поруганью
И охотно прощает другой,
Что торгует собой по призванью,
Без нужды, без борьбы роковой;
Что, поднявшись с позорного ложа,
Разоденется, щеки притрет
50 И летит, соблазнительно лежа
В щегольском экипаже, в народ —
В эту улицу роскоши, моды,
Офицеров, лореток и бар,
Где с полу-государства доходы
Поглощает заморский товар.
Говорят, в этой улице милой
Всё, что модного выдумал свет,
Совместилось волшебною силой,
Ничего только русского нет —
60 Разве Ванька проедет унылый.
Днем и ночью на ней маскарад,
Ей недаром гордится столица.
На французский, на английский лад
Исковеркав нерусские лица,
Там гуляют они, пустоты вековой
И наследственной праздности дети,
Разодетой, довольной толпой...
Ну, кому же расставишь ты сети?

Вышла ты из коляски своей
70 И на ленте ведешь собачонку;
Стая модных и глупых людей
Провожает тебя вперегонку.
У прекрасного пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной.
В самом деле, жена бедняка,
Позавидуй! эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
80 «Продается с публичного торга!»
Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
Ты ребенком попала в Париж,
Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать
И явилась в наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
90 В этот избранный мир с аттестатом.
Красотой нас нельзя победить,
Удивить невозможно развратом.
Нам известность, нам мода нужна.
Ты красивей была и моложе,
Но, увы! неизвестна, бедна
И нуждалась сначала... О боже!
Твой рассказ о купце разрывал
Нам сердца: по натуре бурлацкой,
Он то ноги твои целовал,
100 То хлестал тебя плетью казацкой.
Но, по счастью, этот дикарь,
Слабоватый умом и сердечком,
Принялся за французский букварь,
Чтоб с тобой обменяться словечком.
Этим временем ты завела
Рысаков, экипажи, наряды,
И прославилась — в моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дело, что вся дочиста

- 110 Предалась ты постыдной продаже,
Что поддельна твоя красота,
Как гербы на твоём экипаже,
Что глупа ты, жадна и пуста —
Ничего! знатоки вашей нации
Порешили разумным судом,
Что цинизм твой доходит до грации,
Что геройство в бесстыдстве твоём!
Ты у бога детей не просила,
Но ты женщина тоже была,
- 120 Ты со скрежетом сына носила
И с проклятьем его родила;
Он подрос — ты его нарядила
И на Невский с собой повезла.
Ничего! Появление малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милые шутки,
Дав богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардия наша
(Да и было чему, не шутя),
- 130 Что ко всякому с словом «папаша»
Обращалось наивно дитя...

И не кинул никто, негодуя,
Комом грязи в бесстыдную мать!
Чувством матери нагло торгуя,
Пуще стала она обирать.
Бледны, полны тупых сожалений,
Потерявшие шик молодцы, —
Вон по Невскому бродят как тени
Разоренные ею глупцы!

- 140 И пример никому не наука,
Разорит она сотни других:
Тупоумие, праздность и скука
За нее... Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

1 8 5 8

* * *

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

- Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
- ¹⁰ Осаждают убогие лица:
Прожекторы, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
- ²⁰ Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
- ³⁰ Из каких-нибудь дальних губерний).

Кто-то крикнул швейцару: «гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его бог!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
40 С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
50 А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
60 И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя

70 Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронную тризною.
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокою для мелких людей?

80 Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!

90 Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,

100 Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Вьдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бичевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной

110 Переполнилась наша земля —

Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню подобную стону
И духовно навеки почил?..

ПЕСНИ ЕРЕМУШКЕ

«Стой, ямщик! жара неносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоянного
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку,
¹⁰ Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
²⁰ В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодницами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»

Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя!

«На, родной! да ты откудова?»
30 — Я проезжий, городской. —
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
«Баю-баюшки баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
40 Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новуж
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
50 Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возледей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
60 Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
70 С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
80 Снова песенку свою...

* * *

(Отрывок)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
¹⁰ Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

Н. Ф. КРУЗЕ

В печальной стороне, где родились мы с вами,
Где всё разумное придавлено тисками,
Где всё безмозглое отмечено звездами,
Где силен лишь обман, —
В стране бесправия, невежества и дичи —
Не часто говорить приходится нам спичи
В честь доблестных граждан.

Прими простой привет, боец неустрашимый!
Луч света трепетный, сомнительный, чуть зримый,
¹⁰ Внезапно вспыхнувший над родиной любимой,
Ты не дал погасить, — ты объявил войну
Слугам не родины, а царского семейства,
Науку мудрую придворного лакейства
Изведавших одну.

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова:
Наука, истина, отечество, свобода,
Гражданские права.
Вступила родина на новую дорогу.
²⁰ Господь! ее храни и укрепляй.
Отдай нам труд, борьбу, тревогу,
Ей счастье отдай.

О ПОГОДЕ

Часть первая

УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Лажейская песня.

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда —
Понемногу сбывает вода.

Начинается день безобразный —
¹⁰ Мутный, ветреный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!

Злость берет, сокрушает хандра,
Так и просятся слезы из глаз.
Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушел — и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост

- 20 Чей-то вохрой окрашенный гроб
Через длинный Исакиев мост.
Перед гробом не шли ни родные, ни поп,
Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град, да извозчик палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
30 С офицером, кричавшим: «пошел!» проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!

- Натерпелся ты горя живой,
Да пришлось терпеть и по смерти...
То случился проклятый пожар,
То теперь насккали вдруг — черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся, — забыли о нем, —
Я схватилась: побились не мало,
40 Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова...
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова

- Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
«Вишь проклятые! Ехать им тесно!»
50 — Кто он был? — я старуху спросил.
«Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался:
В наводнение жену потерял,
Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,

- А по праздникам ноги мозолил —
60 Всё начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем — простудился!
Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поспешил.
«Так один, говорит, и умру,
Не дождусь... кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!»
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
Подари — говорю — сапоги,
А то вишь разошелся дождище!
70 Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?
Закивал головой...» — Ну, и что ж? —
«Ну и умер — и больше ни слова:
Надо места искать у другого!»
— И тебе его будто не жаль? —
«Что жалеть! нам жалеть не досужно,
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времечко!.. господи боже!
80 Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже.
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи. ..»

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в церковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,
Было тесно — и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
90 Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «нет, такого не знаю;
А, пожалуй, приметку скажу,

Как искать: ты ищи его с краю,
100 Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты — там мещане,
Офицеры, простые дворяне;
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

За совет я спасибо сказал,
Но могилы в тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
110 И покойника с ней хоронил.
День, попрежнему, гнил и не светел,
Вместо града, дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным,
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Всё мертво — только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
120 Это сторож. «Скорее!» — кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец, вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался, сердечный, отрады!
130 Что б уж, кажется, с мертвого взять?»
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»
Я взглянул на нее — и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немым ей поклоном ответил
И ушел... Я доволен собой,

А. А. БУТКЕВИЧ, СЕСТРА П. А. НЕКРАСОВА.

С фотографии 1869 г.

140 Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал — и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

II ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру — холеру — холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
10 В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену, —
Полицейский, не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильнее, — видно, треснули вновь...
Стали греться — догрелись до драки
20 Два калашника... хохот — и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» — погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!

Ноги как-то расставив широко,
30 Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
40 Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился — и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа, —
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
50 Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась — и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
60 Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный Росс!
Жаль, что нынче погода дурная,

Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
70 Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжело и глухо
Подвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих,
80 Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно-зевающих
Счету нет!
Тут кварталный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечною стекляницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая —
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
90 Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка, — раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.
Тут бедняк итальянец с фигурами,
100 Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.
— Что, старинушка, много ходьбы? —
«Много было до сорок девятого;
Отдохнули потом... да опять
С пятьдесят этак прорвало с пятого,
Успевай только ноги таскать!»

- А какие ты носишь издания? —
 «Пропасть их — перечеть мудрено.
 Я Записки носил с основания,
 110 С Современником няньчусь давно:
 То носил к Александру Сергеичу,
 А теперь уж тринадцатый год
 Всё ношу к Николай Алексеичу, —
 На Литейной живет.
- Слог хорош, а жиденько издание,
 Так, оберточкой больше берут.
 Вот Записки — одно уж название!
 Но и эти, случается, врут.
 Всё зарезать друг дружку стараются.
- 120 Впрочем, нас же надуть норовят:
 В месяц тридцать листов обещаются,
 А рассылный таскай шестьдесят!
 Знай ходи — то в Коломну, то к Невскому,
 Даже Фрейганг устанет марать:
 «Объяви, говорит, ты Краевскому,
 Что я больше не стану читать!..»
 Вот и нынче несу что-то спешное —
 Да пускай подождут, не впервой.
 Эх, умаялось тело-то грешное!..»
- 130 — Да, пора бы тебе на покой. —
 «То-то нет! говорили мне многие,
 Даже доктор (в тридцатом году
 Я носил к нему Курс Патологии):
Жить тебе, пока ты на ходу!
 И ведь точно: сильней нездоровится,
 Коли в праздник ходьба остановится:
 Ноет спинушка, жилы ведет!
 Я хожу уж полвека без малого,
 Человека такого усталого
- 140 Не деряки — пусть идет!
 Умереть бы привел бог со славою,
 Отдохнуть отдохнем, потрудясь...»
 Принял позу старик величавую,
 На Исакия смотрит, крестясь.
 Мне понравилась речь эта странная.
 — Трудно дело твое! — я сказал.
 «Дела нет, а ходьба беспрестанная,
 Зато город я славно узнал!

- Знаю, сколько в нем храмов считается,
150 В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица».
— Ну, а много видал сочинителей?—
«День считай — не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коих помню — пожалуй, скажу.
- 160 При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском¹ сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу —
Тот частенько на водку давал.
- 170 Да зато попрекал все цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурую:
Убирайся мол ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
— Это кровь, говорит, проливается, —
Кровь моя — ты дурак!..»

5

- Полно ждаты! за последней колонною
Отсталые прошли,
180 И покрытого красной попоною
В заключение коня провели.
Торжествуя конец ожидания,
Кучера завопили: «пади!»

¹ Дворец, где долго жил Жуковский.

Всё спешит. — Ну, старик, до свиданья,
Коли нужно идти, так иди!!!

6

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепешками крупными валится!
190 Город начал пустеть — и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной статуи Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней
И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей.
Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей не жалей,
Перемелется — дело привычное!
200 Злость-тоску мужики на лошадаках сорвут,
Коли денежки есть — раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренку уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет —
И без меры возьмет — что останется!

III

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
Но и солнца не видел никто.
Без его даровых, благодатных лучей
Золоченые куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы — ничто.
Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
10 (Что хотят ускакать из столицы стремглав) —
Надо всем распростерся туман.

Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

- Наша улица улиц столичных краса,
В ней дома всё в четыре этажа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
- 20 Покрывают громадные стены,
Сколько хочешь тут немцев найдешь —
Из Берлина, из Риги, из Вены.
Всё соблазны, помилуй нас бог!
Там перчатка с руки великана,
Там торчит Веллингтонов сапог,
Там с открытою грудью Диана,
Даже ты, Варсонофий Петров,
Подле вывески «делают гробы»
Прицепил полужёные скобы
- 30 И другие снаряды гробов,
Словно хочешь сказать: «друг-прохожий!
Соблазنىсь — и умри поскорей!»
Человек ты, я знаю, хороший,
Да многонько родил ты детей —
Непрестанные нужны заказы...
Ничего! обеспечен твой труд,
Бедность гибельней всякой заразы —
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней то и знай на кладбища,
- 40 Как в холеру, тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища —
Не робей, Варсонофий Петров!..

- В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают, ни свет ни заря,
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
- 50 И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,

Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных:
Всё сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.
69 Давка, говор... (о чем голоса?
Всё о деньгах, о нужде, о хлебе).
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,
Но не жалко ли бедных детей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
70 Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум, —
Там шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.
Солнце, воздух, цветов аромат —
Это всех поколений наследство,
За пределами душевных оград
Проведете вы сладкое детство.
80 Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш... но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,
Задают ли тебе потасовку —
Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
90 В модной книге — угрюмый, худой,
Обесмысленный дикой корыстью,

Страхом, голодом, мелкой борьбой.
Мы довольно похвал расточали
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
400 Так и хочешь сказать: «друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

ПАПАША

Я давно замечал этот sereneкий дом,
В нем живут две почтенные дамы,
Тишина в нем глубокая днем,
Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда
Здесь движенье веселое слышно:
Приезжают сюда господа
И девицы, одетые пышно.
Вот и нынче карета стоит,
¹⁰ В ней какой-то мужчина сидит;
Свищет он, поджидая кого-то,
Да на окна глядит иногда.
Наконец, отворились ворота
И, нарядна, мила, молода,
Вышла женщина...

«Здравствуй, Наташа!
Я уже думал — не будет конца!»
— Вот тебе деньги, папаша!
Девушка села, целует отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета,
²⁰ И постепенно затих ее шум.
«Вот тебе деньги!» Я думал: что ж это?
Дикая мысль поразила мой ум.
Мысль эта сердце мучительно сжала.
Прочь, ненавистная, прочь!
Что же, однако, меня испугало?
Мать, продающая дочь,
Не ужасает нас... так почему же?..

Нет, не поверю я!.. изверг, злодей!
 Хуже убийства, предательства хуже...
 30 Хуже-то хуже, да легче, верней
 Да и понятней. В наш век утонченный
 Изверги водятся только в лесах.
 Это не изверг, а фат современный —
 Фат устарелый, без места, в долгах.
 Что ж ему делать? Другого закона,
 Кроме дендизма, он в жизни не знал,
 Жил человеком хорошего тона
 И умереть им желал.
 Поздно привык он ложиться,
 40 Поздно привык он вставать,
 Кушая кофе, помадиться, бриться,
 Ногти точить и усы завивать;
 Час или два перед тонким обедом
 Невский проспект шлифовать.
 Смолоду был он лихим сердцеедом:
 Долго ли денег достать?
 С шиком оделся, приставил лорнетку
 К левому глазу, прищурил другой,
 Мигом пленил пожилую кокетку,
 50 И полилось ему счастье рекой.
 Сладки трофеи нетрудной победы —
 Кровные лошади, повар француз...
 Боже! какие давал он обеды —
 Роскошь, изящество, вкус!
 Подлая сволочь глотала их жадно.
 Подлая сволочь?.. о, нет!
 Всё, что богато, чиновно, парадно,
 Кушало с чувством и с толком обед.
 Мы за здоровье хозяина пили,
 60 Мы целовались с ним,
 Правда, что слухи до нас доходили...
 Что нам до слухов — и верить ли им?
 Старый газетчик, в порыве усердия,
 Так отзывался о нем:
 «Друг справедливости! жрец милосердия!» —
 То вдруг обляял потом, —
 Верь, чему хочешь! Мы в нем не заметили
 Подлости явной: в игре он платил.
 Муза! воспой же его добродетели!

- 70 Вспомни, он набожен был;
 Вспомни, он руку свою тароватую
 Вечно раскрытой держал,
 Даже Жуковскому что-то на статую
 По доброте своей дал!
 Счастье, однако, на свете непрочно —
 Хуже да хуже с годами дела.
 Сил ему много отпущено, точно,
 Да красота изменять начала.
 Он уж купил три таинственных банки:
- 80 Это — для губ, для лица и бровей,
 Учетверил благородство осанки
 И величавость походки своей;
 Ходит по Невскому с палкой, с лорнетом
 Сорокалетний герой.
 Ходит зимою, весною и летом,
 Ходит и думает: «Чорт же с тобой,
 Город проклятый! Я строен, как тополь,
 Счастье найду по другим городам!»
 И, рассердясь, покидает Петрополь...
- 90 Может быть, ведомо вам,
 Что за границей местами есть воды,
 Где собирается множество дам —
 Милых поклонниц свободы,
 Дам и отчасти девиц,
 Ежели дам, то в замужестве несчастных;
 Разного возраста лиц,
 Но одинаково страстных, —
 Словом, таких, у которых талант
 Жалкою славой прославиться в свете
- 100 . И за которых Жорж Санд
 Перед мыслителем русским в ответе.
 Что привлекает их в город такой,
 Славный не столько водами,
 Сколько азартной игрой
 И... но вы знаете сами...
 Трудно решить. Говорят,
 Годы терпенья и плена,
 Тяжких обид и досад
 Вдруг выкупает измена;
- 110 Ежели так, то целительность вод
 Не подлежит никакому сомнению.

Бурно их жизнь там идет,
Вся отдана наслажденью,
Оригинален наряд, —
Дома одеты, а в люди
Полураздеться спешат:
Голые спины и голые груди!
(Впрочем, не к каждой из дам
Эти идут укоризны:
120 Так, например, только лечатся там
Скромные дочери нашей отчизны...)

Наш благородный герой
Там свои сети раскинул,
Там он блистал еще годик-другой,
Но и отудова сгинул.
Лет через восемь потом
Он воротился в Петрополь,
Всё еще строен, как тополь,
Но уже несколько хром,
130 То есть, не хром, а немножко
Стала шалить его левая ножка —
Вовсе не гнулась! Шагал
Ею он словно поленом,
То вдруг внезапно болтал
В воздухе правым коленом.
Белый платочек в руке,
Грусть на челе горделивом,
Волосы с бурым отливом —
И ни кровинки в щеке!

140 Плохо!..
А вкусы так пошлы и грубы,
Дай им красавчика, кровь с молоком...
Волк, у которого выпали зубы,
Бешено взвыл; огляделся кругом
Да и решился... Трудами питаться
Нет ни уменья, ни сил,
В бедности гнусной открыто признаться
Перед друзьями, которых кормил,
И удалиться с роскошного пира —
Нет! добровольно герой
150 Санктпетербургского модного мира
Не достигает развязки такой.

Молод — так дело женитьбой поправит,
Стар — так игорный притон заведет,
Вексель фальшивый составит,
В легкую службу пойдет...
Славная служба! Наш старый красавец
Чуть не пошел было этой тропой,
Да не годился... Вот этот мерзавец!
Под руку с дочерью! Весь завитой,
¹⁶⁰ Кольца, лорнетка, цепочка вдоль груди...
Плюньте в лицо ему, честные люди!
Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджог, за покражу —
Это отец, развращающий дочь
И выводящий ее на продажу!..
«Знаем мы, знаем — да дела нам нет!
Очень горяч ты, любезный поэт!»

Музыка вроде шарманки
Однообразно гудит,
¹⁷⁰ Сонно поют испитые цыганки,
Глупый цыган каблуками стучит.
Около русой Наташи
Пять молодых усачей
Пьют за здоровье папаши.
Кажется, весело ей:
Смотрит спокойно, наивно смеется.
Пусть же смеется всегда!
Пусть никогда не проснется!
Если ж проснется, что будет тогда?
¹⁸⁰ Нож ли ухватит, застонет ли таяко
И упадет без дыханья, бедняжка,
Сломлена ужасом, горем, стыдом?
Кто ее знает! Не дай только боже
Быть никому в ее коже, —
Звать обнищалога фата отцом!

1 8 6 0

* * *

Что ты, сердце мое, расхотелось?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла — прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словцом.

* * *

. одинокий, потерянный,
Я как в пустыне стою,
Гордо не кличет мой голос уверенный
Душу родную мою.

Нет ее в мире. Те дни миновались,
Как на призывы мои
Чуткие сердцем друзья отзывались,
Слышалось слово любви.

Кто виноват — у судьбы не доспросишься,
¹⁰ Да и не всё ли равно?
У моря бродишь: «не верю, не бросишься! —
Вкрадчиво шепчет оно: —

Где тебе? Дружбы, любви и участия
Ты еще жаждешь и ждешь.
Где тебе, где тебе! — ты не без счастья,
Ты не без ласки живешь...

Видишь, рассеялась туча туманная,
Звездочки вышли, горят?
Все на тебя, голова бесталанная,
²⁰ Ласковым взором глядят».

ЗНАХАРКА

Знахарка в нашем живет околодке:
На воду шепчет; на гуще, на водке

Да на каких-то гадает травах.
Просто наводит, проклятая, страх!

Радостей мало — пророчит всё горе;
Вздумал бы плакать — наплакал бы море,

Да — господь милостив! русский народ
Плакать не любит, а больше поет.

Молвила ведьма горластому парню:
¹⁰ «Эй! угодишь ты на барскую псарню!»

И — поглядят — через месяц всего
По лесу парень орет: «го-го-го!»

Дяде Степану сказала: «Кичишься
Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

Либо своей голове пропадать!»
Стали Степана рекрутством пугать:

Вывел коня на базар — откупился!
Весь околодок колдунье дивился.

«Сем-ка! и я понаведаюсь к ней! —
²⁰ Думает старый мужик Пантелей: —

Что ни предскажет кому: разоренье,
Убыль в семействе, глядишь — исполнишь!

Чорт у ней, что ли, в дрожках-то сидит?..»
Вот и пришел Пантелей — и стоит,

Ждет: у колдуньи была уж девица,
Любо взглянуть — молода, полнолица.

Рядом с ней парень — дворовый, кажись.
Знахарка девке: «Ты с ним не вяжись!

Будет твоя особливая доля:

³⁰ Малые слезы — и вечная воля!»

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:
«Счастью не быть, молодец, твоему.

Всё говорить?» — Говори! — «Ты зимою
Высечен будешь, дойдешь до запою,

Будешь небритый валяться в избе,
Чортики прыгать учнут по тебе,

Станут глумиться, тянуть в преисподню;
Ты в пузырьречек наловишь их сотню,

Станешь его затыкать...» Пантелей

⁴⁰ Шапку в охапку — и вон из дверей.

«Что же, старик? Погоди — погадаю!» —
Ведьма ему. Пантелей: «Не желаю!

Что нам гадать? Малолетков морочь,
Я погожу пока, чортова дочь!

Ты нам тогда предскажи нашу долю,
Как от господ отойдем мы на волю!»

НА ВОЛГЕ

(*Детство Валезникова*)

1

.

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.

Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.

Я вспомнил молодость мою

¹⁰ И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой — богаче: в нем
Авось побольше подадут.

И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник плут
Не наделил его ничем.

Вот дом еще пышней, но там

²⁰ Чуть не прогнали по шеем!
И, как нарочно, всё село
Прошел — нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.

Тогда вернулся он назад
К убогой хижине — и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий лес,
Подальше от людей унес

И гложет... Рано пренебрег
³⁰ Я тем, что было под рукой,

И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей,
И той же песенкою полн
40 Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.
Нет, — говорил я жизни той: —
Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, недостало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
50 Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе.
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
60 Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

70 Я рос, как многие, в глуши,
 У берегов большой реки,
 Где лишь кричали кулики,
 Шумели глухо камыши,
 Рядами стаи белых птиц,
 Как изваяния гробниц,
 Сидели важно на песке;
 Виднелись горы вдалеке,
 И синий бесконечный лес
 Скрывал ту сторону небес,
 80 Куда, дневной окончив путь,
 Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
 Считал я братьями людей,
 И даже скоро перестал
 Бояться леших и чертей.
 Однажды няня говорит:
 «Не бегай ночью — волк сидит
 За нашей ригой, а в саду
 Гуляют черти на пруду!»
 90 И в ту же ночь пошел я в сад.
 Не то, чтоб я чертям был рад,
 А так — хотелось видеть их.
 Иду. Ночная тишина
 Какой-то зоркостью полна,
 Как будто с умыслом притих
 Весь божий мир — и наблюдал,
 Что дерзкий мальчик затевал!
 И как-то не шагалось мне
 В всезрящей этой тишине.
 100 Не воротиться ли домой?
 А то как черти нападут
 И потащат с собою в пруд,
 И жить заставят под водой?
 Однако я не шел назад.
 Играет месяц над прудом,
 И отражается на нем
 Береговых деревьев ряд.

Я постоял на берегу,
Послушал — черти ни гу-гу!
110 Я пруд три раза обошел,
Но чорт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
120 Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
130 Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет,
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
140 Всё тот же виден монастырь
На острове, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водою,
150 Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
160 И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо
Вот догоню!..» Догнал, поймал, —
И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
170 Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
180 Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит

По темноголубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
190 Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удадь раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
200 С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
210 Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
— Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал: — Когда б попасть
Хоть на Илью... — «Авось придем, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил: — Эх напасть!
Когда бы зажило плечо,
220 Тянул бы ляжку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...»
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!

Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
230 Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
240 «Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
250 Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
260 Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмел!

Но если вы — наивный бред,
Обеты юношеских лет,

Зачем же вам забвенья пет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
270 Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поешь,
Всё ту же ляжку ты несешь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
280 Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.
Так заматывается песком
290 Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом: «ой»!
И в такт мотая головой...

НА ПСАРНЕ

Ты, старина, здесь живешь, как в аду,
Воля придет — чай, бежишь без оглядки?
— Нашто мне воля? куда я пойду?
Нету ни батьки, ни матки,
Нету никем никого,
Хлеб добывать не умею,
Только и знаю кричать: «го-го-го!»
Горе косому злодею!..»

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
¹⁰ Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка,
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
²⁰ Мысли свежи, выносиливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запеваст...

- Я советую гнать ее прочь —
30 Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят среди полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
40 И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что как иней к земле прилегли, ---
Всё отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвою;
Чудны красок его переливы
50 Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
60 Величавое войско стогов, —
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
70 Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму.
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

- ⁸⁰ В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне.
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
- ⁹⁰ Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околке больной,
- ¹⁰⁰ Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведряном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.

- ¹¹⁰ С колокольни старик возвратился,

Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен — всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
¹²⁰ Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидеть я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
¹³⁰ Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

¹⁴⁰ Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
¹⁵⁰ Смыли жаркой слезою страдания

Все позорные пятна мои!
Чтоб ты силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
160 Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебнo светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
170 Изреки только слово прощенья,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клеветут язвительней.
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
180 Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
190 Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.

Из стихотворения «Рыцарь на час»

В. Ому ноль и концы въ рядостяхъ
На мигъ галлея,
Ты в нѣмъ моя душа мѣня...

В. Ому ноль со стѣною со сна
Ты не удержишь нѣмъ нѣмъ
И нѣмъ нѣмъ, нѣмъ нѣмъ
И нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ,
И нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ
И нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ

Дѣл, менѣе и. и. нѣмъ нѣмъ нѣмъ
Огнѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ
И нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ
Дѣл, менѣе и. и. нѣмъ нѣмъ нѣмъ

Отрывок из стихотворения
«Рыцарь на час», записанный Н. А. Некрасовым
в альбом Л. П. Шелгуновой.

От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билось,
Что умел он любить...
200

(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Всё в душе угнетенной мой
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
210 И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролсь,
Всё луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись — о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
220 Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

Вот и Качалов лесок,
Вот и пригорок последний.
Как-то шумлив и легок
Дождь начинается летний,
И по дороге моей,
Светлые, словно из стали,
Тысячи мелких гвоздей
Шляпками вниз поскакали —
Скучная пыль улеглась...
¹⁰ Благодарение богу,
Я совершил еще раз
Милую эту дорогу.
Вот уж запасный амбар,
Вот уж и риги... как сладок
Теплого колоса пар!
— Останови же лошадок!
Видишь: из каждых ворот
Спешно идет обыватель.
Всё-то знакомый народ,
²⁰ Что ни мужик, то приятель.

— Здравствуйте, братцы! — «Гляди,
Крестничек твой-то Ванюшка!»
— Вижу, кума! погоди,
Есть мальчугану игрушка.
«Здравствуй, как жил-поживал?
Не понапрасну мы ждали,
Ты таки слово сдержал.
Выводки крупные стали;
Так уж мы их берегли,

- 30 Сами ни штуки не били.
Будет охота — пали!
Только бы ноги служили.
Вишь ты лядаций какой,
Мы не таким отпускали:
Словно тебя там сквозь строй
В зиму-то трижды прогнали.
Право, сердечный, чуть жив;
Али неладно живется?»
— Сердцем я больно строптив,
- 40 Попусту глупое рвется.
Ну, да поправлюсь у вас.
Что у вас нового, братцы?

«Умер третьёводни Влас
И отказал тебе святцы». —
Царство небесное! Что,
Было ему уж до сотни? —
«Было и с хвостиком сто.
Чудны дела-то господни!
Не понапрасну продлил
50 Эдак-то жизнь человека:
Сто лет подушны платил,
Барщину правил полвека!»

— Как урожай? — «Ничего.
Горе другое: покрали
Много леску твоего.
Мы станowego уж звали.
Шут и дурак наголо!
Слово-то молвит, скотина,
Словно как дунет в дулю,
60 Несообразный детина!
— Стан мой велик, говорит,
С хвостиком двадцать пять тысяч,
Где тут судить, говорит,
Всех не успеешь и высечь! —
С тем и уехал домой,
Так, ничего не поделав:
Нужен-ста тут межевой
Да епутат от уделов!

- В Ботове валится скот,
70 А у солдатки Аксиньи
Девочку — было ей с год —
Съели проклятые свиньи;
В Шахове свекру сноха
Вилами бок просадила —
Было за что... Пастуха
Громом во стаде убило.
Ну уж и буря была!
Как еще мы уцелели!
Колокола-то, колокола —
80 Словно о пасхе гудели!
Наши речонки водой
Налило на три аршина,
С поля бежала домой,
Словно шамальная, скотина:
С ног ее ветер валил.
Крепко нам жаль мальчугана:
Этакой клоп, а отбил
Этто у волка барана!
Стали Волчком его звать —
90 Любо! Встает с петухами,
Песни пачнет распевать,
Весь уберется цветами,
Ходит проворный такой.
Матка его проводила:
— Поберегися, родной!
Слышишь, какая завыла! —
«Буря-ста мне нипочем,
Я — говорит — не ребенок!»
Да размахнулся кнутом
100 И повалился с ножонок!
Мы посмеялись тогда,
Так до полден позевали,
Слышим — случилась беда:
Шли бы: убитого взяли!
И уцелел бы, да вишь
Крикнул дурак ему Ванька:
— Что ты под деревом сидишь?
Хуже под деревом-то... Встань-ка! —
Он не перечил — пошел,
110 Сел под рогожей на кочку,

Ну, а господь и навел
Гром в эту самую точку!
Взяли — не в поле бросать,
Да как рогожку открыли,
Так не одна его мать —
Все наши бабы завыли:
Угомонился Волчок —
Спит себе. Кровь на рубашке,
В левой ручонке розок,
¹²⁰ А на шляпенке венки
Из васильков да из кашки!

Этой же бурей сожгло
Красные Горки: пониже,
Помнишь, Починки село —
Ну и сго... Вот поди же!
В Горках пожар уж притих,
Ждали: Починок не тронет!
Смотрят, а ветер на них
Пламя и гонит, и гонит!
¹³⁰ Встречу-то поп со крестом,
Дьякон с кадилами вышел,
Не совладали с огнем —
Видно, господь не услышал!..

Вот и хоромы твои,
Ты, чай, захочешь покою?..»
— Полноте, други мои!
Милости просим за мною... —

Сходится в хате моей —
Больше да больше народу:
¹⁴⁰ «Ну, говори поскорей,
Что ты слыхал про свободу?»

ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи — валяйся по печи,
Каждый день не доедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недомку накопляючи.

Уж как пет беды кручиннее
¹⁰ Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говсючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
²⁰ Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до поту,
День придет — работой тешутся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, —

Только треск стоял бы до неба,
30 Как деревья бы валялися:
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Всё живое — счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
¹⁰ По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим! —

Колесо чугунное вертится
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, всё кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
²⁰ Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в иступленье,
Начинаем громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать! —
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит! —

Где уж нам, измученным в неволе,
30 Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться, —
Но зачем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
40 Разорвем на части сердце ей...»

* * *

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведряный день впереди:

Чтобы ветер родного селенья
10 Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Нищу мои вишни — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
10 По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шопот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки.
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
20 Чу! шопот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

В т о р о й

У бар бороды не бывает — усы.

П е р в ы й

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Ч е т в е р т ы й

А вопа на шапке, гляди-тко — часы!

П я т ы й

Ай, важная штука!

Ш е с т о й

И цепь золотая...

С е д ь м о й

Чай, дорого стоит?

В о с ь м о й

Как солнце горит!

Д е в я т ы й

А вона собака — большая, большая!

Вода с языка-то бежит.

П я т ы й

30 Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Т р е т ы й

(с испугом)

Глядит!

Ч е т в е р т ы й

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Т р е т ы й

Прибьет...

Испугались шпионы мои

И кинулись прочь: человека слыша,
Так стайей с мякины летят воробьи.

Батих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
— Такому-то гусю уж что за охота!
40 Лежал бы себе на печи!
И видно не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой... — «Услышит, молчи!»

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я всё-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:

В их жизни так много поэзии слито,
50 Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливым народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.

Я дельвал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!

60 Савося хохочет: «попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
70 Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —

Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
 Чухну передразнит, мордву, черемиса,
 И сказкой потешит, и притчу ввернет:
 «Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
⁸⁰ На господа бога во всем потрафлять:
 У нас был Вавило, жил всех побогаче,
 Да вздумал однажды на бога роптать, —
 С тех пор захудал, разорился Вавило,
 Нет меду со пчел, урожаю с земли,
 И только в одном ему счастье было,
 Что волосы из носу шибко росли...»
 Рабочий расставит, разложит снаряды —
 Рубанки, подпилки, долота, ножи:
 «Гляди, чертенята!» А дети и рады,
⁹⁰ Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
 Прохожий заснет под свои прибаутки,
 Ребята за дело — пилить и строгать!
 Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
 Сломают бурав — и с испугу бежать.
 Случалось, тут целые дни пролетали,
 Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
 Вот из лесу вышли — навстречу как раз
 Синеющей лентой, извилистой, длинной,
¹⁰⁰ Река луговая: спрыгнули гурьбой,
 И русых головок над речкой пустынной
 Что белых грибов на полянке лесной!
 Река огласилась и смехом, и воем:
 Тут драка — не драка, игра — не игра...
 А солнце палит их полуденным зноем.
 Домой, ребяташки! обедать пора.
 Вернулись. У каждого полно лукошко,
 А сколько рассказов! Попался косой,
 Поймали ежа, заблудились немножко
¹¹⁰ И видели волка... у, страшный какой!
 Ежу предлагают и мух, и козявок,
 Корней молочко ему отдал свое —
 Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
 На лаве, где матка колотит бельё,

Кто няньчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
120 Сплела себе славный венок, —
Всё беленький, желтенький, бледнолиловый
Да изредка красный цветок.
Те снят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
130 Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
140 Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно:
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, налиывает зерно:
Готовую жатву подрежут серпами,
150 В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.

Навьют ли сенца: «полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.

Итак, обернуть мы обязаны кстати
160 Другой стороною медаль.

Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,

Но вырастет он, если богу угодно,
А сгнубить ничто не мешает ему.

Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
170 Я из лесу вышел; был сильный мороз.

Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.

И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок

В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!

— Здорово парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!

Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
180 Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».

(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья? —

«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»

— Так вон оно что! А как звать тебя? — «Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...

Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.

На эту картину так солнце светило,
190 Ребенок был так уморительно мал,

Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!

Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,

И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
200 Что русские мысли всеяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
210 Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей, —
«Эй! воры идут! — закричал я Фингалу: —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
220 У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! — «Фингалка, умри!» —
«Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузыха!» —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
230 Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,

В сарае полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
 А зрители дали стрелка!
Широкая дверь отперлась, закричала,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
240 Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребяташки бежали
 Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
 И вышли искать дупелей.

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнихонько!
¹⁰ Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам неожиданно-негадаشو
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
²⁰ Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестившись и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой,—

Как не плакать им? Диво велико ли?
50 Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот наверно был доброй души!

Меж двумя хлебородными ивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доканало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
40 Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит, —
«Чу! — кричат наши детки проворные: —
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошок я попрашивал,
И всегда ты нескупо давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
50 Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
с0 Неповинные наши поля!

Кто дознает, какую кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
70 Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

О слезы женские, с придачей
Нервических, тяжелых драм!
Вы долго были мне задачей,
Я долго слепо верил вам
И много вынес мук мятежных.
Теперь я знаю наконец:
Не слабости созданий нежных, —
Вы их могущества венец.
Вернее закаленной стали
10 Вы поражаете сердца.
Не знаю, сколько в вас печали,
Но деспотизму нет конца!
Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренне озлобен я.
Пока она дрожит и стонет,
Лукавлю праздною душой:
Язык лисит, а глаз шпионит
20 И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я прежде видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть...
О ней не стоит говорить...
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И с головы с ревнивой мукой
Волос седеющих не рви!
Чем ты был пьян — вином поддельным
30 Иль настоящим — всё равно;
Жалей о том, что сном смертельным
Не усыпляет нас оно!

Кто ей теперь флакон подносит,
Застигнут сценой роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
40 И «ты свободен!» говорит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает
И переходит в аппетит?
Кто ночи трудные проводит,
Один, ревнивый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгую дорогой?
Кто говорит: «прекрасны оба» —
50 На нежный спрос: «который взять?»
Меж тем, как закипает злоба,
И к чорту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С ее коварным: «с'est joli!»
И даже милую с вопросом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
60 И рабства темное клеймо?..

ТУРГЕНЕВУ

Мы вышли вместе... Наобум
Я шел во мраке ночи,
А ты... уж светел был твой ум,
И зорки были очи.

Ты знал, что ночь, глухая ночь
Всю нашу жизнь продлится,
И не ушел ты с поля прочь,
И стал ты честно биться.

В великом сердце ты носил
¹⁰ Великую заботу,
Ты как поденщик выходил
До солнца на работу.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодея.

И что же? луч едва блеснул
Сомнительного света,
Молва гласит, что ты задул
²⁰ Свой факел... ждешь рассвета.

Наивно стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылких юношей ворча,
Ты глухнешь год от года
И к свисту буйного бича
И к ропоту народа.

30 Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Походы замышляешь.

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

40 Кто не робел в огонь итти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата.

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее — свобода!

КОРОБЕЙНИКИ

Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

10 Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

Н. Некрасов

23-го августа 1861
Грешнево

I

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.

Песня.

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!»

Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
10 Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удамый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
20 Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрячься ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую,
30 Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенка:
«Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!»
То-то, дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
40 А подарков не взята!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:

У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнителя коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
В божию церковь поведу!»

50 Вилоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-пóчали
Поповы дочери.

*Припев деревенских
торгашей.*

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
60 Вынесите пятаки!»

Жены мужские — молодушки
К коробейщикам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки важеватые,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плюс.
Есть у нас мыла пахучие —
70 По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —
Молодись за пяточок!

Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики ¹ завстные —
Хоть кого приворожат!»

Начались толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
⁸⁰ Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихонич так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
⁹⁰ Как божиться-то не лень...

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
¹⁰⁰ Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники.
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

III

Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина.

- За селом остановилися,
110 Поделили барыши
И на церковь покрестилися,
Повздыхали от души.
— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох! —
«В день теперя не отплюешься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь!»
И опять на церковь божию
120 Долго крестится торгаш.
«Кабы в строку приходилися
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалилися
До единого купца —
Сквозь сырую землю матушку
Провалились бы... эх-эх!»
— Понагрел ты Калистратушку. —
«Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого».
130 — Рыжий, клином борода. —
«Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая
Да и больно уж лиха,
Где бы свадьбка богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
140 Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.

Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
150 Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что сказал — подлец седой!
«Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
160 Им не нужно ничего!
Всё бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!»

«Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой! ты зелье кабашное,
170 Да китайские чай,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением
Знать война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
180 Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...»
— Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..

IV

Ай барыня! барыня!

Песня.

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
 Ночевали наши купчики,
 Утром тронулись опять.
 Полегоньку подвигаются,
 190 Накопляют барыши,
 Чем попало развлекаются
 По дороге торгоши.
 По реке идут — с бурлаками
 Разговоры заведут:
 «Кто вас спутал?»² — и собаками
 Их бурлаки назовут.
 Поделом вам, пересмешники,
 Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
 200 «Эй! просыпал огурцы!»
 Ванька вдруг как захихикает
 И на стадо показал:
 Старичонко в стаде прыгает
 За савраской, — длинен, вял,
 И на цыпочки становится,
 И лукошечком манит —
 Нет! проклятый конь не ловится!
 Вот подходит, вот стоит.
 Сунул голову в лукошечко, —
 210 Старичок за холку хватать!
 — Эй! еще, еще немножечко! —
 Нет! урвался конь опять
 И, подбросив ноги задние,
 Брызнул грязью в старика.
 «Знамо, в стаде-то поваднее,
 Чем в косуле мужика:
 Эх ты, пареный да вяленый!
 Где тебе его поймать?
 Потерял сапог-то валянный,
 220 Надо новый покупать?»

Им обозики военны
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
230 Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
— Чьи такие господа? —
«Кашпирята с Зюзенятами...»³
240 Заяц! вон гляди туда!»
Всполошились борзители:
«Ай! а-ту его! а-ту!»
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.
— Счастье, Тихоныч, неровное,
250 Нынче выручка плоха. —
«Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост». —
Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?.. — «Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
260 Завелись... куда уж нам!

Хоть бы наша: баба старая,
 Угреватая лицом,
 Безволосая, поджарая,
 А оделась — стог стогом!
 Говорить с тобой гнушается:
 Ты мужик, так ты нечист!
 А тобой-то кто прельщается?
 Долог хвост, да не пушист!
 Ой! ты, барыня спесивая,
 270 Ты стыдись глядеть на свет!
 У тебя коса фальшивая,
 Ни зубов, ни груди нет,
 Всё подклеено, подвязано!
 Город есть такой: Париж,
 Про него недаром сказано:
 Как заедешь — угоришь.
 По всему по свету славится,
 Мастер помиру пустить;
 Коли нос тебе не нравится,
 280 Могут новый наклеить!
 Вот от этих-то мошейников,
 Что в том городе живут,
 Ничего у коробейников
 Нынче баре не берут.
 Чорт побрал бы моду новую!
 А бывало встарину
 Приведут меня в столовую,
 Все товары разверну;
 Выдет барыня красивая,
 290 С настоящею косой,
 Важеватая, учтивая,
 Детки выбегут гурьбой,
 Девки горничные, нянюшки,
 Слуги высыплют к дверям.
 На рубашечки для Ванюшки
 И на платья дочерям
 Всё сама, руками белыми
 Отбирает, не спеша,
 И берет кусками целыми —
 300 Вот так барыня-душа!
 «Что возьмешь за серьги с бусами?
 Что за алую парчу?»

Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
310 Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
«Подходи сюда, дружок!»
Подбегаю к ним скорехонько.
«Что возьмешь за короб весь?»
Усмехнулся я легохонько:
— Дорог будет, ваша честь. —
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
320 Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
«Подбирай, честной народ!»
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!»

V

«Много ли верст до Гоголина?»
— Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка.

Хорошо было детинушке
330 Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!

Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
340 Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходило
Молодице невтерпеж,
Под косою трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
350 Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
360 Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работающая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи,
370 За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи, румянецкий!»
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня

Да к тебе и подвалилась бы:
380 «Поцелуй, дружок, меня!..»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой! пуста, пуста коробушка,
390 Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-зазубушка,
Не обманет мил-дружок!»
Весел Ванька. Припеваючи,
Прямым домой идет.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мощна-то пораздулася,
400 Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Процелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!» —
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
410 Понатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
«Эх! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники

Сбили с толку, мужики:
— Вы подите, коробейники,
420 В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По пагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь. — Вот оне!
Чорт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал?»
— Бабы их клюкою меряли, —
Ванька с важностью сказал: —
Не ругайся! Сам я слыхивал,
430 Тут дорога попрямей. —
«Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие...»
440 — Стой-ка, дядя, чу, идут!

VI

Только молодец и жив бывал.
Старинная былина.

Не тростник высок колыхнется,
Не добровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
— Путь-дорога, коробейнички! —
«Путь-дороженька, стрелец!»
— Что ты смотришь? — «Не прохаживал
450 Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я спрашивал?»
— Нет, почудилось тебе.

Трой сутки не был дома я,
 Жить ли дома леснику? —
 «А кажись, лицо знакомое», —
 Шепчет Ванька старику.
 — Что вы шепчетесь? — «Да каемся,
 Лучше б нам горой итти.
 Так ли, малый, пробираемся
 460 В Кострому?» — Нам по пути,
 Я из Шуньи. — «А далеко ли
 До деревни до твоей?»
 — Верст двенадцать. А по многу ли
 Поделили барышей? —
 «Коли знать всю правду хочется,
 Весь товар несем назад».

Лесничок как расхохочется!
 — Ты, я вижу, прокурат!
 Кабы весь, небось, не скоро бы
 470 Шел ты, старый воробей! —
 И лесник приподнял коробки
 На плечах у торгашей.
 — Ой! легохоньки коробушки,
 Всё повыпродали, знать?
 Наклевались воробушки,
 Полетели отдыхать! —
 «Что, дойдем в село до ноченьки?»
 — Надо, парень, добрести,
 Сам устал я, нету моченьки —
 480 Тяжело ружье нести.
 Наше дело подневольное,
 День и ночь броди в лесу. —
 И с плеча ружье двуствольное
 Снял — и держит навесу.
 — Эх вы, стволики-голубчики!
 Больно вы уж тяжелы. —
 Покосились наши купчики
 На тяжелые стволы:
 Сколько ниток понамотано!
 490 В палец щели у замков.
 «Неужели, парень, бьет оно?»
 — Бьет на семьдесят шагов. —
 Деревенский, видно, плотничек
 Строил ложу — тяп да ляп!

Да и сам христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
500 Лычко вместо пояска.
А туда же пес в ошейнике,
По прозванию «Упырь».
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. «Далеко ли?»
— Близко. — «Что ты?» — У реки
Куропаточки закокали. —
И детина взвел курки.
— Ай, курочки! важно щелкнули,
510 Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу! —

Коробейникам не пелосся:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,
Понависнула роса.
«День денской и так умелешья,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. эй! в кого ты целишься?»
520 — Так, я пробую прицел...

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу бычки ⁴,
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица ⁵ ухаает,
Чу! ребенком стонет сыч.
Поглядел старик украдкою:
530 Парня словно дрожь берет.
«Аль спознался с лихорадкою?»

— Да уж три недели бьет —
 Полечи! — А сам прищурился,
 Словно в Ваньку поровит.
 Старый Тихонич нахмурился:
 «Что за шутки! — говорит. —
 Чем шутить такие шуточки,
 Лучше песни петь и впрямь.
 Погодите полминуточки —
 540 Затяну лихую вам!
 Знал я старца еле зрячего,
 Он весь век с сумой ходил
 И про странника бродячего
 Песню длинную сложил.
 Ней от старости, ней с голоду
 Он в канавке кончил век,
 А живал богато смолоду,
 Был хороший человек,
 Вспоминают обыватели.
 550 Да его попутал бог:
 По ошибке заседатели
 Упекли его в острог:
 Нужно было из Спиридова
 Вызвать Тита Кузьмича,
 Описались — из Давыдова
 Взяли Титушку-ткача!
 Ждет сердечный: «завтра, нонче ли
 Ворочусь на вольный свет?»
 Наконец и дело кончили,
 560 А ему решенья нет.
 «Эй, хозяйка! нету моченьки.
 Ты иди к судьям опять!
 Изойдут слезами оченьки,
 Как полотна буду ткать?»
 Да не то у Степанидушки
 Завелося на уме:
 С той поры ее у Титушки
 Не видали уж в тюрьме.
 Захворала ли, покинула, —
 570 Тит не ведал ничего.
 Лет двенадцать этак минуло —
 Призывают в суд его.
 Пред зеркалом, в облачении

Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
«А за что вы, черны вороны,
580 Очи выклевали мне?»
Тут и сам судья покаялся:
— Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя! —

Тит домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одёжу, и станки,
С баринком слюбилась жёнушка,
590 Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
«Вся-то песня — два словца,
А запой ее, детинушка,
600 Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоеет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».
Сам ее христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!

ПЕСНЯ УБОГОГО СТРАНИЦКА

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
610 Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
⁶²⁰ С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

⁶³⁰ Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба,—
⁶⁴ Я опять во стада,—

и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.

На беду, ни с кем не встретишься!
«Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?... В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец!»
— Трусы, трусы вы великие! —
650 И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
«Стыдно! — Тихонич сказал: —
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать!»
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается
660 Хохот глупого кругом.
«Эй! уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька: — Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить». —
А лесник опять наметился.
«Не шути!» — Чаво шутить! —
Коробейники отпрянули,
670 Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребяташки, богат;
Два бекаса нынче славные
680 Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.

Подзадорили детинушку —
 Он почти всю правду бух!
 На беду его — скотинушку
 Тем болотом гнал пастух:
 Слышал выстрелы ружейные,
 667 Слышал крики... «Стой! винись!..»
 И мирские и питейные
 Тотчас власти собрались.
 Молодцу скрутили рученьки:
 «Ты вяжи меня, вяжи,
 Да не тронь мои онученьки!»
 — Их-то нам и покажи! —
 Поглядели: под онучами
 Денег с тысячу рублей —
 Серебро, бумажки кучами.
 700 Утром позвали судей,
 Судьи тотчас всё довели
 (Только денег не нашли!),
 Погребенью мертвых предали,
 Лесника в острог свезли...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Любчики* — деревенские талисманы, имеющие, по понятиям простолюдинок, привораживающую силу.

² Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование.

³ *Кашпировы, Зюзины*. Крестьяне, беседуя между собою об известных предметах и лицах, редко употребляют иную форму выражения.

⁴ *Бычки* — небольшие отрывочные тучки (Яросл. губ.)

⁵ *Узалица* — филин-пугач (*grand-duc*).

СВОБОДА

Родина мать! по равнинам твоим
Я не ездил еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
¹⁰ Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

Петербургская драма

«За отъездом продаются: мебель,
зеркала и проч. Дом Воронина,
№ 159».

«Полиц. вед.»

Надо поехать — статья подходящая!
Слышится в этом нужда настоящая,
Не попадетя ли что-нибудь дешево?
Вот и поехал я. Много хорошего:
Бронза, картины, портьеры всё новые,
Мягкие кресла, диваны отменные.
Только у барыни очи суровые,
Речи короткие, губы надменные;
Видимо, чем-то она озабочена,
¹⁰ Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено
Смуглое личико. Всё в ней пленительно:
Тянут назад ее голову милую
Черные волосы, сеткою сжатые,
Дышат какою-то сдержанной силою
Ноздри красивые, вверх приподнятые.
Видно, что жгучая мысль беспокойная
В сердце кипит, на простор порывается.
Вся соразмерная, гордая, стройная,
²⁰ Мне эта женщина часто мечтается...

Я отобрал себе вещи прекрасные,
Но оказались цены ужасные!
День переждал, захожу — то же самое!
Меньше предложишь, так даже обидится!..

— Барыня эта — создание упрямое:
С мужем, подумал я, надо увидеться.

Муж — господин красоты замечательной,
В гвардии год прослуживший отечеству,
Был человек разбитной, обязательный,
30 Склонный к разгулу, к игре, к молодечеству, —
С ним у нас дело как раз завязалось.
Странная драма тогда разыгралась:
Мужа застану — поладим скорехонько;
Барыня выйдет — ни в чем не сторгуешься
(Только глазами ее полюбиешься).
Нечего делать! вставал я ранехонько
И пока барыня сном наслаждалась —
Многое сходно купить удавалось.

У дому ждут ломовые извозчики,
40 В доме толпятся вещей переносчики,
Окна ободраны, стены уж голые,
У покупателей лица веселые.
Только у няни глаза заслезилися:
«Вот и с приданым своим мы простилися!» —
Молвила няня... — Какое приданое? —
«Всё это взял он за барышней нашею,
Вместе весной покупали с мамашею;
Как любовались!..»

Открытие нежданное!

Сказано слово — и всё объяснилось!
50 Вот почему так она дорожилась.
Бедная женщина! В позднем участии,
Я проклиная торгашество пошлое.
Всё это куплено с мыслью о счастье,
С этим уходит — счастливое прошлое!
Здесь ты свила себе гнездышко скромное,
Каждый здесь гвоздик вколочен с надеждою...
Ну, а теперь ты создание бездомное,
Порабощенное грубым невеждою!
Где не остыл еще след обаяния
60 Девственной мысли, мечты обольстительной,
Там совершается торг возмутительный.
Как еще можешь сдержать ты рыдания!
В очи твои голубые, красивые

Нагло глядят торгаши неприветные.
Осквернены твои думы стыдливые,
Проданы с торгу надежды заветные!..

Няня меж тем заунывные жалобы
Шепчет мне в ухо: «Распродали дешево —
Лишь до деревни доехать достало бы.
70 Что уж там будет? не жду я хорошего!
Барин, поди, загуляет с соседями,
Барыня будет одна-одинехонька,
День-то не весел, а ночь-то чернехонька.
Рядом лешище — с волками, с медведями».

— Смолкни ты, няня! создание болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Нам ли в диковину сцены тяжелые?
Каждому трудно живется и дышится.
Чудо, что есть еще лица веселые,
80 Чудо, что смех еще временем слышится!..

Барин пришел — поздравляет с покушкою,
Барыня бродит такая унылая;
С тихо воркующей, нежной голубкою
Я ее сравнивал, деньги постылые
Ей отдавая... Копейка ты медная!
Горе ты, горе! нужда окаянная...

Чуть над тобой не заплакал я, бедная!
Вот одолжил бы... Прощай, бесталанная!..

20 НОЯБРЯ, 1861

Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл, —
Под землю в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь, как сейчас похороненный,
¹⁰ Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцелуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

1 8 6 2

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ¹

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: всё зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
¹⁰ Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
²⁰ В мои глаза суровые
Глядит, — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая

¹ Так народ называет пробуждение природы весной.

Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!

30 Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
40 Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом, новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая
50 И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
60 И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

* * *

Литература, с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
О забирании всякого встречного, —
Дайте вздохнуть!..

Я простился с столицами,
Мирно живу средь полей,
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
¹⁰ Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

* * *

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.

В обаянии счастья и славы,
10 Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
20 И нестройные пискливы галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злости!
30 Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

В позднюю ночь над усталой деревней
Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он. — Не спит,

Мечется по печи, охает, мается,
Ждет — не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Всё-то грехи да грехи!

«Охти-мне! часто владыку небесного
10 Я искушала грехом:
Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

В рощу... Вот то-то! мы смолоду дурочки,
Думаем: милостив бог!
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек... ох! ох!

В страдную пору больной притворилася —
Мужа в побывку ждала...
20 С Федей солдатиком чуть не слюбилася...
С мужем под праздник спала.

Охти-мне... ох! угрожу в преисподнюю!
Раз, как забрили сына,
Я возроптала на благость господнюю,
В пост испила молока, —

То-то я грешница! то-то преступница!
С горя валялась пьяна...
Божия мать! Святая заступница!
Вся-то грешна я, грешна!..»

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Немудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

¹⁰ Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

²⁰ Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.

В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

1 8 6 3

КУМУШКИ

Темен вернулся с кладбища Трофим;
Малые детки вернулись с ним,

Сын да девóчка. Домой-то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребяташки

Ревма-ревели; а тятка молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улыбулися дети беспечные,

Жжжжж-жи! запустили кубарь у ворот...
¹⁰ Кто ни проходит — жалеет сирот:

«Нет у вас матушки!» — молвила Марьюшка,
«Нету родимой!» — прибавила Дарьюшка —

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Как теперь будете жить, сиротиночки!»
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то вас будет ласкать-баловать?»
Навзрыд заплакали дети опять.

«Полно, не плачьте!» — сказала Протасьевна,
²⁰ «Уж не воротишь, — прибавила Власьевна: —

Грешную душеньку боженька взял,
Кости в могилушку поп закопал,

То-то, чай, холодно, страшно в могилушке?
Ну же, не плачьте! родные вы, милушки!..»

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал унимать как умел, а соседушки
Ну помогать ему: «полноте, детушки!

Что уж тут плакать? пора привыкать
30 К доле сиротской; забудьте вы мать:

Спели церковники память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет сердечную

Червь подземельный!..» Трофим поскорей
На руки взял — да в избенку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:
«Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

Матушку на небо боженька взял!»
Целую ночь с ними тятка не спал,

У самого расходились думушки...
40 Ну, удружили досужие кумушки!

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
¹⁰ Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Щуце мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!..

ПОЖАРИЩЕ

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться невесело,
Кочи, ухабины, ели бессменные!
Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.
Ой! надоела ты, глушь новгородская!
¹⁰ Ой! истомила ты, бедность крестьянская!
То ли бы дело лошадка заводская,
С полостью санки, прогулка дворянская?.
Даже церковей здесь почти не имеется.
Вот, наконец, впереди развлечение:
Что-то на белой поляне чернеется,
Что-то дымится, — сгорело селение!
Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий
²⁰ Освобожденную Русь православную
Столб уцелел — и на нем сохраняются
Строки: «деревня помещика Вечева».
С лаем собаки на нас не бросаются,
Думают видно: украсть вам тут нечего!
(Так. А давно ли служили вы с верою,
Лаяли, злились до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставили дыбом в защиту селения?..)
Да на обломках стены штукатуренной

30 Крайнего дома — должно быть, дворянского —
Видны портреты: Кутузов нахмуренный,
Блюхер бессменный и бок Забалканского.
Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ежатся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копошатся...

* * *

I

«Благодарение господу богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?»
— Думаю, братец, про эту дорогу. —
«То-то давненько молчишь.

Что же ты думаешь?» — Долго рассказывать.
Только тронулись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тени погибших людей,

Бледные тени! ужасные тени!
¹⁰ Злоба, безумье, любовь...
Едем мы, братец, в крови по колени! —
«Полно — тут пыль, а не кровь...»

II

«Барин! не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел».
— Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да ревма-ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука. —
«Песня про эту дорогу уж спета,
²⁰ Да что в ней проку?... Тоска!»

— Знаю, народ *проторенной цепями*
Эту дорогу зовет. —
«Верно! увидишь своими глазами,
Русская песня не врет?»

III

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...

Подле лица — молодого, прекрасного
³⁰ С саблей усач...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-денской моя печальница,
В ночь—почная богомолица,
Векова моя сухотница...

Из народной песни.

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

— Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
¹⁰ Молви — может и размыкаю. —
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
²⁰ Не намотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...»

Замолчала — не прибавила
50 Ни словечка бесталанная.
— Да с чего же привязалася
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?.. —
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
40 Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри как шелковые...»

И опять молчит несчастная...
— Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку? —

«Не любил, сударь, рассказывать
50 Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...

Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
60 Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
70 Не сбылись его желанья:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости! —
80 И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
90 Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал,
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
100 На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «ваше благородие!
Ваше!...» Вижу — задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «прощай, родимая!
110 Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предиконная!..

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Сестре

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
¹⁰ И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалось сердце с печали
И на чью они грудь упали свинцом
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
²⁰ Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, — я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую музу мою
30 Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воеет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
40 И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут...
.

Часть первая

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

I

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

II

Привычная дума поэта
10 Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
20 Негромко рыдает она.

III

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — всё к счастью стремилось,
Всё в мире по нескольку раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
30 Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
40 Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

IV

Однако же, речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
50 С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
60 Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
70 И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженъки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
⁸⁰ Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
⁹⁰ В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
¹⁰⁰ Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,

Здоровы и сыты ребята,
110 На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедни
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всею любящим русский народ!

V

И ты красотой дивила,
120 Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезам невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадет
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
130 Созревшие зерна свои...

VI

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.

В снегу до колен его ноги,
140 В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
150 Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
160 Ворона ни с чем убралась...

Могила на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!»
(У старого вырвалось слово):
«Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик остушился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
170 Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

VII

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «ничего».
Потом они оба молчали,
¹⁸⁰ И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

¹⁹⁰ Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенский
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздыхнул и сказал: «не беда!
На вас он работал довольно,
И ваша пришла череда!

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
²⁰⁰ Жена ему саван сшивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

VIII

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Заябнувших Машу и Гришу
210 И стали сына обрядить.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
220 С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщевой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

IX

Пока мертвеца обрядили,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали
230 Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накопело,
Из уст полилося рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит, —
Родные по Прокле завывли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылый!»
240 Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел,

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
250 Одумал с сырою землей —

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горячими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
260 Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили —
270 Покушай, желанный, родной!

А сами напротив бы стали —
Кормилец, надежда семьи!

Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

Х

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

280 На смену входили другие.
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
290 А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

ХІ

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
300 Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;

Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
310 Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
320 С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.

330 Слыхал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой,
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной,

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!

Да видно хозяин дал маху —
Зима доканала его!..

ХИ

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
340 Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

350 Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь, —
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
360 Ходебщик сергачевский Федя
— Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в десяти от села),

Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

370 Пошла, воротилась с иконой —
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный.
Увидел жену, простонал
И умер...

ХIII

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают — иди!..
380 Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

390 За Дарьей — соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет», —
Согласно решили они...

XIV

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
400 Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «мир тебе, Прокл Севастьяныч! —
Сказал: — благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки, —
Уж как тебя бог выручал, —
Платил господину оброки
410 И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вот она жизнь человечья!»
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалимся... не минут и нам!..
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
420 Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землю лопатой,
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
430 Гляди-тко!..» — народ говорил.

XV

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.
440 К соседке свела их вдова
И тотчас, на том же савраске
Поехала в лес, по дрова...

Часть вторая

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

XVI

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
450 О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

XVII

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале — деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
460 И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе,
И голос рвался и дрожал,

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
470 На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

XVIII

Не псарь по дубровушке трубит,
480 Гогочет, сорви-голова, —
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
490 Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку, -- и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела и кругла и плотна.

А та на глазу поблитсяет,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит, — не чувствует стужки,
500 Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

XIX

.
.
«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

510 Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!¹

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

¹ Известная народная игра, называемая: *сеять мак*. *Маковкой* садится в середине круга красивая девочка, которую под коленец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака; а то еще *маком* бывает престоватый детина, которому при подкидывании дается немало колотушек.

XX

520 Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыл!

Любо весной человеку,
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
530 Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
540 Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить!..

XXI

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
550 Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку, —
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..

560

Овод жужжит и кусает,
 Смертная жажда томит,
 Солнышко серп нагревает,
 Солнышко очи слепит,
 Жжет оно голову, плечи,
 Ноженьки, рученьки жжет,
 Изю ржи, словно из печи,
 Тоже теплом обдает,
 Спиношка ноет с натуги,
 Руки и ноги болят,
 Красные, желтые круги
 Перед очами стоят...
 Жни-дожиная поскорее,
 Видишь — зерно потекло...

Вместе бы дело спорее,
 Вместе повадней бы шло...

XXII

570 Сон мой был в руку, родная!
 Сон перед спасовым днем.
 В поле заснула одна я
 После полудня, с серпом,
 Вижу — меня оступает
 Сила — несметная рать, —
 Грозно руками махает,
 Грозно очами сверкает.
 Думала я убежать,
 Да не послушались ноги.
 580 Стала просить я помощи,
 Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала —
 Первая мать прибежала,
 Травушки рвутся, шумят —
 Детки к родимой спешат.
 Шибко без ветру не машет
 Мельница в поле крылом:
 Братец идет да приляжет,
 Свекор плетется шажком.

5⁰ Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
«Видишь, меня оступает
Сила — несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..»
Тут я кругом огляделась —
6⁰ Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?..
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
6¹⁰ Самы солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Савастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

6²⁰ Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Снопки крепко вязать,
В снопки слезы ронять!

Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господу нужны,
Чем ему дороги вы?..

XXIII

Долги вы, зимние ноченьки,
630 Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
640 Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
650 Стали на свадьбу копить понемногу...
Вот — дождались, слава богу!

Чу! бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..¹

¹ Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства.

XXIV

Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
66) Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка.
67) Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за что ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

Нет, не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

XXV

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
68) Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела — пошла,

Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет — хоть бы луч!
На небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

690 Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..

Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заинька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней, —

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу,

700 Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной, —

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
710 Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная
Долгую — нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
720 К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

XXVI

Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
730 С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь итти, а нейду!
740 Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...

Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом...

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

750 Я поклонилася зѣмным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII

Долго меня продержали —
Схимницу сестры в тот день погребали.

Утренняя шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
760 Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлянка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются четки,
Писанный венчик на лбу.
770 Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!
Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С ценьем и плачем ее погребли.

XXVIII

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
780 Все приложились к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Только ты милости к нам не явила!

.....
.....

790 Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»

XXIX

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

800 Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

XXX

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
810 Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

820 Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
830 И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

XXXI

«Вглядишь, молодлица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?»

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

840 Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под глет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, --
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
850 И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, цения на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

860 Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
870 Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

«Тепло ли тебе, молодница?» —
С высокой сосны ей кричит.
— Тепло! — отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

880 Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковой, тише:
«Тепло ли?..» — Тепло, золотой! —

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
890 «Тепло ли?» промолвив опять,
И в Проклушку вдруг обратился
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
900 Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

XXXIII

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче им стало!
910 Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
920 За возом снопов золотых.

— Бог помочь! А где же Гришуха? —
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», — сказала старуха.
— Гришуха! — отец закричал,

На небо взглянул. — Чай, не рано?
Испить бы... — Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
930 Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

— Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава! —
Гришуха черён, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает в присядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал баушку, матку,
940 Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует,
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

Машутка отцу закричала:
 950 — Возьми меня, тятка, с собой! —
 Спрыгнула с мешка — и упала,
 Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — неважное дело!..
 Девчонок не надобно мне,
 Еще вот такого пострела
 Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
 — Довольно с тебя одного! —
 (А знала, под сердцем уж билось
 960 Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
 Машутку с собой посадил.
 Вскочил и Гришуха с разбегу,
 И с грохотом воз покатыл.

Воробушков стая слетела
 С снопов, над телегой взвилась.
 И Дарьюшка долго смотрела,
 От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
 970 К дымящейся риге своей,
 И ей из снопов улыбались
 Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
 Хорош голосок у певца...
 Последние признаки муки
 У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетаая за песней,
 Она отдалась ей вполне...

Нет в мире той песни прелестней,
980 Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней должного счастья предел.

В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

XXXV

Какой бы ценой ни досталось
990 Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
1000 Нам слаще нигде не уснуть!

XXXVI

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь.
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
1010 Глубоко-бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайный --
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
 Умел рассудку страсти подчинять.
 Учил ты жить для славы, для свободы,
 Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
 Ты отвергал, ты чистоту хранил,
 Ты жажде сердца не дал утоленья;
 Как женщину, ты родину любил,
 Свои труды, надежды, помышленья

¹⁰ Ты отдал ей; ты честные сердца
 Ей покорял. Взывая к жизни новой,
 И светлый рай, и перлы для венца
 Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
 И вешнее перо из рук упало.
 Какой светильник разума угас!
 Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
 И высоко вознесся ты над нами...

²⁰ Плачь, русская земля! но и гордись —
 С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты,
 И в недра не брала свои обратно:
 Сокровища душевной красоты
 Совмещены в нем были благодатно...

Природа-мать! когда б таких людей
 Ты иногда не посылала миру,
 Заглохла б нива жизни...

ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей с полосы возвращается,

Разбогатеть ему хочется пашнею.
Правит мужик свою нужду домашнюю

Да и семян запасает порядочно —
Тужит, землицы ему недостаточно!

Сила меж тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается, —

Стало хозяйство тогда поправлятися:

¹⁰ Стало земли от семян оставатися!

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В а н я (в кучерском армячке).
Папаша! кто строил эту дорогу?
П а п а ш а (в пальто на крапчатой
подкладке)
Граф Петр Андреевич Клейнмихель,
душенька!

Разговор в вагоне.

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! ---
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
¹⁰ Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
20 Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден ---
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден.
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
30 Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
40 Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой.

Грабили нас грамотей-десятники,
60 Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божию ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
60 Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорусс:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
70 Изю дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
80 И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,

Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
90 Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал: — тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:
— Вот они — нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
100 Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал! —
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англо-сакс и гермаец
110 Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону... —

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
120 Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
130 Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздний народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..»

С богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим вина выставяю
140 И — *недоумку дарю...*

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком ура! по дороге помчал...
Кажется, трудно отградней картину
Нарисовать, генерал?..

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.
Неласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнию,
¹⁰ Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листья,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленны.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
²⁰ Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

(На Западе — не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных,
В Германии я был как рыба нем,
В Италии — писал о русских ссыльных,

Давно то было... Город наш родной,
¹⁰ Санктпетербург, — как он ни поэтичен,
Но в нем я постоянно сам не свой --
Зол, озабочен или апатичен...)

Опять леса в уборе вековом,
Зверей и птиц угрюмые чертоги,
И меж деревьев, нависнувших шатром,
Травнистые, зеленые дороги!

На первый раз сказать позвольте вам,
Чем пахнут вообще дороги наши —
То запах дегтя с сеном пополам.
²⁰ Не знаю, какво на нервы ваши

Он действует, но мне приятен он,
Он мысль мою свежит и направляет:
Куда б мечтой я ни был увлечен,
Он вмиг ее к народу возвращает...

Чу! воз скрипит! Плетутся два вола,
Снопы пред нами в зелени ныряют,
Подобие зеленого стола,
На коем груды золота мелькают.

(Друзья мои картежники! для вас
30 Придуманно сравненье на досуге...)
Но мы догнали воз — и порвалась
Нить вольных мыслей. Вздогнул я в испуге:

Почудились на этом мне возу,
Сидящие рядком, как на картине,
Столичный фронт со стеклышком в глазу
И барыня в широком кринолине!..

1 8 6 5

О ПОГОДЕ

Часть вторая

I

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

— Государь мой! куда вы бежите? —
«В канцелярию; что за вопрос?
Я не знаю вас!» — Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш нос!
Побелел! — «А! весьма благодарен!»
— Ну, а мой-то? — «Да ваш лучезарен!»
— То-то! принял я меры... — «Чего-с?»
— Ничего. Пейте водку в морозы —
Сбережете наверно ваш нос,
¹⁰ На щеках же появятся розы! —

Усмехнувшись, они разошлись,
И за каждым извозчик помчался.
Бедный Ванька! надеждой не льстись,
Чтоб сегодня седок отыскался:
Двадцать градусов, ветер притом —
Бескаретные ходят пешком.

Разыгрались силы господни!
На пространстве пяти сажений
Насчитаешь наверно до сотни
²⁰ Отмороженных щек и ушей.
Двадцать градусов! щеки и уши
Не беда, — как-нибудь ототрем!

Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем —
Часовой ли замерзнет, бедняга,
Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стершит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
30 Обличает проделки мороза;
Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидая,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловонных, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся.
40 Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Но мороз не щадит, — прибавляется.
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкой,
Песни родины дальней поет,
50 Седока-благодетеля ждет...

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,
Голосистые южные гости,
Хорошо ли у нас по зимам?
Вспомним — Божию. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
60 Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,
И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.
Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудет контрабас,
70 Там попрежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья — идут чередом,
Мрут, как мухи, извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
80 Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым,
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон Штубе,
90 Десятипудовой генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,
Крикнул: «пас!» — и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье; обжоры
Поклялися не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
100 Кто по Невскому быстро бежит?

И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
¹¹⁰ И наутро разносится слух,
Слух ужасный — о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи... Увы!
Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
¹²⁰ Удаляться в неведомый мир!
Впрочем, если уж смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,
Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзанья,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.
Похоронная музыка чище
¹³⁰ И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом; сурово-пышна
Обстановка; гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешный
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
¹⁴⁰ Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

II

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместиях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом, —
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместия мы не пойдем.
Нам зимою приятней столица
¹⁰ Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспорт мы берем
И чихать уезжаем в Севилью.
Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает —
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты.
²⁰ Каждый дом золотухой страдает;
Штукатурка валится — и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков;
Летом взроют ее, починяя,
Да наставят зловонных костров:
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу светляки,
Ты заметишь в туманные ночи
³⁰ На вершине костров огоньки —
Берегись!.. В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,

От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода...

(Наша муза парит невысоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.)

Уж давно в тебя летней порою
40 Не случалось нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, коношни и пыли —
Характерная русская смесь.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
50 Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозчицьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребранный, пышен
Петербург самобытной красой!
По каналам, что летом зловонны,
60 Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,
Орнаменты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
70 В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,

Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.
Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
60 Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди — шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
«Не хотите ли с нами кататься?» —
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили, — летят!
Полумерзлые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
— Ваше имя? — «Матильда». — А ваше? —
90 «Александра». К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.
— Вы модистка? — «Да, шью в магазин».
— Эй! пошел хорошенько, Тараска! —
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,
100 Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
«Да куда же везете вы нас?
Мы одеты легко... мудрено ли
Простудиться?» — Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! живо, дружище! —
Снова скачут! Могилы вокруг,
Монументы... «Да это кладбище», —
Шепчет Саша Матильде — и вдруг
Сани набок! Упали девицы...
110 Повернули назад господа,
И умчали их кони, как птицы.

Девы встали. «Куда ж вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.
Дикий хохот, лихие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделись: безлюдно и тихо,
Звезды с ясного неба глядят...
«Мы сегодня потешились лихо!» —
¹²⁰ Франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялись писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»

— Но озябли мы, друг наш угрюмый!
¹³⁰ Пощади — нам погреться пора! —
«Вот вам случай — взгляните: над Думой
Показались два красных шара,
В вашей власти наполнить пожаром
Сто страниц — и погреемся даром!»

Где ж пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался,
И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой — не поспеешь считать!
¹⁴⁰ Мчатся вихрем красивые тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Кони сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах
Вверх ногами на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?

Вдруг еще появился сигнал,
150 И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
«Не у нас ли горит? — помышляя: --
Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...

Семь пожаров случилось в ту ночь,
160 Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспреданны — на-днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

ГАЗЕТНАЯ

...Через дым, разъедающий очи
Милых дам, убивающих ночи
За игрою в лото-домино,
Разглядеть что-нибудь мудрено.
Миновав этот омут кромешный,
Это тусклое царство теней,
Добрались мы походкой поспешной
До газетной...

Здесь воздух свежей;
Пол с ковром, с абажурами свечи,
¹⁰ Стол с газетами, с книгами шкаф.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп,
Но сморит после наших обедов
Хоть какого чтеца, и притом
Прав доньше старик Грибоедов —
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И доньше, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской.
²⁰ Что же так?.. Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.
«Русский слог исправляется явно!» —
Замечают тузы меж собой.
Не без гордости русская пресса
Именует себя иногда
Путеводной звездой прогресса,
И недаром она так горда:
Говорят — о Гомер и Овидий! —

- 30 До того расходилась печать,
Что явилась потребность субсидий.
Эк хватила куда! исполать!
Таксы нет на гражданские слезы,
Но и так они льются рекой.
Образцы изумительной прозы
Замечаются в прессе родной:
Тот добился успеху во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с поджогом,
40 С грабежом и убийством мешал;
Тот прославился другом народа
И мечтает, что пользу принес,
Кто на тему: *вино и свобода*
На народ напечатал донос.
Нам Катков предстоит великаном,
Мы Тургенева кушать зовем...
Почему же французским романам
Предпочтение мы отдаем?
Не избыток хорошего тона,
50 Не картин соблазнительных ряд,
Нас отсутствие «мрака и стона»
К ним влечет... Мудрецы говорят:
«Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немощи знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю!..»

- Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему,
Коли нам так писалось и пишется,
60 Значит — есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнутя, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа народная
70 Под унылую песню кипит,

Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Как бы ни было, в комнате этой
Праздно кипы журналов лежат,
Пусто! разве, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спят.
(Как не скажешь: москвич идеальней,
Там газетная вечно полна,
Рядом с ней, нареченная *«вральней»*,
80 Есть там мрачная зала одна —
Если ты не московского мненья,
Не входи туда — будешь побит!)
В Петербурге любители чтенья
Пробегают один «Инвалид»;
В дни, когда высочайшим приказом
Назначается много наград,
Десять рук к нему тянется разом.
Да порой наш журнальный собрат
Дерзновенную штуку отколет,
90 Тронет личность, известную нам,
О! тогда целый клуб соизволит
Прикоснуться к презренным листам.
Шопот, говор. Приводится в ясность —
Кто затронут, метка ли статья?
И суровые толки про гласность
Начинаются. Слыхивал я
Здесь такие сужденья и споры...
Поневоле поникнешь лицом
И потушишь смущенные взоры...
100 Не в суждениях дело, а в том,
Что судила такая особа...
Впрочем, я ей обязан до гроба!

Раз послушав такого туза,
Не забыть до скопчания века.
В мановении брови — гроза!
В полуслове — судьба человека!
Согласишься, почтителен, тих,
Постоишь, удалившись украдкой
И начнешь сатирический стих
110 В комплимент поддеживать сладкий...

Да! Но всё-таки грустен напев
Наших песен, нельзя не сознаться.
Переделать его не сумею,
Мы решились при нем оставаться.
Примирились же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

- С давних пор только два человека
120 Постоянно в газетной сидят:
Одному уж три четверти века,
Но он крепок и силен на взгляд.
Про него бесконечны рассказы:
Жаден, скуп, ненавидит детей.
Здесь он к старосте пишет приказы,
Чтобы дома не тратить свечей.
Говорят, одному человеку
Удалось из-за плеч старика
Прочитать, что он пишет: «в аптеку,
130 Чтоб спасти бедняка-мужика,
Посылал ты — нелепое барство!
Впредь расходов таких не иметь!
Деньги с миру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее — плеть...»
Анекдот этот в клубе я слышал
(Это было лет десять тому).
Из полка он за шулерство вышел,
Мать родную упрятал в тюрьму.
Про его воровские таланты
140 Тоже ходит таинственный слух;
У супруги его бриллианты
Родовые пропали — двух слуг
Присудили тогда и сослали.
А потом — раз старик оплошал —
У него эти камни видали:
Сам же он у жены их украл!
Ненавидят его, но для виста
Он всегда партсперов найдет:
«Что ж? ведь в клубе играет он чисто!»
150 Наша логика дальше нейдет...

А другой? Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человек
С озабоченным, бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движениям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу.
В оны годы служил он в цензуре
160 И доныне привычку сберег
Всё, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «шалишь!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... «А позвольте узнать
(Он болтун — говорите с ним смело),
170 Что изволили вы отыскать?»

— Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? где? Цепенеет мой ум!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вот взгляните — мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,
Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
180 И Гизота в печать провели.
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К государственной росписи смеют
Прикасаются нечистой рукой!
Будет время — пожнут, что посеют!
(Старец грозно качнул головой.)
А свобода, а земство, а гласность!
(Крикнул он и очки уронил):
Вот где бедствие! вот где опасность
190 Государству... Не так я служил!

О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
К сожаленью, при новых порядках,
Председатель отставку мне дал;
На начальство роптать не дерзаю
(*Не умею* — и этим горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не гожусь?
200 Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив, — я черкал и черкал!
К сочинению ключ понемногу,
К тайной цели его подберешь,
Сходишь в церковь, помолишься богу
И опять троекратно прочтешь:
Взвешен, пойман на каждом словечке,
Сочинитель дрожал предо мной, —
Повертится, как муха на свечке,
210 И уйдет тихомолком домой.
Рад-радехонек, если тетрадку
Я, похерив, ему возвращу,
А то, если б пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!
Занимаясь семь лет этим дельцем,
Не напрасно я брал свой оклад
(Тут сравнил он себя с земледельцем,
Рвущим сорные травы из гряд).
Например, Вальтер Скотт или Купер —
220 Их на веру иной пропускал,
Но и в них открывал я *канупер!*
(Так он вредную мысль называл.)

Но зато, если дельны и строги
Мысли — кто их в печать проводил?
Я вам мысль, что «большие налоги
Любит русский народ», пропустил,
Я статью отстоял в комитете,
Что реформы раненько вводить,
Что крестьяне — опасные дети,
230 Что их грамоте рано учить!
Кто, чтоб нам микроскопы купили,

С представленьем к министру вошел?
А то раз цензора пропустили,
Вместо северный, сьверный орел!
Только буква... Шутите вы буквой!
Автор прав, чего цензор смотрел? —

Освежившись холодною клюквой,
Он прибавил: — А что я терпел!
Не один оскорбленный писатель
240 Письма бранные мне посылал
И грозился... (да шутишь, приятель!
Меры я надлежащие брал.)
Мне мерещились авторов тени,
Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился — был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку...
Мне одна романистка чуть-чуть
В маскараде... но бабу-нахалку
250 Удержали... да, труден наш путь!

Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
Совесть цензора знать не должна,
Долг, во-первых — обязанность службы!
Во-вторых, сударь: дети, жена!
И притом я себя так прославил,
Что свихнись я — другой бы навряд
Место новое мне предоставил,
Зависть общий порок, говорят! —

Тут взглянул мне в лицо старичина:
260 Ужас, что ли, на нем он прочел,
Я не знаю, какая причина,
Только речь он помягче повел:
— Так храня целомудрие прессы,
Не всегда был, однако, я строг.
Если б знали вы, как интересы
Я писателей бедных берег!
Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за труд их лишал.
Оставляя я страницы и строки,
270 Только вредную мысль исключал.

Если ты написал: «равнодушно
 Губернатора встретил народ»,
 Исключу я три буквы: «ра — душно»
 Выйдет... что же? три буквы не счет!
 Если скажешь: «в дворянских именьях
 Нищета ежегодно растет», —
 «Речь идет о сардинских владеньях» —
 Поясню, — и статейка пройдет!
 Точно так: если страстную Лизу
 280 Соблазнит русокудрый Иван,
 Переносится действие в Пизу —
 И спасен многотомный роман!
 Незаметные эти поправки
 Так изменят и мысли, и слог,
 Что потом не подточишь булавки!
 Да, я авторов много берег!
 Сам я в бедности тяжкой родился,
 Сам имею детей, я не зверь!
 Дети! дети! (старик омрачился).
 290 Воздух, что ли, такой уж теперь —
 Утешения в собственном сыне
 Не имею... Кто б мог ожидать?
 Никакого почтения к святыне!
 Спорю, спорю! не раз и ругать
 Принимался, а втайне-то плачешь.
 Я однажды ему пригрозил:
 «Что ты бесишься? что ты чудачишь?
 В нигилисты ты, что ли, вступил?»
 — Нигилист — это глупое слово, —
 300 Говорит, — но когда ты под ним
 Разумел человека прямого,
 Кто не любит живиться чужим,
 Кто работает, истины ищет,
 Не без пользы старается жить,
 Прямо в нос негодяя освищет,
 А при случае рад и побить —
 Так пожалуй — зови нигилистом,
 Отчего и не так! — Каково?
 Что прикажете с этим артистом?
 310 Я в студенты хотел бы его,
 Чтобы чин получил... но едва ли...
 — Что чины? — говорит, — ерунда!

Там таких дураков насажали,
Что их слушать не стоит труда,
Там я даром убью только время. —
И прибавил еще сгоряча
(Каково современное племя?):
— Там мне скажут: ты сын палача! —

Тут невольно я голос возвысил,
320 «Стой, глупец! — я ему закричал, —
Я на службе себя не унижил,
Добросовестно долг исполнял!»
— Добросовестность милое слово, —
Возразил он, — но с нею подчас... —
«Что, мой друг? говори — это ново!»
Сильный спор завязался у нас;
Всю нелепость свою понемногу
Обнаружил он ясно тогда;
330 Между прочим, сказал: — Слава богу,
Что чиновник у нас не всегда
Добросовестен... — Вот как!.. За что же
Возрождается в сыне моем,
Что всю жизнь истреблял я?.. о боже!.. —

Старец скорбно поникнул челом.

«Хорошо ли, служба, корректуры
Вы скрывали от ваших детей? —
Я с участием сказал: — без цензуры
Начитался он, видно, статей?»
— И! как можно!.. —

Тут нас перервали.
340 Старец снова газету берет...

.....

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

I РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суеются,
Мертвых везут на погост...
Еду кой с кем повидаться
Через Николаевский мост.

Пот отирая обильный
С голого лба, стороной —
Вижу — плетется рассыльный,
Старец угрюмый, седой.

С дедушкой этим, Минаем,
¹⁰ Я уж лет тридцать знаком:
Оба мы хлеб добываем
Литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,
Вирши в редакцию свез, —
Первую эту страницу
Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядеть:
Век свой мы лезли из кожи.
²⁰ Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствии нашем
Равную ролю играл, —
Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: «запрещаю!»
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
30 Сходны в итоге вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дорожке,
Время уж скоро решит,
Впрочем, я вдвое моложе.
Он уж непрочен на вид,

Длинный и тощий, как остов,
Но стариковски пригож...
— Эй! на Васильевский остров
40 К цензору, что ли, идешь? —

«Баста ходить по цензуре!
Осlobонилась печать,
Авторы наши в натуре
Стали статейки пуцать.

К ним да к редактору ныне
Только и носим статьи...
Словно повысились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
50 Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше изнашивается в год!..»

II НАБОРЩИКИ

Чей это гимн суровый
Доносит к нам зефир?
То армии свинцовой
Смирный командир —

Наборщик распевает
У пыльного станка,
Меж тем как набирает
Проворная рука:

«Рабочему порядок
10 В труде всего важней,
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несут... ой, ой!

Тетрадь толстенка в стане,
В неделю не набрать.
Но не гордись заране,
20 Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!
Ужо мы наберем,
Оттиснем в корректуре
И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,
Надев свои очки;
Отечески марает —
Словечко, полстроки!

Но не достало силы,
30 Вдруг руки разошлись,
И красные чернилы
Потоком полились!»

Живого нет местечка!
И только на строке
Торчит кой-где словечко,
Как муха в молоке.

Угрюмый и сердитый
Редактор этот сброд,

Как армии разбитой
40 Остатки, подберет;

На ниточку нанижет,
Кой-как сплотит опять
И нам приказ напишет:
«Исправив, вновь послать».

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов
И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов,

По кассам! Вновь в порядке
50 Лежат одна к одной.
Потерян ключ к загадке,
Что выражал их строй!

Так остается тайной,
Каков и где тот плод,
Который вихрь случайный
С деревьев в бурю рвет.

(Что, какова заметка?
Недурен оборот?
Случается нередко
60 У нас лихой народ.

Наборщики бывают
Философы порой:
Не всё же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы —
Полезные идейки
Усваиваем мы...)

Уж в новой корректуре
70 Статья не велика,
Глядишь — опять в цензуре
Посгладят ей бока.

Вот, наконец, и сверстка!
Но что с тобой, тетрадь?
Ты менее наперстка
Являешься в печать!

А то еще бывает,
Сам автор прибежит,
Посмотрит, повздыхает
80 Да всю и порешит!

Нам все равны статейки,
Печатай, разбирай, —
Три четверти копейки
За строчку нам отдай!

Но не равны заботы.
Чтоб время наверстать,
Мы слепнем от работы...
Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
90 Войдите-ка в полночь
В наборную газеты —
Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
Красив, как трубочист...
Кто выдумал газетный
Бесчеловечный лист?

Хоть целый свет обрыцешь,
И в самых рудниках
Тошней труда не сыцешь —
100 Мы вечно на ногах;

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица;

В работе беспорядок
Нам сокращает век.

И лишний рубль несладок,
Как болен человек...

Но вот свобода слова
110 Негаданно пришла,
Не так уж бестолково,
Авось, пойдут дела!

Х о р

Поклон тебе, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа
Ты тяготу сняла!

III

ПОЭТ

Друзья, возрадуйтесь! — простор!
(Давай скорей бутылку!)
Теперь бы петь... Но стал я хвор!
А прежде был я пылок.
И был подвижен я, как челн
(Зачем на пробке плесень?..),
И как у моря звучных волн,
У лиры было песен.
Но жизнь была так коротка
10 Для песен этой лиры, —
От типографского станка
До цензорской квартиры!

IV

ЛИТЕРАТОРЫ

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!» —
Заметил весело один.
— Теперь нас ждут простор и слава! —
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал!¹

¹ Эти два последние стиха взяты у Лермонтова:
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильного труда.
Я, как ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите — хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
10 Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной пчеле».

Я говорю о фельетоне...
Статейки я писать могу
В великосветском, модном тоне,
И будут хороши, не лгу.

Из жизни здешней и московской
Черты охотно я беру.
20 Знаком вам господин Пановский?
Мы с ним похожи по перу.

Известен я в литературе...
Угодно ль вам меня нанять?
Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать?

Признаться, я попал неволью
В литературную семью.
Ох! было время — вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идейку,
20 Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять я без боязни мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполóшил всю цензуру,
Таскали даже ко двору!

Ну! дали мне головомойку,
С полгода поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
40 И не гляжу на этот мост!

Я надоел вам? извините!
Но старых ран коснулся я...
И вдруг... кто думать мог?... скажите!..
Горька была вся жизнь моя,

Но претерпев судьбы удары,
Под старость счастье я узнал:
Курил на улицах сигары
И без цензуры сочинял!

VI ПУБЛИКА

1

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

Боже! пошли нам терпенье!
40 Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
В цивилизованном классе
Будто растленье одно,
Бедность безмерная в массе
(Где же берут на вино?)

В каждом нажиться старанье,
 В каждом продажная честь,
 Только под шубой бараньей
 20 Сердце хорошее есть!
 Ох, этот автор злодейский!
 Тоже хитрит иногда,
 Думает лестью лакейской
 Нас усыпить, господа!
 Мы не хотим поцелуев,
 Но и ругни не хотим...
 Что ж это смотрит Валуев¹,
 Как этот автор терпим?
 Слышали? Всё лишь подобье,
 30 Всё у нас маска и ложь,
 Глупость, разврат, узколобье...
 Кто же умен и хорош?
 Кто же всегда одинаков?
 Истине друг и родня?
 Ясно — премудрый Аксаков,
 Автор премудрого «Дня»!
 Пусть он таков, но за что же
 Надоедает он всем?..
 Чем это кончится, боже!
 40 Чем это кончится, чем?

 Ай да свободная пресса!
 Мало вам было хлопот?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бьет,
 Как забежавший из степи
 Конь, незнакомый с уздой,
 Или сорвавшийся с цепи
 Зверь нелиудимый, лесной...

2

Нынче, журналы читая,
 50 Просто не веришь глазам,
 Слышали — новость какая?
 Мы же должны мужикам!
 Экой герой-сочинитель!

¹ Тогдашний министр внутренних дел.

Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту цифирь?
Если ее ты докажешь,
Дай уж нам кстати совет:
Чем расплатиться прикажешь?
60 Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов,
Кроме усов, бакенбардов
Да «как-нибудь» да «авось»...
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смилуйся! что-нибудь сбрось!
Друг! ты стоишь на рогоже,
70 Но говоришь ты с ковра...
Чем это кончится, боже!..
Грешен, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот:
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забсжавший из стены
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
80 Зверь нелюдимый, лесной...

3

Мало, что в сфере публичной
Трогают всякий предмет,
Жизни касаются личной!
Просто спасения нет!
Если за добрым обедом
Выпил ты лишний бокал
И, поругавшись с соседом,
Громкое слово сказал,
Не говорю уж — подрался
90 (Редко друг друга мы бьем),
Хоть бы ты тут же обнялся
С этим случайным врагом, —

Завтра ж в газетах напишут!
 Господи! что за скоты!
 Как они знают всё, слышат!..
 Что потом сделаешь ты?
 Ежели скажешь: «вы лжете!» —
 Он очевидцев найдет,
 Если дуэлью пугнете,
¹⁰⁰ Он вас судом припугнет.
 Просто — не стало свободы,
 Чести нельзя защитить...
 Эх! эти новые моды!
 Впрочем, есть средство: побить.
 Но ведь, пожалуй, по роже
 Съездит и он между тем.
 Чем это кончится, боже!..
 Чем это кончится, чем?..
 Ай да свободная пресса!
¹¹⁰ Мало вам было хлопот?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бьет,
 Как забежавший из стени
 Конь, незнакомый с уздой,
 Или сорвавшийся с цепи
 Зверь нелюдимый, лесной...

4

Всё пошатнулось... О, где ты,
 Время без бурь и тревог?..
 В бога не верят газеты,
¹²⁰ И отрицают поэты
 Пользу железных дорог!
 Дыбом становится волос,
 Чем наводнилась печать, —
 Даже умеренный «Голос»
 Начал не в меру кричать;
 Ни одного элемента
 Не пропустил, не задев,
 Он положеньем Ташкента
 Разволновался, как лев;
¹³⁰ Бдит он над западным краем,
 Он о России болит,
 С ожесточеньем и лаем

Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах,
Точно ли вышел запрет:
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет?
Что — на дорогах железных!
Остановить бы везде.
140 Меньше бы трат бесполезных!
И без того мы в нужде.
Жизнь ежедневно дорожке,
Деньги трудней между тем.
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
150 Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

5

Право, конец бы таковский,
И не велика печаль!
Только газеты московской
Было б, признаться, нам жаль,
Впрочем... как пристально взвесить,
Так и ее — что жалеть!
160 Уж начала куролесить,
Может совсем ошалеть.
Прежде лишь мелкий чиновник
Был твоей жертвой, печать,
Если ж военный полковник —
Стой! ни полслова! молчать!
Но от чиновников быстро
Дело дошло до тузов,
Даже коснулся министра
Неустрашимый Катков.
170 Тронута там у него же
Много забористых тем...

Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
180 Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

VI ОСТОРОЖНОСТЬ

1

В Ледовитом океане
Лодка утлая плывет,
Молодой, пригожей Тане
Парень песенку поет:
«Мы пришли на остров дикий,
Где ни церкви, ни попов,
Зимовать в нужде великой
Здесь привычен зверолов;
Так с тобой, моей голубкой,
10 Неужли нам розно спать?
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согревать!»
Хорошо поет, собака,
Убедительно поет!
Но ведь это против брака, —
Не нажать бы нам хлопот?
Оправдаться есть возможность,
Да не спросят — вот беда!
Осторожность! осторожность!
20 Осторожность, господа!..

2

У солидного папаши
Либералка вышла дочь
(Говорят, журналы наши
Всё читала день и ночь),

Жениху с хорошим чином
Отказала, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась, не спросясь.
В свете это сплошь бывает,
30 Это тиснуть мы могли б,
Но ведь это посягает
На родительский принцип!
За подобную оплошность
Не постигла б нас беда?
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

3

Наш помещик Пантелеев
Век играл, мотал и пил,
А крестьянин Федосеев
40 Век трудился и копил —
И по улицам столицы
Пантелеев ходит гол,
А дворянские землицы
Федосеев приобрел.
В свете это всё бывает,
Много есть таких дворян,
Но ведь это означает
Оскорблять дворянский сан.
Тисни, тисни! есть возможность, --
50 А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

4

Что народ ни добывает,
Всё не впрок ему идет:
И подрядчик нажимает,
И торгаш с него дерет.
Уж таков теперь обычай —
Стонут, воют, бедняки...
Ну — а класс-то ростовщичий?
60 Сгубят нас ростовщики!
Я желал бы их, проклятых,
Хорошенечко пробрать,

Но ведь это на богатых
Значит бедных натравлять?
Ну, какая же возможность
Так рискнуть? кругом беда!
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

5

Крестный ход в селе Остожье.
70 Вдруг: «пожар!» — кричит народ.
«Не бросать же дело божье —
Кончим прежде крестный ход».
И покудова с иконой
Обходили всё село,
Искрой, ветром занесенной,
И другой посад зажгло.
Погорели! В этом много
Правды горькой и простой,
Но ведь это против бога,
80 Против веры... ой! ой! ой!
Тут полнейшая возможность
К обвиненью без суда...
Ради бога, осторожность,
Осторожность, господа!

VIII

ПРОПАЛА КНИГА!

1

Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!
Бог с ней, когда идея зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздных дур
И дураков мы недосужны.
Не нужно нам плохих брошюр,
Нам нужен хлеб, нам деньги нужны!

Но, может быть, она была
10 Честна... а так резка, смела?
Две, три страницы роковые...
О, если так, ее мне жаль!

И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

2

Уж напечатана — и нет!..
Не познакомимся мы с нею;
Девнца в девятнадцать лет
Не замечается над нею;
О ней не будут рассуждать
²⁰ Ни дилетант, ни критик мрачный,
Студент не будет посыпать
Ее листов золой табачной.

Пропала! с ней и труд пропал,
Затрачен даром капитал,
Пропали хлопоты большие...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

3

Прощай! горька судьба твоя,
³⁰ Бедняжка! Как зима настанет,
За чайным столиком семья
Гурьбой читать тебя не станет.
Не занесешь ты новых дум
В глухие, темные селенья,
Где изнывает русский ум
Вдали от центров просвещенья!

О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...
⁴⁰ Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!..

БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
 Прелестны, милые друзья,
 Но, ваясь, *ножка Терпсихоры*
 Прелестней чем-то для меня;
 Она, пророчествуя взгляду
 Неоцененную награду,
 Влечет услужью красой
 Желаний своевольный рой...

Пушкин.

Свирепеет мороз ненавидный.
 Нет, на улице трудно дышать.
 Муза! нынче спектакль бенефисный,
 Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
 Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
 Что за радость ослепнуть от блеска
 Генеральских, сенаторских звезд.
 Лучезарней румяного феба
 10 Эти звезды: заметно тотчас,
 Что они не нахватаны с неба —
 Звезды неба не яркие у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
 Мы решились окинуть тот ряд,
 Что зовут «бриллиантовым рядом»,
 Может быть, изощренный наш взгляд
 И открыл бы предмет для сатиры
 (В самом солнце есть пятнышки). Но —
 Немы струны карающей лиры,
 20 Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Попапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
30 (То есть: купчик — кутила и мот)
И мышинный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
40 (Не в балете ли весь человек?)
Но и их я оставляю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслажденьи, в труде и в покое,
50 В блудном сыне, в почтенном отце, —
Есть одно — *угадайте, какое?* —
Выраженье на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай — если можешь — ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть,
Но взглядишь: при наружном различьи
60 В нас единство глубокое есть:

Нас безденежье всех уравнило —
И великих, и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: *где бы занять поскорей?*
Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на-днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвце.
Если старец игрив чрезвычайно,
70 Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
80 Держит сторону их — говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё население,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожила за границею знать,
Отчего оголело дворянство,
90 Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:

Тщетно юноши рыщут по балам,
 100 Тщетно барышни рядятся в пух —
 Вовсе нет стариков с капиталом,
 Вовсе нет с капиталом старух!
 Сокрушаются Николье и Плинке ¹,
 Без почину товар их лежит,
 Сбыта нет самой модной новинке
 (Догадайтесь — откройте кредит!)
 Не развоят картонок нарядных
 Изомбар, Андрие и Мошра ²,
 А звонят у подъездов парадных
 110 С неоплаченным счетом с утра.
 Что модистики! злосчастные прачки
 Ходят месяц за каждым рублем!
 Опустели рысистые скачки,
 Жизни нет за зеленым столом.
 Кто, бывало, дуря с азарту,
 Кряду игрывал по сту ночей,
 Пообедав, поставит на карту
 Злополучных пятнадцать рублей
 И уходит походкой печальной
 120 В думу, в земство и даже в семью
 Отводить болтовней либеральной
 Удрученную душу свою.
 С богом, друг мой! В любом комитете
 Побеседовать можешь теперь
 О кредите, о звонкой монете,
 Об «итогах» дворянских потерь,
 И о «брате» в нагольном тулупе,
 И о том, за какие грехи
 Нас журналы ругают, и в клубе
 130 Не дают нам стерляжьей ухи!
 Там докажут тебе очевидно,
 Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
 Жить, — такие пришли времена!
 Купишь что-нибудь — дерзкий приказчик
 Ассигнацию щупать начнет

¹ Хозяева английского магазина.

² Известные модистики.

И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет, —
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!

- ¹⁴⁰ Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал, —
«Будто нет благородней материй?» —
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мнением вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
¹⁵⁰ Бель-этаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложки взглянуть,
Где уселись банкирские жены —
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложках — мужчины еврей,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
¹⁶⁰ Напугала их, что ли?) Одна
Огкупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бель-этаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —
Не затих еще шопот скандальный,
¹⁷⁰ Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу, —
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял

Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
180 Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться,—чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Всё погибло — и деньги, и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
190 И супругу дай дух перевести!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снега» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен — богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! вы бы надели
200 Платье проще! — Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бель-этаже сияло
210 Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,

Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта,
220 Наконец-то, прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)
Все бинокли приходят в движение —
Появляется кордебалет.
Здесь позволю себе отступление:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
230 Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
«Однако, вы — астроном!» —
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
240 Смутился (о профан!)
«Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан...» —

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«В стремлении к идеалу
Дурного, впрочем, нет.

Не всё ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
250 Купите-ка бинокль!..»

Купил! — и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
260 В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
270 Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилася ножка вправо —
Мы вправо... — Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель!.. «Фора! bis!»

280 Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Пантомимною сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской

Петипа — и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
290 Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучишу»,
Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки нехватает цветов!

Всё — до ластовиц белых в рубахе —
300 Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном «браво»,
Даю народному чувству плата.
Только ты, моя муза! лукаво
310 Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, муза моя?..

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: Гурия рая!
320 Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная».
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевев, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,

Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
330 Пляшет он — даже песни поет!..

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Прямоком через реки, поля
Едут путники узкой тропой:
В белом саване смерти земля,
340 Небо хмурое, полное мглою.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
350 Припорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит никуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье мятели...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
360 С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется

Или крик: «ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
370 Словно до сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расплзается
На заре по росистым травам,
Это горе идет — подвигается
380 К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «господь с вами, милые!» —
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее!
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
390 Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

* * *

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бесменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял,
Зато кричат безличные: «ликуем!»
¹⁰ Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

ПЕСНИ

I

У людей-то в дому — чистота, лепота,
А у нас-то в дому — теснота, духота.

У людей-то для щей — с солонинкою чан,
А у нас-то во щях — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятишек дарят,
А у нас кумовья — наш же хлеб приедят!

У людей на уме — погудорить с кумой,
А у нас на уме — не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
10 Чтобы деньги в кошле, чтобы рожь на гумне;

Чтоб шлея в бубенцах, расписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не поскопь-дерюга;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей — грамотей;

Чтобы дети в дому, словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому — как малинка в саду!

II КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам, что ни попало, из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К братцу я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная, — старики твердят: —
10 Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат: —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят: —
Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде, — с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
20 Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропала?» — спросит муженек.
— Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь! —
«Ах, ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад —
Милого побои не долго болят!

III МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,
А в клетки, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и овощь в огороде —
10 Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

IV СВАТ И ЖЕНИХ

(В кабаке за полуштофом)

1

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны Орина, —
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
10 Марья малость рябовата,
Да смиренна, важевата,
Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем — ни-ни-ни!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить
И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порог
Не вставала поперек!

Ай да Марья, Марья — клад!
20 Сватай Марью, Марью, сват!

2

Нутко! Вера у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетей у Фрола, —
Замуж всем пора пришла!
У Никиты — Катерина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, щедровита,
30 Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить
И с корявой можно жить,
Да чтоб мясо на костях,
Чтобы силушка в руках!
Ай да Марья! Марья — клад!
40 Сватай Марью, Марью, сват!..

3

Нутко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Евстратя — Акулина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья точно щедровита,
50 Да хозяйка домовита:
Всё примоеет, приберет,
Всё до нитки сбережет!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить
И с корявой можно жить,

Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай да Марья! Марья — клад!
⁶⁰ Сватай Марью, Марью, сват!

(Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.)

V

ГИМН

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
¹⁰ Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь! ты вверишь на Руси!..

1 8 6 7

* * *

(Посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть»)

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
10 Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
20 Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,

Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
30 Встречал врагов всё больше на пути —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страдания,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознания
На путь, которым бог тебя ведет,
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
40 Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, чертвя с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

ВЫБОР

Ночка сегодня морозная, ясная.

В горе стоит над рекой

Русская девица, девица красная,

Щупает прорубь ногой.

Тонкий ледок под ногою ломается,

Вот на него набежала вода;

Царь водяной из воды появляется,

Шепчет: «бросайся, бросайся сюда!

Любо здесь!» Девица, зову покорная,

10 Вся наклонилась к нему.

«Сердце покинет кручинушка черная,

Только разок обойму,

Прянь!..» И руками к ней длинными тянется!..»

Синие льды затрещали кругом,

Дрогнула девица! Ждет — не оглянется —

Кто-то шагает, идет напрямиком.

«Прянь! Будь царицею царства подводного!..

Тут подошел воевода Мороз:

— Я тебя, я тебя, вора негодного!

20 Чуть было девку мою не унес! —

Белый старик с бородою пушистою

На воду триждыдохнул,

Прорубь подернулась корочкой льдистою,

Царь водяной подо льдом потонул.

Молвил Мороз: — не топися, красавица!

Слез не осушишь водой,

Жадная рыба, речная пиявица,

Там твой нарушат покой;

Там защекотят тебя водяные,
30 Раки вопьются в высокую грудь,
Ноги опутают травы речные.
Лучше со мной эту ночь побудь!
К утру я горе твое успокою,
Сладкие грезы его усыпят,
Будешь ты так же пригожа собою,
Только красивее дам я наряд:
В белом венке голова засияет
Завтра, чуть красное солнце взойдет. —

Девушка берег реки покидает,
40 К темному лесу идет.

Села на пень у дороги: ласкается
К ней воевода-старик.
Дрогнется — зубы колотят — зевается —
Вот и закрыла глаза... забывается...
Вдруг разбудил ее Лешего крик:

«Девонька! встань ты на резвые ноги,
Долго Морозко тебя протомит.
Спал я и слышал давно: у дороги
Кто-то зубами стучит,
50 Жалко мне стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь — тут не будет покою:
Станут оттаивать, станут качать!
Я заведу тебя в чащу лесную,
Где никому до тебя не дойти,
Выберем, девонька, сосну любую...»

Девушка с Лешим решила идти.

Идут. Навстречу медведь попадается,
Девушка вскрикнула — страх обуял.
60 Хохотом Лешего лес наполняется:
«Смерть не страшна, а медведь испугал!
Экой лесок, что ни дерево — чудо!
Девонька! глянь-ка, какие стволы!
Глянь на вершины — с синицу оттуда
Кажутся спящие летом орлы!

Темень тут вечная, тайна великая,
Солнце сюда не доносит лучей,
Буря възграет — ревущая, дикая —
Лес не подумает кланяться ей!
70 Только вершины поропщут тревожно...
Ну, полезай! подсажу осторожно...
Люб тебе, девица, лес вековой!
С каждого дерева броситься можно
Вниз головой!»

СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ
«МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена третья

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, шиш, кустарник; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, отставные солдаты, бабы, девки, мальчики и девочки. Каждый и каждая с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За народом С а в е л и й, окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотою. По дороге, протопываемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь В о е х о т с к и й, старик лет 65-ти, сановник; за ним барон Ф о н д е р - Г р е б е н, нечто вроде посланника, важная падеменная фигура, лет 50. Он изредка переговаривается с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. За ними М и ш а, плотный, полдюймовый господин, лет 45, действительный статский советник, служит; здоров до избытка, шутник и хохотун; рядом с ним П а л ь ц о в, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.

Миша и Пальцов продолжают прежде начатый разговор.

П а л ь ц о в

...Что ты ни говори, претит душе моей
Тот круг, где мы с тобою бродим:
Двух-трех порядочных людей
На сотню франтов в нем находим.

А что такое русский франт?
Всё совершенствуется в свете,
А у него единственный талант,
Единственный прогресс— в жилете.
Вино, рысак, лоретка — тут он весь
¹³ И с внутренним и с внешним миром.
Его тщеславие вращается доднесь

М и ш а

Ты метко франтов очертил.

П а л ь ц о в

Одно я только позабыл,
Коснувшись этой тли спаружи,
Что эти полумертвецы,
Развратом юности ослабленные души,
Невежды, если не глупцы, —
Со временем родному краю
Готовятся...

М и ш а

Я понимаю.

Но не одних же пустомель
⁶⁰ Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди — их понятия шире,
Доступна им живая цель.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы
До полурусской Ниццы,
Соедини-ка их в одно
Разумным, общерусским делом...

П а л ь ц о в

Соединить их — мудрено!
⁷⁰ Занесся ты, в порыве смелом,
Бог весть куда, любезный друг!
Вернись-ка к фактам!

М и ш а

Факты трудны!

Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!
Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.
Вот например: давно не очень
⁸⁰ Жизнь на Руси груба была
И, как под музыку, текла
Под град ругательств и пощечин:

Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.
Ну, а теперь — гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

П а л ь ц о в

Вот чудо!

М и ш а

Чуда, друг мой, нет,
Но всё же выигрыш в итоге.
Засевши на большой дороге
90 С дворовой челядью, мой дед
Был, говорят, грозой краю,
А я — его любезный внук —
Я друг народа, друг наук,
Я в комитетах заседаю!

П а л ь ц о в

Ты шутишь?

М и ш а

Нет, я не шучу!
Я этой резкостью сравненья
Одно сказать тебе хочу:
«Держись на русской точке зренья» —
И ты утетишься, друг мой!
100 Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но уж теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

П а л ь ц о в

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,
Довольно с нас благоговеть, гордиться.
Ты эпитафию читал ли одному?
По-моему, десяткам пригодится!
110 «Систему полумер приняв за идеал,
Ни прогрессист, ни консерватор,
Добро ты портил, зла не улучшал,
Но честный был администратор...»

В администрацию попасть большая честь;
Но будь талант — пути открыты,
И надобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

М и ш а

Давно ли чуждо было нам
Всё, кроме личного расчета?
¹²⁰ Теперь к общественным делам
Явилась рьяная забота!

П а л ь ц о в

(смеется)

С тех пор, как родину прогресс
Поставил в новые условия,
О Русь! вселился новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес «общественных забот».
Кто им не одержим? Но — чудо! —
Немного выиграл народ,
И легче нет ему покуда
¹³⁰ Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лаксеев мыслей благородных!

М и ш а

Ну! зол ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,
Ты и себя ругнул огулом.
А я, опять-таки, скажу:
Часть общества по мере сил развита;
Не сплошь мы пошлости рабы:
¹⁴⁰ Есть признаки осмысленного быта,
Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскорузлый консерватор,
А рядом — сам ты замечал —
Великосветский радикал!

П а л ь ц о в

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,
Он не идет, а, так сказать, проносит
150 Себя, как контрабанду, среди нас.
Шалит землевладелец крупный,
Морочит модной маской свет,
Иль точно тайной недоступной
Он полон — не велик секрет!

М и ш а

И то уж хорошо, что времена пришли
Брать эти — не другие роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?..
Теперь, куда ни посмотри,
160 Зачатки критики, стремленье...

П а л ь ц о в (с гневом)

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнение!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства, тушеядства;
На нем предательства печать
И непонятого злорадства!
У русского особый взгляд,
Преданьям рабства страшно верен:
Всегда побитый виноват,
170 А битым — счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва — сторонников полки,
Восторг почти России целой,
Потом — усталость; наконец,
Все настороже, все в тревоге,
И покидается боец
Почти один на полдороге...
Победа! мимо всех преград
180 Прошла и принялась идея:
«Ура!» кричим мы не робея,

И тот, кто рад, и кто не рад...
 Зато с каким зловещим тактом
 Мы неудачу сторожим!
 Заметив облачко над фактом,
 Как ступешаться мы спешим!
 Как мы вертим хвостом лукаво,
 Как мы уходим величаво
 В скорлупку пошлости своей!
 190 Как негодуем, как клевецем,
 Как ретроградам рукоплещем,
 Как выдаем своих друзей!
 Какие слышатся аккорды
 В постыдной оргии тогда!
 Какие выдвинутся морды
 На первый план! Гроза, беда!
 Облава — в полном смысле слова!..
 Свалились в кучу — и готово
 Холопской дури торжество,
 200 Мычанье, хрюканье, бляенье
 И жеребьячье гоготанье —
 А-ту его! а-ту его!..

Не так ли множество идей
 Погибло несомненно важных,
 Помяв порядочных людей
 И выдвинув вперед продажных?
 Нам всё равно! Не дорожим
 Мы шагом к прочному успеху.
 Прогресс?.. его мы не хотим —
 210 Нам дай новинку, дай потеху!
 И вот новинке всякий рад
 День, два; все полны грез и веры.
 А завтра с радостью глядят,
 Как «рановременные» меры
 Теряют должные размеры
 И с треском пятятся назад!..

(Народ впереди остановился. Остановились и охотники. С а в е л и й, объяснив что-то князю В о е х о т с к о м у, причем таинственно указывал по направлению к лесу, подходит к П а л ь ц о в у и М и ш е.)

С а в е л и й

На номера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здесь не годится.

М и ш а

²²⁰ Что ж можно? Можно водку пить!

(Хочет и, наливая из фляжки, потчует П а л ь ц о в а и пьет сам. С а в е л и й, расставив охотников по цепи, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половны; одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая налево).

Сцена четвертая

Б а р о н фон-дер-Гребен и князь Воехотский
На № 5-м, Б а р о н сидит на складном стуле; снег около него утопан, под ногами ковер. Близ него прислонены к дереву три штудера со взведенными курками. В нескольких шагах от него, сзади, мужик-охотник с рогатиной.

К н. В о е х о т с к и й

(*подходя к барону с своего, соседнего номера*)

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

Б а р о н

И не мог

Не заключить, что этому народу
Пути к развитию заградил сам бог.

К н. В о е х о т с к и й

Да! да! непобедимые условия!
Но, к счастью, народ не выше их:
Невежество, бесчувственность воловь
Полезны при условиях таких.

Б а р о н

Когда природа отвечать не может
²³⁰ Потребностям, которые родит
Развитие — оно беды умножит
И только даром страсти распалит.

К н. В о е х о т с к и й

Вы угадали мысль мою: нелепо
В таких условиях просвещать народ.
На почве, где с трудом родится репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа: там избыток
Во всех дарах, по милости судеб;
А здесь один суровый черный хлеб
240 Да из него же гибельный напиток!
И средства нет прибавить что-нибудь.
Болото, мох, песок — куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда железный путь,
К путям железным весь народ не стянешь!
А здесь — вот, например, зимой —
Какие тут возможны улучшения?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой!
Здесь мужику, что вышел за ворота,
250 Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота —
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней.
Его удел — безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством, и умом,
Его узда — налоги, труд, рекрутство,
260 Его утеха — водка с дурманом!

Б а р о н

So, so...

Сцена пятая

П а л ь ц о в и М и ш а

На № 1-м. К П а л ь ц о в у подходит с своего номера М и ш а.

М и ш а

Еще не скоро выйдет зверь...
Покамест, приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»,

Которыми набили мы теперь
Оскому, как незрелыми плодами,
Не слышались и в шутку между нами.
Когда считался зверем либерал,
Когда слова: «общественное благо»
И произнести нужна была отвага,
270 Которою никто не обладал!
Когда одни житейские условия
Сближали нас, а попросту расчет,
И лишь в одном сливались все сословья,
Что дружно налегали на народ...

П а л ь ц о в

Великий век, когда блистал
Среди безгласных поколений
Администратор-генерал
И откупщик — кабачный гений!

М и ш а

Ты, думаю, охоту на двуногих
280 Застал еще в ребячестве своем.
Слышал ты вопли стариков убогих
И женщин, засекаемых кнутом?
Я думаю, ты был не полугода
И не забыл порядки тех времен,
Когда, в ответ стенаниям народа,
Мысль русская стонала в полутон?

П а л ь ц о в

Великий век — великих мер!
«Не рассуждать, — повиноваться!» —
Девиз был общий; сам Гомер
290 Не смел Омиром называться.

М и ш а

Припомни, как в то время золотое
Учили нас? Раздолье-то какое!
Сын барина, чиновника, князька
На столько норовил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь — а там дорога широка!

Три фазиса дворянское развитие
Прекрасные являло нам тогда:
В дни юности — кутеж и стеклобитье,
300 *Наука жизни* — в зрелые года
(Которую не в школах европейских —
Мы черпали в гостиных и лакейских),
И, наконец, заветная мечта —
Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотсе,
Которого исчадье мы прямое,
Припомнил? — Ну, так полюбуйся им!

Как яблоню качает проходящий,
Весь занятый минутой настоящей,
310 Желанием одним руководим —
Набрать плодов и дале в путь пуститься,
Не думая, что много их свалится,
Которых он не сможет захватить,
Которые напрасно будут гнить:
Так русское общественное древо,
Кто только мог, направо и налево
Раскачивал, спеша набить карман,
Не думая о том, что будет дале...
Мы все тогда жирели, наживали,
320 Все... кроме, разумеется, крестьян...
Да в стороне стоял один, печален,
Тогдашний чистоплотный либерал;
Он рук в грязи житейской не марал,
Он для того был слишком идеален,
Но он зато не делал ничего...

П а л ь ц о в

О ком ты говоришь?

М и ш а

В литературе

Описан он достаточно: его
Прозвали «лишним». Честный по натуре,
Он был аристократ, гуляка и лентяй;
330 Избыточно снабженный всем житейским,
Следил он за движеньем европейским...

П а л ь ц о в

Да это — я!

М и ш а

Как хочешь понимай!

Тип был один, оттенков было много.
Судили их тогда довольно строго,
Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их поинать...

Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный,
340 Либерал-идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе разъезжающий,
Здесь и там — всему чужой,
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты, зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя;
Всё с погибшими созданными
350 Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знаньями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал;
Злых, надменных, угнетающих
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
360 Но и в воду не толкал...
Ты, в котором чуть не гения
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И беспутного житья!
Хоть реального усилия
Ты не сделал никогда,
Чувству горького бессилия
Подчинившись навсегда —

Всё же чту тебя и ныне я,
370 Я люблю припоминать
На челе твоём уныния
Беспредельного печать:
Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною,
Либерал-идеалист!

П а л ь ц о в

Куда ж девались люди эти?

М и ш а

Бог весть! Я не встречаю их.
Их песня спета — что нам в них?
380 Герои слова, а на деле — дети!
Да! одного я встретил: глуп, речист
И стар, как возвращенный декабрист.
В них вообще теперь немного толку.
Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая;
390 За то теперь клеймит их иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказал бы: не забудь,
Кто выдержал то время роковое,
Есть от чего тому и отдохнуть.
Бог на помощь! бросайся прямо в пламя
И погибай...
Но, кто твое держал когда-то знамя,
Тех не пятнай!
Не предали они — они устали
400 Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути...

Еще добром должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу,
У ней была задача: как-нибудь

Намеком натолкнуть на честный путь
К развитию способную натуру...
Хорошая задача! Не забыл,
Я думаю, ты истинных светил,
410 Отметивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,
Еще найдется славных двое, трое —
У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
420 Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!» —
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил об народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

430 Недаром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,
Но, пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стоишь ты венца,
И разум твой горел не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя —

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
440 С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя —

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «пора в могилы!»

Грановского я тоже близко знал —
Я слушал лекции его три года.
Великий ум! счастливая природа!
Но говорил он лучше, чем писал.
450 Оно и хорошо — писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!
Бывали случаи: весь век
Считался умным человек,
А в книге глупым очутился:
Пропал и ум, и слог, и жар,
Как будто с бедным приключился
Апоплексический удар!

Когда же в книгах будем мы блистать
Всей русской мыслью, речью, даром,
460 А не заиками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?..

Перед рядами многих поколений
Прошел твой светлый образ; чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!
Пытлив ты был: искусство и природа,
Наука, жизнь — ты всё познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа...
470 И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавал в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!
Как рано умер ты, терзаемый печалью!

480 Когда над бедной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановский умер... кто не издевался
Над «беспредметною» тоской?
Но глупый смех к чему ни придирался!
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроение такое...

490 Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство силятся какое!
Поверхностной иронии печать
Мы очень часто налагаем
На то, что должно уважать,
Зато — достойное презренья уважаем!
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон тоскою постоянной;

500 Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно-ложный звук
И в праздности невольной изнывая;
Не понимаем мы — и где же нам понять? —
Что белый свет кончается не нами,
Что можно личным горем не страдать
И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бедой,
Нависшая над жизнью народной,
510 След оставляет роковой
В душе живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадет народ.
Обретший их во времена крутые!
Мудренными путями бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй, усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,

Когда и в наши дни выносят на плечах
Всё поколенья два-три человека!

520 Как ты меня, однакож, взволновал!
Не шуточное вышло излиянье,
Я лучший перл со дна души достал,
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать,
По мере сил, опять на тон шутливый...
.....

(В лесу раздается сигнальный выстрел и вслед за тем крики, трещетки, хлопущки. Охотники поспешно расходятся на свои номера и становятся настороже, со взведенными штуцерами)...

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

(Из «Медвежьей охоты»)

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пускай пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Все ж будет слаб как тряпка он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
¹⁰ Кто не трудится в будень.
Пока есть лишний мед в дому,
Терпим пчелами трутень;

Когда ж общественной нужды
Придет крутое время,
Лентяй, негодный никуды!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу, —
Запрешь ворота на запор,
²⁰ Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая —
Верь, ни единый пес не выл
Тоскливее лентяя!

Итак — о славе не мечтай.
30 Не будь на деньги падох,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности, — в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

ПЕСНЯ

(Из «Медвежьей охоты»)

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я выросла у моря.

Не рыбацкий парус малый,
Корабли мне снятся,
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
¹⁰ Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий,

Где сама ты грудью белой
Волны рассекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Счастливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
²⁰ Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалея ты дочку!
Коли вырастет у моря —
Не спасись цветочку,

Всё равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
30 На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

... Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти стороной
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою натуру!..
¹⁰ Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех, рожденных в двадцать пятом
Году и около того,
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
²⁰ Я не могу... я не могу...

СТИХОТВОРЕНИЯ,

посвященные русским детям

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.

Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и куплю и мену
¹⁰ На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится — на! —
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
²⁰ На грош два кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,

Киты, лошадки!
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
30 Оближешь губы!..»

— Стой, старина! — Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь загляденье и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:
40 Все-то жуют, а ты слюнки глотай!..

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошого —
Нарядно, дешево!
Эй! молодежи!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
50 Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен и полотна, и пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
60 Зорек торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клячат, ласкаются, только держись:
— Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись! —

«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь, бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

70 «У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука!

80 Для ребятишек
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,

90 Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...

По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили —
— Будет вам пряников; нате-ка вам! —
100 Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!

Молча крепилась Феклуша сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
110 Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II

ПЧЕЛЫ

Натко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну — и летит, — ничего налегке,
10 А как назад полетит нагруженная,
Сил нехватает у милой. — Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
20 Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до суши вежи поставили»,
Это он слово сказал!

Веришь: чуть первую веку зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели-сидят. —

На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях благодать:
30 Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здоровье, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

III ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
10 Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— Что ты? с мишкой? — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну садитесь! — Посадил
Бородач медведя,

20 Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!»
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

30 Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —

40 Рывкнул мишка! — понеслась
Тройка, как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;

50 Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рывкнет на ухабе.

А коням подавно страх —
Не передохнули!
60 Верет пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.

70 Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал» — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!

80 Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
90 Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Нехватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
100 Видят — дело не с руки,
Что-то тут не гоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
110 Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всюю свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый
120 Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель сбругал
Ямщика скотиной...

СУД

Современная повесть

I

«Однажды, зимним вечером»
Я перепуган был звонком,
Внезапным, властным... Вот опять!
Зачем и кто — как угадать?
Как сладить с бедной головой,
Когда врывается толпой
В нее тревожных мыслей рой?

*Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!*¹

¹⁰ За много лет всю жизнь мою
Припомнил я в единый миг,
Припомнил каждую статью
И содержанье двух-трех книг,
Мной сочиненных. Вспоминал
Я также то, где я бывал,
О чем и с кем вступал я в спор;
А звон, неумолим и скор,
Меж тем на миг не умолкал,
Пока я брюки надевал...

²⁰ О невидимая рука!
Не обрывай же мне звонка!
Тотчас я силы соберу,
Зажгу свечу — и отопру.

¹ Ковлов.

Гляжу — чуть теплится камин.
Невинный «Модный Магазин»
(Издательницы Софьи Мей)
И письма — память лучших дней —
Жены теперешней моей,
Когда, наивна и мила,

- 30 Она невестою была,
И начатой недавно труд,
И мемуары — весом с пуд —
И приглашенья двух вельмож,
В дома которых был я вхож:
До прейскуранта крымских вин
Всё быстро бросил я в камин!
И если б истребленья дух
Насытить время я имел,
Камин бы долго не потух.
- 40 Но колокольчик мой звенел
Что миг — настойчивей и злей.
Пылай, камин! Гори скорей,
Записок толстая тетрадь!
Пора мне гостя принимать...

- Ну, догорела! Выхожу
В гостиную — и нахожу
Жену... О верная жена!
Ни слез, ни жалоб, лишь бледна.
Блажен, кому дана судьбой
- 50 Жена с геройскою душой,
Но тот блаженней, у кого
Нет близких ровно никого...
«Не бойся ничего! поверь,
Всё пустяки!» — шепчу жене,
Но голос изменяет мне.
Иду — и отворяю дверь...
*Одно из славных русских лиц*¹
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
- 60 С печатью тайны на челе²,

¹ Лермонтов.

² Веневитинов.

Тогда предстал передо мной
Администратор молодой.
Не только этот грустный взор,
Формально всё — до звука шпор
Так деликатно было в нем,
Что с этим тактом и умом
Он даже больше был бы мил,
Когда бы меньше был уныл.
Кивнув угрюмо головой,
70 Я указал ему на стул,
Не сел он; стоя предо мной,
Он лист бумаги развернул
И подал мне. Я прочитал
И ожил — духом просиял!

Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!
Порой таких ужасных дум,
Что и действительность сама
Не помрачает так ума,
80 Напротив, возвращает ум!

«Судить назначено меня
При публике, при свете дня!—
Я крикнул весело жене: —
Прочти, мой друг! Поди ко мне!»
Жена поспешно подошла
И извещение прочла:
«Понеже в вашей книге есть
Такие дерзкие места,
Что оскорбилась чья-то честь
90 И помрачилась красота,
То вас за дерзость этих мест
Начальство отдало под суд,
А книгу взяло под арест». —
И дальше чин и подпись тут.
Я сущность передал — но слог...
Я слога передать не мог!
Когда б я слог такой имел,
Когда б владел таким пером,
Я не дрожал бы, не бледнел
100 Перед нечаянным звонком...

Заметив радость, а не злость
В лице моем, почтенный гость
Любезно на меня взглянул.
Вновь указав ему на стул,
Я папиросу предложил,
Он сел и скромно закурил.
Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
110 Тот вожделенный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,
В торговле плутни и застой,
С финансами хоть волком вой,
Мужик не чувствует добра,
Et caetera, et caetera...
Уж час в беседе пролетел,
А не коснулись между тем
Мы очень многих важных тем,
120 Но тут огарок догорел,
Дымясь, — и вдруг расстались мы
Среди зловония и тьмы.

II

Ну, суд, так суд! В судебный зал
Сберется грозный трибунал,
Придут враги, придут друзья,
Предстану — обвиненный — я,
И этот труд, горячий труд
Анатомировать начнут!

Когда я отроком блуждал
130 По тихим волжским берегам,
«Суд в Подземельи» я читал,
Жуковского поэму, — там,
Что стих, то ужас: темный свод,
Грозя обрушиться, гнетет;
Визжа, заржавленная дверь
Поет: «Не вырвешься теперь!»
И ряд угрюмых клобуков
При бледном свете ночников,

Кивая, вторит ей в ответ:
140 «Преступнику спасенья нет!»
Потом, я помню, целый год
Во сне я видел этот свод,
Монахов, стражей, палачей:
И живо так в душе моей
То впечатленье детских дней,
Что я и в зрелые года
Боюсь подземного суда.
Вот почему я ликовал,
Когда известье прочитал,
150 Что гласно буду я судим,
Хоть утверждают: гласность — дым.
Оно, конечно: гласный суд —
Всё ж суд. Притом же, говорят,
Там тоже спуску не дают:
Посмотрим, в чем я виноват.
(Сажусь читать, надев халат.)

Каких задач, каких трудов
Для человеческих голов
Враждебный рок не задавал?
160 Но — литератор прежних дней!
Ты никогда своих статей
С подобным чувством не читал,
Как я в ту роковую ночь.
Скажу вам прямо — скрытность прочь —
Я с точки зрения судьи
Всю ночь читал мои статьи.
И нечто странное со мной
Происходило... Боже мой!
То, оправданья подобрав,
170 Я говорил себе: я прав!
То сам себя воображал
Таким злодеем, что дрожал
И в зеркало гляделся я...
Заняты скверное, друзья!

Примите добрый мой совет,
Писатели грядущих лет!
Когда постигнет вас беда,

Да будет чужд ваш бедный ум
Судебно-полицейских дум —
180 Оставьте дело до суда!
Нет пользы голову трудить
Над тем, что́ будут говорить
Те, коих дело обвинять,
Как наше — книги сочинять.
А если нервы не уснут
На милом слове: «гласный суд»,
Подлей побольше рому в чай
И безмятежно засыпай!..

III

Заснул и я, но тяжек сон
190 Того, кто горем удручен.
Во сне я видел, что герой
Моей поэмы роковой
С полуобритой головой,
В одежде арестантских рог
Вдоль по Владимирке идет.
А дева, далеко отстав,
По плечам кудри разметав,
Бежит за милым, на бегу
Ныряя по груди в снегу,
200 Бежит и плачет, и поет...

Дитя фантазии моей,
Не плачь! До снеговых степей,
Я знаю, дело не дойдет.
В твоей судьбе середины нет:
Или увидишь божий свет,
Или — преступной признана —
С позором будешь сожжена!
Итак, молись, моя краса,
Чтобы по милости твоей
210 Не стали наши небеса
Еще туманней и темней!

Потом другой я видел сон,
И был безмерно горек он:
Вхожу я в суд — и на скамьях

Друзей, родных встречает взор,
Но не участие в их чертах —
Негодование и укор!
Они мне взглядом говорят:
«С тобой мы незнакомы, брат!»
220 — Что с вами, милые мои? —
Тогда невольно я спросил;
Но только я заговорил,
Толпа покинула скамьи,
И вдруг остался я один,
*Как голый пень среди долины*¹.
Тогда, отчаяньем сбъят,
Я разревелся пред судом
И повинился даже в том,
В чем вовсе не был виноват!..

230 Проснувшись, долго помышлял
Я о моем жестоком сне,
Мужаться слово я давал,
Но страшно становилось мне:
Ну, как и точно разревусь,
От убеждений отрекусь?
Почем я знаю: хватит сил
Или не хватит — устоять?..
И начал я припоминать,
Как развивался я, как жил:
240 Родился я в большом доме,
Напоминающем тюрьму,
В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держа под страхом всю семью
И челядь жалкую свою;
Рассказы няни о чертях
Вносили в душу тот же страх;
Потом я в корпус поступил
И там под тем же страхом жил.
250 Случайно начал я писать,
Тут некий образ посещать
Меня в часы работы стал.
С пером, со стклянкою чернил

¹ Лермонтов.

Он над душой моей стоял,
Воображенье леденил,
У мысли крылья обрывал.
Но не довольно был он строг,
И я терпел еще за то,
Что он подчас мой труд берег
260 Или вычеркивал не то.
И так писал я двадцать лет
И вышел я — такой поэт,
Каким я выйти мог... Да, да!
Грозит последняя беда...
Пошли вам бог побольше сил!
Меня же так он сотворил,
Что мимо будки городской
Иду с стесненною душой,
И, право, я не поручусь,
270 Что пред судом не разревусь...

IV

Не так счастливцев молодой
Идет в таинственный покой,
Где, нетерпения полна,
Младая ждет его жена,
С каким я трепетом вступал
В тот роковой, священный зал,
Где жизнь и смерть, и честь людей
В распоряжении судей.
Герой — а я теперь герой —
280 Быть должен весь перед тобой,
О публика! во всей красе...
Итак, любуйся: я плешив,
Я бледен, нервен, я чуть жив,
И таковы почти мы все.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой труд, — я вовсе не ропщу,
Я сожалений не ищу;
«Коварный рок», «жестокий рок»
290 Не больше был ко мне жесток,
Как и к любому бедняку.
То правда: рос я не в шелку,

Под бурей долго я стоял,
Меня тиранила нужда,
Гнела любовь, гнела вражда;
Мне граф Орлов мораль читал,
И цензор слог мой исправлял,
Но не от этих общих бед
Я слаб и хрупок как скелет.

300 Ты знаешь, я — «любимец муз»,
А невозможно рассказать,
Во что обходится союз
С иною музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горит он редко и слегка.
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
С железной грудью надо быть,
Чтоб этим ласкам отвечать,
310 Объятыя эти выносить,
Кипеть, гореть — и погасать
И вновь гореть — и снова стыть.
Довольно! разве досказать,
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать, —
Перестаю и спать, и есть...

Не то, чтоб ощутил я страх,
Когда уселись на местах
И судьи и народ честной,
320 Интересующийся мной,
И приготовился читать
Тот, чье призванье — обвинять;
Но живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Толпа затихла, начался
Доклад — и длился два часа...

Я в деле собственном моем,
330 Конечно, не судья; но в том,
Что обвинитель мой читал,
Своей статьи я не узнал.

Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено, —
Ячмень колючий — и притом
Наполовину с дурманом!
О прокурор! ты не статью,
340 Ты душу вывернул мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внимал.
А ты так ясно доказал,
Что я законы нарушал!

Но где ж не грозен прокурор?..
Смягченный властью судей,
Не так был грозен приговор:
Без поэтических затей,
350 Не на утесе вековом,
Где море пенится кругом
И бьется жадною волной
О стены башни крепостной, —
На гауптвахте городской,
Под вечным смрадом тютюна,
Я месяц высидел сполна...
Там было сыро; по углам
Белела плесень; по стенам
Клопы гуляли; в щели рам
360 Дул ветер, порошил снежок.
Сиди-посиживай, дружок!
Я спать здоров, но сон был плох.
По милости проклятых блох.
Другая, горшая беда:
В мой скромный угол иногда
Являлся гость: дебош ночной
Свершив, гвардейский офицер,
Любезный, статный, молодой
И либеральный выше мер
370 День-два беседовал со мной.
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет...

Блоха — бессонница — тютюн —
Усатый офицер болтун —
Тютюн — бессонница — блоха, —
Всё это мелочь, чепуха!
Но веришь ли, читатель мой!
Так иногда с блохами бой
Был тошен; смрадом тютюна
380 Так жизнь была отравлена,
Так больно клоп меня кусал
И так жестоко донимал
Что́ день, то новый либерал,
Что я закаялся писать...
Бог весть, увидимся ль опять!..

эпизод

Зимой поэт молчал упорно,
Зимой писать охоты нет,
Но вотдохнула благотворно
Весна — не выдержал поэт!
390 Вновь пишет он, призванью верен.
Пиши, но будь благонамерен!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или в часть!

ЭЙ, ИВАН!

(Тип недавнего прошлого)

Вот он весь, как намалеван,
Верный твой Иван:
Неумыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;
На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапчонка
10 Вся в пуху на нем,
Туго стянут сюртучонко
Узким ремешком;
Из кармана кончик трубки
Виден, да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячелетний
Не имел угла —
На запятках и в передней
20 Жизнь веками шла.
Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгают,
Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
Божится и врет,
И за рюмочку целует
Ручки у господ.

Выпить может сто стаканов —
30 Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?..

«Эй, Иван! иди-ка стряпать!
Эй, Иван! чеши собак!»
Удалось Ивану сцапать
Где-то четвертак,
Поминай теперь, как звали!
Шапку набекрень
И пропал! Напрасно ждали
40 Ваньку целый день:
Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур
(Он же тайный похититель
Индюков и кур),
У корчемника Игнатки
Приютился плут,
Две пригожие солдатки
Так к нему и льнут.

«Эй вы, павы, павы, павы!»
50 Шевелись живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
Жизнь недорога!

Утром с барином расправа:
«Где ты пропадал?»
— Я... нигде-с... ей-богу... право...
60 У ворот стоял! —
«Весь-то день?..» Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет — трещит скула.
— Виноват! — порядком струся,
Говорит Иван.
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!»

Ванька снова ляжку тянет,
70 А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...
«Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало, не запрет!»
Господа давно решили,
Что души в нем нет.
Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
80 Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
— Что с тобой, Иван? —
«Так, под сердце подступило»,
И глядят: не пьян!
Говорит: «Вы потеряли
Верного слугу,
Всё равно — помру с печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
90 Петли не снимать»...
Сам помещик выслал водки
Скуку разогнать.
Пил детина ерофеич,
Плакал да кричал:
«Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!..»

Как мертвецки накатили,
В город тем же днем:
«Лишь бы лоб ему забрили —
100 Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своих господ,
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.

110 Хоть бы в каторгу уroda —
Лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
«С богом, милый мой!»

И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

С РАБОТЫ

— Здравствуй, хозяйшка! Здравствуйте, детки!
Выпить бы. Эки стоят холода! —
«Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с десятником?»

— Ну, не беда!
И без вина отогреюсь я, грешный,
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголодал он весною, сердечный,
Как подобрались сена.

Эк я умаялся!.. Что, обрядила?
¹⁰ Дай-ка горяченьких щец. —
«Печи я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровец!»

— Ну, и без щей поснедаю я, грешный.
Ты овсеца бы савраске дала, —
В лето один он управил, сердечный,
Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,
Портится путь... Ин, и хлебушка нет?.. —
²⁰ «Вышел, родной... У соседей просила,
Завтра сулили чем свет!»

— Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.
Кинь под савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна...

* * *

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?..
Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа!
Где логика? Отцы — злодеи,
Низкопоклонники, лакеи,
А в детях видя подлецов,
И негодуют и дивятся,
Как будто от таких отцов
¹⁰ Герои где-нибудь рождаются?
Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощаженный судьбой,
Узнает жизнь, тому дороги
И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, в тревоге
И думать: глупо умирать,
²⁰ Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;
Глушей трагедией кровавой
Без всякой пользы тешить их!
Когда являлся сумасшедший,
Навстречу смерти гордо шедший,
Что было в помыслах твоих,
О публика! одну идею
Твоя вмещала голова:

«Посмотрим, как он сломит шею!»
30 Но жизнь не так же дешева!

Не оправданий я ищу,
Я только суд твой отвергаю.
Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю.

ЕЩЕ ТРОЙКА

1

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

10 Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?
20 Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес — и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: «стоять!»
Девятый шкалик выпивает...
Чу! тройка тронулась опять!

30 Гремит, звенит — и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?
40 Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка всё гремит,
Гремит, звенит — и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
50 Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство
Или инспектора побить?
 Ответа нет. Бушует вьюга,
 Вся тройка в сторону с испуга
 Шарахнулась. Озлясь, кнутом
 Ямщик по всем по трем стегает;
 Телега скрылась за холмом,
 Мелькнула вновь — и улетает,
60 Куда Макар телят гоняет!..

МАТЬ

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
¹⁰ Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

* * *

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколько пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
10 За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодную крышкою гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,
Но, ты знаешь, кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
20 Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

* * *

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплеци!..

ДОМА — ЛУЧШЕ!

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем несравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересесть из коляски
И марш на охоту! Денек не дурной,

Под солнцем осенним родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О матушка Русь! ты приветствуешь сына
Так нежно, что кругом идет голова!

Твои мужики на меня выгоняли
¹⁰ Зверей из лесов целый день,
А ночью возвратный мой путь освещали
Пожары твоих деревень.

* * *

Наконец, не горит уже лес,
Снег прикрыл почернелые пеня,
Но помещик душой не воскрес,
Потеряв половину именья.

Приуныл и мужик. — Чем я буду топить? —
Говорит он, лицо свое хмуря.
«Ты не будешь топить — будешь пить» —
Завывает в ответ ему буря...

СТИХОТВОРЕНИЯ,

посвященные русским детям

I

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около «Малых Вежей»,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
¹⁰ Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
²⁰ Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За сорок верст в Кострому напрямком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А леший? — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-подждал
30 Целую ночь, — никого не видал!

За день грибов насобираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
40 Службу и накрепко дверь затворили, —

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит;
Выпалит дедушка, — заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
50 «Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
60 — Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею
Да уж потом и палю по злодею!

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
70 Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,

- 80 Ловят, и топят, и бьют их баграми.
 Где у них совесть?.. Я раз за дровами
 В лодке поехал — их много с реки
 К нам в половодье весной нагоняет —
 Еду, ловлю их. Вода прибывает.
 Вижу один островок небольшой —
 Зайцы на нем собралися гурьбой.
 С каждой минутой вода подбиралась
 К бедным зверкам; уж под ними осталось
 Меньше аршина земли в ширину,
 90 Меньше сажени в длину.
 Тут я подъехал: лопочут ушами,
 Сами ни с места; я взял одного,
 Прочим скомандовал: прыгайте сами!
 Прыгнули зайцы мои, — ничего!
 Только уселась команда косая,
 Весь островочек пропал под водой:
 «То-то! — сказал я: — не спорьте со мной!
 Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
 Этак гуторя, плывем в тишине.
- 100 Столбик не столбик, зайчишко на мне,
 Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
 Взял и его — тягота не велика!
 Только что начал работать веслом,
 Глядь, у куста копошится зайчиха —
 Еле жива, а толста как купчиха!
 Я ее, дуру, накрыл зипуном —
 Сильно дрожала... Не рано уж было.
 Мимо бревно суковатое плыло,
 Сидя и стоя, и лежа пластом,
 110 Зайцев с десяток спасалось на нем.
 «Взял бы я вас — да потопите лодку!»
 Жаль их, однако, да жаль и находку —
 Я зацепился багром за сучок
 И за собсю бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
 Как прокатил я деревней зайчишек:
 «Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
 Ладно! любуйся, а нам не мешай!
 Мы за деревней в реке очутились.
 120 Тут мои зайчики точно сбесились:

Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и: «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «у-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»

130

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок

140

Я их поклял — и домой приволок;
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:

«Не попадайтесь зимой!»

Я их не бью ни весной, ни летом,
Шкура плохая, — линяет косой!..»

II СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей,
10 — Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
20 Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и люблю всем...
Да только — (Клим, не трогай Сашу!) —
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугались сетей,
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
30 Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
40 Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей

И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
50 Чтó день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
60 Кубарь пуская перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

(А. Н. Еракову)

I

Нынче скромн наш клуб именитый,
 Редки в нем и не громки пиры.
 Где ты, время ухи знаменитой?
 Где ты, время безумной игры?
 Воротили бы, если б могли мы,
 Но, увы! не воротишься ты!
 Прежде были легко уловимы
 Характерные клуба черты:
 В молодом поколении — фатство,
¹⁰ В стариках, если смею сказать,
 Застарелой тоски тунеядства,
 Самодурства и лени печать.
 А теперъ элемент старо-барский
 Вытесняется быстро: в швейцарской
 Уж лакеи не спят по стенам;
 Изменились и люди, и нравы,
 Только старые наши уставы
 Неизменны, на зло временам.
 Да Крылов роковым переменам
²⁰ Не подвергся (во время онó
 Старый дедушка был у нас членом.
 Бюст его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
 Разносилась в другие кружки,
 Мы не знали, что думать, покуда
 Не заявят тузы-старики,
 Как смотреть на такое-то дело,
 На такую-то меру; ключом

Самобытная жизнь здесь кипела,
30 Клуб снабжал всю Россию умом...

Не у нас ли впервые раздался
Слух (то было в тридцатых годах),
Что в Совете вопрос обсуждался:
Есть ли польза в железных путях?
— Что ж, признали? — до новостей лаком,
Я спросил у туза-старика.
«Остается покрытая лаком
Резолюция в тайне пока...»

Крепко в душу запавшее слово
40 Также здесь услышал я впервой:
«Привезли из Москвы Полевого...»
Возвращаясь в тот вечер домой,
Думал я невеселые думы
И за труд неохотно я сел.
Тучи на небе были угрюмы,
Ветер что-то насмешливо пел.
Напевал он тогда, без сомненья:
«Не такие еще поощренья
Встретишь ты на пути роковом.»
50 Но не понял я песенки спросту,
У Цепного бессмертного мосту
Мне ее пояснили потом...

Получив роковую повестку,
Сбрил усы и пошел я туда.
Сняв с седой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Князь Орлов прочитал мне бумагу...
Я в ответ заикнулся сказать:
— Если б даже имел я отвагу
60 Столько дерзких вещей написать,
То цензура... — «К чему оправданья?
Император помиловал вас,
Но смотрите!!. Какого вы званья?»
— Дворянин. — «Пробежал я сейчас
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вам ваше дворянство?..
Завираетесь вы, господа!

За опасное дело беретесь,
70 Бросьте! бросьте!.. Ну, бог вас прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти...»

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседали иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
80 На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что всё ж
Приговоры казались нам строги,
Мы жалели тогда молодежь.

А война? До царя не скорее
Доходили известья о ней:
Где урон отзывался сильнее?
Кто победу справлял веселей?
Прискакавшего прямо из боя
90 Здесь не раз мы видали героя
В дни, как буря кипела в Крыму.
Помню, как мы внимали ему:
Мы к рассказчику густо теснились,
И героев войны имена
В нашу память глубоко ложились,
Впрочем, нам изменила она!
Замечательно странное свойство
В нас суровый наш климат развил —
Забываем явивших геройство,
100 Помним тех, кто себя посрамил:
Кто нагрел свои гнусные руки,
У солдат убавляя паек,
Кто, внимая предсмертные муки,
Прятал русскую корпию впрок
И потом продавал англичанам, —
Всех и мелких, и крупных воров,
Отдыхающих с полным карманом,
Не забудем во веки веков!

Все, кем славилась наша столица,
110 Здесь бывали: куда ни взгляни —
Именитые, важные лица.
Здесь, я помню, в парадные дни
Странен был среди знати высокой
Человек без звезды на груди.
Гость-помещик из глуши далекой
Только рот разевай да гляди:
Здесь посланники всех государей,
Здесь банкиры с тугим кошельком,
Цвет и соль министерств, канцелярий,
120 Откупные тузы, — и притом
Симметрия рассчитана строго:
Много здесь и померкнувших звезд,
Говоря прозаичнее: много
Генералов, лишившихся мест...

Зажигались сотнями свечи,
Накрывались пышно столы,
Говорились парадные речи...
Говорили министры, послы,
Наши Фоксы и Роберты Пилли
130 Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали интимны они...
Есть и нынче парадные дни,
Но пропала их важность и сила.
Время нашего клуба прошло,
Жизнь течение свое изменила,
Как река изменяет русло...

II

Очень жаль, что тогдашних обедов
Не могу я достойно воспеть,
Тут бы нужен второй Грибоедов...
140 Впрочем, Муза! не будем робеть!
Начинаю.

— Москва. День субботний.
(Петербург не лишен едоков,
Но в Москве грандиозней, животней
Этот тип). Среди полных столов

Вот рядком старики обедали:
 Впятером им четыреста лет,
 Вид их важен, чины их не малы,
 Толщиною же равных им нет.
 Раздражаясь из каждой безделки,
 150 Порицают неловкость слуги,
 И от жадности, вместо тарелки,
 На салфетку валят пироги;
 Шевелясь как осенние мухи,
 Льют, роняют, — беспамятны, глухи;
 Взор их медлен, бесцветен и туп.
 Скушав суп, старина засыпает
 И, проснувшись, слугу вопрошает:
 «Человек! подавал ты мне суп?..»
 Впрочем, честь их чужда укоризны:
 160 Добывали места для родни
 И в сенате на пользу отчизны
 Подавали свой голос они.
 Жаль, уж их потеряла Россия
 И оплакал москвич от души:
 Подкосила их «ликантропия»,
 Их заели подкожные вши...

— П е т е р б у р г. Вот питух престарелый,
 Я так живо припомнил его!
 Окружен батареею целой
 170 Разных вин, он не пьет ничего.
 Пить любил он; я думаю, море
 Выпил в долгую жизнь; но давно
 Пить ему запретили (о горе!..)

Старый грешник играет в вино:
 Наслажденье его роковое
 Нюхать, чмокать, к свече подносить
 И раз двадцать вино дорогое
 Из стакана в стакан перелить.
 Перельет — и воды подмешает,
 180 Поглядит и опять перельет;
 Кто послушает, как он вздыхает,
 Тот мучения старца поймет.
 «Выпить, что ли?» — Опаснее яда
 Вам вино! — закричал ему врач...

«Ну, не буду! не буду, палач!»
Это сцена из Дантова «Ада»...

Рядом юноша стройный, красивый,
Схожий в профиль с великим Петром,
Наблюдает с усмешкой ленивой
190 За соседом своим чудаком.
Этот юноша сам возбуждает
Много мыслей: он так еще млад,
Что в приемах большим подражает:
Приправляет кайеном салат,
Портер пьет, обедается мясом;
Наливая с эффектом вино,
Замечает искусственным басом, —
Отчего перегрето оно?

Очень мил этот юноша свежий!
200 Меток на слово, в деле удал,
Он уж был на охоте медвежьей,
И медведь ему ребра помял,
Но Сережа осилил медведя.
Кстати тут он узнал и друзей:
Убежали и Миша и Федя,
Не бежал только егерь — Корней.
Это в нем скептицизм породило:
«Люди — свиньи!» — Сережа решил
И по-своему метко и мило
210 Всех знакомых своих окрестил.

Знаменит этот юноша русский:
Отчеканено имя его
На подарках всей труппы французской!
(Говорят, миллион у него).
Признак русской широкой природы —
Жажду выдвинуть личность свою —
Насыщает он в юные годы
Удальством в рукопашном бою,
Гомерической, дикой попойкой,
220 Приводящей в смятенье трактир,
Да игрой, да отчаянной тройкой.
Он своей молодежи кумир,

С ним хорошее общество дружно,
И он счастлив, доволен собой,
Полагая, что больше не нужно
Ничего человеку. Друг мой!
Маловато прочесть два романа
Да поэму «Монго» изучить
(Эту шалость поэта-улана),
230 Чтоб разумно и доблестно жить!
Недостаточно ухарски править,
Мчась на бешеной тройке стремглав,
Двадцать тысяч на карту поставить
И глазком не моргнуть, проиграв, —
Есть иное величие в мире,
И не торный ведет к нему путь,
Человеку прекрасней и шире
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
240 Ты насытишь рутинным путем,
И недремлющий дух беспокойства
Разрешится одним кутежом;
Если с жизни получишь ты мало,
Не судьба тому будет виной:
Ты другого не знал идеала,
Не провидел ты цели иной!

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди —
С меньшим знанием, с меньшим талантом
250 Можно... Светел твой путь впереди!
Не одно, целых три состоянья
На своем ты веку проживешь:
Как нехватит отцов достоянья,
Ты жену с миллионом возьмешь;
А потом ты повесишься чином —
Подспеет казенный оклад.
По таким-то разумным причинам
Твоему я бездействию рад!
Жаль одно: на пустые приманки,
260 Милый юноша! ловишься ты,
Отвратительны эти цыганки,

А друзья твои — точно скоты.
Ты, чей образ в порыве желанья
Ловит женщина страстной мечтой,
Ищешь ты покупного лобзанья,
Ты бежишь за продажной красой!
Ты у старцев, чьи икры на вате,
У кого разжижение в крови,
Отбиваешь с оркестром кровати!
270 Ты — не знаешь блаженства любви?..

Очень милы балетные феи,
Но не стоят хороших цветов,
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоих кучеров.
Те же деньги и то же здоровье
Мог бы ты поумнее убить,
Не хочу я впадать в пустословье
И о честном труде говорить.
280 Не ленив человек современный,
Но на что расточается труд?
Чем работать для цели презренной,
Лучше пусть эти баловни пьют...
.....

Знал я юношу: в нем сочетались
Дарованье, ученость и ум,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сделало шум.
Но, к несчастью, был он помешан
На комфорте — столичный недуг, —
290 Каждый час его жизни был взвешен,
Вечно было ему недосуг:
Чтоб приставить кушетку к камину,
Чтоб друзей угощать за столом,
Он по месяцу сгорбивши спину
Изнывал за постылым трудом.
«Знаю сам, — говорил он частенько, —
Что на лучшее дело гожусь,
Но устройсь сперва хорошенько,
А потом и серьезно займусь».
300 Суетился, спешил, торопился,
В день по несколько лекций читал;

Секретарствовал где-то, учился
В то же время; статьи писал...
Так трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дел,
Ничего он не сделал изрядно,
Да и сам-то пожить не успел,
Не потешил ни бога, ни чорта,
Не увлекся ничем никогда,
310 И бессмысленной жертвой комфорта
Пал — под игом пустого труда!

Знал я мужа: командой пожарной
И больницею он заправлял,
К дыму, к пламени в бане угарной
Он нарочно солдат приучал.
Вечно ревностный, вечно неспящий,
Столько делал фальшивых тревог,
Что случится пожар настоящий —
Смотришь, лошади, люди без ног!
320 «Смирно! кутай башку в одеяло!»
В лазарете кричат фельдшера:
Настежь форточки — ждут генерала, —
Вся больница в тревоге с утра.
Генерал на минуту приедет,
Смотришь: к вечеру в этот денек
Десять новых горячечных бредит,
А иной и умрет под шумок...

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
330 Что погубит нас Запад зловердный.
Бледный, худенький, в синих очках,
Он недавно еще попадался
В книжных лавках, в кофейных домах,
На журналы, на книги бросался,
С карандашиком вечно в руках:
Пояснения, заметки, запросы
Составлял трудолюбец-старик,
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.
340 Все его инстинктивно дичились,
Был он грязен, жил в крайней нужде,

И зловещие слухи носились
Об его бескорыстном труде.

- Взволновался Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они.
Подоспело удобное время,
И в комиссию мрачный донос
350 На погибшее блудное племя
В три приема доносчик принес.
И вещал он властям предержажим:
«Многолетний сей труд рассмотри
И мечом правосудья разящим
Буесловия гидру сотри!..»
Суд отказом его не обидел,
Но старик уже слишком наврал:
Демагога в Булгарине видел,
Робеспьером Сенковского звал.
360 Возвратили!.. В тоске безысходной
Старец скорбные очи смежил,
И Линяев, сатирик холодный,
Эпитафию старцу сложил:
*«Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив,
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив».*
Так погиб бесполезно, бесследно
Труд почтенный; не правда ли, жаль?
- 370 «Иногда и лениться не вредно», —
Такова этих притчей мораль...

III

Время в клуб воротиться, к обеду...
Нет, уж поздно! Обед при конце,
Слишком мы протянули беседу
О Сереже, лихом молодце.
Стариков полусонная стая
С мест своих тяжело поднялась,
Животами друг друга толкая,
До диванов кой-как доплелась.

380 Закурив дорогие сигары,
Неиграющий люд на кружки
Разделился; пошли тары-бары...
(Козыряют давно игроки.)

Нынче множество тем для витийства,
Утром только газеты взгляни —
Интересные кражи, убийства,
Но газеты молчали в те дни.
Никаких «современных вопросов»,
Слухов, толков, живых новостей,
390 Исключение одно: для доносов
Допускалось. Доносчик Авдей
Представлялся исчадием ада
В добродушные те времена,
Вообще же, в стенах Петрограда,
По газетам, была тишина.
В остальной необъятной России
И подавно! Своим чередом
Шли дожди, бунтовали стихии,
А народ... мы не знали о нем.
400 Правда, дикие, смутные вести
Долетали до нас иногда
О мужицкой расправе, о мести,
Но не верилось как-то тогда
Мрачным слухам. Покой нарушался
Только голодом, мором, войной,
Да случайно впросак попадался
Колоссальный ворище порой —
Тут молва создавала поэмы,
Оживало всё общество вдруг...
410 А затем, обиходные темы
Сокращали наш мирный досуг.

Две бутылки бордо уничтожа,
Не касаясь общественных дел,
О борзых, о лоретках Сережа
Говорить бесподобно умел:
Берты, Мины и прочие... дуры
В живописном рассказе его
Соблазнительней самой природы
Выходили. Но лучше всего

- 420 Он дразнил петербургских актеров
И жеманных французских актрис.
Темой самых живых разговоров
Были скачки, парад, бенефис.
В офицерском кругу говорили
О тугом производстве своем
И о том, чьи полки победили
На маневрах под Красным Селом:
— Верно явится завтра в приказе
Благодарность войскам, господа:
- 430 Сам фельдмаршал воскликнул в экстазе:
«Подавайте Европу сюда!..»
Тут же шли бесконечные споры
О дуэли в таком-то полку
Из-за Клары, Арманс или Лоры,
Да шептались стихи в уголку
На игривые, милые темы...
(Может быть, вам знакомы они?..)

- Интересами личными все мы
Занимались больше в те дни.
- 440 Впрочем, были у нас руссофилы
(Те, что видели в немцах врагов),
Наезжали к нам славянофилы,
Светский тип их тогда был таков:
В Петербурге шампанское с квасом
Попивали из древних ковшей,
А в Москве восхваляли с экстазом
Допетровский порядок вещей,
Но живя за границей, владели
Очень плохо родным языком
- 450 И понятия они не имели
О славянском призвании своем.
Я однажды смеялся до колик,
Слыша, как князь NN говорил:
«Я, душа моя, славянофил».
— А религия ваша? — «Католик».

Не задеты ничем за живое,
Всякий спор мы бросали легко,
Вот за картами, — дело другое! —
Волновались мы тут глубоко.

460 Чу! какой-то игрок крутонравный,
Проклиная несчастье, гремит,
Чу! наш друг, путешественник славный,
Монотонно и дерзко ворчит:
Дух какой-то враждой непонятной
За игрой омрачается в нем;
Человек он весьма деликатный,
С добрым сердцем, с развитым умом,
Несомненным талантом владея,
Он прославился книгой своей,
470 Он из Африки негра-лакея
Вывез (очень хороший лакей,
Впрочем, смысла в подобных затеях
Я не вижу: по воле судеб
Петербург недостатка в лакеях
Никогда не имел)... Но свиреп
Он в игре, как гиена: осадок
От сибирских лихих непогод,
От египетских злых лихорадок
И от всяких житейских невзгод
480 Он бросает в лицо партенёра
Так язвительно, тонко и зло,
Что игра прекращается скоро,
Как бы жертве его ни везло...

Генерал с поврежденной рукою
Также здесь налицо; до сих пор
От него еще дышит войною,
Пахнет дымом Федюхиных гор.
В нем героя война отличила,
Но игрок навсегда пострадал:
490 Пуля пальцы ему откусила...
Праздно бродит седой генерал!

В тесноте, доходящей до давки,
Весь в камнях, подрумянен, завит,
Принимающий всякие ставки
За столом миллионщик сидит:
Тут идут смертоносные схватки.
От надменных игорных тузов
До копеечных трех игроков
(Называемых: *терц от девятки*)

- 500 Все участвуют в этом бою,
Горячась и волнуясь не мало...
(Тут и я, мой читатель, стою
И пытаю фортуны, бывало...)
При счастливой игре не хорош,
Жаден, дерзок, богач-старичишка
Придирается, спорит за грош,
Рад удаче своей, как мальчишка,
Но зато при несчастьи он мил!
Он, бывало, нас много смешил...
- 510 При несчастьи вздыхал он нервически,
Потирал покрасневшийся нос
И певал про себя иронически:
«Веселись, храбрый Росс!..»

Бой окончен, старик удаляется,
Взяв добычи порядочный пук...
За три комнаты слышно: стук! стук!
То не каменный гость приближается...
Стук! стук! стук! равномерно стучит,
Словно ступа, нога деревянная:

520 Входит старый седой инвалид,
Тоже личность престранная...

.....
Муза! ты отступаешь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь же, мой друг, ни Ивана,
Ни Луки, ни Фомы, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатленье — и мирно
Удались, не задев единиц!
Да, играли и кушали жирно,
530 Много было типических лиц, —
Но приспевшие дружно реформы
Дали обществу новые формы...

IV

Благодатное время надежд!
Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд,
Ты обетов своих не сдержало.

Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
540 (Разуметь надо: Русь городская)
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,
В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винилась,
И казалось нам в первые дни:
550 Повториться не могут они...

Приводя наше прошлое в ясность,
Проклиная бесправье, безгласность,
Произвол и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тем, как народ неразвитый
Ел кору и молчал, *как убитый*,
Мы сердечно болели о нем,
Мы взывали: «даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
560 Мы прошедшее сами клянем!
Посмотрите на нас: мы обжоры,
Мы ходячие трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!»
Походя на толпу сумасшедших,
На самих себя выющих бичи,
Сознаваться в недугах прошедших
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...
570 Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...
Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша-гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
«В настоящее время, когда...»

- Дело двинулось... волею власти...
 И тогда-то во всей наготе
 Обнаружились личные страсти
 580 И слышались речи — не те:
 «Это яд, уж давно отравлявший
 Наше общество, силу забрал!» —
 Восклицал, словно с неба упавший,
 Суясь всюду, сморчок-генерал
 (Как цветы, что в ночи распускаются,
 Эти люди в чинах повышаются
 В строгой тайне — и в жизни потом
 С непонятым апломбом являются
 В роковом ореоле своем).
 590 «Со времен Петрашевского строго
 За развитием его я следил,
 Я наметил поборников много,
 Но... напрасно я труд погубил!
 Горе! горе! Имею сынишку,
 Тяжкой службой, бессонным трудом
 Приобрел я себе деревнишку...
 Что ж... пойду я теперь нагишом?..
 Любо вам рисоваться, мальчишки!
 А со мной-то что сделали вы?..»
- 600 Если б только такие людишки
 Порицали реформу... увы!
 Радикалы вчерашние тоже
 Восклицали: «что будет?.. о боже!..»
 Уступать не хотели земли...
 (Впрочем, — надо заметить, — не много,
 Разбирая прошедшее строго,
 Мы бы явных протестов начали:
 По обычаю мудрых холопов,
 Мы держались больше подкопов
 610 Или рабски за временем шли...)
 Некто, слывший по службе за гения,
 Генерал Фердинанд фон дер Шпехт
 (Об отводе лесов для сечения
 Подававший обширный проект),
 Нам предсказывал бунты народные
 («Что, не прав я?..» — потом он кричал).

— Всё они! всё мальчишки негодные! —
Негодующий хор повторял.

Та вражда к молодым поколениям
620 Здесь начальные корни взяла,
Что впоследствии диким явленьем
В нашу жизнь так глубоко вошла.
Учрежденным тогда комитетам
Потерявшие ум старики
Посылали, сердясь не по летам,
Брань такую: «мальчишки! щенки!..»
(Там действительно люди засели
С средним чином, без лент и без звезд,
А иные тузы полетели
630 В то же время с насиженных мест.)
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной был готов
За усмешку, за резкое слово
Безбородых, безусых бойцов;
Их ошибки встречались шипеньем,
Их несчастье — скаканьем и пеньем:
«Ну! теперь-то припрут молодцов!
Лезут на стену, корчат Катонов,
Посевают идеи Прудонов,
640 А пугни — присмиреет любой,
Станет петь превосходство неволи...»

Правда, правда! народ молодой
Брал подчас непосильные роли.
Но молчать бы вам лучше, глупцы,
Да решеньем вопроса заняться:
Таковы ли бывают отцы,
От которых герои рождаются?..

Клубу нашему тоже на долю
Неприятностей выпало вволю.
650 Чуть тронётся крестьянский вопрос
И порядок нарушился древний,
Стали «плохо писать из деревни».
— Не сыграть ли в картишки? — «На что-с? —
Отвечал вопрошаемый грубо: —

Своротили вы, сударь, с ума!..»
Члены мирно дремавшего клуба
Разделились; пошла кутерьма:
Крепостник, находя незаконной,
Откровенно реформу бранил,
660 А в ответ якобинец салонный
Говорил, говорил, говорил...

Сам себе с наслажденьем внимая,
Формируя парламентский слог,
Всем недугам родимого края
Подводил он жестокий итог;
Человеком идей прогрессивных
Не без цели стараясь прослыть,
Убеждал старикашек наивных
Встрепенуться и Русь полюбить!
670 Всё отдать для отчизны священной,
Умереть, если так суждено!..
Ты не пой, соловей современный!
Эту песню мы знаем давно!
Осуждаешь ты старое смело,
Недоволен и новым слегка,
Ты способен и доброе дело
Между фразами сделать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подмеха оборвешь,
680 Но получишь ты ключ камергерский
И уста им навеки запрешь!
Пуще тех «гуртовых» генералов,
Над которыми ныне остришь,
Станешь ты нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратишь, —
Этим ты стариков успокоишь,
И помогут тебе старики.
Ловко ты свое здание строишь,
Мастерски расставляешь силки!..

690 Словом, мирные дни миновали,
Много выбыло членов тогда,
А иные ходить перестали,
Остальных разделяла вражда.
Хор согласный — стал дик и нестроен,

Ни игры, ни богатых пиров!
Лишь один оставался спокоен —
Это дедушка медный Крылов:
Не бездушным глядел истуканом,
Он лукавым сатиром глядел,
700 Игрокам, бюрократам, дворянам
Он, казалось, насмешливо пел:

«Полно вам — благо сами вы целы —
О наделах своих толковать,
Смерть придет — уравниет наделы!
Если вам мудрено уравниять...

Полно вам враждовать меж собою
За чины, за места, за кресты —
Смерть придет и отнимет без бою
И чины, и места, и кресты!..

710 Пусть вас минус в игре не смущает,
Игроки! пусть не радуется плюс,
Смерть придет — все итоги сравняет:
Будет, будет у каждого *плюс!*..»

Губернаторы, места лишенные,
Земледельцы-дворяне стесненные,
Откупные тузы разоренные,
Игроки, прогоревшие впрах, —
Генерал, проигравший сражение,
Адмирал, потерпевший крушение —
720 Находили ли вы утешение
В этих кратких и мудрых словах?..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С плеч упало тяжелое бремя,
Написал я четыре главы.
«Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы? —
Замечает читатель, живущий
Где-нибудь в захолустной дали: —
Сцены, очерки жизни текущей

Мы бы с большей охотой прочли.
730 Ваши книги расходятся худо!
А зачем же вчерашнее блюдо,
Вместо свежего, ставить на стол?
Чем в прошедшем упорно копаться,
Не гораздо ли лучше касаться
Новых язв, народившихся зол?»

Для людей, в захолустьи живущих,
Мы действительно странны, смешны,
Но, читатель! в вопросах текущих
Права голоса мы лишены,
740 Прикасаться к ним робко, несмело,
Значит пуще запутывать их,
Шить на мертвых не трудное дело,
Нам желательно шить на живых.
Устарелое вымерло племя,
Вообще устоялись умы,
Потому-то недавнее время,
Государь мой! и тронули мы
(Да и то с подобающим тактом)...
Погоди, если мы поживем,
750 Дав назад отодвинуться фактам, —
И вперед мы рассказ поведем, —
Мы коснемся столичных пожаров
И волнений в среде молодой,
Понесенных прогрессом ударов
И печальных потерь... Да и той
Злополучной поры не забудем,
Что прогресс повернула вверх дном,
И всегда по возможности будем
Верны истине — *задним числом*...

ДЕТСТВО

(Неоконченные записки)

I

В первые годы младенчества
 Помню я церковь убогую,
 Стены ее деревянные,
 Крышу неровную, серую,
 Мохом зеленым поросшую.
 Помню я горе отцовское:
 Толки его с прихожанами,
 Что угрожает обрушиться
 Старое, ветхое здание.
¹⁰ Часто они совещались,
 Как обновить отслужившую
 Бедную церковь приходскую;
 Поговорив, расходились,
 Храм окружали подпорками,
 И продолжалось служение.
 В ветхую церковь бестрепетно
 В праздники шли православные, —
 Шли старики престарелые,
 Шли малолетки беспечные,
²⁰ Бабы с грудными младенцами.
 В ней причащались, венчались,
 В ней отпевали покойников...

Синее небо виднелось
 В трещины старого купола,
 Дождь иногда в эти трещины
 Падал: по лицам молящихся

И по иконам угодников
Крупные капли струилися.
Ими случайно омытые,
30 Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали... Боялась я, —
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые,
С мрачными, строгими лицами...

То растворялось нечаянно
Ветром окошко непрочное,
И в заунывно-печальное
Пение гимна церковного
40 Звонкая песня вторгалась,
Полная горя житейского —
Песня сурового пахаря!..

Помню я службу последнюю:
Гром загредел неожиданно,
Всё сотрясенное здание
Долго дрожало, готовое
Рухнуть: лампы горящие,
Паникадилы качались,
С звоном упали тяжелые
50 Ризы с иконы спасителя,
И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
В ужасе ниц преклонилися —
Божьего ждали решения!..

II

Ближе к дороге красивая,
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняет развалины
Старой. Из ветхого здания
60 Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатков строения
Руки мирян не коснулись.

Словно больной, от которого
Врач отказался, оставлено
Времени старое здание.
Ласточки там поселились —
То вылетали оттудова,
То возвращались стремительно,
70 Громко приветствуя птенчиков
Звонким своим щебетанием...

В землю вращая медлительно,
Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые.
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие,
80 В зелени стены терялись,
И простирали в раскрытые
Окна — березы соседние
Ветви свои многолистые...

Их семена, занесенные
Ветром на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась там, стройная,
С бледнозелеными листьями.
90 Точно вчера только ставшая
На ноги резвая девочка,
Что уж сегодня вскарабкалась
На высоту, — и бестрепетно
Смотрит оттуда, с смеющимся,
Смелым и ласковым личиком...

Птицы носились там стаями,
Там стрекотали кузнечики,
Да деревенские мальчики
И русокудрые девочки
100 Живмя там жили: по тропочкам
Между высокими травами
Бегали, звонко аукались,

Пели веселые песенки.
Там мое детство беспечное
Мирно летело... Играла я,
Помню, однажды с подругами
И набежала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдав меня, дерево
110 Вдруг подо мною рассыпалось:
Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...

Объятая

Трепетом, я огляделася:
Гнездышек ряд под карнизами,
Ласточки смотрят из гнездышек,
Словно кивают головками,
А по стенам молчаливые,
120 Строгие лица угодников...
Перекрестилась невольно я, —
Жутко мне было! дрожала я,
А уходить не хотелось.
Чудилось мне: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голос отца престарелого,
Пение гимнов божественных,
Вздохи и шопот молитвенный
Слышались мне, — простояла бы
130 Долго я тут неподвижная,
Если бы вдруг не услышала
Криков: «Параша! да где же ты?..»
Я отозвалась; нахлынули
Дети гурьбой, — и наполнились
Звуками жизни развалины,
Где столько лет уж не слышались
Голос и шаг человеческий...

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

(Из стихотворений, посвященных русским детям)

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
¹⁰ Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забуть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
²⁰ Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
30 Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да — день не такой!
Идет кривоногий
10 Гуляка-портной:

В одном сюртучишке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
50 Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,

Как рыбы живые
60 На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути;
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить святую
С веселой душой...

III

Стемнело. Болтая
70 С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом,

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
80 Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
90 Горели костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы, — толпы...
У божьего храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
100 Картина была!..

ТРИ ЭЛЕГИИ

(А. Н. Плещееву)

I

Ах! что изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
¹⁰ Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

И тайна всё: печаль и муку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
²⁰ Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О, нет! живет в душе моей
Неотразимое сознание,
Что без меня нет счастья ей!

Всё, чем мы в жизни дорожили,
30 Что было лучшего у нас —
Мы на один алтарь сложили —
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
40 Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
10 Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственной леса...

III

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалеко...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
¹⁰ Что день — сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе нестремима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унымы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
10 Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Что мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
20 Провезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
30 Наводнение столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

Раз сказал я за пирушкой:
«До свидания, друзья!
Вечер с матушкой-старушкой
Проведу сегодня я:
Нездорова — ей не спится,
Надо бедную занять...»
С той поры, когда случится
Мне с друзьями пировать,
Как запас вестей иссякнет
¹⁰ И настанет тишина,
Кто-нибудь наверно брякнет:
«Человек! давай вина!
Выпьем мы еще по чаше
И — *туда*... живей, холоп!
Ну... а ты — иди к мамаше!
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!..

Водовоз воды бочонок
В гололедицу тащил;
Стар и слаб, как щепка топок,
²⁰ Бедный выбился из сил.
Я усталому салазки
На бугор помог везти.
На беду, в своей коляске
Мчался Митя по пути —
Как всегда, румян и светел,
Он рукою мне послал
Поцелуй — он все заметил
И друзьям пересказал.
С той поры мне нет проходу:
³⁰ Филантроп да филантроп!
«Что? возил сегодня воду?..
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!..

СТРАШНЫЙ ГОД

(1870)

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О любовь! — где все твои усилья?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
¹⁰ Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстятая —купаются в крови,
Стон стоит над миром, не смолкая;
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, ненужный никому,
²⁰ Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! — сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
30 В ожиданьи света и тепла.

УНЫНИЕ

I

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.
Мой черный конь, с Кавказа приведенный,
Умен и смел, — как вихорь он летит,
¹⁰ Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.
Когда «Кадо»¹ бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив «Черкеса»²,
Спусти курок — и птица упадет.

II

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навсянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
²⁰ Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,

¹ Собака.

² Лошадь.

Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю
На полчаса, — и тем я дорожу.
Я сам себя, читатель, нахожу,
А это всё, что нужно для поэта.
Так шли дела; но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
30 И не писал еще ни строчки я.

III

Мне совестно признаться: я томлюсь.
Читатель мой, мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь
Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
Довериться тебе я не боюсь.
Недуг не нов (но сила вся в размере).
Его зовут ушньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну
Иль хоть смягчал трудом, по крайней мере,
40 А нынче с ним не оберусь хлопот.
Быть может, есть причина в атмосфере,
А может быть, мне знать себя дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

IV

Да, он настал — и требует отчета!
Когда зима нам кудри убелит,
Приходит к нам нежданная забота
Свести итог... О юноши! грозит
Она и вам, судьба не пощадит:
Наступит час рассчитывать строго
50 За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы оцутите бога.
Бог старости — неумолимый бог.
(От юности готовьте ваш итог!)

V

Приходит он к прожившему полвека
И говорит: «оглянемся назад,

Поищем дел, достойных человека...»
Увы! их нет! одних ошибок ряд!
Жестокий бог! Он дал двойное зренье
60 Моим очам; пытливые волненья
Родил в уме, душою овладел.
«Я даром жил, забвенья мой удел», —
Я говорю, с ним жизнь мою читая:
Прости меня, страна моя родная:
Бесплоден труд, напрасен голос мой!
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

VI

Измученный, тоскою удрученный,
70 Жестокостью судьбы неблагоприятной
Мои вины желаю объяснить,
Гоню врага, хочу его забыть,
Он тут как тут! В любимый труд, в забаву —
Мешает он во всё свою отраву,
И снова мы идем рука с рукой.
Куда? увы! опять я проверяю
Всю жизнь мою, — найти итог желаю, —
Угодно ли последовать за мной?

VII

Идем! Пути, утопанные гладко,
80 Я пренебрег, я шел своим путем,
Со стороны блудителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом.
И рядом с ним — такая есть возможность! —
Я знал другой недружелюбный суд.
Где трусостью зовется осторожность,
Где подлостью умеренность зовут.
То юношества суд неумолимый.
Меж двух огней я шел неутомимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам,
90 Решить вопрос предоставляю вам.

VIII

Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья — читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!
Еще мой труд тобою не забыт,
И знаешь ты: во мне нет сил героя, —
Тот не герой, кто лавром не увит
¹⁰⁰ Иль на щите не вынесен из боя, —
Я рядовой (теперь уж инвалид)...

IX

Суди, решай! А ты, мечта больная,
Воспрянь, и мир бесстрашно облетая,
Мой ум к труду, к покою возврати!
Чтоб отдохнуть душою несвободной,
Иду к реке — кормилице народной...
С младенчества на этом мне пути
Знакомо всё... Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны...
¹¹⁰ О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
И слышал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь спопутных деревень...

X

Под берегом, где вечная прохлада
От старых ив, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неутомимый рой.
Лишь овцы рвут траву береговую,
Как рекруты острижены вплотную.
¹²⁰ Не весел вид реки и берегов.
Свистит кулик, кружится рыболов,
Добычу карауля как разбойник;
Таинственно снастями шевеля,
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник...

XI

Чу! конь заржал. Трава кругом на славу,
Но лошадям не весело пришлось
И, позабыв зеленую атаву,
Под дым костра, спасающий от ос,
130 Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.
Лишь там, вдали, остался серый конь,
Он не бежит проворно на огонь.
Хоть и над ним кружится рой докучный,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, ненатурально-тучный!
Ты поражен педугом роковым.

XII

Я подошел: алела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
140 Густая кровь... струилась из ноздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал всё реже, всё слабей.
Как вкопанный, стоял он час — и боле,
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел; над жертвой покружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар,
150 Спугнул его, но он вернется к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

XIII

Иду на шелест нивы золотой.
Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесня грудь, проходят предо мной.
Ужели бог не сжалятся над нами,
Сожженных нив дождем не оживит,
И мельница с недвижимыми крылами
И этот год без дела простоят?

XIV

- 160 Ужель опять наградой будет плугу
 Голодный год?.. Чу! женщина поет!
 Как будто в гроб кладет она подругу.
 Душа болит, уныние растет.
 Народ! народ! Мне не дано героизма
 Служить тебе, — плохой я гражданин,
 Но жгучее, святое беспокойство
 За жребий твой донес я до седины!
 Люблю тебя, пою твои страдания,
 Но где герой, кто выведет из тьмы
 170 Тебя на свет?.. На смену колебания
 Твоих судеб чего дождемся мы?..

XV

- День свечерел. Томим тоскою вялой,
 То по лесам, то по лугу брожу.
 Уныние в душе моей усталой,
 Уныние — куда ни погляжу.
 Вот дождь пошел и гром готов уж грянуть,
 Косцы бегут проворно под шатры.
 А я дождем спасаюсь от хандры,
 Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
 180 Упала ночь, зажглись в лугах костры,
 Иду домой, тоскуя и волнуясь,
 Беру перо, привычке повинуюсь,
 Пишу стихи и — недовольный, жгу.
 Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
 Как плеск волны в осеннее ненастье,
 На северном пустынном берегу...

ПУТЕШЕСТВЕННИК

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!
Скоро уж там не останется клячи...
Ехать в деревню? Теперь-то? Мерси!

Прусский барон, опоясавши выю
¹⁰ Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

— Как у вас хлебушко? — «Нет ни ковриги!»
— Где у вас скот? — «От заразы подох!»
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. «Помилуй нас бог!

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за нару,
²⁰ А натерпелась на тыщу рублей!»

Думает немец: «уж я не оглох ли?»
К школе привешен тяжелый замок,

Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать в книжку?» —
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку,
И наблюдай, немчура, аппетит...

НОЧЛЕГИ

I

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вступили кони под навес,
Гремя бесчеловечно.
Усталый, я с телеги слез,
Ночлегу рад сердечно.

Спрыгнули псы; задорный лай
Наполнил всю деревню;
Впустил нас дворник Николай
В убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
¹⁰ Сидел уж там прохожий
В пальто с господского плеча:
«Спознались, сударь, тоже?» —

Он, низко кланяясь, сказал.
— Да, нынче дни коротки. —
Уселся я, а он стоял.
— Садитесь! выпьем водки! —

Прохожий выпил рюмки две
И разболтался сразу:
«Иду домой... а жил в Москве...
²⁰ До царского указу

Был крепостной: отец и дед
Помещикам служили.
Мне было двадцать восемь лет,
Как волю объявили;

Наш барин стал куда как лих,
Сердился, придирался.
А перед самым сроком стих,
С рабами попрощался,

Сказал нам: «Вольны вы теперь. —
80 И очи помутились: —
Идите с богом!» Верь, не верь,
Мы тоже прослезились,

И потянулись кто куда...
Пришел я в городишко,
А там уж целая орда
Таких же — нет местишка!

Решился я итти в Москву,
В конторе записался,
И вышло место к Покрову.
40 Не барин — клад попался!

Сначала, правда, злился он.
Чем больше угождаю,
Тем он грубей: прогонит вон...
За что?.. Не понимаю!

Да с ним, — как я смекнул позднее, —
Знать надо было штучку:
Сплошал — сознайся поскорей,
Не лги, не чмокай в ручку!

Не то рассердишь: «Ермолай!»
50 Опомнись! как не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мне за тебя обидно!

Ты человек! ты гражданин!
Знай: сила не в богатстве,
Не в том — велик ли, мал ли чин,
А в равенстве и братстве!

Я раболепства не терплю,
Не лъсти, не унижайся!

Случиться может: сам вспылю —
60 И мне не поддавайся!..»

Работы мало да и той
Сам половину правил;
Я захворал, — всю ночь со мной
Сидел — пиявки ставил;

За каждый шаг благодарил.
С любовью, не со страхом
Три года я ему служил —
И вдруг пошло всё прахом!

Однажды он сердитый встал,
70 Порезался, как брился,
Всё не по нем! весь день ворчал
И вдруг совсем озлился.

Кастит!.. — Потише, господин! —
Сказал я, вспыхнув тоже.
«Как! что?.. Зазнался, хамов сын!» —
И хлоп меня по роже!

По старой памяти, я прочь,
А он за мной — бедовый!..
— Так вот, — продумал я всю ночь, —
80 Каков он — барин новый!

Такие речи поведет,
Что слушать любо-мило,
А кончит тем же, что прибьет!
Нет, прежде проще было!

Обидно! Я его считал
Не барином, а братом...
Настало утро — не позвал;
Свернувшись под халатом,

Стонал как раненый весь день,
90 Не выпил чашки чаю...
А ночью барин словно тень
Прокрался к Ермолаю;

Вперед уставился лицом:
«Ударь меня скорее!
Мне легче будет!..» (Мертвецом
Глядел он, был белее

Своей рубахи): «Мы равны,
Да я сплошал... я знаю...
Как быть? сквитаться мы должны...

¹⁰⁰ Ударь!.. Я позволяю.

Не так ли, друг? Скорее хлоп
И снова правы, святы...»
— Не так! Вы барин — я холоп,
Я беден, вы богаты!

(Сказал я). Должен я служить,
Пока стаёт терпенья,
И я служить готов... а бить
Не буду... с позволенья!..

Он всё свое, а я свое,
¹¹⁰ Спор долго продолжался,
Смекнул я: тут мне не житье!
И с барином расстался.

Иду покамест в Арзамас,
Там у меня невеста...
Нельзя ли будет через вас
Достать другое место?..»

II

НА ПОГОРЕЛОМ МЕСТЕ

Слава богу, хоть ночь-то светла!
Увлекаться так глупо и стыдно.
Мы устали, промокли дотла,
А кругом деревеньки не видно.

Наконец увидал я бугор,
Там угрюмые сосны стояли,
И под ними дымился костер.
Мы с Трофимом¹ туда побежали.

¹ Проводник.

«Горевали, а вот и ночлег!»

- 10 — Табор, что ли, цыганский там? — «Нету!
Не видать ни коней, ни телег.
Незаметно и красного цвету.

У цыганок, куда ни взгляни,
Красный цвет — это первое дело!
— Косари? — «Кабы были они,
Хоть одна бы тут женщина пела».

- Пастухи ли огонь развели?..—
Через пни погорелого бора
К неширокой реке мы пришли
20 И разгадку увидели скоро:

Погорельцы разбили тут стан.
К нам навстречу ребята бежали:
«Не видали вы наших крестьян?
Побираться пошли — да пропали!»

— Не видали!.. — Весь табор притих...
Звучно щиплет траву лошаденка,
Бабы нянчат младенцев грудных,
Утешает ребят старушонка:

- «Воля божья: усните скорей!
30 Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вам накуплю калачей.
Вот и деньги... Глядите-ка, сколько!»

— Где ты, баушка, денег взяла? —
«У оконца, на месячном свете,
В ночи зимние пряжу пряла...»
Побренчали казной ее дети...

- Старый дед, словно царь Соломон,
Роздал им кой-какую одёжу.
Патриархом библейских времен
40 Он глядел, завернувшись в рогожу:

Величавая строгость в чертах,
Череп голый, нависшие брови,
На груди и на голых ногах
След недавних обжогов и крови.

Мой вожатый к нему подлетел:
— Здравствуй, дедко! — «Живите здоровы!»
— Погорели? А хлеб уцелел?
Уцелели лошадки, коровы?..

«Хлебу было сгореть мудрено, —
50 Отвечал патриарх неохотно: —
Мы его не имели давно.
Спите, детки, окутавшись плотно!

А к костру не ложитесь: огонь
Подползет — опалит волосенки.
Уцелел — из двенадцати — конь,
Из семнадцати — три коровенки».

— Нет и ваших дремучих лесов?
Век росли, а в неделю пропали! —
«Соблазняли они мужиков,
60 Шутка! сколько у барина крали!»

Молча взял он ружье у меня,
Осмотрел, осторожно поставил.
Я сказал: — Беспощадней огня
Нет врага — ничего не оставил! —

«Не скажи. Рассудила судьба,
Что нельзя же без древа-то в мире,
И оставила нам на гроба
Эти сосны...» (Их было четыре...)

III

У ТРОФИМА

Звезды осени мерцают
Тускло, месяц без лучей,
Кони бережно ступают,
Реки налило с дождей.

Поскорей бы к самовару!
Нетерпением томим,
Жадно я курю сигару
И молчу. Молчит Трофим,

Он сказал мне: «месяц в небе —
10 Словно сайка на столе» —
Значит: думает о хлебе,
Я мечтаю о тепле.

Едем... едем... Тучи выются
И бегут... конца им нет!
Если разом все прольются —
Поминай, как звали свет!

Вот и наша доревенька!
Встрепенулся спутник мой:
«Есть тут валенки, надень-ка!»
20 — Чаю! рому!.. Всё долой!..

Вот погашена лучина,
Ночь, но оба мы не спим.
У меня своя причина,
Но чего не спит Трофим?

— Что ты охашь, Степаныч? —
«Страшно, барин! мочи нет.
Вспомнил то, чего бы на ночь
Вспоминать совсем не след!

И откуда чорт приводит
30 Эти мысли? Борюню,
Управляющий подходит,
Низко голову клоню,

Поглядеть в глаза не смею,
Да и он-то не глядит —
Знай накладывает в шею.
Шея, веришь ли? трещит!

Только стану забываться,
Голос барина: Трофим!
Недоимку! Кувыркаться
40 Начинаю перед ним...»

— Страшно, видно, воротиться
К недалекой старине? —

«Так ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мне!

И теперь уйдешь весь в пятки,
Как посредник налетит,
Да с Трофима взятки гладки:
Пощумит — и укатит!

И теперь в квашне солома
50 Перемешана с мукой,
Да зато покойно дома,
А бывало — волком вой!

Дети были малолетки,
Я дрожал и за детей,
Как цыплят из-под наседки
Вырвет — пикнуть не посмей!

Как томили! Как пороли!
Сыну сказывать начну —
Сын не верит. А давно ли?..
60 Дочку барином пугну —

Девка прыснет, захохочет:
— Шутись, батька!»

— Погоди!

Если только бог захочет,
То ли будет впереди!

Есть у вас в округе школы? —
«Есть». — Учите-ка детей!
Не беда, что люди голы,
Лишь бы стали поумней.

Перестанет есть солому,
70 Трусу праздновать народ...
И твой внук отцу родному
Не поверит в свой черед.

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Даже вполголоса мы не певали,
Мы — горемыки-певцы!
Под берегами мы ведро прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость приходит — недуги да горе;
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла,

10 Прямо и смело направить бы лодку, —
Сунься-ка! Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть.
Жить для нее — надо силу железную,
Волю железную — сгинуть.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(ПРОРОК)

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
¹⁰ Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Царям земли напомнить о Христе.

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(Волжская быль)

I

Науму паточный завод
И дворик постоянный
Дают порядочный доход.
Наум — неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой —

Так обращен нагой пустырь
¹⁰ В картофельное поле...
Вблизи — «Бабайский» монастырь,
Село «Большие Соли»,

Недалеко и Кострома.
Наум живет — не тужит,
И Волга-матушка сама
Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом «перекате»;
Как лето Волгу обмелит,
²⁰ К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»...
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся» барки.

Купцы бегут: «помогу дай!»
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плошай!
И сам не оплошает...

Кишит работа до утра;
30 Всё весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жался бедняка,
Мелеешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

II

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
40 С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месяц медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свистнул пароход;
Бежит и искры мечет,

Ущелья темных берегов
50 Стогласым эхом полны...
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
60 Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
70 Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

III

Мечты!.. Я верую в народ,
Хоть знаю: эта вера
К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена,
Но это будет смело,
А смелость в наши времена —
80 Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет, —
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг, —
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду накликасть...

З. Н. НЕКРАСОВА.
С фотографии 60-х годов

О Русь!
90
.
.

IV

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни женки,
Наум был сердцем суховат,
Любил одни деньжонки.

Он говорил: «жениться — взять
Обузу! а «сударки»
Еще тошней: и время трать
100 И деньги на подарки».

Опровергать его речей
Тогда не приходилось,
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
«Над одинокой головой
Не так и тучи грозны,

Пускай лентяи и рабы
110 Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!»

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад —
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясный,
И трудно было отличить
120 От ночи день ненастный.

Гром непрестанно грохотал,
И вихорь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смену старой бури.

И новым силам новый бой
130 Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на музу!

V

Стреляя серых куликов
На отмели песчаной,
Заслышу говор бубенцов
140 И свист, и топот рьяный,

На кручу выбегу скорей:
Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
У седока — усмешка...

Лихая пара! На шлеях
И бляхи, и чешуйки.
В личных, высоких сапогах,
В солидной, синей чуйке,

В московском новом картузе,
150 Сам правя пристяжною,
Наум катит во всей красе.
Увидит — рад душою!

Кричит: «Довольно вам палить,
Пора чайку покушать!..»
Наум любил поговорить,
А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
Вносили по порядку
И Волги драгоценный дар —
160 Янтарную стерлядку.

Наум усердно предлагал
Рябиновку, вишневку,
А расхोдившись, обивал
«Смоленую головку».

— Ну, как делишки? — «В барыше», —
С улыбкой отвечает.
Разговорившись по душе,
Подробно исчисляет,

Что дало в год ему вино
170 И сколько от завода.
«Накопчено, насолено —
Чай, хватит на три года!

Всё лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима — лежу сурком,
Не то поеду в город.

Начальство — други-кумовья,
Стрясись беда — поправят,
Работы много — свистну я:
180 Соседи не оставят;

Округа вся в горсти моей,
Казна — надежней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепей.

Судью за денежки куплю,
Умилостивлю бога...»
(Русак природный — во хмелю
Он был хвастлив немного...)

VI

Полвека прожил так Наум
190 И не тужил нимало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольню дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По тонкой паутинке,
Как по канату водолаз,
200 К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятья,
А пообедав, продолжал
Обычные занятия.

И вывел, точно напоказ,
Паук мой паутину.
Какая ткань! Какой запас
На черную годину!

Там мошек целые стада
210 Нашли себе могилы,
Попали бабочки туда —
Летуны пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
Качался там, замучен,
А мой — отъелся вон из рук!
Доволен, гладок, тучен,

То мирно дремлет в уголку,
То мухою закусит...
Живется славно пауку:
220 Не тужит и не трусит!

С Наумом я давно знаком;
Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
Я сравнивал... И что же?

Уж округлился капитал,
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе...

VII

Сидел он поздно у ворот,
230 В расчеты погруженный;
Последний свистнул пароход
На Волге полусонной,

И потянулись на покой
И человек и птица.
Зашли к Науму той порой
Молодчик да девица:

У Тани русая коса
И голубые очи,
У Вани вьются волоса.
240 «Укрой от темной ночи!»

— А самоварчик надо греть? —
«Пожалуй...» Ни минутки
Не могут гости посидеть:
У них и смех, и шутки,

Задеть друг дружку норовят
Ногой, рукой, плечами,
И так глядят... и так шалят,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнет личико у ней,
250 То белое как сливки...
Поели гости калачей,
Отведали наливки:

«Теперь уснем мы до утра,
У вас покой, приволье!»
— А кто вы? — «Братец и сестра,
Идем на богомолье».

Он думал: «Врет! поди сманил
Купеческую дочку!
Да что мне? лишь бы заплатил!
260 Пускай ночуют ночку».

Он им подушек пару дал:
«Уснете на диване».
И доброй ночи пожелал
И молодцу, и Тане.

В своей каморке на часах
Поддернул кверху гири
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит.
270 Кваску ему желалось,
Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на ум!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думает Наум)
Чай спят они крепонько,

Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот...»
Но только дверь приотворил,
280 Услышал тихий шопот:

«Покурим, Ваня!» — говорит
Молодчику девица.

И спичка чиркнула — горит...
Увидел он их лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивее у Тани!
Рука, согнутая в кольцо,
Лежит на шее Вани,

Нагая, полная рука!
290 У Тани грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще он видел на лету,
Как встретились их очи.
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи,

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
300 Сидит один угрюмо,

Или пойдет бродить окрест
И к ночи лишь вернется,
Соленых рыжиков не ест,
И чай ему не пьется.

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать —
Грозит урон великий!

На счетах спутался не раз,
310 Хоть счетчик был отменный...
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессеменно!

«Я сладко пил, я сладко ел, —
Он думает уныло: —
А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло...

ЭЛЕГИЯ

(А. Н. Еракову)

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая — «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна, —
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее смогли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
¹⁰ И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
²⁰ Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиленьи...
«Довольно ликовать в наивном увлеченьи, —
Шепнула муза мне: — Пора итти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,

Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
30 Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «в последние года
Спосней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
40 И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта —
50 Увы! не внимлет он — и не дает ответа...

ПОЭТУ

(Памяти Шиллера)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомним человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
¹⁰ И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,
Увлечших мир с пути любви и братства,
²⁰ Стяжанного усилиями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

1 8 7 5

М. Е. САЛТЫКОВУ

(При отъезде за границу)

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье купим
Трудом у мыслящих людей.

Трудом — и бескорыстной целью...
¹⁰ Дал будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать.

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

Время-то есть, да писать нет возможности.
 Мысль убивающий страх:
 Не перейти бы границ осторожности,
 Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,
 Где я родился и вырос.
 Сердце, подвластное старой печали,
 Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время — свободы, движенья,
¹⁰ Земства, железных путей.
 Что ж я не вижу следов обновленья
 В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
 С детства знакомые нам,
 И о терпении новом молящие,
 Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
 Бедность, невежество, мрак.
 Где же ты, тайна довольства народного?
²⁰ Ворон в ответ мне прокаркал: «дурак!»

Я обругал его грубым невежею.
 На телеграфную нить
 Он пересел. «Не донос ли депешей
 Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

ВСТУПЛЕНИЕ

к песням 1876—77 годов

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей:
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюм мой верный черный пес,
Глаза жены сурово-нежны:
Сейчас я пытку перенес.

Пока недуг молчит, не гложет,
¹⁰ Я тешусь странною мечтой,
Что потолок спуститься может
На грудь могильною плитой.

Легко бы с жизнью я расстался,
Без долгих мук... Прости, покой!
Как ураган недуг примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О муза! ты была мне другом,
²⁰ Приди на мой последний вопль

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынести помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победы,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

Крылатых грез толпой воздушной
30 Воображенье насели
И от моей могилы душевной
Надгробный камень отвали!

* * *

Дни идут... Всё так же воздух душён,
Дряхлый мир — на роковом пути...
Человек — до ужаса бездушён,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гневе справедливом!
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни...

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
¹⁰ Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

МОЛЕБЕН

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.
10 Всё население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенной видал!
«Милуй народ и друзей его, боже! —
Сам я невольно шептал: —
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему,
20 Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, боже, тебе».

ДРУЗЬЯМ

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую муку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

ЗИНЕ

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживает...

МУЗЕ

О муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

* * *

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

10 Узы дружбы, союзов сердечных —
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

ЗИНЕ

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоём
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней,
Двести ночей!
Темные зимние дни,
¹⁰ Ясные зимние ночи...
Зина! закрой утомленные очи!
Зина! усни!

1 8 7 7

ПРИГОВОР

«...Вы в своей земле благословенной
Парии — не знает вас народ,
Светский круг, бездушный и надменный,
Вас презреньем хладным обдает.

И звучит бесцельно ваша лира,
Вы певцами темной стороны —
На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права — рождены!..»

Камень в сердце русское бросая,
¹⁰ Так о нас весь Запад говорит.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!.. Но родина молчит...

* * *

Есть и Руси чем гордиться —
С нею не шути!
Только славным поклониться —
Далеко идти.

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей.

* * *

Вам, мой дар ценившим и любившим,
Вам, ко мне участие заявившим
В черный год, простертый надо мной, —
Посвящаю труд последний мой!
Я примеру русского народа
 Верен: «в горе жить —
 Некручинну быть» —
И больной работая полгода,
Я трудом смягчаю свой недуг:
¹⁰ Ты не будешь строг, читатель-друг!

* * *

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
¹⁰ Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!

* * *

Великое чувство! у каждых дверей,
В какой стороне ни заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей
Далеких, но рвущихся к детям.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем,
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

ПОЭТУ

Любовь и Труд — под горами развалин!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездействен и печален,
И медленно сгораешь со стыда.
И небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА ¹

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Уж не горит ли с ними и любовь,
Которая их сердцу диктовала?

Их ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды их еще не доказала...
Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!

Свободно ты решала выбор свой,
¹⁰ И не как раб упал я на колени;
Но ты идешь по лестнице крутой
И дерзко жжешь пройденные ступени!..

Безумный шаг!.. быть может, роковой...
.....

¹ Исправленное — прежнее стихотворение.

ИЗ ПОЭМЫ: «МАТЬ»

Отрывки

(Посвящается Елене Осиповне Лихачевой)

I

В насмешливом и дерзком нашем веке
Великое, святое слово: мать
Не пробуждает чувства в человеке.
Но я привык обычай презирать.
Я не боюсь насмешливости модной.
Такую музу мне дала судьба:
Она поет по прихоти свободной
Или молчит, как гордая раба.
Я много лет среди трудов и лени
¹⁰ С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени,
Для памяти священной... Час настал!..

Мир любит блеск, гремушки и литавры,
Удел толпы — не узнавать друзей,
Она несет хвалы, венцы и лавры
Лишь тем, чей бич хлестал ее больней;
Венец, толпой немыслящую свитый,
Ожжет чело страдалицы забытой —
Я не ищу ей позднего венца.
²⁰ Но я хочу, чтоб свет души высокой
Сиял для вас, средь полночи глубокой,
Подобно ей несчастные сердца!..

Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!

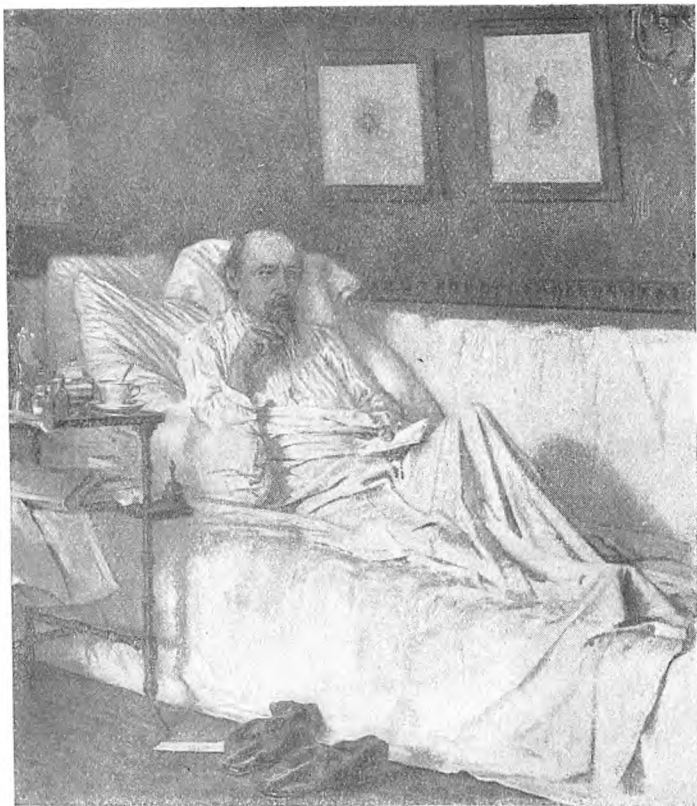
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
30 Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!..

П

Я отроком покинул отчий дом.
(За славой я в столицу торопился.)
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.
Лет двадцати, с усталой головой,
40 Ни жив, ни мертв (я голодал подолгу),
Но горделив — приехал я домой.
Я посетил деревню, нивы, Волгу —

Всё те же вы — и нивы, и народ...
И та же всё — река моя родная...
Заметил я — новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.
Кипела ты — зубчатым колесом
Прорытая — дорога водяная,
А берега дремали кротким сном.
50 Дремало всё: расшивы, коноводки,
Дремал бурлак на дне завозной лодки,
Проснется он — и Волга оживет!
Я дождался тягучих мерных звуков...
Приду ль сюда еще послушать внуков,
Где слышу вас, отцы и сыновья!
Уж не на то ль дана мне жизнь моя?

Охвачен вдруг дремотою и ленью,
В полдневный зной вошел я в старый сад;
В нем семь ключей сверкают и гремят.
60 Внимая их порывистому пенью,
Вершины лип таинственно шумят.

Н. А. НЕКРАСОВ.

С картины маслом И. Н. Крамского, 1877 г.

Я их люблю: под их зеленой сенью,
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнил я, волнуясь и мечтая,
Что мог еще увидеться с тобой,
И опоздал! И жизни трудовой
Я предан был, и страсти, и невзгодам,
⁷⁰ Захлестнут был я невскою волной...
Я рад, что ты не под семейным сводом
Погребена — там душно, солнца нет;
Не будет там лежать и твой поэт...
.....
.....
.....
.....

И наконец вошел я в старый дом,
В нем новый пол, в нем новые порядки;
⁸⁰ Но мало я заботился о том.
Я разобрал, хранимые отцом,
Твоих работ, твоих бумаг остатки
И над одним задумался письмом.
Оно с гербом, оно с бордюром узким,
Исписан лист то польским, то французским
Порывистым и страстным языком..

Припоминал я что-то долго, смутно:
Уж не его ль, вздыхая поминутно,
Читала ты в младенчестве моем
⁹⁰ Одна, в саду? не зная ни о чем,
Я в нем тогда источник горя видел
Моей родной, — я сжечь его был рад,
И я теперь его возненавидел.
Глухая ночь! Иду поспешно в сад...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Где ты? прими сыновний мой привет!
Но вторит мне лишь эхо безучастно...
Я зарыдал; увы! ее уж нет!

Луна взошла и сад осеребрила,
100 Под сводом лип недвижно я стоял,
Которых сень родная так любила.
Я ждал ее — и не напрасно ждал...
Она идет; то медленны, то скоры
Ее шаги, письмо в ее руке...
Она идет... Внимательные взоры
По нем скользят в тревоге и тоске.
«Ты вновь со мной! — невольно восклицаю, —
Ты вновь со мной...» Кругжится голова...
Чу, тихий плач, чу, шопот! Я внимаю —
110 Слова письма — знакомые слова!

III

ПИСЬМО

Варшава, 1824 год

Какую ночь я нынче провела!
О дочь моя! что сделала ты с нами?
Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой стране родную предпочла?
Приснилось мне: затравленная псами
Занесена ты русскими снегами.

Была зима, была глухая ночь,
Пылал костер, зажженный дикарями,
И у костра с закрытыми глазами
120 Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучий лес, чернея полукругом,
Ревел как зверь... ночь долгая была,
Стонала ты, как стонет раб за плугом,
И, наконец, замерзла — умерла!..

О, сколько снов... о, сколько мыслей черных!
Я знаю, бог карает непокорных,
Я верю снам и плачу как дитя...
Позор! позор! мы басня всей Варшавы.
Ты, чьей руки М. М. искал, как славы,
130 В кого N. N. влюбился не шутя,

Ты увлеклась армейским офицером,
Ты увлеклась красивым дикарем!
Не спорю, он приличен по манерам,
Природный ум я замечала в нем.
Но нрав его, привычки, воспитанье...
Умеет ли он имя подписать?
Прости! Кипит в груди негодованье, —
Я не могу, я не должна молчать!

140 Твоей красе (сурова там природа)
Уж никогда вполне не расцвести;
Твоей косы не станет на полгода,
Там свой девиз: «любить и бить»... прости.

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
С несчастных баб; соседи — дикари,
А жены их безграмотные дуры...
Сегодня пир... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! средь самого разгара

150 Твоих рулад, не выдержав удара,
Валится раб... Засмейся! всем смешно...

В последний раз, как мать, тебя целую —
Я поощрять беглянку не должна:
Решай сама, бери судьбу любую:
Вернись в семью, будь родине верна —
Или, отцом навеки проклятая
И навсегда потерянная мной,
160 Останься там отступницею края
И москаля презренною рабой.

Очнулся я. Ключи немолчные гремели,
И птички ранние на старых липах пели.
В руке моей письмо... но нет моей родной!
Смятенный, я поник уныло головой.
Природа чутким сном была еще объята;
Луна глядела в пруд; на стебле роковом
Стояли лопухи недвижно над прудом.

170 Так узники стоят у окон каземата.

Я книги перебрал, которые с собой
Родная привезла когда-то издавека,
Заметки на полях случайные читал:
В них жил пытливый ум, вникающий глубоко.
И снова плакал я, и думал над письмом,
¹⁸⁰ И вновь его прочел внимательно сначала,
И кроткая душа, терзаемая в нем,
Впервые предо мной в красе своей предстала...
И неразлучною осталась ты с тех пор,
О мать-страдалица! с своим печальным сыном,
Тебя, твоих следов искал повсюду взор,
Досуг мой предан был прошедшего картинам.

Та бледная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшего огня
В младенчестве я сиживал с тобою,
¹⁹⁰ Мне в сумерки мерещилась порою,
И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данта и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.
И стал я понимать, где мысль твоя блуждала,
²⁰⁰ Где ты душой, страдалица, жила,
Когда кругом насилье ликовало,
И стая псов на псарне завывала,
И вьюга в окна била и мела...

.
.
.
.

Незримой лестницей с недавних юных дней
Я к детству нисходил, ту жизнь припоминая,

210 Когда еще была ты нянею моей
И ангелом-хранителем, родная.

В ином краю, не менее несчастном,
Но менее суровом рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В восемнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла,
Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

220
.
.
.
.
.
.
.
.
.

230 Ты на письмо молчаньем отвечала,
Своим путем бесстрашно ты пошла.
.
.

Гремел рояль, и голос твой печальный
Звучал, как вопль души многострадальной,
Но ты была тверда и весела:
«Несчастлива я, терзаемая другом,
Но пред тобой, о женщина раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба!

240 Несчастлива ты, о родина! я знаю:
Весь край в плену, весь заревом объят...
Но край, где я люблю и умираю,
Несчастнее, несчастнее стократ!..»
Хаос! мечусь в беспамятстве, в бреду!
Хаос! едва мерцает ум поэта,
Но юности священного обета
Не совершив, в могилу не сойду!
Поймут иль нет, но будет песня спета.

Я опоздал! я медленно и ровно
250 Заветный труд не в силах совершить,
Но я дерзну в картине малословной
Твою судьбу, родная, совместить.

И я смогу!.. Поможет мне искусство,
Поможет смерть — я скоро нужен ей...
Мала слеза — но в ней избыток чувства,
Что океан безбрежный перед ней!..

.....

Так двадцать лет подвижничества цепи
Влачила ты, пока твой час пробил.
260 И не вотще среди безводной степи
Струился ключ — он жаждущих поил.
И не вотще любовь твоя сияла:
Как в небесах ни много черных туч,
Но если ночь сдаваться утру стала,
Всё ж, наконец, проглянет солнца луч!

И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
У ног твоих — детей твоих отец,
Семья давно вины твои простила,
Лобзает раб терновый твой венец...
270 Но... двадцать лет!.. Как сладко, умирая,
Вздыхнула ты... как тихо умерла!
О, сколько сил явила ты, родная!
Каким путем к победе ты пришла!..

Душа твоя — она горит алмазом,
Раздробленным на тысячи крупниц
В величьи дел, неуловимых глазом.
Я понял их — я пал пред ними ниц,
Я их пою (даруй мне силы, небо!..)
Обречена на скромную борьбу,
280 Ты не могла голодному дать хлеба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишний раз не сжало чувство страха
Его души — ты то дала рабам, —
Но лишний раз из трепета и праха
Он поднял взор бодрее к небесам...

Быть может, дар беднее капли в море,
Но двадцать лет! Но тысячам сердец,
Чей идеал — убавленное горе,
Границы зла открыты наконец!

290 Твой властелин — наследственные нравы
То покидал, то бурно проявлял,
Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал,
Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил, —
На страже ты над ним стояла годы,
Покуда мрак в душе его царил...

И если я легко стряхнул с годами
С души моей тлетворные следы
300 Поправшей всё разумное ногами,
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты —
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

И счастлив я! уж ты ушла из мира,
Но будешь жить ты в памяти людской,
310 Пока в ней жить моя способна лира.
Пройдут года — поклонник верный мой
Ей посвятит досуг уединенный,
Прочтет рассказ и о твоей судьбе;
И, посетив поэта прах забвенный,
Вздохнув о нем, вздохнет и о тебе.

ЗИНЕ

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слышал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
¹⁰ Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

БАЮШКИ-БАЮ

Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: — умрем! конец надежде! —
Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
10 Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всеильной,
И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Успи, усни, касатик мой!
Прими трудов венец желанный,
20 Уж ты не раб — ты царь венчаный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

30 Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,

40 Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

* * *

Черный день! как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров,
Я взываю к русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду
Или мертвой в меру дай.

ОТРЫВОК

...Я сбросила мертвящие оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, где чтут пути христовы,
Где стерегут оплошного врага.

В бездействии застала я дружины;
Окончив день, беспечно шли ко сну ·
И женщины, и дети, и мужчины,
Лишь меж собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые рассказы
¹⁰ О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

СТАРОСТЬ

Просит отдыха слабое тело,
Душу тайная жажда томит,
Горько ты, стариковское дело!
Жизнь смеется, — в глаза говорит:

Не лелей никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцаньи народных страданий
И в сознаньи бессилья — умри!..

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

«Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь уж не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я недаром берегу...»

Вот и всё, что ты нам завещала,
Да еще узнали мы потом,
Что давно ты бедным отдавала,
Что добыть умела ты трудом.

Поп труслив — боится, не хоронит;
¹⁰ Убедить его мы не могли.
Мы в овраг, где горько ветер стонет,
На руках покойницу снесли.

Схоронив, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу
И на камне четко написали
Жизнь, и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людям милы,
И укор, и поученье в них...
Нужны нам великие могилы,
²⁰ Если нет величия в живых...

ОСЕНЬ

Прежде — праздник деревенский,
Нынче — осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
¹⁰ Кто пропал, кого нашли?
По каким по лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко!.. Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не ложится на печи.
Сыт, согрелся, слава богу,
Только спать бы! нет, не спишь —
Так и тянет на дорогу,
²⁰ Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,
Что за нами на бугре,
Как проносятся вагоны,
Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

СОН

Мне снилось: на утесе стоя,
Я в море броситься хотел,
Вдруг ангел света и покоя
Мне песню чудную запел:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человек!
Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век;
И музе возвращу я голос,
¹⁰ И вновь блаженные часы
Ты обретешь, собирая колос
С своей несжатой полосы».

* * *

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
¹⁰ Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

БУНТ

(Живая картина)

...Скачу как вихорь из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани —
И пали на колени все!

Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам...

МОЛОДЫЕ ЛОШАДИ

(Вчерашние сцены)

Лошади бойко по рельсам катили
Полный громадный вагон.
С рельсов сошел неожиданно он...
Лошади рьяны и молоды были —
Дружно рванулись... опять и опять —
Не поддается вагон ни на пядь,
С час они силы свои напрягали,
Надорвались — и упали...
«Бедные!» — кто-то сказал из окна.
¹⁰ «Глупые!» — кто-то заметил с балкона...
О, поскорее на рельсы!.. Страшна
Тяжесть сошедшего с рельсов вагона.

ПРАЗДНОМУ ЮНОШЕ

Что сидишь ты, сложа руки?
Ты окончил курс науки,
Любишь русский край,

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно —
Что же? Начинай!

Иль тебе всё мелко, низко?
Или ждешь труда без риска?
Времена не те!

¹⁰ В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

МУЖ И ЖЕНА

«Глашенька! пустошь Ивашево —
Третъ состояния нашего:
Не продавай ее, ангельчик мой!
Выдай обратно задаток...»
Слезы, нервический хохот, припадок:
— Я задолжала — и срок за спиной... —
«Глаша, не плачь! я — хозяин плохой.
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
¹⁰ Всевыносящей любовью
 Полно, друг мой!»

«Глаша! волнует и мучит
Чувство ревнивое душу мою.
Этот учитель, что Петеньку учит...»
— Так! муженька узнаю!
О, если б знал ты, как зол ты и гадок. —
Слезы, нервический хохот, припадок...
«Знаю, прости! Я — ревнивец большой!
Делай что хочешь со мной.
²⁰ Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
 Полно, друг мой!»

«Глаша! как часто ты нынче гуляешь,
Ты хоть сегодня останься со мной.
Много скопилось работы — ты знаешь;
Чтоб одолеть ее, нужен покой!»
Слезы, нервический хохот, припадок...
«Глаша, иди! Я — безумец, я гадок,

Я — эгоист бессердечный и злой,
30 Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
 Полно, друг мой!»

ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

I СУЩНОСТЬ

Если в душе твоей ясны
Типы добра и любви,
В мире все темы прекрасны,
Музу смелее зови.
Муза тебя посетила:
Смутно блуждает твой взор!
В первом наитии сила!
Брось начатой разговор.

II ФОРМА

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.
Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1859

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

1

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На дальнем севере, в гиперборейском крае,
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре —
Столица новая возникла при Петре.
Возникнув с помощью чухонского народа
Из топей и болот в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас,
С немецким языком там перемешан русский,
¹⁰ И над обоими господствует французский,
А речи истинно-народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот!

Да, патриота там наищешься со свечкой:
Подбиться к сильному, прикинуться овечкой,
Местечка теплого добиться, и потом
Безбожно торговать и честью и умом —
Таков там человек! Но впрочем, без сомненья,
Спешу оговорить, найдутся исключения.
Забота промысла о людях такова,
²⁰ Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот, например, Жуковский, —
Хоть в Петербурге жил, но был с душой московской.

Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех концов земли

Затеи роскоши; — музеи просвещения,
Музеи древностей — «все признаки ученья»
В том городе найдешь; нет одного: души!
Там высох человек, погрязнув в барыши,
Улыбка на устах, а на уме коварность:
30 Святого ничего — одна утилитарность!

Итак, друзья мои! клянусь тщеславный град!
Рыдаю и клянусь... Прогрессу он не рад.
В то время, как Москва надеждами пылает,
Он погружается попрежнему в разврат
И против гласности стишонки сочиняет!..

2

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Ты знаешь град, заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижины, посадки и деревни,
И храмы божии, и царские дворцы?
Тот мудрый град, где, смелый провозвестник
Московских дум и английских начал,
Как водопад бушует «Русский вестник»,
Где «Атеней» как ручеек журчал.
10 Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Ученый говорит: «тот град славнее Рима»,
Прозаик «сердцем родины» зовет,
Поэт гласит «России дочь любима»,
И «матушкою» чествует народ.
Недаром, нет! Невольно брызжут слезы
При имени заслуг, какие он свершил:
В 12-м году такие там морозы
Стояли, что француз досель их не забыл.
20 Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площадях.
Там уцелел остаток древне-барский
У каждого патриция в груди.

В купечестве, в сословии дворянском
Там бескорыстие, готовность выше мер:
В последней ли войне, в вопросе ли крестьянском —
Мы не один найдем тому пример...

30 Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Волшебный град! Там люди в деле тихи,
Но говорят, волнуются за двух,
Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух;
Всё взоры веселит, всё сердце умиляет,
На выпренный настраивает лад —
Царь-колокол лежит, царь-пушка не стреляет,
И сорок сороков безумолку гудят.

40 Волшебный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена,
Там в головах у всех такая ясность,
Что комара не примут за слона.
Там, не в пример столице нашей невской,
Подметят всё — оценят, разберут:
Анафеме там предан Чернышевский
И Кокорева ум нашел себе приют!

50 Правдивый град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Мудреный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи;
Ученый Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои,
Там сомневается почтеннейший Киттары,
Уж точно ли не нужно сечь детей?
Там в Хомякове чехи и мадьяры
Нашли певца народности своей.

60 Мудреный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Разумный град! Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,

Там Шевырев был поражен сугубо,
Там сам себя Чичерин поразил.
Там, что ни муж — то жаркий друг прогресса,
И лишь не вдруг могли уразуметь:
Что́ на пути к нему вернее — пресса
Или умно направленная плеть?
Разумный град! — Туда, туда с тобой
70 Хотел бы я укрыться, милый мой!

Серьезный град!.. Науку без обмана,
Без гаерства искусство любят там,
Там область празднословного романа
Мужчина передал в распоряжение дам.
И что роман? Там поражают пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поют.
Там люди презирают балаганство
И наш «Свисток» проклятью предают!
Серьезный град! — Туда, туда с тобой
80 Нам страшно показаться, милый мой!

1 8 6 0

ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

Как дядю моего, Ивана Ильича,
Нечаянно сразил удар паралича,
В его наследственном имении Курсунском, —
Я памятник ему воздвигнул сгоряча,
А души заложил в совете опекунском.

Мои домашние, особенно жена,
Пристали: «жизнь для нас на родине скучна!»
Кто: «ангел!», кто: «злодей! вези нас за границу!»
Я крикнул старосту Ивана Кузьмина,
10 Именье сдал ему и — укатил в столицу.

В столице получив немедленно паспорт,
Я сел на пароход и уронил за борт
Горячую слезу, невольный дар отчизне...

«Утешься, — прешептал нас увлекавший чорт, —
Отраду ты найдешь в немецкой дешевизне», —

И я утешился... И тут уж недолга
Развязка мрачная: минули мы берега
Священной родины, минули Свинемюнде,
Приехали в Берлин — и обрели врага
20 В Луизе-Августе-Фернанде-Кунигунде.

Так горничная тварь в гостинице звалась.
Но я предупредить обязан прежде вас,
Что Лидия — моя дражайшая супруга —
Ужасно горяча: как будто родилась
Под небом Африки; в ней дышут страсти юга!

В отечестве она не знала им узды:
Покорно ей вручив правления бразды,
Я скоро подчинил ей волю и рассудок
(В сочельник крошки в рот не брал я до звезды,
30 Хоть голоду терпеть не может мой желудок),

И всяк за мною вслед во всем ей потакал,
Противоречием никто не раздражал
Из опасенья слез, трагических истерик...
В гостинице, едва я умываться стал,
Вдруг слышу: Лидия бушует, словно Терек.

Я бросился туда. Вот что случилось с ней...
О ужас! о позор! В небрежности своей,
Луиза, Лидию с дороги раздевая,
Царапнула слегка булавкой шею ей,
40 А Лидия моя, недолго размышляя...

Но что тут говорить? Тут нужны не слова,
Тут громы нужны бы... Недвижна, чуть жива,
Стояла Лидия в какой-то думе новой.
Растрепана коса, поникла голова:
«На натиск пламенный ей был отпор суровый!..»

Слова моей жены: «о друг, Иван Ильич! —
Мне вспомнились тогда:—здесь грубость, мрак и дичь,
Здесь жить я не могу — вези меня в Европу!»
Ах, лучше б, душечка, в деревне девок стричь
50 Да надирать виски безгласному холопу!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ,
или
«НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»

... О светские забавы!
Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.

Недолго думал думу,
Достал два автографа
И вышел не без шума
На путь библиографа,

Шекспировых творений
¹⁰ Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших описок.

Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:

Какую-то Запру
Позднейшего поэта
Я приписал Шекспиру,
²⁰ Да пропустил Гамлета.

Посыпались нападки.
Я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало.

Тогда я хватъ брошюру!
И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

Открыли перестрелку,
³⁰ В своих мансардах сидя,

Попал я в переделку!
Так заяц, пса увидя,

Потерянный метнется
К тому, к другому краю
И разом попадется
Во всю собачью стаю!..

Дней сто не прекращали
Журнальной адской бани,
И даже тех ругали,
40 Кто мало сыпал брани!

Увы! в родную сферу
С стыдом я возвратился;
Испортил я карьеру,
А славы не добился!..

1 8 6 3

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

генерал-лейтенанта

ФЕДОРА ИЛЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-го,

Уволенного в числе прочих в 1857 году

«Убил ты, точно, на веку
Сто сорок два медведя,
Но прочитал ли хоть строку
Ты в жизни, милый Федя?»

— О нет! за множеством хлопот,
Разводов и парадов,
По милости игры, охот,
Балов и маскарадов,
Я книги в руки не бирал,
10 Но близок с просвещеньем:
Я очень долго управлял
Учебным учрежденьем.
В те времена всего важней

Порядок был — до книг ли? —
Мы брили молодых людей
И, как баранов, стригли!
Зато студент не бунтовал,
Хоть был с осанкой хватской,
Тогда закон не разбирал —
20 Военный или статский:
Дабы соединить с умом
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потом
Иди на маршировку!..

Случилось также мне попасть
В начальники цензуры,
Конечно, не затем, чтоб красть.
Что взять с литературы?
А так, порядок водворить...
30 Довольно было писку;
Умел я разом сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоров сменил
(Всё были либералы),
Лицеям, школам воспретил
Выписывать журналы.
«Не успокоюсь, не поправ
Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
40 И мощь мою — и крепость!» —
Я восклицал. Я их застиг,
Как ураган в пустыне,
И гибли, гибли сотни книг,
Как мухи в керосине!
Мать не встречала прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули в пятнадцать дней
Все книжные лавчонки!..

Потом, когда обширный край
50 Мне вверили по праву,
Девиз: «Блюда — и усмиряй!»
Я оправдал на славу...
.....

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

Я полагал, с либерального
Есть направленья барыш —
Больше, чем с места квартального.
Что ж оказалось — шиш!
Бог меня свел с нигилистами,
Сами ленятся писать,
Платят всё деньгами чистыми.
Пробовал я убеждать:

«Мне бы хоть десять копеечек
10 С пренумеранта извлечь:
Ведь даровых-то статейчек
Много... куда их беречь?
Нужно во всем беспристрастие:
Вы их смешайте, друзья,
Да и берите на счастье...
Верьте, любая статья
Встретит горячих хвалителей,
Каждую будут бранить...»
Тщетно! моих разорителей

20 Я не успел убедить!
Часто, взбираясь на лесенку,
Где мой редактор живет,
Слышал я грозную песенку,
Вот вам ее перевод:
«Из уваженья к читателю,
Из уваженья к себе,
Нет снисхожденья к издателю —
Гибель, несчастный, тебе!..»
— Но не хочу я погибели!

30 (Я ему): друг-нигилист!
Лучше хотел бы я прибыли. —
Он же пускается в свист.

Выслушав эти нелепости,
Я от него убегал
И по мосткам против крепости
Обыкновенно гулял.
Там я бродил в меланхолии,
Там я любил размышлять,
Что не могу уже более

- 40 «Аргуса» я издавать.
Чин мой оставя в забвении
И не щадя седины,
Эти великие гении
Снять с меня рады штаны!
Лучше итти в переписчики,
Чем убиваться в наклад.
Бросишь издание — подписчики
Скажут: дай деньги назад!
Что же мне делать, несчастному?
- 50 Благо, хоть совесть чиста:
Либерализму опасному
В сети попал я спроста...
Так по мосткам против крепости
Я в размышленьи гулял.
Полный нежданной свирепости
Лед на мостки набежал.
С треском они раскочилися,
Нас по Неве понесло;
Все пешеходы смутились,
- 60 Каждому плохо пришло!
Словно близ дома питейного,
Крики носились кругом.
Смотрим — нет моста Литейного!
Весь разнесло его льдом.
Вот, погоняемый льдинами,
Мчится на нас плашкоут,
Ропот прошел меж мужчинами,
Женщины волосы рвут!
Тут человек либерального
- 70 Образа мыслей, и тот
Звал на защиту квартального...
Я лишь был хладен, как лед!
Что тут борьба со стихиею,
Если подорван кредит,
Если над собственной выею
Меч дамоклесов висит?..
Общее было смятение,
Я же на льдине стоял
И умолял провидение,
- 80 Чтоб запретили журнал...
Вышло б судеб покровительство!

Честь бы и деньги я спас,
Но не умеет правительство
В пору быть строгим у нас...
Нет, не оттуда желанное
Мне избавленье пришло —
Чудо свершилось нежданное:
На небе стало светло,
Вижу, на льдине сверкающей...
90 Вижу, является вдруг,
Мертвые души скупающий
Чичиков! — *«Здравствуй, мой друг!
Ты приходи покупателя!»* —
Он прокричал — и исчез!..
Благословляя создателя,
Мокрый, я на берег влез...

Всю эту бурю ужасную
Век сохраню я в душе —
Мысль получивши прекрасную,
100 Я же теперь в барыше!
Нет рокового издания!
Самая мысль о нем — прочь!..
Поздно, в трактире «Германия»,
В ту же ужасную ночь,
Греясь, сушась, за бутылкою
Сбыл я подписчиков, сбыл,
Сбыл их совсем — с пересылкою,
Сбыл — и барыш получил!..
Словно змеєю укушенный,
110 Впрочем, легок и счастлив,
Я убежал из Конюшенной,
Этот пассаж совершив.
Чудилось мне, что нахальные
Мчатся подписчики вслед,
«Дай нам статьи либеральные! —
Хором кричат: — дармоед!»
И ведь какие подписчики!
Их и продать-то не жаль.
Аптекаря, переписчики —
120 Словом, ужасная шваль!
Знай, что такая компания
Будет (и все в кураже!..),

Не начинал бы издания:
Аристократ я в душе.
Впрочем, средь бабьих передников
И неуклюжих лаптей —
Трое действительных статских советников,
Двое армянских князей!
Публика всё чрезвычайная,
130 Даже чиновников нет.
Охтенка — чтица случайная
(Втер ей за сливки билет),
Дьякон какой-то, с рассрочкою
(Басом, разбойник, кричит),
Страж департаментский с дочкою —
Всё догоняет, шумит!
С хохотом, с грохотом, гиканьем
Мчатся густою толпой;
Визгами, свистом и шиканьем
140 Слух надрывается мой.
Верите ль? даже квартальные,
Взявшие даром билет,
«Дай нам статьи либеральные!» —
Хором кричат. Я в ответ:
— Полноте, други любезные,
Либерализм вам не впрок! —
Сам же в ворота железные
Прыг, — и защелкнул замок!
— Ну! отвязались, ракалии!.. —
150 Тут я в квартиру нырнул
И, покуривши регалии,
Благополучно заснул.

Жаль мне редактора бедного!
Долго он будет грустить,
Что направления вредного
Негде ему проводить.
Встретились мы: я почтительно
Шляпу ему приподнял,
Он улыбнулся язвительно
160 И засвистал, засвистал!

1 8 6 5

* * *

Явно родственны с землей,
В тайном браке с «Вестью»,
Земства модною броней
Прикрываясь с честью,
Снова ловят мужиков
В крепостные сети
Николаевских орлов
Доблестные дети...

1 8 6 7

ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

Жил-был за тридевять земель,
В каком-то царстве тридесютом,
И просвещенном, и богатом,
Вельможа, именем — Кисель.
За книгой с детства, кроме скуки,
Он ничего не ощущал,
Китайской грамотой — науки,
Искусство — бреднями считал;
Зато в войне, на поле брани
¹⁰ Подобных не было ему:
Он нес с народов диких дани
Царю — владыке своему.
Сломив рога крамоле внешней
Пожаром, казнями, мечом,
Он действовал еще успешней
В борьбе со внутренним врагом:
Не только чуждые народы,
Свои дрожали перед ним!
Но изменили старцу годы —
²⁰ Заботы, дальние походы,
Военной славы гром и дым

Израненному мужу в тягость:
Сложил он бранные дела,
И императорская благодать
Гражданский пост ему дала.
Под солнцем севера и юга,
Устав от крови и побед,
Кисель любил в часы досуга
Театр, особенно балет.

³⁰ Чего же лучше? Свеж он чувством,
Он только удручен войной —
Итак, да правит он искусством,
Вкушая в старости покой!

С обычной стойкостью и рвением
Кисель вступил на новый пост:
Присматривал за поведением,
Гонял говеть актеров в пост.
Высокомерным задал гонку,
Покорных, тихих отличил,
⁴⁰ Остриг актеров под гребенку,
Актрисам стричься воспретил;
Стал роли раздавать по чину,
И — как он был благочестив,
То женщине играть мужчину
Не позволял, сообразив,
Что это вовсе неприлично:
— Еще начать бы позволять,
Чтобы роль женщины публично
Мужчина начал исполнять!

⁵⁰ Чтобы актеры были гибки,
Он их учил маршировать,
Чтоб знали роли без ошибки,
Затеял экзаменовать;
Иной придет поздненько с пира,
К нему экзаминатор шасть,
Разбудит: «Монолог из Лира
Читай!...» Досада — и напасть!

Приехал раз в театр вельможа
И видит: зала вся пуста,

⁶⁰ Одна директорская ложа

Его особой занята.
Еще случилось то же дважды —
И понял наш Кисель тогда,
Что в публике к театру жажды
Не остается и следа.
Сам царь шутя сказал однажды:
«Театр негоден никуда!
В оркестре врут и врут на сцене,
Совсем меня не веселя,
70 С тех пор, как дал я Мельпомене
И Терпсихоре — *Киселя!*»

Кисель глубоко огорчился,
Удвоил труд — не ел, не спал;
Но как начальник ни трудился,
Театр ни к чорту не годился!
Тогда он истину сознал:
«Справлялся я с военной бурей,
Но мне театр не по плечу,
За красоту балетных гурий
80 Продать я совесть не хочу!
Мне о душе подумать надо,
И так довольно я грешил!»
(Кисель побаивался ада,
И в рай, конечно, норовил.)
Мысль эту изложив круглее,
Передает секретарю:
Дабы переписал крупнее
Для поднесения царю.
Заплакал секретарь; печали
90 Не мог, бедняга, превозмочь!
Бежит к кассиру: «мы пропали!»
(Они с кассиром вместе крали) —
И с ним беседует всю ночь.
Наутро в труппе гул раздался,
Что депутация нужна
Просить, чтобы Кисель остался,
Что уж собирается она.
«Да кто ж идет? с какой же стати? —
Кричат строптивые: — Давно
100 Мы жаждем этой благодати!» —
«Тссс! тссс!.. упрсят неравно!»

И всё пошло путем известным:
Начнет дурак или подлец,
А вслед за глупым и бесчестным
Пойдет и честный наконец.
Тот говорит: до пансиона
Мне остается семь недель,
Тот говорит: во время оно
Мою сестру крестил Кисель,
110 Тот говорит: жена больная,
Тот говорит: семья большая —
Так друг по дружке вся артель,
Благословив сначала небо,
Что он уходит наконец,
Пошла с дарами соли-хлеба
Просить: «останься, наш отец!»

Впереди шли вдовицы преклонные,
Прослужившие лета законные,
Седовласые, еле ползущие,
120 Пансионом полвека живущие;
Дальше причет трагедии: вестники,
Шитоносцы, тираны, кудесники,
Двадцать шесть благородных отцов,
Девять первых любовников;
Восемьсот театральных чиновников
По три в ряд выступали с боков
С многочисленным штабом:
С сиротами беспечными,
С бедняками увечными,
130 Прищемленными траном.
Пели гимн представители пения,
Стройно шествовал кордебалет;
В белых платяцах, с крыльями гения
Корифейки младенческих лет,
Довершая эффект депутации,
Преклонялись с простертой рукой,
И исполнены женственной грации,
В очи старца глядели с мольбой...

140 Кто устоит перед слезами
Детей, теряющих отца?

Кисель растрогался мольбами:
«Я ваш, о дети! до конца!
Я полагал, что я ненужен,
Я мнил, что даже вреден я,
Но вами я обезоружен!
Идем же, милые друзья,
Идем до гробового часу
Путем прогресса и добра...»
Актеры скорчили гримасу,
150 Но тут же крикнули: ура!
«Противустать возможно ядрам,
Но вашим просьбам — никогда!»

И снова правит он театром,
И мечется туда-сюда;
То острижет до кожи труппу,
То космы разрешит носить.
А сам не ест ни щей, ни супу,
Не может вин заморских пить.
В пьесах, ради высших целей,
160 Вне брака допустил любовь
И капельдинерам с шинелей
Доходы предоставил вновь;
Смирившись, с автором «Гамлета»
Завесть знакомство пожелал,
Но бог британского поэта
К нему откусать не прислал.
Укоротил балету платья,
Мужчиной женщину одел,
Но поздние мероприятия
170 Не помогли — театр пустел!
Спились таланты при Ликурге,
Им было нечего играть:
Ни в комике, ни в драматурге
Охоты не было писать;
Танцорки как ни горячились,
Не получали похвалы,
Они не то, чтобы ленились,
Но вечно были тяжелы.
В партере явно негодуют,
180 Свет божий Киселю не мил,
Грустит: «Чиновники воруют,

И с труппой справиться нет сил!
Вчера статуя командора
Ни с места! Только мелет вздор —
Мертвецки пьяного актера
В нее поставил режиссер!
Зато случился факт печальный
Назад тому четыре дня:
С фронтона крыши театральной
190 Ушло три бронзовых коня!»

Кисель до гроба сценой правил,
Сгубил театр — хоть закрывай! —
Свои седины обесславил,
Да не попасть ему и в рай.
Искусство в государстве пало
К великой горести царя,
И только денег прибывало
У молодца-секретаря:
Изрядный капитал составил,
200 Дом нажил в восемь этажей
И на воротах львов поставил,
Сбежавших перелив коней...

Мораль: хоть крепостные стены
И очень трудно разрушать,
Однако храмом Мельпомены
Трудней без знания управлять.
Есть и другому поученью
Тут место: если хочешь в рай,
Путеводителем к спасенью
210 Секретаря не избирай.

ПРИЛОЖЕНИЯ

І. НЕВКЛЮЧЕННОЕ АВТОРОМ В СОБРАНИЕ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ

1 8 5 7

⟨ИЗ ПОЭМЫ «ТИШИНА»⟩

IV

Но Русь цела, но Русь тверда,
Над нею солнце мира блещет...
О Русь! ты такова всегда:
Как сильно буря ни тревожит
Вершины вековых деревьев,
Она ни долу не положит,
Ни даже раскатать не может
До корня заповедный лес.
Не угадать, что знаменует
¹⁰ Твоя немая тишина,
Но сердце вешее ликует
И умиляется до дна...

Под небом неродным блуждая,
Но к северу стремясь душой,
Любил я, сторона родная,
Воображать тебя такой:
Тиха, как сонная, наружно,
Внутри жива и горяча,
Неутомимо, бодро, дружно
²⁰ Ты вся работаешь с плеча —
К добру разумное стремленье
Животворит твоих детей;
В права вступает просвещение,
Уходит мрак... кругом светлей,
И быстро царство молодое
Шагает по пути добра,
Как в дни Великого Петра...

Да сбудется!..

Погибни злое!

Пускай не устает сиять

³⁰ Нам солнце правды повсеместно,

Пусть на работающих честно

Нисходит божья благодать!

Да будет труд их спор и строен,

Да телом здоров, душой покоен

Его до цели доведет

И пахарь, и поэт, и воин,

И мореплаватель, и тот

Заступник и глава народный,

Пред коим частные труды —

⁴⁰ Как мелководные пруды

Перед Невою многоводной...

1 8 5 9

<А. Е. МАРТЫНОВУ>

Со славою прошел ты полдороги,

Полпоприща ты доблестно свершил,

Мы молим одного: чтоб даровали боги

Тебе надолго крепость сил!..

Чтоб в старости, бывшее вспоминая,

Могли мы повторять, смеясь:

«А помпншь ли, гурьба какая

На этот праздник собралась?»

Тут не было ни почестей народных,

¹⁰ Ни громких хвал, — одним он дорог был:

Свободную семью людей свободных

Мартынов вокруг себя в тот день соединил;

И чем же, чем? Ни подкупа, ни лести

Тут и следа никто не мог бы отыскать».

Мы знаем все: ты стоишь большей чести!

Но мы даем, что можем дать!

ЗАБРАКОВАННЫЕ

Трагедия в трех действиях, с эпилогом, с национальными песнями и плясками и великолепным бенгальским огнем

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Григорий, дьячок села Пьянова, 52 лет.

Михайло Триумвиратов, сын его, 19 лет, кончивший курс в губернской гимназии.

Калистрат, второй сын Григория, 7 лет.

Константин Харчин, 20 лет, сын уездного приказного.

Александр Сергеевич Тузов, сын помещика села Пьянова, 20 лет.

Никандр Иванович Кадыков, профессор.

Девушки 1-я, 2-я и 3-я.

Без речей: охотники, поселяне, собаки и лошади.

Действие происходит в окрестностях села Пьянова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет обширный луг, скошенное сено частью поставлено в стоги, частью просушивается. Местами разбросаны разные принадлежности сенокоса: грабли, косы; стоит отпряженная телега. Невдалеке видна река.

СЦЕНА I

Григорий и Калистратка

Григорий
(бросая грабли)

Трапезовать прилично человеку,
Егда почует некоторый глад.
Дай закушу. А ты беги на реку
Да зачерпни водицы, Калистрат!
Или домой — чтоб нацедили квасу.

(Калистратка, живого мальчик, в халате, босиком, убегает с жбаном)

Велик господь! Подрезали траву —
И рожь поджали ко второму Спасу,
Там молотью займем к Покрову,
А там престор крещенскому морозу,
¹⁰ Там Псст Велик, а там опять весна,

Весна — пора свезения навозу
С дворов на пашню. Чудно создана
Природа мать! Я к «Таинствам Натуры»
Имел когда-то «Ключ», да затерял.
Там сказано... (*Вздрагивает.*)

СЦЕНА II

Григорий и девушки 1-я, 2-я и 3-я.
Через сцену проходит несколько крестьянских девушек в чистых
белых рубашках и цветных платках, с песнею.

Г р и г о р и й

Эк, как горланят дуры!

1 - я д е в у ш к а

Бог на помощь.

Г р и г о р и й

Спасибо бы сказал,

Да испугали.

2 - я д е в у ш к а

(*очень красивая*)

Мы не ведьмы, дядя.

Г р и г о р и й

Не ведьмы-то не ведьмы, вижу я.

3 - я д е в у ш к а

Пойдем, чего остановилась, Надя?

²⁰ Смерть жарко... в воду так и брошусь я...

Г р и г о р и й

Да видишь, я задумался... Парила
Бессмертная ко господу душа,
Главу мою внезапно озарила
Мысль некая... Я думал не спеша
В нее войти — вдруг пенье...

3 - я д е в у ш к а

Ну, прощайте.

Г р и г о р и й

Да вы куда?

2 - я д е в у ш к а

Купаться.

Девушки уходят с песней; слышны их голоса, смех и через несколько минут плескание в воде.

Г р и г о р и й

С вами бог!

Играйте, смейтесь, песни распевайте...

Чу! бухаются в реку со всех ног!

Как тело-то с размаху молодое

30 Об воду ударяется... Эх-эх!

СЦЕНА III

Те же и Михайло Триумвратов (*в гимназическом старом сюртуке, очень грустный*).

Г р и г о р и й

Ба! Миша! Ты откуда? Что такое?

Ие выдержал?

Т р и у м в р а т о в

Забраковали всех!

Г р и г о р и й

(*в отчаянии, после минуты молчания*)

Не выдержал!.. Последние деньжонки

Я на него лет десять убивал,

Я покупал учебные книжонки,

Халаты шил и сапоги тачал!

Чтобы его в гимназию отправить,

Я продал жеребенка-сосуна,

Который мог со временем доставить

40 Мне денежки: резвее скакуна

Теперь на всем заводе у Тузова

Нет, говорят. Недавно вот на нем

Проехал барин: мещуг огонь подковы!

А ты гляди да щелкай языком.

Лишив меня сокровища такого,

Ты нежностью сыновней не умел

Родителя утешить: из Гамбова,

Припомни, как ты пеший прилетел —

«Я не могу в гимназии остаться:
60 И там посекли»; я еще побил
И приказал обратно отправляться
Да сам пешком туда же поспешил.
Насилу всё уладил, награжденье
Единое имея впереди,
Что в высшее ты вступишь заведение
В столичном граде. Бог тебя суди!
Копя гроши в последнюю годину,
Я в путь тебя отправил наконец.
Но паки ты поверг меня в кручину —
60 Не выдержал экзамену, подлец!

Т р и у м в и р а т о в

Не я один. Вот тоже сын Тузова,
Сын нашего повытчика — Харчин
И многие.

Г р и г о р и й

Не ты один? Ни слова!
Что выдумал еще — не он один!
Тузову всё прстительно: богаты
Соседи наши; возвратился вспять —
И рад отец, и мать, и сестры рады,
И наши же поля начнет топтать
С отцовской стаей ветренный невежда.
70 Но ты, но ты... сын нищего дьячка,
Семьи своей единая надежда,
С тобой теперь разделка коротка!

(Замахивается.)

Что пятишься? Я выместить намерен
Отцовскую печаль свою
Немедленно... а завтра, будь уверен,
Я абие тебя побью!

Т р и у м в и р а т о в

Отец! отец! оставь угрозы,
Напрасно сына не брани.
Я плачу, видишь эти слезы —
80 Уже не первые они.
Ребенком ветренным, с ксичкой,
Когда еще, и глуп и мал,

Я гнался за невинной птичкой
И с грядок репу воровал, —
Уже тогда твой взор суровый
За мной заботливо следил:
Ты бил дубинкою сосновой,
Лапшой березовой кормил!
А в бурсе... Там, от боли воя,
60 К сеченью приводим был вновь:
По суткам на горохе стоя,
Простаивал колени в кровь.
Ох! памятна мне эта бурса —
Вовек не позабыть о ней,
Но гимназического курса
Воспоминания свежей.
Что сделать розгой или палкой
Возможно — сделано давно.
В душе я трус какой-то жалкий:
100 Мне честь, бесчестье — всё равно;
Что б предо мною ни творили —
Смотрю с безмыслием глупца:
Вот правого приговорили,
Вот оправдали подлеца:
Молчу — полнейшая безгласность!
Как будто нет во мне души!
Над всем господствует опасность
Хватить березовой лапши.
Ну, словом, розочной науки
110 Я всю исчерпал благодать.
Зачем же старческие руки
Тебе напрасно утруждать?

Г р и г о р и й

А всё побью. Но изложи сначала
Причину — почему не принят?

Т р и у м в и р а т о в

Наступил

Век строгости какой-то небывалой...
Да вот Харчин: уж как прилежен был!
Он до того зазубривался часто,
Что отливали мы его водой.
И что ж? увь!.. Ну, уж пускай бы нас-то:

¹²⁰ Нет, и его... пешком пошел домой...
Бедняжка! как он трусил! как боялся!
Отец сердит и беден. Что-то с ним?
Я к Харчину душевно привязался:
Всегда задумчив, болен, нелюдим,
Боюсь, что он не выдержит печали.

К а л и с т р а т к а

(за сценой)

Вот батюшка... ах, братец!.. ты...

Входят Калистратка и Харчин.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Григорий, Триумвиратов, Харчин, Калистратка.

Т р и у м в и р а т о в

Харчин!

Откуда ты?

К а л и с т р а т к а

Да вот они искали:

Я встретил и привел...

(Ласкается к брату.)

Х а р ч и н

Один теперь, один

На целом свете! Батюшка рассердился

¹³⁰ И выгнал!

Г р и г о р и й

Благородный господин!

Кто ты такой? Откуда появился?

Х а р ч и н

Кто я? злосчастный Константин Харчин!

В последний раз узрев родную землю,

Готовлюсь к смерти я...

Да, вот вам вся история моя,

Когда вы знать ее хотите.

Г р и г о р и й

Внемлю.

Х а р ч и н

«Не спорю — дело честное
Карать и обличать,
Но нужно знание местное —
140 Вот мне, так грех не брать!
Как черствым хлебом давится
Голодная семья,
Так бескорыстьем славиться
Позор — вот мысль моя!»
Такие рассуждения
Отец мой развивал
И кожу без зазрения
С живых и мертвых драл.
Он за дельца удалого
150 В уезде нашем слыл,
Но был чинишка малого
И очень бедно жил.
«Эх! доли неоплатная,
Ты долюшка моя!» —
Певал он: необъятная
Гнела его семья.
По счастью, отличная
Жена, детей штук пять,
Да теща параличная,
160 Да взбалмошная мать,
Да брат с ногой оторванной
Под Данцигом, да дед,
Прожорливый, оборванный,
Ста двадцати трех лет!
Такая уж живучая
Порода их была.
В отце судьба могучая
Кормильца им дала.
И он свершал призвание —
170 Безропотно кормил
И даже их ворчание
И злость переносил!
Крутенько приходилося:
Случалось — хлеба нет,
Семья вся притаилася,
Разбунтовался дед!
«Всех накормлю, родимые!» —

Промолвит — и уйдет
И вдруг непостижимые
180 Пути изобретет:
Глядишь, денга явилася!
Утих зазорный дед,
Семья одушевилася...
Так жил он сорок лет;
Не изменял обычая,
Кормил и холил нас,
Лишь в год до безъязычия
Пьян напивался раз.
Тут только маску чинную
190 Снимал он наконец:
Прибьет жену невинную,
Облает нас отец!
Рассказ враля дссадного
О Данциге прервет
И мучит деда жадного —
Обедать не дает.

Помощником родителя
Лет с девяти я был:
У каждого просителя
200 Особо я проспл,
И матушке грошовые
Доходы отдавал...
Да, смолоду суровые
Картины я видал!
К чему о них рассказывать?
Но должен я сказать,
Что темных дел показывать,
В них сына псвятить —
Ни малого желанья
210 Родитель не питал:
«Тебе тут не компания —
Иди!» — он замечал,
Когда к нему стекались
Сутяги и дельцы.
Но от меня старались
Напрасно скрыть концы:
Во все их тайны грязные
Чутьем я проникал...

В проделки безобразные
220 Как сам я не попал,
Не сделался воришкою —
То знает только мать.
Почти еще мальчишкою
Я начал понимать
Всё, что в семье творился...
Желанье ей помочь
В душе моей родился —
Я начал день и ночь
Учиться, чтоб отправиться
230 Весною далеко...
«Разбогатеть, прославиться
Там, дитяtko, легко!» —
С какой-то верой пламенной
Мне говорила мать,
Отец до Белокаменной
Решился провожать.
Пришла в смятенье чудное
Вся бедная семья,
И вдруг признание. трудное
240 Свершила мать моя:
«Возьмите вот, касатики,
Скопила два рубля!
Смотри, из математики
Не получи нуля!»
Описывать не для чего,
Как мы без денег шли,
Способности подьячего
Отцу тут помогли:
В одном селе прикинулся
250 Лазутчиком; ему,
Чтоб только дальше двинулся,
Грошей собрали тьму.
У Иверской свидетелем
Он руку приложил,
Что кто-то благодетелем
Своим засечен был.
Была еще история,
Но вспоминать зачем? —
И со стыда и с горя я
260 Сгорел тогда совсем...

Один, в погоду скверную
В столицу я вступил
И горечь непомерную
В ней бедности испил...
Питаюсь чуть не жестию,
Я часто ощущал
Такую индигестию,
Что умереть желал.
А тут ходьба далекая...
270 Я по ночам зубрил;
Коморка невысокая,
Я в ней курил, курил!
Лежали книги кучею
Одни передо мной,
Да дым пссился тучею
Над тусклою свечой.
Способности усталые
Я утром освежал:
Без чаю с Охты Малыя
280 На Остров пробегал;
Как пеший-то по-конному
Верст восемь продерешь,
Так обаянью сонному
С трудом не подпадешь!
Тут голова беспутная
Начнет ходить кругом,
В ней безразличность мутная
И тупость и содом!
Для экстренной оказии
290 Уж съехались туда
Учителя гимназии...
...Запнулся — и беда!
Стоишь вороной жалкою,
А в голове стучит,
Как будто сзади скалкою
В затылок кто тузит!
В глазах снуют видения,
В ушах: лю-ли! лю-ли!
300 И нет тебе спасения —
Нули! Нули! Нули!..
За строгость не получите
Профессорский диплом,

Лишь бедняков отучите
 За сотни верст пешком
 Итти толпой голодною
 На берега Невы
 С надеждой благородною
 К развитию головы...
 Придешь домой — от сродников
³¹⁰ Лежит уж письмоцо:
 «Моли, сынок, угодников,
 Учись, забудь вино!»
 Эх! что вы, мои милые!
 Какое тут питье!
 Измаял больно силы я —
 Вот горюшко мое!
 Измаял — и решение
 Свершилось: мой язык,
 Мой ум пришли в смятение —
³²⁰ Увы! я стал втупик!..
 Что толковать с невеждою?
 Учитель нуль всучил...
 С угаснувшей надеждою
 Я вдруг лишился сил.
 Сказались мне бессонные
 Четырнадцать ночей
 И походеженья конные
 На паре на своей!
 Смутил аудиторию —
³³⁰ Осмелился упасть,
 И в новую историю
 Не преминул попасть.
 Сочли меня за пьяного,
 В горячке я кричал...
 У сторожа Иванова
 Очнулся: смерть я звал —
 Конец бы одинаковый!..
 Но жив я до сих пор,
 Лишь с шеи крест тумпаковый
³⁴⁰ Стажил какой-то вор.

(Падает в изнеможении на копну сена и остается с закрытыми глазами и бледным лицом. Слышны звуки охотничьих рогов.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Те же и молодой Тузов
(*быстро въезжает верхом, окруженный собаками*)

Тузов

Что?.. Нет и здесь? Проклятый зверь!
Как будто в землю провалился!
Эй, Трошка! Да куда ж он скрылся?
Где мне искать его теперь?

Появляются еще охотники и собаки.

Подлец! надул моих проворных хватов,
Надул собак. Уж я ж тебя, косой!
Доеду... А, камрад, Триумвиратов!
Здорово, брат! Поедем-ка со мной!
Что горевать? Великое несчастье —
³⁵⁰ Не приняли! Я даже рад, ей-ей!
Мгновенно я почувствовал пристрастие
К охоте псовой... Книжки псескорей
Забросил... Целый день теперь ликую!
Здоров, как бык, и волеп, как орел.
С собаками до сумерек гарцую.
А вечером вино, хороший стол
Да разговор про травлю, про угонки
И мало ль что... я вас утешу вмиг:
Какие там чудесные девчонки
³⁶⁰ Купаются!.. Ну, отпусти, старик!
Сергей! Мирошка! кто-нибудь — слезайте.
Дай лошадь им...

Григорий

Когда угодно вам,
Ослушаться не смею. Поезжайте!
Что пятишься?

Триумвиратов

Не до охоты нам!

Григорий

Ученьем не хотел ты заниматься,
Так вот изволь за зайцами гоняться!
(*вполголоса*)

А вечером напомним-ка ему:
Он обещал мне два куля мучицы.

Т р и у м в и р а т о в
(шопотом)

Нет, нет! избавь, родитель! Не возьму
370 Подобной роли...

СЦЕНА II

Толпа крестьянских девушек, возвращаясь с купанья, с песнями
переходит через сцену

Т у з о в
Здравствуйте, девицы!
Куда спешите? спойте песню нам.

1 - я д е в у ш к а
Изволь, — споем, а ты нам на орехи
Пожалуй, бариш.

Т у з о в
Что хотите — дам!

2 - я д е в у ш к а
Так мы попляшем для твоей потехи.

Дивертисмент. Девушки поют и пляшут, Тузов слезает с лошади
и пристраивается к одной из них, которая покрасивее. Та довольно
грубо отталкивает его локтем, так что он падает и остается на копне
сена, лицом к небу; девушки продолжают плясать.

Т у з о в
(*впав в чувствительное настроение*)
В виду сих туч, при легком ветерке
По небесам бегущих так бесечно,
И этих женщин, только что в реке
Омывшихся, довольных бесконечно,
Вдыхая сена чистый аромат
380 И слушая престые хороводы,
Я чувствую, что я сстаться рад
Под крылышком у матери-природы
Всю жизнь мою. Благословляю час,
Когда в виду судей моих суровых

Произнести я принужден был: пасс! —
По милости причин каких-то новых...
Как я был глуп, когда воображал,
Что я проникнул в тайнства науки!
Да и к чему? Вот счастья идеал!
³⁹⁰ А впрочем — я готовился без скуки,
С любовью; я не был ни ленив,
Ни слишком туп; отец платил исправно,
Учитель был умен, красноречив,
Уж множество он приготовил славно; —
Да вдруг...

В толпе девушек раздаются внезапные крики. Во время пляски, достигнув до края реки, одна из них наступила на притаившегося в кусту зайца, который кинулся на всех ног в бегство.

Д е в у ш к и

Ай, ай, ай, ай, ай, ай!

Т у з о в

Что там такое?

Д е в у ш к и

Заяц косоглазый!

Т у з о в

Так вот где он укрылся! Подавай

Мне лошадь псскорее, черномазый!

Всеобщее смятение: собаки при первом появлении бросились за зайцем (гончие с лаем), охотники кинулись к лошадям; один из них второпях оставил недокуренную трубку у стога, где сидел; сено загорелось в минуту. Охватив стог, пламя побежало в то же время по разбрссанному сему и мгновенно передалось другим стогам.

Г р и г о р и й

Пожар! пожар!

При великоленном бенгальском огне охотники уезжают, девки разбегаются.

Т р и у м в и р а т о в

Пожар! пожар! спасите!

⁴⁰⁰ Да что ж ты не встаешь, Харчин? Сгоришь!

Ба! умер он! Родитель мой! взгляните!

Был человек, и вдруг погиб, как мышь,

Я думал — он уснул; а он с землей расстался...

Г р и г о р и й

Что, умер он?! Никак ты помешался!
Да, точно, умер... Господи прости!
Сгорело сено, человек скончался,
И сбился сын с пути!

(Падает без чувств. Последний стог сена, ближайший к ним, загорается).

Т р и у м в и р а т о в

Еще беда! Сгорят... Мутятся разум!
Авось снесу их разом!
⁴¹⁰ Двух разом...

Уносит. Занавес опускается.

ЭПИЛОГ

ЧЕРЕЗ ГОД

Театр представляет улицу села Пьянова. — Жаркий летний день. Григорий стоит у своих ворот, мимо едет телега парой; подле телеги пешком идет г. Кадыков

К а д ы к о в

А, старый друг, Григорий! Бог привел
Увидеться еще. А я плетуся
Домой в побывку. Я тебя нашел
На этот раз постарей, признаюся.
О чем грустишь?

Г р и г о р и й

Да сын мени крушит.
Уж целый год с помещиком соседом
За зайцами гоняется, кутит —
Ну, сделался формальным дармоедом!
Как прошлый год не приняли его —
⁴²⁰ Пошел, пошел... и нет конца кученью!
А — видит бог — сначала у него
Была большая страсть к ученью!
Да вишь порядки новые у вас...
Они и хороши, не смею сомневаться,
Да только с ними вы как раз
Без слушателей можете остаться...

К а д ы к о в

Аудитория далеко не полна,
То правда, брат Григорий;
Зато взглянул бы ты — какая тишина
420 И никаких историй!
(Садится в телегу и уезжает)

1 8 6 0

* * *

О гласность русская! ты быстро зашагала,
Как бы в восторженном каком-то забытье:
Живого Чацкого ты прежде защищала,
А ныне добралась до мертвого Кювье.

ГИМН «ВРЕМЕНИ»

Новому журналу, издавав(азмому) М. Достоевским

Меж тем как Гарибальди дремлет,
Колблется пекинский трон,
Газта реву пушек внемлет,
Дает права Наполеон, —
В стране затронутых вопросов,
Не перешедших в сферу дел,
Короче: там, где Ломоносов
Когда-то лирою гремел,
Явление нового журнала
10 Внезапно потрясло умы:
В нем слышны громы Ювенала,
В нем не заметно духа тьмы.
Отважен тон его суровый,
Его программа широка...

Привет тебе, товарищ новый!
Явил ты мудрость старика.
Неси своей задачи бремя,

Не уставая и любя!
Чтобы ни «Веж», ни «Наше время»
20 Не покраснели за тебя;
Чтобы не сел тебе на плечи
Редактор-дама «Русской речи»,
Чтоб фельетон «Ведомостей»
Не похвалил твоих статей!
Как пароксизмы лихорадки,
Терпи журнальные нападки,
И Воскобойникова лай
Без раздражения внимай!

Блюди разумно дух журнала,
30 Бумагу строго береги:
Страшись «Суэзского канала»
И «Зундской пошщины» беги! ¹
С девонской, с силлурийской почвы
Ученой дани не бери;
Кричи таким твореньям: «прочь вы!»
Творцам их: «чорт вас побери!»
А то как «О сухих туманах» ²
Статейку тиснешь невзначай,
Внезапно засвистит в карманах...
40 Беда! Ложись — и умирай! ³
Будь резким, но не будь бранчливым,
За личной мезтью не гонись.
Не называй «Свистка» трусливым
И сам безмерно не гордись!
Припомни ямбы Хомякова,
Что гордость — грешная мечта,
Припомни афоризм Пруткова,
Что всё на свете — суета!
Мы здесь живем не вечны годы,

¹ «О Суэзском перешейке», «О Зундской пошщине» — любимые статьи скучных журналов. Действие их на читателя ужасное. Один известный журналист имел неосторожность коснуться раз Суэзского перешейка — и долго потом не мог поправиться.

² «О сухих туманах» — одна из последних статей, напечатанных в «Атене», после которой он вскоре умер.

³ «Свисток» надеется, что редакция «Времени» оценит бескорыщность и доброжелательство этих предостережений, которыми вовсе не должно пренебрегать.

⁵⁰ Здесь каждый шаг неверен наш,
Погибнут царства и народы,
Падет Штенбоковский Пассаж,
Со срамом Пинто удалится
И лекций больше не прочтет,
Со треском небо развалится
*И «Время» на косу падет!*¹

ФИНАНСОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Голос из провинции

Денег нет — перед деньгами
(Народная поговорка)

Между тем, как в глуши
В преферанс на гроши
Мы палим, беззаботно ремизясь,

Из столиц каждый час
Весть доходит до нас
Про какой-то неведомый кризис.

Эх! вольно ж, господа,
Вам туда и сюда
Необдуманно деньги транжирить.

¹⁰ Надо жить поскромней,
Коли нет ни рублей,
Ни уменья доходы расширить.

А то роскошь у вас,
Говорят, завелась,
Непонятная даже рассудку.

Не играйте, молло,
В ералаш по рублю,
Это первое: вредно желудку.

Во-вторых, но — увя!..

²⁰ Рассердились уж вы:
«Ты советовать нам начинаешь?»

¹ Последние два стиха заимствованы у Дмитриева.

Что ж? я буду молчать.
Но ведь так продолжать —
Так, пожалуй, своих не узнаешь!

Каждый графом живет:
Дай квартиру в пятьсот,
Дай камин и от Тура кушетку.

Одевает жену
Так, что только — ну, ну!
30 И публично содержит лоретку!

Сам же чуть не банкрот...
Что ж мудреного тут,
Если вы и совсем разоритесь?

Вам Прутков говорит:
«Мудрый в корень глядит»,
Так смотрите на нас — и учитесь!

Ведь у нас в городах,
Ведь у нас в деревнях
Деньги были всегда не обильны.

40 А о кризисе дум
Не впадало на ум —
Сохранял, сохраняет всеильный!

Целый год наш уезд
Всё готовое ест:
Натащат, навезут мужичонки.

На наряды жене
Да на выпивку мне
Только вот бы и нужны деньжонки.

Что ж? добуду кой-как...
50 А что беден бедняк,
Так ведь был не богаче и прежде.

Что поднимет мужик
Среди улицы крик,
Непростительный даже в невежде:

«Я-де сено привез
Да и отдал весь воз
За размен трехрублевой бумажки!

Лишь бы соли достать,
А то стал я хворать
60 И цынга появилась у Глашки», —

Так за эту бы речь
Мужичонку посечь
Да с такой бы еще прибауткой:

«Было что разменять,
А ты смел рассуждать —
Важный барин, с своею Глашуткой!»

Ну и дело с концом...
Больше, меньше рублем —
Велика ли потеря на лаже?

70 А для тех, у кого
Вовсе нет ничего
Так совсем нечувствительно даже...

У<злич>кий старожил.

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ,
или
РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ**
(Эпизод из поэмы-автобиографии
Саввы Намордникова)

...О светские забавы!
Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.

Недолго думал думу,
Достал два автографа —
И вышел не без шуму
На путь библиографа.

Шекспировых творений
10 Составил полный список,

Без важных упущений
И без больших описок.

Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:

Какую-то Заиру
Позднейшего поэта —
Я приписал Шекспиру
20 Да пропустил Гамлета.

Ну, что ж? большая важность!
Эх! русские журналы!
Невежество, продажность,
А метят в либералы!

Посыпались нападки.
Я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало!

Тогда я хватъ брошпору —
30 И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

И тут пошла потеха!
«Ты варвар, ты китаец,
Друг мрака, враг успеха!»
Так пса увидя, заяц

Засуется, метнется
К тому, к другому краю
И разом попадетя
40 Во всю собачью стаю!

Дней сто не прекращали
Журнальной этой бани,
И даже тех ругали,
Кто мало сыпал брани!

Такой ужасной травли
Не видано лет двести,
А ведь за что? Не прав ли,
Не прав ли я, по чести?

Что я сказал? «Мальчишки,
50 Негодные мне в слуги!
Какие их чинишки?
Какие их заслуги?

Дудышкин, Чернышевский,
Какой-то Бов, Громека!
Один Андрей Краевский
Похож на человека!

Как посмотреть построже
Да привести всё в ясность,
Так тут, помилуй боже!
60 Отчеству опасность...

Все завистию дышут,
Кто к чину, кто к карману,
Не по призванию пишут,
А с голоду, да с пьяну!

И смели целой ратью
Глумиться надо мною!
Ужель, по их попятю,
Я Гербеля не стою?..»

И вот за правду-матку
70 Терплю теперь гоненье!
Пускай бы взял я взятку,
Отжил ли чье именье...

Да если б и канальство
Зашло в мои делишки —
Карай меня начальство,
А вы молчать, мальчишки!

А впрочем, я за гласность,
Я сам бывал в Париже,
Но там — какая разность!
80 Народ гораздо тише.

Притом язык французский
И брань облагородит:
Уклончив, мил... а русский
Как кнут по членам ходит.

К ругательствам способен —
Признала вся Европа:
Своеобразен, злобен!
Хорош он для холопа,

Но груб для нашей кожи;
90 Притом и формы узки,
Недаром все вельможи
Писали по-французски.

Де-Жеребцов, Мещерский,
Де-Кокорев... Но будет!
От этой брани дерзкой
Меня ведь не убудет!

Не оттого немеем,
Что защищаться нечем.
С Булгариным Фадлеем
100 И с Николаем Гречем

Истории такие
Не так кончались прежде,
Но времена другие...
А впрочем, я в надежде!

Я повторяю то же:
Лишь приведут всё в ясность,
Так тут, помилуй боже!
Отечеству опасность!..

Но лучший, без сомненья,
110 Ответ на укоризны —
Труд, полный изучения
И нужный для отчины.

Могу себя прославить
И без журнальных стычек:
Решился я составить
«Словарь Собачьих Кличек!»

Сей труд монументальный
И деньги мне доставит,
И зависти нахальной
¹²⁰ Шипение подавит.

Довольно будет ахов...
Я знаю, будут ради
Дудышкин и Галахов,
Гаевский и Геннад!

Сам Лонгинов напишет
Статью — он мне приятель.
Пускай весь мир услышит...
Пока прощай, читатель!

РАЗГОВОР В ЖУРНАЛЬНОЙ КОНТОРЕ

— Одна-то книжка — за две книжки? —
(Кричит подписчик сгоряча.)

П р и к а з ч и к

То были плоские коврижки,
А эта — толще кирпича!
В ней есть «Гармония в Природе»
И битва с Утиным в Смеси.
Читайте, сударь, на свободе!

П о д п и с ч и к

(*принимая книгу*)

Мегсі, почтеннейший, мегсі!

(*Уходит.*)

Так древле тощай «Москвитянин»
¹⁰ По полугоду пропадал,
И вдруг, огромен, пухл и странен,
Как бомба, с неба упадал.
Подписчик в радости великой
Бросался с жадностью на том
Плохих стихов и прозы дикой,
И сердце ликовало в нем.
Он говорил: «Так ты не умер?
Как долго был ты нездоров!»
И принимал нежданный номер
²⁰ Охотно за пять номеров.

(Примеч. конторщика.)

МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА

ПРИ ЧТЕНИИ ПРОГРАММЫ, ОБЕЩАЮЩЕЙ НЕ ШАДНУТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ АВТОРИТЕТОВ

Что ты задумал, несчастный?
Что ты дерзнул обещать?..
Помысел самый опасный —
Авторитеты карать!

В доброе старое время,
Время эклог и баллад,
Пишущей братии племя
Было скромнее стократ.

С неостывающим жаром
¹⁰ С детства до старости лет
На альманачника даром
Пишет, бывало, поэт;

Скромнен как майская роза,
Он не гнался за грошом.
Самая лучшая проза
Тоже была ничем.

Руки дыханием грея,
Труженик пел соловьем,
А журналист, богатея,
²⁰ Строил — то дачу, то дом.

Нынче — ужасное время —
Нет и в поэтах души!
Пишущей братии племя
Стало собирать барыши.

Всякий живет сибаритом...
Майков, Полоцкий и Фет —
Подступу к этим пиитам,
Что называется, нет!

Дорог ужасно Тургенев —
³⁰ Публики первый герой —
Эта Елена, Берсенева,
Этот Инсаров... ой-ой!

Выгрузишь разом карманы
И поправляйся потом!
На Гончарова романы
Можно бы выстроить дом.

Даже ученый историк
Деньги лопатой гребет:
Корень учения горек,
40 Так подавай ему плод!

Русский обычай издревле
«Братъ — так уж братъ» говорит...
Вот Молилари дешевле,
Но чересчур плодovit!

Мало что денег: почету
Требовать стали теперь;
Если поправишь работу,
Рассвирещет, как зверь!

«Я журналисту полезен —
50 Так зазнаваться не смей!»
Будь осторожен, любезен,
Льсти, унижайся, немей.

Я ли, — о боже мой, боже! —
Им угождать не устал?
А как повел себя строже,
Так совершенно пропал:

Гордость их так нестерпима,
Что ни строки не дают,
И, как татары из Крыма,
60 Вон из журнала бегут...

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

Вместо предисловия

Друзья мои! Мы много жили,
Но мало думали о том:
В какое время мы живем,
Чему свидетелями были?

Припомним, что не без искусства
На грамотность ударил Даль —
И обнаружил много чувства
И остроумье, и мораль;
Но отразил его Карнович,
¹⁰ И против грамоты один
Теперь остался Беллюстин!

Припомним: Михаил Петрович
Звал Костомарова на бой;
Но диспут вышел псудачен, —
И огорчен, ушел и мрачен
Молчит Погодин, как немой!

Припомним, что один Громека
Заметно двинул нас вперед,
Что «Русский вестник», к чести века,
²⁰ Уж издается пятый год...
Что в нем писали Булкин, Ржевский,
Матиль, Григорий Данилевский...
За публицистом публицист
В Москве являлся вдохновенный,
А мы пускали легкий свист
Порой, быть может, дерзновенный...

И мнил: «настала мне беда!»
Кривдой нажившийся мздоимец,
И спал спокойно не всегда,
³⁰ Схвативши взятку, лихоимец.
И русский пить переставал
От Арзамаса до Украины,
И Кокорев публиковал,
Что есть дела, где нужны тайны.
Ну что ж? Решить нам не дано,
Насколько двинулись мы точно...
Ах! верно знаем мы одно,
Что в этом мире все непрочно,
Где нам толкаться суждено,
⁴⁰ Где нам твердит memento mori
Своею смертью «Атеней»
И ужасает нас Ристори
Грозой разнузданных страстей!

1 8 6 3

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ

В те дни, когда в литературе
Порядки новые пошли,
Когда с вопросом о цензуре
Начальство село на мели,
Когда намеком да украдкой
Касаться дела мудрено;
Когда серьезно загадкой
Всё занято, поглощено,
Испугано, — а в журналистах
¹⁰ Последний помрачает ум
Какой-то спор о нигилистах,
Глупейший и бесплодный шум;
Когда при помощи Пановских
Догадливый антрепренер
И вождь «Ведомостей московских»,
Почувяв время и простор,
Катков, прославленный вития,
Один с Москвою речь ведет,
Что предпринять должна Россия,
²⁰ И гимн безмолвию поет ¹;
Когда в затмении рассудка
Юркевич лист бумаги мял
И о намереньях желудка
Публично лекцию читал;
Когда наклонностей военных
Дух прививается ко всем,
Когда мы видим избивенных
Посредников; — когда совсем
Нейдут Краевского изданья,
³⁰ И над Громекиной главой

¹ *Они собраний не имеют,
Они речей не говорят,
Они в невежестве коснеют,
Но духом высоко парят и т. д.*

(См. «Моск. ведом.», № 68, «Москва, 27 марта»)

Летает бомба отрицанья,
 Как повествует сей герой¹;
 Когда сыны обширной Руси
 Вкусили волю на яву,
 И всплакал Фет, что топчут гуси
 В его владениях траву²;
 Когда ругнул Иван Аксаков
 Всех, кто в Европу укатил,
 И, негодуя против фраков,
⁴⁰ Самих попов не пощадил³;
 Когда, покончив подвиг трудный,
 Внезапно Павлов замолчал,
 А Амплий Очкин кунштик чудный
 С газетой «Очерки» удрал⁴;
 Когда, подкошена как колос,
 Она исчезла навсегда;
 В те дни, когда явился «Голос»,
 И прекратилась «Ерунда», —

Тогда в невинности сердечной
⁵⁰ Любимый некогда поэт,

¹ См. «Отеч. зап.», № 3, 1863, «Соврем. Хрон. России», стр. 9.

² См. «Русский вестник», 1863, № 1, «Из деревни».

³ Двести семьдесят пять тысяч
 Русского дворянства
 Проживают за границей
 Из пустого чванства,
 Восхищаются Парижем,
 Тратят деньги на свободе;
 Там и наше духовенство
 Одевается по моде... и т. д.

См. «День» <№ 12, 1863>. «Из Парижа». (Письмо в редакцию.)

⁴ Обстоятельства ужасные
 Вынуждают нас продать
 Наши «Очерки» несчастные
 Писаревскому... Читать
 Будешь «Слово современное»
 Ты теперь, подписчик мой,
 Верь, издание отменное,
 И будь счастлив — бог с тобой!

«Ред. Оч.» («Соврем. слово», № 80.)

Своей походкою беспечной
 «Свисток» опять вступает в свет...
 Как изменилось всё, создатель!
 Как редок лиц любимых ряд!
 Скажи: доволен ты, читатель?
 Знакомцу старому ты рад?
 Или изгладила «Заноза»
 Всё, чем «Свисток» тебя пленял,
 И как увянувшая роза
 60 Он для тебя ненужен стал?
 Меняет время человека:
 Быть может, пасмурный Катков,
 Быть может, пламенный Громска
 Теперь милей тебе свистков?
 Возненавидев нигилистов,
 Конечно, полюбить ты мог
 Сих благородных публицистов
 Возвышенный и смелый слог, —
 Когда такое вероломство
 70 Ты учинил — я не ропщу,
 Но ради старого знакомства
 Всё ж говорить с тобой хочу.
 «Узнай, по крайней мере, звуки,
 Бывало милые тебе,
 И думай, что во дни разлуки,
 В моей изменчивой судьбе»¹
 Ты был моей мечтой любимой,
 И если слышал ты порой
 Хоть легкий свист, то знай: незримый
 80 Тогда витал я над тобой!..

Свисток пред публику выходит.
 Высокомерья не любя,
 Он робко взор кругом обводит
 И никого вокруг себя
 Себя смиренней не находит!²

¹ Стихи Пушкина.

² Из Пушкина.

- Да, изменились времена!
 Друг человечества бледнеет,
 Вражда повсюду семена
 Неистовства и злобы сеет.
- ⁹⁰ Газеты чуждые шумят...
 (О вы, исчадь вольной прессы!..)
- Чорт их поймет, чего хотят,
 Чего волнуются, как бесы!
 Среди напряженной тишины
 Катков гремит с азартом, с чувством,
 Он жаждет славы и войны ¹
 И вовсе пренебрег искусством.
 Оно унижено враждой,
 В пренебрежении науки,
- ¹⁰⁰ На брата брат подьмет руки,
 И лезет мост на мост горой ², —
 Ужасный вид!.. В сей час тяжелый
 Являясь в публику, «Свисток»
 Желает мирной и веселой
 Развязки бедствий и тревог;
 Чтобы в сумятице великой
 Напрасно не томился ум...
- И сбудется... Умолкнет шум
 Вражды отчаянной и дикой.
- ¹¹⁰ Недружелюбный разговор
 Покончит публицист московский,
 И вновь начнут свой прежний спор
 Гиероглифов и Стелловский;
 Мир принесет искусствам дашь,
 Престанут радоваться бесы,
 Уймется внутренняя брань,
 И смолкнет шум заморской прессы.
 Да, да! Скорее умолкай, —
 Не достигай пределов невских
- ¹²⁰ И гимны братьев Достоевских
 Самим себе не заглашай! ³

¹ Стих Лермонтова.

² См. «Полицейские ведомости».

³ См. «Время», № 3, ст. «Опять молодое перо».

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

(Романс господина, обиженного литературой)

О, как желал бы я служить
Начальником цензуры!
Конечно, не затем, чтоб быть
Бичом литературы,

А так — порядок водворить.
Вот тут-то было б писку!
Пришлось бы многим прекратить
Журнальную подписку.

И б их как ураган застиг
¹⁰ В открытом чистом поле,
Совсем бы не являлось книг
По месяцу и боле!

И я воскликнул бы, поправ
Их наглую свирепость:
«Узнайте мой ужасный нрав
И мощь мою и — крепость!»

Мать не нашла бы проищей
Для дочери-девчонки,
И лопнули бы в десять дней
²⁰ Все книжные лавчонки!..

1 8 6 5

〈ЧЕРНИЛЬНИЦА〉

*...Две недели тому в магазине фабриканта серебряных изделий
Сазикова можно было видеть —*

Предмет, любопытный для взора:
Огромный кусок лабрадора,
На нем богатырь-великан
В славянской кольчуге и в шлеме,
Потомок могучих славян, —
Но дело не в шлеме, а в теме:

Назначен сей муж представлять
Отчизны судьбы вековые
И знамя во длани держать
10 С девизом «единство России!»
Под ним дорогой пьедестал,
На нем: земледельца родного
Орудья, и тут же газета, журнал —
Изданья Михайлы Каткова.
На книгах — идей океан —
Чернильница; надпись: «Каткову
Подарок московских дворян»,
И точка! Мудрейшему слову
Блестать на *пере* суждено, —
20 Там имя Каткову дано:
«Макающий в разум перо» — имя это
У древнего взято поэта...

1 8 6 6

<ИЗ «ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»>

III

ЖУРНАЛИСТ-РУКОВОДИТЕЛЬ

Ну... небесам благодаренье!
Свершен великий, трудный шаг!
Теперь общественное мнение
Сожму я крепко в мой кулак,
За мной пойдут, со мной сольются...
Ни слова о врагах моих!
Ни слова! сами попадутся!
Ретивость их — погубит их!

IV

ЖУРНАЛИСТ-РУТИНЕР

Созрела мысль, проект составлен,
И вот он вышел, — я погиб!
Я разорен, я обесславлен!
Дух века я меня подшиб!

Условия прессы подцензурной
Поняв практическим умом,
Плохой товар литературный
Умел я продавать лицом;
Провидя смелые затеи,
10 Читатель упивался властью,
И дерзновенные идеи
Во мне подозревала власть.
Как я умел казаться новым,
Являясь — тот же каждый день,
Твердя с унынием суровым
Одну и ту же дребедень!
Как я почтенных либералов,
Мои подписчиков пленял,
Каких высоких идеалов
20 Я перспективы им казал!
Я, впрочем, говорил немного,
Я только говорил: «Друзья!
Всегда останусь верен строго...»
Чему? Тут точки ставил я...
О точки! тонкие намеки!
О недомолвки и тире!
Умней казались с вами строки!
Как не жалеть о той поре?..
Прилично сдержан, строго важен,
30 Как бы невольню молчалив,
Я был бездействуя отважен,
Безмолвствуя — красноречив!
Являлся я живой картиной —
Гляди, любуйся, изучай!
Реке, запруженной плотиной,
Готовой хлынуть через край,
Готовой бешеным потоком
Сорвать мосты, разбить суда,
В моем бездействии жестоком
40 Я был подобен, господа!

Теперь — как быть?.. «Толковой строчки
В твоём издании, — скажут, — нет!»
В ответ бы им поставить точки,
Но точки — будут ли ответ?

Заговорят: «давай идею!»
Но что ж могу ответить им?
Одну идею я имею,
Что все идеи эти — дым!
Что в свете деньги только важны,
50 Что надо их копить, копить...
Что те лишь люди не продажны,
Которых некому купить!

Созрела мысль, проект составлен
И вот он вышел, — я погиб!
Я разорен, я обесславлен...
Дух века и меня подшиб!
Еще не может быть исчислен
Убыток, но грозит беда,
Я больше не глубокомыслен,
60 Не радикал я, господа!
Не корифей литературы,
Теперь я жалкий паразит,
С уничтожением пенауры
Мгновенно рухнул мой кредит.

ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ

Не громка моя лира, в ней нет
Величавых, торжественных песен,
Но придет, народится поэт,
Вдохновеньем могуч и чудесен,

Он великую песню споет,
И героями песни той чудной
Будут: царь, что стезей многотрудной
Царство русское к счастью ведет;

Царь, покончивший рабские стоны,
10 Вековую несправность людей
И свободных сынов миллионы
Даровавший отчизне своей;

И крестьянин, кого возрастил
В недрах Руси народ православный,
Чтоб в себе — весь народ он явил
Охранителем жизни державной!

Сын народа! тебя я пою!
Будешь славен ты много и много...
Ты велик — как орудие бога,
20 Направлявшего руку твою!

1 8 7 0

* * *

Сыны «народного бича»,
С тех пор как мы себя сознали,
Жизнь как изгнанники влача,
По свету долго мы блуждали;
Не раз горячею слезой
И потом оросив дорогу,
На рубеже земли родной
Мы робко становили ногу;
Уж виден был домашний кров,
10 Мы сладкий отдых предвкушали,
Но снова нас грехи отцов
От милых мест нещадно гнали,
И зарыдав, мы дале шли
В пыли, в крови; скитались годы
И дань посильную несли
С надеждой на алтарь свободы.
И вот настал желанный час,
Свободу громко возвестивший,
И показалось нам, что с нас
20 Проклятье снял народ оживший;
И мы на родину пришли,
Где был весь род наш ненавидим,
Но там всё то же мы нашли —
Как прежде, мрак и голод видим.
Смутясь, потупили мы взор —
«Нет! час не пробил примиренья!»
И снова бродим мы с тех пор
Без родины и без прощенья!..

1 8 7 4

НА ПОКОСЕ

Сын с отцом косили в поле,
Дед траву сушил.

«Десять лет, как вы на воле,
Что же, братцы, хорошо ли?» —
И у них спросил.

«Заживили поясницы», —
Отвечал отец.

«Кабы больше нам землицы, —
Молвил молодец: —

¹⁰ За царя бы я прилежно
Господа молил. —

«Неужно, да улежно»¹, —
Дедушка репил...

1 8 7 5 — 1 8 7 6

АВТОРУ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.

О. А. ПЕТРОВУ

В день 50-летнего юбилея

Умиляя сердце человека,
Наслажденье чистое дая,
Голос твой не умолкал полвека,
Славен путь певца-богатыря.

¹ Пословица (Ярославской губернии), которую можно истолковывать так: не сытно, да покойно.

Не слабей под игом лет преклонных.
Тысячи и тысячи сердец,
Любящих, глубоко умиленных,
Благодарность шлют тебе, певец!

Воплощая русское искусство
¹⁰ В звуках жизни, правды, красоты,
Труд, любовь и творческое чувство
На алтарь его приносишь ты...

К ПОРТРЕТУ **

Твоя права на славу очень хрупки,
И если вычесть из заслуг
Ошибки юности и поздних лет уступки, —
Пиши пропало, милый друг.

1 8 7 7

* * *

Устал я, устал я... мне время уснуть!
О Русь! ты несчастна, я знаю;
Но всё ж, озирая мой пройденный путь,
Я к лучшему шаг замечаю.

II. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПРИ ЖИЗНИ

1 8 5 7

* * *

В столицах шум — гремят витни,
Бичуя рабство, зло и ложь,
А там, во глубине России,
Что там? Бог знает, не поймешь.
Над всей равниной беспредельной
Стоит такая тишина,
Как будто впаала в сон смертельный
Давно дремавшая страна.
Лишь ветер не дает покою
¹⁰ Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью землею,
Колсся бесконечных пив...

* * *

Всевышней волею Зевеса
Вдруг пробудившись ото сна,
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна:

В печати уж давно не странность
Слова «прогресс» и «либерал»,
И слово дикое — «гуманность»
Уж повторяет генерал.

То мало: вышел из-под пресса
¹⁰ Уж третий томик Щедрина...
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

На грамотность не без искусства
Накинулся почтенный Даль —
И обнаружил много чувства,
И благородство, и мораль.

По благородству, не из видов
Статейку тиснул в пол-листа
Какой-то господин Давыдов
20 О пользе плети и кнута...

Убавленный процентик банка,
Весьма пониженный тариф,
Статейки господина Бланка —
Всё это были, а не миф.

〈В АЛЬБОМ О. С. ЧЕРНЫШЕВСКОЙ〉

Знаком с Вами будучи лично,
Я рад Вам всегда угождать.
Но в старости — вряд ли прилично
В альбомы писать.

Ах, младость! Ты — счастье, ты — радость,
С тобой и любовь и стихи!
А старость — ужасная гадость!
Хи-хи!..

1 8 5 9

〈В АЛЬБОМ С. Н. СТЕПАНОВУ〉

Пишите, други! — Начат путь!
Наполним быстро том альбомный,
Но вряд ли скажет кто-нибудь
Умней того, что прозой скромной
Так поэтически сказать
Сумела любящая мать!..

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

Ты знаешь град — заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижины, посадки и деревни,
И храмы божие, и царские дворцы?
Где каждый гражданин — надежный сын отчизны —
Свершает в тишине полезные труды,
И движется вперед, храпя без укоризны
Почтенной старины священные следы.

Ты знаешь град? Туда, туда с тобой
10 Хотел бы я укрыться, милый мой.

Ты знаешь град, где процветает древо
Свободных муз, искусства и наук,
Где родилась мечтательная дева,
С Инсаровым бежавшая сам-друг.
Где, Гегелю по мудрости ровесник,
Катков науку с жизнью мирит,
Как водопад бушует «Русский вестник»,
Где «Атеней» как ручеек <журчит>?

Ты знаешь град? Туда, туда с тобой
20 Хотел бы я укрыться, милый мой.

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади,
Там смеси нет чухомской и татарской,
Все русские — куда не погляди!

.....

Там против Зотова народная подписка
Составилась по поводу жидов,
И были мы свидетелями писка
Каких-то новых странных голосов.

Ученый град! Туда, туда с тобой
30 Хотел бы я укрыться, милый мой.

Наивный град! Там Константин Аксаков
В своей «Молве», в передовых статьях
Учил ходить нас наподобье раков.
Черкасский там запутался в плетях

.....

Суровый град! Там Павлов Соллогуба,
 Бай-Борода Крылова обличил,
 Там Шевырев был обличен сугубо,
 40 Там граф Толстой «Альберта» сочинил.

 Там, ревностью к науке пламенен,
 Погодин доказал России всей,
 Что бескорыстен он — продажей музеев.
 Что беспорочен — пряжкой своей.

 Правдивый град! Там убежденья чисты,
 Бессильны там глупец и лицемер,
 Зато в ходу такие публицисты,
 50 Как господин Чичерин, например.

1 8 6 1

* * *

Приятно встретиться в столице шумной с другом
 Зимой,
 Но друга увидеть идущего за плугом
 В деревне в летний зной
 Стократ приятнее.

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

Кто ей теперь флакон подносит,
 Застигнут сеной роковой?
 Кто у нее прощенья просит,
 Вины не зная за собой?
 Кто сам трясется в лихорадке,
 Когда она к окну бежит
 В преувеличенном припадке
 И «ты свободен!» говорит?
 Кто боязливо наблюдает,
 10 Сосредоточен и сердит,
 Как буйство нервное стихает

И переходит в аппетит?
Кто, выдержав такую сцену,
Зовет гостей постылый рой,
Где, двигая вперед измену,
Она блистает красотой,
Блится выписным нарядом,
Веселой живостью речей,
Повелевая мужку взглядом,
20 Чтоб он казался веселей?
Кто ночи трудные проводит
Оди, ревливый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгя дорогой?
Кто говорит: «прекрасны оба»
На нежный сирок: «который взять?»,
Меж тем как закипает злоба
И к чорту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
30 С ее коварным «C'est joli»
И даже милую с воррсом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
И рабства темное клеймо?..
Есть не одна такая пара.
Я не таков. Мне не вкусна
Ни раз погасшая сигара,
40 Ни обманувшая жена.

Или из юношей свободных
Ты никого не увлекла
В свой мир из слез и тряпок модных
И одиноко доцвела?
Грустишь, смиренная годами,
О днях постыдно прожитых
И плачешь поздними слезами
Сама над делом рук своих?

Но что со мной? Былым волненьем
50 Опять пылает голова
И дышут мелким озлобленьем

Нетерпеливые слова.
Стыдись, старик! Расчеты с миром
Покопчил ты, — умри любя
И не ругайся над кумиром,
Когда-то милым для тебя!
Скажи спасибо близорукой
Всеукрашающей любви
И с головы с ревнивой мукой
60 Волос седеющих не рви!
Под иго пошлости всеисильной
Лишь тот главы не преклонил,
Кто рано под плитой могильной
Невинным сердцем опочил.
Все к ней идем толпой послушной.
Кто не упал, тот должен пасть...
Но клятвы... но обман бездушный...
Но ревность, роковая страсть!

Ах, что изгнанье, заточенье!
70 Захочет — выручит судьба.
Что враг? возможно примиренье,
Возможна равная борьба!
Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час,
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас...

1 8 6 3

«ЭПИЛОГ ПОЭМЫ «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»»

Задумав правдивую повесть
Без всяких эффектных затей,
Я взять не решаюсь на совесть
Погибель крестьянки моей,

Она не погибла. — Лукавый
Хотел погубить, да не мог.
Служивший семейству со славой
Савраска — и тут ей помог:

Покамест тот сон чудотворный
10 Над бедной вдовицей витал,
Савраску Морозко проворный
За длинные уши щипал,

С соседнего дерева бросил
Горсть инею в очи коню
И хвост уж ему приморозил
К какому-то старому пню.

Савраска стоял терпеливо;
Лишь вздрагивал сильно порой
Да яму копал молчаливо
20 Ногами, то той, то другой.

Но стало стоять ему скучно.
Савраска ушами тряхнул
И трижды раскатисто, звучно
Заржал — и дровнишки рвацул!

Коснулось знакомое ржанье
До слуха крестьянки моей,
И быстро проснулось сознание,
Глядит: ни коня, ни дровней!

«Пррррууу!.. дура!..» Испуг чрезвычайный
30 Проворство ногам воротил,
Бежит по дороге случайной,
Что конь, убежав, проложил.

Настигла — дрова подобрала
(Порядком нагрелась меж тем)
И скоро детей увидала,
И печь затопила, — и всем

Сварила похлебки и каши,
Всю выскребла избу свою,
Искала в головке у Маши
40 И пела ей: «баю-баю!»

И тайной навеки осталось,
Что делала в роще она.
Лишь Дарьюшка после боялась
В лесу оставаться одна,

Да долго румянец багровый
Вдове позабыть не давал,
Как жарко Морозко суровый
Ее под сосной целовал...

ДВА ИЗДАТЕЛЯ

Сцена первая

Ночная встреча и договор.

Невский проспект. Ночь. Четвертый час. Изредка гремят экипажи. Пешеходов почти нет. Издатель «Современного слова» одиноко и задумчиво прогуливается между Полицейским и Аничковым мостом.

Издатель «Современного слова»

Совестно днем среди Невского
И показаться — увы!
Встретишь Некрасова, встретишь Краевского,
Корша, что к нам из Москвы
Прибыл, — глядеть отвратительно!
Сносно дела их идут.
А вот мои так решительно
Плохи — газете капут.
Хоть поступай в переписчики —

¹⁰ Нечем семью содержать.

Ой вы, подписчики! Ой вы, подписчики!
Где-то мне вас добывать?..
(Сталкивается с издателем «Очерков».)

Издатель «Очерков»

Где?! Вы ко мне обратитесь,
Я прекращаю листок...
.....
Надо спасать достояние,
Надо подписчиков сдать,
Надо покопчить издание, —
Сколько вы можете дать?..

{Торгуются, причем ходят очень скоро, говорят оба разом.)

²⁰
.....

Издатель «Современного слова»

Какие всё подписчики!
Ну-ну! Эге! Ого!
Студенты, переписчики...

Издатель «О черков»

Что ж? Это ничего!

Издатель «Современного слова»

Ну, братец мой, тово...
Надул ты препорядочно!

Издатель «О черков»

Ты дальше почитай!

Издатель «Современного слова»

Читал уж я достаточно!

³⁰ С тобою не зевай!

Скажите, попадают
Мещане! Вот народ!
Туда же просвещаются
На тощий-то живот!
Газеты ежедневные
Читают за гроши!

Издатель «О черков»

Их качества душевные
Должны быть хороши!

1 8 6 5

ЛЕГЕНДА О НЕКОЕМ ПОКАЯВШЕМСЯ СТАРЦЕ,

или

СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО

Посвящается редакции «Куриного уха»

Жил да был себе издатель
И журналов и газет,
Помогал ему создатель
Много, много лет.

Дарованьем и трудами
(Не своими, а других)
Слыл он меж откупщиками
Из передовых.

Сам с осанкой благородной,
¹⁰ В собственном большом дому
Собирал он ежегодно
С нищих денег тьму.

Злу он просто был грозою,
Прославлял одно добро...
Вдруг, толкаясь с сединою
Бес ему в ребро.

И, как Лермонтова Демон,
Старцу шепчет день и ночь...
(Кто-то видел, вкрался чем он,
²⁰ Ну, его не госят прочь!)

Б е с

Ты мудрец, и сед твой волос, —
Не к лицу тебе мечты, —
Ты запой на новый голос...

С т а р е ц

Но скажи, кто ты?

Б е с

Я журналов покровитель.
Без меня вы — прожились,
Вы без денег убедите ль?

С т а р е ц

(в сторону)

Дух гордыни, провались!
(громко)

Гм! Не Лермонтова Демон
³⁰ Вижу ты! Покойник был
(Хоть помянут будь не тем он)
Юношеский пыл.
Он-то мне Ледрю-Ролена
Некогда всучил...

Б е с

(в сторону)

То-то не было полена —
Я бы проучил!

С т а р е ц

(продолжая)

Но теперь с Ледрю-Роленом
Баста! вышел весь!
Твой я, Демон, новым пленом
40 Я горжуся днесь!
Рек — и заключил издатель:
«Се настал прогресс:
И отступится создатель,
Так поможет бес!»

ИЗ САТИРЫ «НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ»

Муза! ты отступаешь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь уж пока ни Ивана,
Ни Андрея, ни Льва, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатление — и мирно
Удались, не задев единиц!..

Да, собрание это обширно!
Здесь немало типических лиц.
Может быть, благодарнее темы

10 Никогда не придумаешь ты:
Что ни шаг — то предмет для поэмы —
Характерны и резки черты:
В молодом поколении фатство,
В пожилом, если правду сказать —
Застарелой тоски тунейдства,
Самодурства и лени печать...
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть.

Но взглядишь: при наружном различьи
20 Здесь единство глубокое есть —
Здесь безденежье всех уравнило,
И великих и малых людей,
И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей!»

Разорило чиновников чванство,
 Прожилась за границею знать.
 Отчего оголело дворянство
 Бесплезно и речь затевать.
 Всѣ, что было, — у каждого сплыло,
³⁰ И остался в наличности *шши*.
 Даже ты, откупное светило,
 За грошовым пикетом кряхтишь.
 Кабаками нажившись досыта,
 Ты обширных земель накупил,
 Для которых покуда нет сбыта.
 Капитал твой не то что бы сплыл,
 Но уж он не в руках, а в «тумане».
 Занятые рублишки в кармане,
 И партнер твой угрюм как тюрьма —
⁴⁰ Господин с иудейским акцентом:
 Понижается полупроцентом
 Каждый месяц цена на дома.
 У! Как мрачно глазами он водит.
 Не о том ли печалишься, друг,
 Что народ понемногу уходит
 Из твоих всехватяющих рук?
 Погоди — мы вина накурили,
 Но покуда его мы не сбыли,
 Дело грязное — надо бросать!
⁵⁰ Продадим как-нибудь свою водку,
 И опять ты начнешь прижигать
 Купоросом крестьянскую глотку...

 Ну, конец! Мы в последнем покое.
 Всѣ, что мог, показал тебе я
 (Не задев никого за живое), —
 Что же скажешь ты, Муза моя?
 Ничего. Клуб изрядно устроен,
 Но в нем мало здоровых голов.
⁶⁰ Здесь один только мудр и спокоен:
 Это дедушка медный — Крылов.
 Не холодным глядит истуканом,
 Он лукавым сатиром глядит.
 Игрокам, честолюбцам, дворянам
 Он улыбкой своей говорит...

1 8 6 6

<В. И. АСТАШЕВУ>

Посылаю поклон Веньямину.
На письмо твое должен сказать:
Не ва картами гну теперь сишу,
Как изволите вы полагать.
Отказавшись от милой цензуры,
Погубил я досуги свои, —
Сам читаю теперь корректуры
И мараю чужие статьи!
Побежал бы, как школьник из класса,
¹⁰ И к тебе, позабывши журнал,
Но не знаю свободного часа,
С той поры, как свободу узнал!..

Пусть цензуру мы сильно ругали,
Но при ней мы споконно так спали,
На охоте бывать успевали
И немало в картишки играли!..
А теперь не такая пора:
Одолела нииту забота,
Позабыл я, что значит игра,
²⁰ Позабыл я, что значит охота! —
Потому что Валуев сердит;
Потому что закон о печати
Запрещеньем журналу грозит,
Если слово обронишь некстати!

Впрочем, в пятницу буду я рад
До Любани с тобой прокатиться:
Глухари уж поют, говорят,
Да и вальдшнепу поволочиться,
Полагаю, приходит черед...
³⁰ Сговоримся, — и завтра в поход!

Так и чудится: вальдшнеп уж тянет,
Величаво крылом шевелия,
А, известно, — как вальдшнеп потянет,
Так потянет и нас в лес, в поля!..

«ОТРЫВКИ ИЗ «МЕДВЕЖЬЕЙ ОХОТЫ»»

Я лучший перл с души моей достал —
 Чистейшее мое воспоминанье!
 Мне стало грустно... Буду продолжать,
 Однако же, попрержпему шутливо.
 Размер другой мне стоит только взять,
 И дело мы окончим живо.
 Чтоб оценить меня ты мог,
 Теперь я подведу итог!

Я описал тебе то время,
¹⁰ Когда родились мы с тобой,
 В какую почву бросаешь семя,
 Таков и плод, любезный мой!

Хоть я не гений по природе,
 Но я опередил тот век:
 Когда бесчинства были в моде,
 Я вел себя *как человек*.

Я дебоширство ненавижу,
 Людей коляской не давил,
 На Невском — девки не обидел,
²⁰ Стекла в трактире не разбил.

Я время проводил не в ссорах,
 Не в кутежах тогдашних дней,
 Но в бескорыстных разговорах
 О меньшей братии моей.

Писал стишки, читал хоть мало,
 Не только взяток я не брал,
 Но шопотом, как подобало,
 Я против них протестовал...

И описал тебе то время,
Как жить мы начали с тобой —
В какую почву бросишь семя,
Таков и плод, любезный мой!

О, сам себе я знаю цену!
От века я не отставал,
Когда прогресс пришел на сцену
Я вел себя *как либерал*.

Плод накопившегося горя —
10 О старом зле статьи писал,
К уставным грамотам, не споря,
Охотно руку прилагал;

Почти что самой высшей нормы
Крестьянам выдал я падел;
Хвалил судебные реформы,
Быть членом земства я хотел.

Не вижу зла в свободной прессе,
Шагов попятных не хочу, э-
Но спотыкнулись мы в прогрессе,
20 Я выжидаю и молчу...

Теперь я знаю: должен я бы
Вести себя *как гражданин*,
Но, милый друг, толчки, ухабы,
Как раз останешься один.

* * *

Чего же вы хотели б от меня,
Вепчающие славой и позором
Меня? Я слабый человек.
Сын времени, скупого на героев,
Я сам себя героем не считаю.
По-моему, геройство — шутовство.
Придет пора: улягусь я во гробе.
А ты же, душа, скорбящая о моей славе,
Которую я впрочем...
10 Скажет: хорошо он делал, что
Брал с жизни, что мог,
Что не был аскетом.

ПРИТЧА

Прислушайте, братцы! Жил царь встарину,
Он царствовал бодро и смело;
Любя бескорыстно народ и страну,
Задумал он славное дело:

Он вместе с престолом наследовал храм,
Где царства святыни хранились;
Но храм был и тесен и ветх; по углам
Летучие мыши гнездились;

Сквозь треснувший пол прорастала полынь,
В нем многое сгнило, уяло,
И места для многих народных святынь
Давно уже в нем не хватало...

И новый создать ему хочется храм,
Достойный народа и века,
Где б честь воздавалась и мудрым богам
И славным делам человека.

И сделался царь молчалив, нелюдим,
Надолго отрекся от света
И начал над планом великим своим
Работать в тиши кабинета.

И бог помогал ему — план поражал
Изяществом, стройной красотою,
И царь приближенным его показал
И был возвеличен хвалою.

То правда, вернули в хвалебную речь
Сидевшие тут староверы,
Что можно бы старого часть уберечь,
Что слишком широка размеры,

Но царь изменить не хотел ничего:
«За все я один отвечаю!..»
И только что слухи о плане его
Прошли по обширному краю, —

На каждую отрасль обширных работ
Нашлись способные люди
И двинулись дружной семьёю в поход
С запасом рабочих орудий.

Давно они были согласны вполне
С царем, устройтелем края,
Что новый палладий нужен стране,
40 Что старый — руина гнилая.

И шли они с гордо поднятым челом,
Исполнены честного жара:
Их мускулы были развиты трудом
И лица черны от загара.

И вера сияла в очах <их>; горя
К славе отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью!

Рабочие люди в столицу пришли,
50 Котомки свои развязали,
Иные у старого храма легли,
Иные присели — и ждали...

Но вот уже полдень — а их не зовут!
Безропотно ждут они снова;
Царь мимо проехал, вельможи идут —
А всё им ни слова, ни слова!

И вот уже скучно им праздно сидеть,
Привыкшим трудиться до поту,
И день уже начал приметно темнеть, —
60 Их всё не зовут на работу!

Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбившись.
Но их испугались вельможи его
И в ноги царю повалились:

«О царь! ты прославишься в поздних веках,
За что же ты нас обижаешь?
Давно уже преданность в наших сердцах
К особе своей ты читаешь.

А это пришельцы... Суровость их лиц
70 Пророчит недоброе что-то,
Их надо подальше держать от столиц,
У них на уме не работа!

Когда ты на площади ехал вчера
И мы за тобой поспешали,
Тебе они громко кричали ура!
На нас же сурово взирали.

На площади Мира сегодня в ночи
Они совещались шумно...
Строение храма ты нам поручи,
80 А им доверять — неразумно!..»

Волнуют царя и боязнь и печаль,
Он слушает с видом суровым:
И старых, испытанных слуг ему жаль,
И вера колеблется к новым...

И вышел указ... И за дело тогда
Взялись празднoлюбцы и воры...
А люди, сгоравшие жакдой труда
И рвeньeм, сдвигающим горы,

90 Связали котомки свои — и пошли,
Стыдом неудачи палимы,
И скорбь Вавилонскую в сердце несли,
Ни с чем уходя, пилигримы,

И целая треть не вернулась домой:
Иные — в пути умирали,
Иные бродили по царству с сумой
И смуты в умах поселяли,

Иные скитались по чуждым странам,
Иные в столице остались
И зорко следили, как строился храм —
100 И втайне царю удивлялись.

Строители храма не плану царя,
А собственным целям служили,
Они пожалели того алтаря,
Где жертвы богам приносили,

И многое, втайне ликуя, спасли.
 Задавшись задачей трудной,
 Они благотворную мысль низвели
 До уровня ветоши скудной.

В основе труда подневольного их
 110 Лежала рутинная — не гений...
 Зато было много эффектов пустых
 И бьющих в глаза украшений...

Сплотившись в надменный и дружный кружок,
 Лишь тех отличая вниманьем,
 Кто их заслонить перед тропом не мог
 Энергией, разумом, знаньем,

Они не внимали советам благим
 Людей, понимающих дело,
 Советы обидой казались им,
 120 Царю говорят они смело:

«О царь, воспрети ты пустым крикунам
 Язвить нас насмешливым словом!
 Зане невозможно судить по частям
 О целом, еще не готовом!..»

Указ роковой написали, прочли,
 И царь утвердил его тут же.
 Забыв поговорку своей же земли,
 Что «ум хорошо, а два лучше!»

По смело нарушил жестокий закон
 130 Один гражданин именитый.
 Служил бескорыстно отечеству он
 И был уже старец маститый.

Измлада он жизни умел не жалеть,
 Не знал за собой укоровны
 И детям внушал, что честней умереть,
 Чем видеть бесславье отчизны;

По мужеству воин, по жизни монах
 И сеятель правды суровой,
 О «новом вине и о старых мехах»
 140 Напомнив библейское слово,

Он истину резко раскрыл пред царем,
Но слуги царя не дремали,
Успев овладеть уже царским умом,
Улик они много собрали:

Отчизны врагом оказался старик —
Чужда ему преданность, вера!
И царь, пораженный избытком улик,
Казнил старика для примера!

И паника страха прошла по стране,
150 Всё головы долу склонило,
И строилось зданье в немой тишине,
Как будто коналась могила...

Леса убирают — убрали... и вот
«Готово!» — царю возвещают,
И царь по обширному храму идет,
Вельможи его провожают...

Но то ли пред ним, что когда-то в мечте
Очам его царским являлось
В такой поражающей ум красоте,
160 Что неба достойным казалось?

Над чем, напрягая взыскательный ум,
Он плакал, ликуя душою?
Нет! Это не плод его царственных дум!..
Царь грустно поник головою.

Ни в целом, ни в малой отдельной черте,
Увы! он не встретил отрады!
Но все ж в несказанной своей доброте
Строителям роздал награды

И тотчас же им разойтись приказал,
170 А сам, перед капищем сидя,
О плане великом своем тосковал,
Его воплощенья не видя...

1 8 7 2

КУЗНЕЦ

(Памяти Н. А. Милютина)

Чуть колыхнулось болото столчее,
Ты ни минуты ни спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.

В чем погрешу и чего не доделаю, —
Думал, — исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно доныне во всем.

С кем ты деллся душевною повестью,
¹⁰ Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!

* * *

Внизу серебряник Чекалкин
Свои изделия продает,
А наверху Земфира Палеп,
Как милый розанчик, цветет.

⟨ЭКСПРОМТ Н. П. АЛЕКСАНДРОВОЙ⟩

В твоём сердце, в минуты свободные,
Что в нём скрыто, хотел я прочесть.
Несомненно черты благородные
Русских женщин в душе твоей есть.

Юной прелестью ты так богата,
Чувства долга так много в тебе
Что спокойно любимого брата
Я его предоставлю судьбе.

1 8 7 3

〈ЭКСПРОМТ Е. О. ЛИХАЧЕВОЙ〉

Уезжая в страну равноправную,
Где живут без чиновной амбиции
И почти без надзора полиции, —
Там найдете природу вы славную.

Там подругу вы по сердцу встретите
И как время пройдет, не заметите.

А поживши там время недолгое,
Вы вернетесь в отчизну прекрасную,
Где имеют правительство строгое
¹⁰ И природу несчастную.

Там Швейцарию верно вспомняете
И, как солнышко ярко засветится,
Собираться опять туда станете.
Дай бог всем нам там весело встретиться.

Пусть не кажется в этих стихах
Слабоумие вам удивительно,
Так как при здешних водах
Напряженье ума непользительно.

1 8 7 4

〈П. А. ФФРЕМОВУ〉

Взглянув чрез много, много лет
На неудачный сей портрет,
Скажи: изрядный был поэт,
Не хуже Фета и Щербины,
И вспомни времена «Складчины».

БУЖИНИСТ И БИБЛИОГРАФ

(Отрывок)

Б у ж и н и с т

А вот еще издание. Страсть
Как грязно! Впрочем, ваша власть —

Взять или не взять. Мне всё равно,
Найти купца немудрено.
Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно —
Моей свидетель о заслуге.

Библиограф
Ай, Гумбольдт¹, сказано умно.

Букинист

¹⁰ А публика, небось, не ценит!
Она тогда свой суд изменит,
Когда поймет, что из огня
Попало ей через меня
Две-три хороших книги в руки!

Библиограф
Цена?..

* * *

Хотите знать, что я читал? Есть ода
У Пушкина, название ей: Свобода.
Я рылся раз в заброшенном шкафу...

<ИЗ ПОЭМЫ «УНЫНИЕ»>

...Но первые шаги не в нашей власти.
Отец мой был охотник и игрок —
И от него в наследство эти страсти
И получил — они пошли мне впрок.

Не зол, но крут, детей в суровой школе
Держал старик, растил как дикарей.
Мы жили с ним в лесу да в чистом поле,
Травя волков, стреляя глухарей.

¹ Так когда-то называли одного букиниста, изыскателя в области редких книг. Его уже давно нет на свете.

В пятнадцать лет я был вполне воспитан,
¹⁰ Как требовал отцовский идеал:
Рука тверда, глаз верен, дух испытан, —
Но грамоту весьма нетвердо знал.

И я таким остался до седин
(Мне грамота далась потом однако),
Мой лучший друг — лягавая собака,
Да острый нож, да меткий карабин...

⟨ЕРШОВ⟩

Была задумана пьеса Ершов, лекарь. Он был хороший человек, полезный народу в своем углу. Задел, по неосторожности, надевая шубу в волостном правлении, за висевший в присутствии портрет, уронил его, враги донесли, и его куда-то заслали.

Рассказывает дьячок-заика. Как пачнет, так и дует без передышки, а как заикнется, то час не дожدهшься продолжения. Такой и размер я старался подобрать:

Он понал в нашу местность
Прямо с школьной скамейки;
Воплощенная честность,
За душой ни копейки.
Да ему и не нужно!
Поселился он в бане,
Жил с крестьянами дружно,
Ел, что ели крестьяне.

Пауза. Затем рассказ, как принимал народ, как лечил, на какой лошадке и в какой телеге ездил:

А лечил как успешно!
¹⁰ Звали Ершика всюду;
Ездил к барам беспешно,
К мужику — в ту ж минуту,
Нипочем темень почи,
Нипочем пеногода.
Бог открыл ему очи
На страданья народа.

Дало им его земство, он с ним поругался:

Без мундира просторней,
Без оклада честнее,

Человека задорней,
20 Человека прямее
Не видал я...
.....
Сам господь умудряет
Человека много,
И уста раскрывает
На громовое слово...

Дальше ничего нет, заикнулся...

1 8 7 5

«ЭКСПРОМТ НА ЛЕКЦИИ И. И. КАУФМАНА»

В страпе, где пет ни злата ни сребра,
Речь об изъятии бумажек
Не может принести добра,
Но... жребий слушателей тяжек.

«ЭКСПРОМТ ПРИ ОТЪЕЗДЕ Я. ДМИТРИЕВА
ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ В КИЕВ»

Милый, не брани его,
Коли дурен спич:
Путь далек до Киева,
Позабудешь дичь!

1 8 7 6

ПЕСНЯ

Всюду с музой пропикающий,
В дом заброшенный, пустой
Я попал. Как зверь рыкающий,
Кто-то пел там за стеной:

Сборщик, надсмотрщик, подрядчик,
.

И подлецам не потатчик:
Выпить — так выпью один.

Следственный пристав и сдатчик!..

¹⁰ Феденька, откупа сын!..
И подлецам не потатчик,
Выпить, так выпью один.

Прасол, помещик, закладчик!..
(Фуксы) — родитель и сын!..
И подлецам не потатчик, —
Выпить, так выпью один!..

С ними не пить, не дружить!..
С ними честной гражданин
Должен бороться и биться!..

²⁰ Выпить, так выпью один!..

Или негоден я к бою?
Сбился я с толку с собой:
Горе мое от запою,
Или от горя запою?

* * *

Не за Якова Ростовцева
Ты молись, не за Милютина,
. Ты молись
Обо всех в казематах сгноенных,
О солдатах, в полках засеченных,
О повешенных ты помолись...

* * *

Угомонись, моя муза задорная,
Сия нет работать тебе.
Родина милая, Русь святая, просторная,
Вновь <заплатила> судьбе...

Похорони меня с честью, разбитого
Недугом тяжким и злым.
Моего века, тревожно прожитого,
Словом не вспомни лихим.

Верь, что во мне необъятно безмерная
¹⁰ Крылась к народу любовь,
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая, русская кровь.

Много, я знаю, пойдет радетелей,
Все обо мне прокричат,
Жаль только, мало таких благодетелей,
Что погрустят да смолчат.

Много истратят задора горячего
Все над могилой моей.
Родина милая, сына лежащего
²⁰ Благослови, а не бей!..

.
.

Как человека забудь меня частного,
Но как поэта — суди...

И не боюсь я суда того строгого.
Чист пред тобою я, мать.
В том лишь виновен, что многого, многого
Здесь мне не дали сказать...

— НУ

Человек лишь в одиночку
Зол — ошибки не простит,
Мир — *«не всяко лыко в строчку»*
Благодушно говорит.
Вновь придет к тебе отвага
С ложью, злобой бой вести...
Лишь — умышленного шага
По неправому пути
Бойся!.. Гордо поднятая
¹⁰ Вдруг поникнет голова,

Станет речь твоя прямая
Боязлива и мертва.
Сгибнут смелость и решительность,
Овладеет сердцем мнительность,
И покпнет, наконец,
Даже вера в снисходительность
Человеческих сердец!..

1 8 7 7

* * *

Имени и роду
Богу не скажу.
Надо — воеводу
Словом ублажу.

«Кто ты?» — Я-то? Житель! —
Опустил кулак:
«Кто ты?» — Сочипитель! —
«Подлинно что так».

Меткое, как пуля
¹⁰ Слово под копец:
«Кто ты?» — Бородуля! ¹ —
Прыснул: «Молодец!»

Я — давай бог погв...
«С богом! ничего!
Наберем в остроге
Помнящих родство».

Третий год на воле,
Третий год в пути.
Сбился в снежном поле —
²⁰ Некуда вйти!

Ночи дольше-дольше,
Незаметно дней;
Снегу больше-больше,
Не видать людей, —

¹ Бородуля — баба с бородой.

Степью рыщут волки,
С голоду легки,
Стонут, как на Волге
Летом бурлаки.

* * *

Пускай чуть слышен голос твой,
Не громки темы песнопенья;
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимого забвенья!

<ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»>

Увижу ли уединенный сад,
Вновь, молодость моя, ты предо мною.
Листы дерев уныло так шумят,
И мать моя с поникшей головою
Задумчива, болезненно-бледна,
С платком в руках, обмоченным слезами,
Дорожкой крайней тихими шагами
Проходит молча. Тяжкий-тяжкий вздох,
За ним другой... Там шопот: боже! боже!
¹⁸ Там робкий стои; потом опять всё то же —
До вчераш...

О мать моя! о чем же ты грустила!
Не понимал, не думал я о том.
Я помню, ты порою подходила
Ко мне и за руку меня брала...
Но ты напрасно грустными глазами
В мои смотрела детские глаза.
Нет!.. не было сочувствия меж нами,
Моей руки не жгла твои слеза...
И от моей бессмысленной тоски
²⁰ Тебе не становилось легче. Отходила,
Качая грустно головой, ты от меня,
И вновь одна задумчиво бродила
Одна! одна!

О чем?.. не понимал тогда я... Но теперь,
Когда настанет вечер длинный, длин<ный>,

Томящий вечер осени суровой,
Вновь предо мной ты, молодость моя,

И вижу я себя опять в столовой,
Большой и темной... Свечкою одною
30 Освещена... <и> Я у печки греюсь,
А за столом родитель мой сидит,
Вернувшись с поля, скуш<н>ый и голодный,
И с доезжачим Сенькой говорит
О зайцах, о собаках...
Как <Змейку переехали> телегой
И как всё в тот же злополучный день
Чертополох, кобель лиловопегий,
Расшиб крестец, ударившись об пень.
И грустным столь событием смущен,
40 На миг, вздохнув, задумывался он.
Но взор его с любовью обращался
На Кару, и он в миг развеселялся...
Что, Карушка? что, дура? <А> небось
Кусочка хочешь?.. А зачем сегодня
Ты зайца упустила?.. Поленилась?
Что? поленилась?.. Нет же и кусочка?
Не будешь вперед <не пускать>... а, не будешь...
Ну-ну... на, дура,
А та хвостом ласкательно виляла.

60 Потом опять он с Сенькой говорил,
И Сенька, парень дюжий и смысленый...

ЗАТВОРНИЦА

Сон

1

Я посетил заброшенный наш сад;
Он всё темней, прохладней с каждым годом,
В нем семь ключей сверкают и гремят,
Вершины лип таинственно шумят.
И их люблю: под их зеленым сводом
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

II

И был тогда ребенком; долго, долго
Не думал я, родная, ни о чем.
¹⁰ Не ты, не сад, — меня манила Волга,
Я с кручи там катался кубарем.
И лишь зимой, в морозы и метели,
И помню, мы безвыходно сидели
Сам-друг с тобой в разрушенном дому.
(Угрюмый дом, похожий на тюрьму...)

III

Я проклинал докучные морозы,
И проклинал томительные дни,
А ты лила неведомые слезы —
И лишь позднее узнал, о чем они.
²⁰ Плачь, громко плачь!.. Хоть словом укоризны
Бессменный гнет страданья разреши,
Изгнаница, лишённая отчизны!
Затворница, забытая в глуши!

IV

В другом краю, не менее несчастном,
Но менее суровом рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В восемнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла,
³⁰ Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

V

Зовёт семья: «Твоей ли вынесть груди
Суровый гнет неволи и зимы,
Где заодно с природой стонут люди?
Вернись скорей — давно простили мы».
Грозит отец: «На горе ты бежала!
Припомнишь нас...» Ты гордо замолчала,
И у тебя — ни друга с той поры,
Ни родины, ни брата, ни сестры.

VI

- 40 А новый край? Ты, чистая, святая,
Ты, кроткая, с мечтательным умом,
О, что кругом ты видела, родная...
Я помню ночь... Казалось, грянул гром:
Играла ты и пела гимн печальный.
Ту песню, вопль души многострадальной,
Твой первенец наследовал потом.

VII

- «Несчастлива я, обманутая другом,
Но пред тобой, о женщина-раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
60 Моя судьба — завидная судьба.
Несчастлива ты, о родина! я знаю —
Весь край в плену, весь трепетом объят,
Но край, где я люблю и умираю,
Тот бедный край — несчастней во сто крат».

VIII

- Так пела ты, так плакала, родная,
В своей тюрьме, судьбе не уступая,
Чужим скорбям бессильная помочь,
А пад тобой уже висела ночь.
И ницего судьба не уступила —
60 Ты палача покорством не смягчила,
Ты в сыновьях опоры и друзей
Не дождалась... Мир памяти твоей!

ЭПИЛОГ

- Ты умерла — тюрьма освободилась,
И снилось мне — я поселился в ней,
В груди моей чуть слышно сердце билось,
Я разомкнуть не в силах был очей,
Но ум кипел: с неведомою силой
И не вотще я звал твой образ милый:
Незримо ты витаешь надо мной
20 И мне посещ с любовью песказанной:
«То не тюрьма, а рай обетованный —
Забвение, желанное тобой».

* * *

Так запой, о поэт! чтобы всем матерям
На Руси на святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, полонен,
А твой сын — невредим — и победа за ним,
«Не велит унывать, посылает поклоны».

* * *

Скоро — приметы мои хороши! —
Скоро покину обитель печали:
Вечные спутники русской души —
Ненависть, страх — замолчали.

НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

* * *

Белый день недолог,
Вечера длинней.
Крики перепелок
Реже и грустней.
Осень невидимкой
На землю сошла,
Сиво-серой дымкой
Небо облекла.
Солнце с утра каплет
¹⁰ В тучи, как в пору.
Если и проглянет
Смотришь: не к добру!
Словно как стыдливым
Золотым лучом
Пробежит по нивам,
Глядь: перед дождем!
Побежал проворно
Оживленный ключ

И ворчат задорно:
20 «Как же я могуч!»
Весь день ветер дует,
По почам дожди;
Пес работу чует:
Дупельшпеннов жди.

ПРИМЕТЫ

Видно, вновь в какой нелености
Молодежь уличена, —
На квартиры подле крепости
Поднимается цена.

Каждый день старушки бледные
Наезжают в гости к нам
И берут лачужки бедные
По неслышанным ценам.

Оживает наша тихая
10 Палестина, — к рождеству
Разоденусь, как купчиха, я
И копейку найвиу.

ЧТО НОВОГО?

Администрация — берет
И очень скупо выпускает,
Плутосократия — дерет
И ничего не возвращает.
По приглашению властей
Дворяне ловят демагогов;
Крестьяне от земли, кормилицы своей,
Бегут, под бременем палогов,
И пропиваются вконец по кабакам,
10 И пьяным по колено море...
Да будет стыдно нам! да будет стыдно нам
За их невежество и горе!..

К ПОРТРЕТУ ***

Развенчан нами сей кумир
С его бездейственной, фразистой любовью,
Умны мы стали: верит мир
Лишь доблести, запечатленной кровью.

<ЭПИТАФИЯ>

Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

* * *

За желанье свободы народу
Потеряем мы сами свободу,
За святое стремление к добру —
Нам в тюрьме отведут конуру.

* * *

Но, любя, свое сердце готовь
Выносить непрерывные грозы.
В нашем мире, дитя, где любовь,
Там и слезы.

* * *

Спрашивал я у людей,
В жизни, в природе отчизны моей,
В книгах холодных,
В стонах народных —
Тщетно искал я ответа...

* * *

Он не был злобен и коварен,
Но был мучительно ревнив,
Но был в любви неблагодарен
И к дружбе нерадив.

* * *

Ни стыда, ни сострадания!
Кудри в мелких завитках,
Стан, волнующийся гибко,
И на чувственных губах
Сладострастная улыбка.

* * *

< 1 >

И будем жить мы просто, пошло даже,
Забывая о спокойствии своем
И благе ближних. Что ты улыбнулась?
С тобой я должен прямо говорить,
И благо ближних на устах моих не фраза,
Не понимаю жизни я другой...

< 2 >

Поверхностная, глупая насмешка,
К которой так наклопно наше племя,
Бич чувству в юном сердце. И над чем
Смеемся мы. Обыкновенной темой
Насмешек наших: всякая черта
В характере, которая выходит
Из уровня обычного. Попробуй
На улице покинуть экипаж,
В котором ты здоровый ехал праздно,
¹⁰ И предложить его хромоту. Не смешно ли?
Скажи довольному собой глупцу,
Что он глупец, — смешно и даже глупо!
Однажды я припрегся к водовозу,
Который на бугор свои салазки
С двумя бочонками воды по скользкой

Подмерзшей мостовой втащить не мог.
 Приятели доныне помнят это
 И не дают проходу: филантроп!
 Попробуй предпочесть пирушке пошлой
²⁰ С гетерами, с шампанским и игрой
 Беседу с кроткой матерью старушкой —
 Да разболтай об этом: гадко станет,
 Ужасно даже, если только вникнуть,
 Каким согласным, диким гоготаньем
 Ты встречен будешь... Глупо наше племя!
 Безумное, неверующее племя
 Умело превратит в предмет пасмешки
 И состраданье к ближнему. Не раз
 Ты слышала и часто будешь слышать
³⁰ Презрительные речи: «вот охота
 Возиться век с унылой нищетой,
 Вступаться за бесправных и бездольных!
 Всем бедным не сможешь, всех больных
 Не вылечишь, давно уж доказали
 И опыт и паука, что напрасны
 Все частные усилья. Это пошлость,
 Придуманый конек, чтоб отличиться —
 Но, право, он придуман неудачно,
 Старо, бесплодно, неоригинально
⁴⁰ И хлопотливо». — Что же хорошо,
 Что ново? праздное убийство жизни
 В тщеславии, распутстве, пустоте?
 Им предаваться люди не стыдятся,
 Так не стыдись и ты по пошлой,
 Как говорят, избитой, но, по правде,
 Едва, едва проложенной дороге
 Добра...

< 3 >

И тихой женщины какой-то
 Задумчивое, милое лицо
 В такие дни обыкновенно
⁵⁰ Передо мной является. —
 — Но где же ты, желанная душою,
 Ты, тихая, ты, добрая моя!
 Без ласки сердце глохнет.

* * *

Так умереть? ты мне сказала.
Я отвечал надменно: да!
Не знал я той, что мне внимала,
Не знал души твоей тогда.

* * *

Весь пыткой правственной измятый,
Уже опять с своим пером,
Как землекоп с своей лопатой
Перед мучительным трудом, —
Он снова музу призывает.

ВАРИАНТЫ
И
КОММЕНТАРИИ

**ОБЪЯСНЕНИЕ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ,
ПРИНЯТЫХ ВО II ТОМЕ**

- ГМ* — журнал «Голос минувшего»
Е — материалы, принадлежавшие П. А. Ефремову
ЕМ — материалы, принадлежащие В. Е. Евгеньеву-Максимову
ИЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом)
ИЛИб — библиотека Института русской литературы
ИМ — Государственный исторический музей
К — корректура
КК — «Красные книжки»
КЧ — материалы, принадлежащие К. И. Чуковскому
ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина
ЛГ — Литературная газета
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛН — сборник «Литературное наследство» № 49—50, «П. А. Некрасов», I, изд-во Академии наук СССР, М. 1946
ЛН2 — готовящийся к печати второй некрасовский том «Литературного наследства»
ЛН3 — готовящийся к печати третий некрасовский том «Литературного наследства»
Лх — материалы, принадлежавшие Л. А. Лихачеву.
ОЗ — журнал «Отечественные записки»
ПБ — Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
ПЗ — журнал «Полярная звезда»
ПП — «Последние песни» — стихотворения Некрасова, СПб. 1877
РС — журнал «Русская старина»
С — журнал «Современник»
ст — стих, стихи
Стих 1856 — «Стихотворения Н. Некрасова», М. 1856
Стих 1861 — «Стихотворения Н. Некрасова», издание 2-е, в 2-х частях, СПб. 1861

- Стих 1863* — «Стихотворения Н. Некрасова», издание 3-е, в 2-х частях, СПб. 1863
- Стих 1864* — «Стихотворения Н. Некрасова», 1-я и 2-я части — издание 4-е, 3-я часть — издание 1-е, СПб. 1864
- Стих 1868—1869* — «Стихотворения Н. Некрасова», 1-я и 2-я части — издание 5-е, 3-я часть — издание 2-е, 4-я часть — издание 1-е, СПб. 1868—1869
- Стих 1873—1874* — «Стихотворения Н. Некрасова», 1-я и 2-я части — издание 6-е, 3-я часть — издание 4-е, 4-я и 5-я части — издание 2-е, 6-я часть — издание 1-е, СПб. 1873—1874
- Стих 1879* — «Стихотворения Н. Некрасова», посмертное издание сестры поэта А. А. Буткевич в четырех томах, СПб. 1879
- ЦГЛА* — Центральный государственный литературный архив

ВАРИАНТЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1856 — 1877

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

(стр. 7)

Варианты фрагмента «Самому себе» — автограф ЛБ (соотв. ст. 52—53)

Ты не поэт — твои мечты
О славе — дерзки и постыдны.
Положим, что замечен ты,
Но так без солнца звезды видны.

Варианты наброска ст. 185 — 197, автограф ЛБ

И если точно он таков,
Ужель он менее страдает,
Чем тот, кто горе улаживает
Волшебной музыкой стихов?

Варианты Стих 1856—1873

56—57	Когда свободно рыскал зверь
А человек бродил пугливо	<i>Стих 1856—1873</i>
58—61	Ты светоч истины держал
Рукою твердой, но для света
Он благотворно не сиял,
Как светоч гения-поэта	<i>Стих 1856—1863</i>
118—127	<i>отсутствуют и заменены двумя строками точек.</i>	<i>Стих 1861</i>
126—127	Умрешь не даром...	
		<i>Стих 1863—1873</i>
160	Готовься хоть бежать со света!..	<i>Стих 1856</i>
174—178	<i>Отсутствуют</i>	<i>Стих 1856 и 1861</i>

Вм. 187—192	И ты с собой его ровнял!?	<i>Стих 1861—1873</i>
194	Надежды шаткую ладью	<i>Стих 1856—1864</i>
197	Покорно голову свою	<i>Стих 1856—1864</i>
198—203	<i>отсутствуют и заменены строкой точек</i>	<i>Стих 1861</i>
198—201	<i>отсутствуют и заменены четырьмя строками точек</i>	<i>Стих 1864 и 1869</i>
227—229	<i>отсутствуют и заменены тремя строками точек</i>	<i>Стих 1856 и 1861</i>
267	Но	<i>Стих 1856 и 1861</i>

«НЕСЧАСТНЫЕ»

(стр. 16)

Варианты первоначальной редакции, автограф ЛБ

164—165 а	Еще под мокрой пеленою И тротуары и дома
б	Стоят как крепости пустые Под мокрой пеленой дома
169	Товар в окошки выставляют, —
172	Вот солнце; поднялся туман...
173	Оно на миг блеснуло краткой,
174—175	И снова мрачно; пешеходы Бредут полны еще дремоты...
183 а	(У нас нет дня без похорон)
б	(Поутру много похорон)
200—202	Швейцар нарядный отворяет. Сановник, барин и купец Веселый день свой начинают
211	Преступно, голодно и бедно,
217—218	Кричат возницы: прочь с дороги Под дышлом смельчакв снуют

Отдельные наброски (ЛБ)

Как с похорон пустые дроги
Легко и весело бегут,
Так после городской тревоги,
Где вечный шум и вечный труд, —

В столице нашей многолюдной
Печален утра ранний час

Печальный вид! Что будет дале?..
Подобно пиршественной зале
Где не успели подмести
Ни крошек, ни золы табачной
Ты некрасив наш город мрачный
С утра часов до десяти.

Что в эту пору глаз ни встретит
На всем заботы резкий след
Он много грустного заметит
Веселой молвы места нет

Варианты белого автографа ИЛИ

- 470—471 Сутул, не виден был лицом,
Но и под серым армяком
486—487 Терпенья было в нем не мало,
Но не был робок он душой...
548—549 Покажет Русь какие люди
Под бурей народились в ней.
678 Под каждым деревом добра,
694 Не посмеялся в небесах!
845 Ни слез, ни стонов целый день,
861 Восторг в очах его снял ¹
869 Разверзлась каторжная яма,

Варианты белого автографа ЛБ

- В.м. 1--6 Ни друга, ни сестры, ни брата —
Один я в мире. Говорят,
К цветущей юности возврат
Под старость нам одна отрада,
Одно спасение. — Живи,
37 Ликует день, летают птицы,
52 Кругом стенанья, вопли, стон
77 И избавителя не жди!..
89 Манеру детскую мою)...
98 Смеются дети над ребенком
114 Там слава, роскошь, наслажденье...
148 Опять в смятении жестоком,
229 Безумец, брошен будешь ты!

¹ Стих Пушкина.

- 234—237 [Кто с малолетства деньги прячет —
Космополит, аристократ —
И о судьбе твоей не плачет,
«Песчастный, обделенный брат».]
- Вм. 263 — 269 Ни горя ни отрад не жди,
Отдайся весь во власть господню...
Свинья попала в подворотню
Народ глядит — и ты гляди.
Отвесят ей ударов сотню
И — чудо! властная рука
Мгновенно сбавит ей бока
Пролезет! Гуси на дорогу
Забрались — выступают в ногу
Но почта наска<ка>ла вдруг —
Всё ближе, ближе... Крик, испуг!
- 308 И ходит важно как актер
- 357 а Молчи — предатели они!
- б Молчи — озлобятся они!

Вариант автографа Лихачева

- 201— 203 Довольный жизнью швейцар...
Теперь-то город оживает!..
Ушел высоко мглистый пар.

Варианты С и Стих 1856—1873

- 145 158 отсутствуют С
- 160—163 Не внемля ропоту людей,
Он стоном стонет над столицей
И флагом гордых кораблей
Играет, как простой тряпицей; С
- До 164 Мы все привыкли любоваться
Громадным городом своим,
Но слишком рано просыпаться
Друзьям и недругам моим
Я не советую. Едва ли
Он очарует вас с утра;
Подобно опустелой зале,
Где пировали вы вчера,
В обломках оргии безумной
Он некрасив, наш город шумный! ¹

¹ Этими стихами начинается помещенный в Стих 1856 текст стихотворения «Петербургское утро. (Отрывок)».

217—218	Кричат возницы: «Прочь с дороги!»	
	Под дышлом смельчаки спуют	<i>Стих 1856</i>
251	Аптека, два-три кабака	<i>С и Стих 1861—1873</i>
547—548	Вздохнуть пошире, посмелей —	
	Покажет Русь, какие люди,	<i>С</i>
549	<i>а</i> Какие силы скрыты в ней!	<i>С</i>
	<i>б</i> Сложились и окрепли в ней!	
551	Грешна — куда ни погляди!	<i>С</i>
647	Потомок наш восторг почувет,	<i>С</i>
л. 658—664	<i>четыре строки точек и далее:</i>	
	...Достало в нем геройства	
	«Прости на век!» сказать всему,	
	Но ты, святое беспокойство!	
	Тебя принес он и в тюрьму!	<i>С и Стих 1861—1873</i>
707—714	<i>отсутствуют</i>	<i>С и Стих 1861—1873</i>
л. 869—870	Взрыдав душою умиленной,	
	Мы пали ниц, благодаря	
	Нас не забывшего царя.	<i>С</i>

«В СТОЛИЦАХ ШУМ, ГРЕМЯТ ВИТИИ»

(стр. 40)

Другую редакцию этого стихотворения см. на стр. 501.

ТИШИНА

(стр. 41)

Варианты С и Стих 1861—1873

14—15	Ты не услышишь укоризны,	
	Родная!.. Где я ни блуждал,	<i>С</i>
40	Молитвы жарче не слышали	<i>С</i>
67	Осиротевших матерей	<i>С</i>
69	Над тихой родиной моей...	<i>С</i>
88	Прощанья, стоны и молитвы	<i>С</i>
После 114	<i>а</i> Через окопы и траншеи	
	Под градом пуль скакали вы	
	И не погнули гордой шеи,	
	Не потеряли головы!	<i>С</i>
	<i>б</i> <i>четыре строки точек</i>	<i>Стих 1861—1873</i>
115—118	Война молчит — и жертв не прссит,	
	Народ, стекаясь к алтарю,	
	Хвалу всевышнему возносит	
	И благодушному царю.	<i>С</i>

- После 147 Еще густа, еще красна *С и Стих 1861—1873*
 149—152 две строки точек *С и Стих 1861—1873*
 173 Проезд по ним не слышно тих *С и Стих 1861—1873*
 179 Безропотно-покорных душ *С*
Отрывок (после ст. 152), исключенный поэтом из основного текста, см. на стр. 461

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

(стр. 47)

Варианты копии Панаевой (К), С и Стих 1861—1869

- 37 строка точек *К и С*
 64 Исковеркав татарские лица *К*
 81—82 Что, развратница, нагло глядишь,
 Чем кичишься?.. Гнусна твоя повесть:
К, С и Стих 1861—1869
 86 И явилась в полночное царство *С*
 128 Удивлялась вся публика наша *С*

«СТИХИ МОИ! СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ»

(стр. 51)

Вариант белого автографа ЦГЛА

- 4 Стихи, стихи! свидетели живые

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

(стр. 52)

Варианты «Колокола»

- 6 Ретируются гости домой
 16 А иные скрежещут и плачут
 61—62 Безмятежной, Аркадской идиллией
 Закатятся прекрасные дни
 77 Возвеличенный громко хвалой.
 103 Там на Волге — чей стон раздается
 106 Бурлаки то идут бичевой.

Варианты авторской корректуры (ЦГЛА)

- После 92 Испытуемый грозной судьбою,
 Песен счастья не складывал он,
 Он стонал под татарской пятою
 И доньше налев его — стоп!
 В.м.107—117 [Всюду скорбные, скорбные звуки,
 Всюду стон, надрывающий грудь,

Словно тяжкие древние муки
 Не успели в народе заснуть...
 О! во веки тот памятен будет,
 По чьему мановенью народ
 Вековую привычку забудет
 И веселую песню споет!]

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

(стр. 56)

Варианты корректур ИЛИ (К) и С и Стих 1861—1873

3	Вить пора то сенокосная —	<i>К и С</i>
55	Братством, родной, свободою	<i>К</i>
	Братством, Истиной, Свободою	<i>С и Стих 1861—1873</i>
66	К лютой подлости вражду	<i>К, С и Стих 1861—1873</i>

Варианты копии Добролюбова

В.м. 37--52 а «Спи, дитя, да песню вздорную
 Глупой няни позабуди
 Не ходи дорогой торною
 Отыщи свободный путь.
 Не ходи тропой избитою
 Без того, душа моя,
 Сплошь холопами набитая,
 Гибнет родина твоя
 Послушаньем да терпением
 Мы богаты через край...
 Вольным жизни впечатлениям
 Душу вольную отдай
 Изменяют наслаждения,
 Жить не значит — пить и есть.
 В мире лучше есть стремления,
 Благородней блага есть.
 Им пехитрые названия:
 Слава, Знание, Любовь.
 Не жалея за них дыхания
 Проливай до капли кровь.
 Презирай пути лукавые:
 Там разврат и суета.
 Чти заветы вечно-правые
 И учись им у Христа

6 «Спи, дитя, да песню вздорную
 Глупой няни позабудь
 Обходи дорогу торную
 Выбирай свободный путь.

Разоренная, забитая,
 Без того, душа моя,
 Сплошь холопами набитая,
 Гибнет родина твоя

О ПОГОДЕ

Часть первая

I. Утренняя прогулка (стр. 61)

Варианты К и С

20	Чей-то белый, некрашенный гроб	<i>К и С</i>
43	Прогневилась рука-то господня,	<i>К</i>
122 а	Мы направились робко туда	<i>К</i>
б	Мы направились молча туда	<i>С</i>
в	Мы направились с трупом туда	<i>К</i>
131	Да судьба как захочет обидеть	<i>К и С</i>

II. До сумерек (стр. 65)

Варианты К и С

9—16	<i>отсутствуют</i>	<i>К и С</i>
86	Тут какой-то седой генерал	<i>К и С</i>
103 а	Заколodило с сорок девятого;	
б	Тише было до сорок девятого;	<i>К</i>
После 127	— «Нет, шалишь: это дело ученое Чья возьмет — попытаем сперва!.. Не гляди, что лицо-то зеленое — Человек голова!	<i>К</i>
158—161	Мне ли толку не знать в литераторах? Что ни спросишь о них — расскажу! При царице, при двух императорах К ним ходил и при третьем хожу.	<i>К</i>
198	Чу! прощанье... Жалей не жалей	<i>С</i>

III. С у м е р к и

(стр. 70)

Варианты К и С

- 57—58 Как-то дико и глухо рокочет,
а Словно гибнет народ,
б Словно общая гибель идет, К
59 Словно город разрушиться хочет! С

ПАШАША

(стр. 74)

Варианты белого автографа (А) и корректуры (К) ИЛИ

- 112—113 Там их здоровье цветет,
Жизнь отдана наслажденью, К
В.м. 114 В самой роскошной мечте
Верный поклонник корана
Не увидал бы таких *декольте* —
Стан... Но уж тут не до стана!..
Чудо наряд, загляденье наряд! А и К

«ЧТО ТЫ, СЕРДЦЕ МОЕ, РАСХОДИЛОСЯ?..»

(стр. 79)

Вариант Стих 1864

- 5 Не тужи! пусть растет, пусть катается

ЗНАХАРКА

(стр. 81)

Вариант С и Стих 1861—1873

- 34 Много потерпишь, дойдешь до запоя

НА ВОЛГЕ

(стр. 83)

Варианты белого автографа и авторизованной копии ИЛИ

- 92 А так — не верилось мне в них
148 Что грунт песчаный жжет следы
В.м. 155—156 Ползет расшива по реке.
На ней движенье: молодой
Прикащик в синем армяке
Курносый, с русой бородой

- 157 а За Дульцинеею своей
 б За верной спутницей своей
 159 а Полна, румяна и стройна
 б Мила, румяна и полна
 Вм. 169—172 Но и они ушли. Затих
 Веселый говор. Сон и зной
 Царят над мирною рекой.
 Я сам бы верно задремал

Варианты К, С и Стих 1861—1873

- 40 Был говор этих кротких волн С
 74 - 75 Как ожерелье у воды
 Каких-то белых птиц ряды К и С
 181 И юность вновь предстала мне. С
 220 Попер бы лямку как медведь, К
 251 И говор тех же самых волн С и Стих 1861—1873
 257 Рекою— —и тоски!.. С
 258--259 О чем в ту пору я мечтал,
 Бессонный, в темноте ночей, К и С
 263 Но если вы — ребячий бред, К, С и Стих 1861
 Вм. 277 Живут бессмысленней зверей
 И мрут без всякого следа К и Стих 1861—1873
 288 Как он бесплодно пропадешь С и Стих 1861—1873

РЫЦАРЬ НА ЧАС
 (стр. 92)

Варианты автографа альбома Шелгуновой

- После 79 В эту ночь со стыдом сознаю

 Да! теперь я к тебе бы воззвал,
 Бедный брат, угнетенный, скорбящий!
 И такую бы правдой звучал
 Голос мой, из души исходящий,

- В нем такая бы сила была,
 Что толпа бы за мною пошла.
 207—209 Завтра встану ягненка смирней,
 Целый день промаячу уныло,
 Ночью буду пилюли глотать
 213 Всё погаснет, бесследно замрет
 215 Злую песню свою запоет:

Варианты С и Стих 1864—1873

- 9—16 *отсутствуют* **С**
 43 Что по воздуху тихо плывут *С и Стих 1864—1873*
 46 Красной лентой по скату бегут; *С и Стих 1864—1873*
 89 И апостола Павла с крестом, *С и Стих 1864*
 201—223 *отсутствуют и заменены тремя строками точек* **С**

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

(стр. 98)

Варианты «Века» (В) и Стих 1861

- 57—60 *отсутствуют* **В и Стих 1861**
 108 Там ушибет тебя... Встань-ка! **В**

ДУМА

(стр. 102)

Варианты автографа ЛБ

- 1 Сторона у нас убогая
 5 Думай думу, спи без просыпу
 7 Трать задаром силу крепкую
 12 а Сыт по горло — не нуждается!
 б Одолели — не нуждается!
 21 Ночью спят, наевшись досыта

Вариант С и Стих 1861

- 32 Волоса бы опушились!

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

(стр. 104)

Варианты С и Стих 1861—1873

- 17 Красный нос чудовищной старухи,
 33—40 А домой придется воротиться, —

Для чего приходим мы туда?
Лишь затем, чтоб лучше убедиться,
Что не будет легче никогда!
Чтоб, припав с рыданием головами
К груди бедной матери своей,
Горьким стоном, горькими слезами
Разорвать на части сердце ей...»

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

(стр. 106)

Вариант чернового автографа КЧ

Но сберегло его в дни многотрудные
Русских людей провиденье иривое, —
Кончилось время его несчастливое,
Вновь он запел свои песенки чудные,
Вновь прилепился душою к художеству.
Тут не замедлила смерть ядовитая.
Надо ж очистить дорогу ничтожеству.
[Ой! широка ты, дорога открытая]
Ты ли ему непросторна, — открытая?..

«ЧТО НИ ГОД — УМЕНЬШАЮТСЯ СИЛЫ»

(стр. 107)

Варианты Стих 1864

2 Что ни год — каменею душой...
4 Не дождавшись поры золотой —
После 4 Той поры, когда высохнут слезы
И закроются раны твои,
И свершатся заветные грезы,
Вожделенные думы мой!

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

(стр. 108)

Варианты белового автографа ЛВ

54—57 Раскапывай листья, обшаривай пни,
Примету клади на грибное местечко,
Чтоб завтра его ни за что не сыскать,
«Смотри-ка, Кузяха, какое колечко!»

- 89 «Гляди, бесенята!» а дети и рады —
 106 Домой, цыганята! обедать пора!
 В.м. 157—168 Сам с воза сползает. Проворство, сноровка
 Ему достаются шутя
 И любо глядеть, как свободно и ловко
 К труду переходит дитя.
- 174 Лошадку ведет великан мужичок
 178 Что больно ты грозен — я батьке скажу!
 233—235 И точно: громовый удар прокатился
 В сарай полила дождевая река.
 Я крикнул: довольно! Актер усмирился,
 240 Над самым сараем как раз!

Варианты «Времени» (В) и Стих 1861

- 201 202 Те честные мысли, которым нет доли *В и Стих 1861*
 а Которым нет смерти — *В*
 б Которым нет смерти — — — *Стих 1861*

ПОХОРОНЫ

(стр. 116)

Варианты автографа ЛВ

- 3 Горе по свету долго шаталось
 После 8 Где лежал — там его и оставили,
 Лишь покрыли сердягу холстом
 Караул к нему строгой приставили
 И послали скорей за судом.
- После 12 Закопать-то статья немудреная
 Да ведь нужно по-божьи судить:
 Как ни умер, душа-то крещеная!
 Положили мы — гроб сколотить...
- 16 Без покрова, куты и венка
 40 а Но давно нашу глушь полюбил
 б Но ты наши болота любил
 45 Ты любил их, гостинцу им нашивал,
 В.м. 47—48 Ты у нас про житье наше спрашивал
 Ровней с нами себя называл

А лицо было словно дворянское...
 Приносил ты нам много вестей
 И про темное дело крестьянское
 И про войны заморских царей...

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

(стр. 119)

Первоначальную редакцию см. на стр. 504—506

Варианты автографа ЛБ

- 54 С коварно-сладким «с'est joli»
57 Под страхом нового укора
59 а Читает рабства и позора
б Встречает рабства и позора
в В лице своем читает муку
60 а Ничем не смытое клеймо?..
б И рабства гнусное клеймо?..
[В кипящем омуте сомненья
Полна больного напряженья
Душа беспильна]]

ТУРГЕНЕВУ

(стр. 121)

Варианты автографов ЛБ, ИЛИ и корректуры ИЛИ

- Вм 1—20 Ты как поденщик выходил
До солнца на работу
В глаза ты правду говорил
Могучему деспоту *ЛБ и ИЛИ*
25 На пылкость юношей ворча *ЛБ и ИЛИ*
29 Щадишь ты пошлого глупца, *ЛБ*
32 Удары направляешь. *ЛБ*
33—35 В среде всеобщей пустоты
Всеобщего растленья
Какого смьеслу ищешь ты,
Какого примиренья? *ЛБ и ИЛИ*
37—38 Кто иссит истину в груди,
Кто честно любит брата *ЛБ и ИЛИ*

КОРОБЕЙНИКИ

(стр. 123)

Варианты автографа ЛБ

Посвящение отсутствует

После 56 *под элиграфом:*

Припев коробейников.

- 73—76 Бусы словно вишни спелые,
Ленты алые для кос,

- Пояски — рубахи белые
Подпоясать в сенокос.
- 108 *под эпиграфом:*
Нар<одная>песня
- 113 — Знатно, дядя, ты торгуешься!
- 184 *эпиграф:* Ой, барыня, барыня!
Лакейская песня.
- 200 -- Эй! Как нынче огурцы?
226 На турецких егерей
238 а — Чьи собачки тут сошлись?
б — Чьи охотнички сошлись?
240 Заяц! Заяц! торопись!
В.н.245—256 — Колокольчик! скачет свадьбишка,
Парни по трое сидят..
— Вон какая-то усадьбишка,
Ай — зайдем? — «Не пошто, брат!
- 294 Прачки выбегут к дверям
328 *эпиграф:*
а Без дороги в путь отправился
Кольцов
б -- Далеко ли до Мискова?
— А как пойдешь прямо-то шесть,
а обходом-то три.
Крестьянская шутка
в -- Далеко ли до Мискова?
— Да дорогой-то три, а прямо-то шесть.
Крестьянская шутка
- 417 а Да советчики постылые
б Да в Тюньбе, в селе, мошейники
419 а Вы ступайте други милые
б Вы ступайте коробейники
421 Верст семнадцать с половиною
424 Только девять!.. Вот оне!
425 Бог попутал — мы поверили,
440 *под эпиграфом:*
Старинная песня
- 441—442 Не дубравушки кольшутят,
Не зеленые шумят, —
450 Ты как давеча в Тюньбе
455 А ей-ей лицо знакомое —

- 459 а Так ли парень пробираемся
 б Тут ли парень пробираемся
 в Тут на Чунью пробираемся?
 460 «Тут. Нам стало по пути».
 473 «Ой! легохоньки котомушки!
 509 «Ай, пружины! важно щелкнули,
 514 а Стали темны небеса
 б Рдеют зорькой небеса
 532 «Да четвертый месяц бьет —
 537—648 *отсутствуют*
 В.м. 661—668 — Вот наткнулися на бестию!
 Леший что ли ты какой?
 Не дурачься, просим честию!
 Не глумися, братик мой!
 Коли ты уж с нами встретился,
 Накормлю и угощу...
 А лесник опять наметился.
 — Не шути же! — «Не шучу!»
 678 а Всё плачу — я стал богат
 б Я, касатики, богат:
 685—690 Пастушок спросил детинушку:
 — Ты ли давеча стрелял?
 Я болотом гнал скотинушку
 «Что ты? разве ты слышал?..»
 — Слышал палы я ружейные
 Слышал стоны... Стой! винись! —
 704 Лесника в острог свели...

Варианты С, КК и Стих 1861—1873

- Посвящение* *отсутствует* С
 137 Враг дурит — народу горюшко! С, КК и Стих
 1861—1873
 251 Встрелось нам лицо — — С
 316 Дорог будет, ваша честь <sic> С

СВОБОДА
 (стр. 143)

Варианты автографа ИЛИ

- 1 Родина мать! по долинам твоим
 5—6 Вырастешь вольно! — где любо живи
 Выберешь жонку себе по любви
 12 Ум человеческий ловок и гибок,

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

(стр. 148)

Варианты С и Стих 1864

- Примечание к заглавию отсутствует* С
16 Сама призналась, глупая, С и Стих 1864

«ЛИТЕРАТУРА, С ТРЕСКУЧИМИ ФРАЗАМИ»

(стр. 150)

Варианты автографа ЛБ

- В.м. 1—5 Вот наконец я простился с столицами,
12 Чем твое сердце болит?..

Вариант Стих 1864—1873

- 3—4 *Заменены двумя строками точек*

«НАДРЫВАЕТСЯ СЕРДЦЕ ОТ МУКИ»

(стр. 151)

Варианты С и Стих 1864

- 4 *заменен тире* С
заменен строкой точек Стих 1864
16 Чу! кричит заунывно: «ау!» С и Стих 1864

КУМУШКИ

(стр. 155)

Первоначальные наброски ИЛИ

Горе забыли, играючи, детки
Да на беду подвернулись соседки
Нет у вас матушки молвила Марьюшка
Нету родимой; прибавила Дарьюшка
Как теперь будете жить поживать —
Кто-то вас будет ласкать-баловать?
Дети игрушки свои положили
Смокли, широко глазенки раскрыли

Полно не плачете пром<олвила> М<арьюшка>
Уж не воротись приб<авила> Дарьюшка

.

Надо покойницу мать забывать
К доле сиротской пора привыкать!

«БЛАГОДАРЕНИЕ ГОСПОДУ БОГУ»

(стр. 160)

Вариант Стих 1869 и 1873

29—32 *отсутствуют и заменены четырьмя строками точек*

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

(стр. 166)

Вариант посвящения, автограф ИЛИ

35—36 Потому что в грядущем темней
И на сердце еще безнадежней

Вариант автографа ЛБ

12 Избенка в деревне стоит

Варианты автографа ПБ

21—24 Три жребия трудных имела судьба —
И первый: с рабом позенчатся
Второй — до могилы рабу покоряться
А третий — быть матерью сына раба

21 Три доли суровых имела судьба —

Л.д. 25 а В то время как жребии нам назначались

Три жребия те никому не достались

И все безраздельно легли

б И все эти доли легли

в И все эти трудные доли легли

31 И так не дивитесь, что тип измельчал

33—34 Невинная жертва судьбы

Ты глухо безвестно страдала

60 Дородна, стройна, висока,

65 Видали вы как она косит?

73 Обсыпали ноженьки босы

85 В столице не естретить. Утеха!

87—88 Она не трещит, не злословит

Зато если нужно спасет

- 92 У ней словно перлы блссят
 93 а Но строго суровые губы
 б Но строго ревнивые губы
 96 Ей некогда в гости ходить
 108—104 Ее укрепляет сознанье,
 Что вся их надежда в труде,
 115—116 Другой пятилетнего сына
 Нарядная матка ведет...
 117—118 а Рай в доме того семьянина,
 Где баба такая живет!
 б В кубышке на сватьбу для сына
 Убогий залишек растет...
 123 Умна ты — ты плакать не хочешь,
 263—266 Промерил косулей железной
 Ее ты вперед и назад...
 Вставай ненаглядной, болезной —
 Бог даст — уродит самдесять!
 275 Заслышав рыданья и стоны
 337 Зима таки съела его!..
 367—369 [Верстах он в семнадцати был,
 Где образ какой-то явленный
 Недугов целителем слыл]
 367 (Верстах в тридцати от села)
 В.м. 370—374 [Всё что на полотнах и приже
 Годами скопила она
 Истратила Дарья — и даже
 Осталась монаху должна,
 Но образ Николы святого
 На утро явился в дому,
 Помазали миром больного,
 Больной <приложился к нему>
 И умер...]
 415—418 «Бог прибрал... а то-то был в силе!..
 Отправив невестку домой
 Остался старик на могиле
 С своей присмирелой женой
 В.м. 419—426 Высокий, худой, бородатой
 Он двигался тихо по ней
 Равняя землицу лопатой
 Под вопли старухи своей
 451—452 Светло — поглядеть нету мочи,
 Равнина звездами горит...

- Перед* 455 [Минув занесенное живо
 И тихо спустив на бугор,
 Савраска вступает пугливо
 В пушистый, серебряный бор]
 491 Другую на дерево бросит,
 500 Не слышит, что поги зашлись
 502 Твердит: «Воротись! воротись!»
 507 Весняночкой выберут Машу
 632 Да не мешали мне ткать.
В.м. 640—650 Чаше молились мы господу богу,
 662 Прямо над божьей деревней стоит,
 678—681 Перовно лились эти звуки
 То крупным, то мелким дождем
 И вторя им, крепкие руки
 Трудились, <стуча?> топором
 690—692 Чай он теперь по подупке
 Мечется смерти бледней...
 Заяц прыгнул на опушке,
 705 *a* *начат*: То<пот>
 б Хохот, и топот, и лай, —
 в Слышу я крики людей
 708 *a* Богу обещан мой грош трудовой!
 б Божьей казны незамай!
 в Денег отнять не посмей!
 804—807 Нет ропота, высохли слезы —
 Теперь умереть бы не жаль...
 Бездумье, нестройные грезы
 Сменили кругую печаль...
В.м. 808—811 *a* Всё тихо. Один колобродит
 Мороз, воевода лесной.
 Владенья свой он обходит,
 Стуча ледяной булавой.
 б Знать мало порядку находит —
 Суров воевода седой
 Чу! льдины ломает, чу! ходит,
 Стучит ледяной булавой
 834 Навряд тебе молодца выше
 844—845 Где вольные, гордые воды
 Недавно широко текли, —
 863 К дровням — хоть руби топором!..
 870 Поцарствуем вместе зимою
 890 «Тепло ли?» промолвил опять

- 894 Лесной чародей цаловал
 905—1016 первоначально следовали в обратном порядке: 989—
 1016, 905—988 (после чего — «Эпиграф», исключенный
 при перестановке и помещенный в настоящем томе
 на стр. 506)
 905 В серебряный пней одета
 918 (Дорога-то шла мимо них)

Варианты С и Стих 1864—1873

- 41—42 Страдальческой доле твоей
 Отдам я последние годы *С и Стих 1864*
 После 42 *две строки точек* *С и Стих 1864*
 367 (Верстах в тридцати от села) *С и Стих 1864—1873*
 512 *в примечании отсутствует слово «красивая»*
С и Стих 1864
 814 И нет ли где сломанной ели, *С и Стих 1864*

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА
 (стр. 200)

Варианты С

- Эпиграф:* Милый друг, я умираю,
 Но спокоен я душою
 И тебя благословляю —
 Шествуй тою же стезею...
 Д<обролюбов>
 1 Суров ты был, ты на рассвете жизни
 3 Учил ты жить для славы, для отчизны,
 18—25 *отсутствуют*

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
 (стр. 202)

Варианты С и Стих 1869

- 25—28 *отсутствуют* *С и Стих 1869*
 125—128 *отсутствуют* *С*

О ПОГОДЕ.

Часть вторая
 (стр 210)

Варианты белого автографа ЛБ

1. Крещенские морозы
 26 а Иль оборванный Ванька в лаптях
 б Или Ванька — извощик в лаптях

- е Иль оборванный Ванька в санях,
 32 У театра господ поджидая,
 44 а Третий день никакой господин
 б Третий день ни один господин
 51—72 *вставка на отдельном листке*
 Вм. 55 Берегитесь! мы кстати расскажем
 Как погибла певица одна.
 Видно слухи о золоте нашем
 Соблазнили ее — и она
 Не ошиблась; тщеславный Петрополь
 И ласкал, и лелеял ее...
 66 В тот же день как тебя схоронили
 68 а Где тебя мы венками дарили
 б Где с ума от тебя мы сходили.
 После 72 Между тем, свирепеет мороз
 Берегите, читатель, ваш нос...
 73—80 Те, которые, кушая в меру,
 Вместо Невской воды за столом
 Попивают портвейн, мадеру
 И кончают обед коньяком,
 Словом, люди привычек солидных
 Из хороших казенных квартир
 Вдруг без всяких причин благовидных
 Переходят в неведомый мир
 После 84 Выбирает он жертв имештых,
 В зрелых летах, в почтенных чинах
 Чистых, гладеньких, толстеньких, сытых
 Нападает и днем и впотьмах
 За обедом, за вистом, — и разом
 Всё кончает, свирепый мясник!
 У того отнимается разум
 Тот мгновенно теряет язык,
 Тот калекой останется вечно
 А иной поражен наповал...
 (Так назваше убийцы, конечно,
 Друг-читатель давно угадал)
 Страшен он! Полицейские меры
 С ним бессильны. Есть средство одно
 Вместо крепкой ост-индской мадеры
 Ней бордоское. Это вино
 Не сгущает так крови. А впрочем

- Из чего мы с тобою хлопочем?
 Умереть от удара легко
 Умереть же когда-нибудь надо
- 85—86 По Миллионной с супругой своею
 Ехал в оперу Нестор Фомич
- После 92 [За игрой у полковника Войта
 Вдруг Попов-прокурор заморгал
 И пятнадцатый козырь какой-то
 Помутившимся взорам предстал]
- 133 а Обстановка; не бросят вас в лужу
 б Обстановка; не бросят нас в лужу
 в Вся картина; нас бросят не в лужу
- 134 Червь не скоро ваш гроб просверлит
- 137 Наконец если сродник несчастной
- 139 Мы избавимся пытки ужасной

II. Кому холодно, кому жарко!

- 27—30 Это мусор зловонный, дымящийся
 И над ним по ночам огонек
 Одиноко блестит как светящийся
 В чистом поле ночной червячок
- 31 Берегись!.. пусты улицы, лавки,
- 32—34 Нет людей, не с кем слова сказать,
 Всюду ломка, постройки, поправки,
 Скучно жить, не возможно дышать!
- 44 Грязен ты — и воняешь ты весь
- 46 Характерная, адская смесь! —
- 67 а Пусть уныло, с тоской безотрадной
 б Пусть сурово, с тоской безотрадной
 в Воздух чист... Пусть с тоской безотрадной
- После 70 Между зданий, где роскошь и сила
 Водрузили знамена свои,
 Та Нева, что войною ходила
 Гордый город! на стогна твои
- 71—73 И пускай этот шпиль за Невсю
 Перед длинной стеной крепостною
 Невеселые думы родит,
- 128 а Не кривите ж душою, поэт!
 б Так и пойте погоду, поэт!»
- 156 «Не у нас ли горит, правый боже!»

Варианты С

1. Крещенские морозы

- Поле 72 строка точек
II. Кому холодно! кому жарко!
12 Где катаются моды цари

ГАЗЕТНАЯ

(стр. 219)

Варианты автографа ЛБ

- В.м. 1—8 а Увлекаемый думой заветной,
Я направил шаги к игрокам.
«Побываем сначала в газетной!» —
Шепчет Муза, — невесело там
б Из игорной, где шумно и душно,
Перешли мы в газетную. Тут
Журналистике русской радушно
Клуб устроил комфортный приют
21 а Сознается, что пишут изрядно
б Сознается, что пишут забавно
В.м. 49—52 У меня есть приятель (без меры
Он в французские книги влюблен.
Чтоб своей не испортить карьеры
Он скрывает свой ум, но умен).
Мы однажды с ним весело пили
И он вдруг мне сказал от души:
«Мне вчера ваши вирши хвалили,
И должно быть они хороши». (Я надеюсь, того не обижу,
Чьи слова привожу?) — Почему?
«Потому что я их ненавижу!
Мрак и стон! Ну, скажите, к чему
В.м. 73 Если есть исключенья позорные
Ты же ими гнушаешься, друг!
Пусть взойдут семена животворные
Честной правды, Свободы, Наук...
«Ну, достаточно!..»
В комнате этой
113 Переделать его не успев
115 Примиритесь же с песней моей!

- 120 Ежедневно в газетной сидят:
135—137 Анекдот этот ходит по клубу
(Он случился лет десять тому)
Подменил у кого-то он шубу,
141—143 У жены его вдруг бриллианты
Родовые исчезли — двух слуг
Присудили к Сибири — сослали...
В.м. 147—150 Он до ужаса гадок. Таскает
Пробки, карты домой; если вы
Не доели куска — доедает.
Презирают его, но, увы!
В день играя три партии виста
Он находит товарищей в вист,
«Что ж? ведь в клубе играет он чисто!»
Да! Но сам-то уж очень нечист!..
151—154 [Но сидит среди праздных местечек
У стола перед кипой газет,
Постоянно один человек
Желт как мумия, крови в нем нет]
234 Вместо северный — сжверный народ
238 *На полях:* *В* на гобвахте сидел
284 Я карманы их свято берег!..
В.м. 310—311 На Васильевский прочу его
Убеждаю: «по многим причинам
Не мешает туда поступить,
Можешь вытти с порядочным чином
Да и высших наук прихватить!»
Даже льщу! Но успею едва ли!
1084 *После* 313 Мы еще игроков не видали.
Игроки — интересный народ.
Но семейство их слишком велико,
Нужно время, чтоб их описать
Голубь, Корицу, Орало и Хныка
Так я типы их думал назвать
И со временем каждым разрядом
Я отдельно займусь, а теперь
С вас довольно поверхностным взглядом
Их окинуть. Войдем в эту дверь

Игорная

Чу! Сабуров, орало забавной
Проклиная несчастье, гремит.

Чу! Наш друг, путешественник славной,
Монотонно и дерзко ворчит,

Варианты С и Стих 1869—1873

- 183 К украшенью империи смею *С и Стих 1869—1873*
232 С представленьем входил каждый год *С и Стих 1869*
234 Вместо северный съверный полет. *С и Стих 1869*
316 И прибавил (каков молодец? *С и Стих 1869*
318 Там мне скажут: а кто твой отец? *С и Стих 1869*

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

(стр. 228)

II Наборщик

Варианты автографа ИЛИ

- 36--39 Сначала как отец
Умеренно марает
Где строчку, где столбец
70 Статья не так толста
71--72 Глядишь — еще в ценсуре
Убавят с пол-листа
85--88 Да не равны заботы
Не спи, недосыпай,
Ослепни от работы,
А время наверстай!..
94 Измучен, жолт, нечист
113--116 Теперь иные ночи
Мы можем и уснуть,
Работая сверх мочи
Мы надрываем грудь!

IV. Литераторы

Вариант автографа ИЛИ

- 2 (Писцов, Дворяничков, Кутьин)
V. Фельетонная букашка

Вариант С и Стих 1869—1873

- 36 а Пришлось им всем не по нутру *С*
б Таскали даже *Стих 1869—1873*

VI. Публика

Вариант автографа ИЛИ

- 1 Вот вам свободная пресса!

Вариант С

27--28 *заменены двумя строками тире*

VII. Осторожность

Набросок второй строфы, автограф ИЛИ

У солидного папашин'
Неудачна вышла дочь
Полюбив журналы наши
Их читает день и ночь
И по этим по причинам
Стала всей семье в разрез
Женихам с хорошим чином
Отказала на отрез

Исключенное автором из основного текста см. на стр. 495—497

БАЛЕТ

(стр. 246)

Первоначальный набросок, связанный с этой сатирой, см. на стр. 511—512 настоящего тома.

Вариант отдельного чернового наброска

Он не блистает особенным гением
Но ведь не боги мастачат горшки
Скорбность главы возместив направлением
Пишет изрядно стишки!

Варианты автографа ЛБ

Эпиграф отсутствует

- 2 а Нет, на улице быть мудрено
б Рвет лицо, занимается дух
4 а Не махнуть ли в театр заодно
б Побываем в театре, мой друг!

В.м.21—24

- Мимо первые кресла! Не худо
Нам однако слегка набросать
Общий очерк балетного люда.
Безошибочно можно сказать
Здесь всё люди хорошего тона
25 Буду скромн — не бейте тревогу!
34 Офицеры различных полков

- Посл 60 — В молодом поколении фатство,
 В пожилом если правду сказать
 Застарелой тоски тунеядства,
 Самодурства и злобы печать! —
 Соглашаюсь: ответ остроумный
 (Я в антракте вопрос предложил
 На решение публики шумной —
 И тогда же ответ получил).
- Вм.87—98 Охраняй же — о, друг произвола!
 Нас и впредь! Сам тюрьмы я боюсь...
 Вянет юность обоего пола,
 Терпит даже семейный союз
- 131—134 Кто-нибудь «миллиарды в тумане»
 Там покажет тебе, может быть,
 Ничего не прибудет в кармане
 Да не может зато и убыть...
- 179—182 С горя запил супруг разоренный,
 Ждет удара! Простись же скорей
 С этой чопорной жизнью салонной,
 И с разгулом интимных ночей
- 186 Ночь проспав, — лишь бы снова блистать
- 192 У Матрешки своей ночевать
- 203--204 а Между тем расплатились бы с прачкой
 Да на стол бы накинули грош,
 б Право, лучше б разделаться с прачкой
 Да прибавить в хозяйство хоть грош,
 в Лучше вы рассчитались бы с прачкой
 Да в хозяйство прикинули грош,
- 205 А то с горничной, с мужем, с собачкой
- 240 а Смутился как болван!
- б Смутился — (вот болван!)
- 311--314 [Смейся, хлопай, покрикивай с нами!
 Глупо злиться на этих людей —
 Легче сердце их тронуть ногами,
 Чем суровую песню твоей!]
- Вм. 375 Отчего тяжело? Где же кладь?
 Есть она — да ее не видать, —
 Есть она — да укладисто горе!..

Варианты С и Стих 1869—1873

- 79 Генерал-губернатор — — — С и Стих 1869—1873
- 385—388 отсутствуют С и Стих 1869

ВЫБОР
(стр. 263)

Варианты автографа ЛБ

- 13 «Прыгни!» Руками к ней дедушка тянется
В.м. 14—18 Девица слышит шаги за спиной
Вся задрожала — стоит, не оглянется, —
Вот появился старик с бородой
16 Кто-то шагает, идет напролом!
После 40 Села на пень у окраины леса
Звезды считает, на месяц глядит
Скоро пред нею упала завеса:
Смотрит — не видит, зубами стучит
Хочется ей побежать поразмяться
Да не велел воевода-старик
64—65 Глянь на вершины — с ворону оттуда
Кажутся в летнюю пору орлы
68 Буря наскочит разбойница дикая

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА
(стр. 266)

Варианты автографа ЛБ

Вступительная ремарка:

Зимняя картина. Поляна, занесенная снегом, кое-где деревья, пни, кустарники; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги¹, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по полю в снегу, тянется вереница *загонщиков*, человек сто: мужики, стставные солдаты, бабы, мальчики и девочки. Каждый и каждая с дубишкою, у некоторых мужиков ружья. За народом *Савелий, окладчик*, продавший медведя и распоряжающийся охотою². По дороге, протапываемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа-охотники. Впереди *князь Воехотский*, старик лет 65-ти, сановник, за ним *барон Ш**, нечто вроде посланника, важная надменная фигура, лет 50. Он изредка переговаривается с *Воехотским*, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. За ними *Миша*, плотный полнолицый господин лет 45, действительный статский советник, служит; рядом, с ним *Пальцов*, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают. — Далее, немного

¹ без дороги, целинами,

² загонщиками.

поотстав, *Карташов*, молодой гвардейский офицер, в сопровождении двух баб, выбранных из загонщиц. Они несут ему ружья. Он болтает и смеется с ними, называя их своими адъютантами. — При каждом охотнике егерь.

Миша и Пальцов. Пальцов, продолжая прежний разговор.

После 216 Когда писатель наш любимый
Внезапно глупость сочинит,
Когда администратор чтимый
Свихнется — злу понаровит, —
Как мы стремительно и смело
Бросаем грязью в них тогда.
Подставить ногу — наше дело,
Помочь подняться — никогда!
Не содрогнется ни в едином
Душа пред мыслию простой
Что меньше честным гражданином,
Что меньше умной головой!
Нет, словно праздник нам утрата!..
Понять бы можно как-нибудь,
Что ради случаю лягнуть
Собраты падшего собрата...
Но ты, о публика моя,
Чему ты рада?..

Миша

Знаю! я
Со многим, что ты говорил,
Согласен, хоть оно и строго,
Но ты историю забыл, —
Припомни, рассуди немного
И ты утешься, поверь
До 221 Мы можем разговор наш продолжать,
Пока кричане не начнут кричать
327—329 Известен он достаточно: его
Прозвал Тургенев «лишним». По натуре
Он честен был, но был большой лентяй
Ем. 334—336 Его тогда судили слишком строго,
И я теперь лишь начал понимать
Как был он чист, как он далеко видел
Как честно, хоть бесплодно ненавидел,
И шапку перед ним готов я свять

- 379—382 Оно прошло — хоть не весьма давно,
Родители же наши полагали,
Что вечно не изменится оно,
И ловко нас к нему готовили
- В.м. 403—414 а Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадь мы прямое?
Пойдем же дальше — строгий критик мой!
Чему, откуда было поучаться?
Где стойкости гражданской набираться?
По счастью вывез добрый гений мой!
[Чрез одного] мечтателя такого
Случайно я наткнулся на другого —
Сам за себя он громко говорил!..
Кто знал его, кто был с ним лично близок,
Тот может быть чудес не натворил,
Но ни один покамест не был низок!
Почти ребенком я сошелся с ним...
- б Чтоб этот очерк полон был,
Теперь припомним истинных светил,
Означивших то время роковое:
414 Не знаешь ты каков Белинский был?
417 И я когда-то преклонял колени!
- После 445 а Однако ты меня изрядно раскачал!
Я для тебя, нечаянно, признаться,
Из сердца самый лучший перл достал!
б Как ты меня однако взволновал!
Не шуточное вышло излиянье
446 Грановского я очень близко знал
В.м. 455—457 Где ясный слог? где честный жар?
Точь в точь как человек, с которым приключился
Апоплексический удар —
Язык заостенел и разум помрачился!

Остр<оухов>

Наговорил бог весть к чему
С три короба, а свел к тому —
Что вы не бьете по сусалам!

Миша

Умей довольствоваться малым.
Поспешность, говорят, недуг,
Кто хочет скоро — тот мечтатель.

На верхней половине 12-го листа зачеркнут более ранний набросок, оканчивающийся теми же стихами:

«Нельзя же вдруг»

Сказал одип писатель.

Всё чередой придет, поверь.

Далеко ль, приведи-ка в ясность —

То время, как слова: «свобода», «гласность»,

Которыми набили мы теперь

Оскому как незрелыми плодами

и проч., см. прод.

Миша

Не так я глуп, чтоб самому не знать,

Чего во мне недостает, мой милый,

А ты не так умен, чтобы понять,

Что все-таки чего-нибудь я стою.

Когда во мне ты что-нибудь признал

Хорошее — я тем себе обязан,

В моих же недостатках виновата

История!

Остр<оухов>

Ты далеко хватил!

Миша

Дай досказать! Не суйся с пустяками!

Остр<оухов>

Пу, говори! да говори стихами!

Миша

Изволь, пзволь — я не собьюсь, поверь!

Далеко ль, приведем-ка в ясность

То время, как слова «свобода», «гласность»...

Отдельные наброски ИЛИ

Администратор оступился,

Писатель глупость сочинил

Ура! весь город оживился

Как будто праздник наступил!

Подставить ногу наше дело

Помочь подняться — никогда

Время гнусного беславья,

Поголовного стыда

Бездну нашего бесправья

Мы измерили тогда
Словно
Все замешаны гуртом,
Кроме подлости спасенья
Мы не чаяли ни в чем

*Продолжение, не вошедшее в окончательную редакцию, см. на
стр. 514—515*

Вторая редакция продолжения

Я лучший перл со дна души достал —
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать
По мере сил опять на тон шутовой
Четырехстопный ямб — игривой
Возьму — и стану продолжать.

Внимай же мне! тебе представить
Я доказательства хотел,
Что легкомысленно бесславить
Меня ты права не имел...

Во-первых: отразился мало
На мне тот полудиккий век,
Когда бесчинство процветало
Я вел себя *как человек*.

Я дебоширство ненавидел,
Людей коляской не давил,
На Невском — девки не обидел,
Стекла в трактире не разбил.

Я время проводил не в ссорах,
Не в кутежах тогдашних дней,
Но в бескорыстных разговорах
О меньшей братни мосей.

Писал стишки, читал не мало,
Не только взяток я не брал,
Но шопотом, как подобало,
Я против них протестовал...

А во вторых: ты верно слышал
В газетах может быть читал —
Когда прогресс на сцену вышел
Я вел себя *как либерал*

Плод накопившегося горя —
Писал статьи о старом зле,
С уставной грамотой не споря
Не погребал ее в столе.

Хоть и не свыше данной пормы
Я тотчас утвердил надел;
Хвал(я) судебные реформы
Быть членом земства я хотел

Не вижу зла в свободной прессе,
Шагов попятных не хочу,
Но спотыкнулись мы в прогрессе
Я выжидаю и молчу...

Что ж в-третьих? В-третьих — должен я бы
Вести себя как гражданин,
Но милый друг все люди слабы,
Как раз останешься один

Вариант письма Бсткина

130—133 Беги от подлых шулеров,
От старых баб и франтов модных
И от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных.

Наброски, известные из публикаций К. Чуковского

<Миша>

Не будет ли? Согласен ты со мною,
Что всё-таки чего-нибудь я стою?
Конечно, я безгрешен не совсем:
Я числился, я получал оклады,
Но у меня теперь другие взгляды,
Энергия такая между тем...
Ведь если ты таких, как я, бракуешь,
Откуда же людей ты наwerbueшь,
Чтоб новые порядки водворять?
Мы все такие — лучше негде взять!

<Остроухов>

А те, что в стороне стояли?

⟨Миша⟩

Идеалисты? Те пропали!
Есть, правда, есть и прежние бойцы,
Но как они одрябли, устарели!
У них другой не замечаю цели,
Как пошуметь, на это молодцы!
Расходится — удерживай за полы!
Там гниль, там дрянь, то ложь, а это вздор —
Ну, словом, есть и смелость и задор,
А в сущности — холопство высшей школы!
Другие явно предали: душой
Преобразились в диких ретроградов,
Я б мог назвать презренных этих гадов.
По умолчу. По трусости иной,
Иной по самолюбию замарался,
Иной, как был, так и остался чист,
Но Бахусу отчаянно предался,
И стар, как возвращенный декабрист...

— Я жизнью не хвалюсь моею,
Ты знаешь, тягочусь я ею,
Мне ненавистна роль моя,
Но что же делать буду я?
Там слишком молодо, там гнило —
Не тянет просто никуда.
А дни уходят, гибнет сила.
Нет веры, знаешь...

— «Так всегда

Мы маскируем апатию,
Однако любяшь ты Россию?»
— Когда б ее я не любил,
Давно б я за границей жил.

⟨Остроухов⟩

Нет, вы не подлецы, нет, вы не идиоты,
Но вы плохие патриоты.
Чтоб быть хорошими людьми
Безделицы вам нехватает —
Считайте кровными детьми
Народ...

Говорил мне друг мой: «слейся с нами,
Расставшись с крайними мечтами,
С правительством иди рука с рукой,
Хорошие нам люди нужны,
С тобою и министры дружны —
Они тебя введут как раз туда,
Где ты народу можешь быть полезен...»
— Не спорю я, бездействие томит,
Да дела я себе не вижу...
— «А разве лучше ты живешь?
Сначала в крайности вдавался,
Под старость — разочаровался
И даром русский хлеб жуешь...»

<Остроухов>

По счастью, я наткнулся на такого
Мечтателя гуманно-развитого
(Моя склонность к рифмам и стихам
Сойтись тогда способствовала нам),
И думаю, что всем ему обязан...

А впрочем, ум последняя статья:
Как мало мы закон ни уважаем, —
У нас неуважение к уму
Сильней неуважения к закону...

Не то, что правду ненавидим,
Не то, чтоб послужить желали сатане, —
И рады быть на честной стороне,
Да честной стороны не видим.

..... Странная эпоха!
Теперь себя по питке разбирать
Умеет каждый. Но одно тут плохо,
Что безобразья те же продолжать
Сознашь нам не может помешать.

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

(стр. 287)

Первоначальная редакция по публикации К. Чуковского¹

Я человек обикновенный,
Но человек я не дурной,
Не вор, не взяточник презренный
И не плантатор столбовой.
Как быть? Счастливые условия
Меня от многого спасли,
Но годы робкого безмолвья
Свой плод печальный принесли
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней пужды не солгу...
Но гибнуть жертвой убежденья
Я не хочу и не могу...

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

1. Дядюшка Яков

(стр. 288)

Варианты автографа ПБ

- 17 У дядюшки Якова
82 а Для рыжих Валек...
б Для рыжих Валек...

Варианты автографа ЦГЛА

- 4 Толстенький, красенький, в семьдесят лет
5 В каждой деревне продаст полемного
6 Не залежится товар у него
7-8 Выпито вечно, но в меру: нельзя же!
Стар да и часто погода сыра
80-81 [Для мальчуганов
Для всех болванов]
81 а Для Санек, Гришек
б Николок, Гришек
в Для Танек, Гришек
82 Тимошек, Ванек

¹ Из черновой рукописи «Медвежьей охоты».

Ш. Пчелы

(стр. 291)

Варианты белого автографа ПБ

2 Да про господнюю милость послушай!
В.м. 4-12 Мы на бугре да и то не избавлены;
Видел ты? до лесу вежи наставлены?

Это для пчелок у нас.

Как подступила вода небывалая,
Так я и ахнул — все пчелы помрут!
До лесу с версту, так пчелка-то малая
Не долетает — по силам ли труд?
Ну, полетит, полетит да и валится
На воду, бедная! Ради бы сжалиться

Да что поделаешь тут?

В.м. 29-33

Ну а в лесу теперь рай!

В лес теперь пчелка свободно летай!
Там и цветы и деревья во младости!..
(Тут пчеловод прослезился от радости)

Ожили ульи!.. — посмотрим, пойдем, —

Всё от единого слова хорошего:

Есть на продажу, и сами с медком,

Благслови бог прохожего!..

36 Тятину сказку тем часом прослушал.

Генерал Топтыгин

(стр. 292)

Вариант автографа ИЛИ

38-41 Кони дернули — медведь —
Что это с ним сталось?
Рявкнул! — тройка ну лететь
Видно испугалась.

СУД

(стр. 296)

Варианты автографа ИЛИ

8 Полночный звон! полночный звон!
19 Пока я галстух надевал...
25 Преступный «Модный магазин»
64 [Походка, всё — до звука шпор —]
В.м. 214 217 Мне снилось будто пред судом
Я разревелся как дитя

- И всё запрыгало кругом,
Злорадно шикая, свистя.
- После 225 а Взбешенный, перестав рыдать,
Я дерзко закричал: «молчать!
Кого я видел вокруг себя,
Скажи, о публика! — Тебя!
Где я примеры почерпал?
Чем силы духа укреплял?
- с Тогда я пуще зарыдал
И укоризненно сказал:
«Свисти, о публика, свисти!
Права ты! Нет во мне пути
Я с детства — трус... Я рос в дому
- 246—249 а Хромой дьячок мени учил,
Но больше слушать я любил
Рассказы нянюшки моей
Про домовых и про чертей
- б Там свист бича, собачий вой
Пугал дитя во тьме ночной
- Ем. 263—264 Каким, конечно, выйти мог...
Не ты ли, публика, мой слог
Хвалила часто? Что ж теперь
Остервенилась ты как зверь
Без размышленья, без ума...
Как будто что-нибудь сама
Дала ты прежде мне в залог,
Чтоб я иным явиться мог?..»
Толпа зашикала опять,
И я проснулся. Горе в том,
Что я не мог не сознавать,
Что не родился храбрецом.
- Ем. 390—393 В деревне по лесам блуждает, --
На воле отдохнула грудь, —
И снова Музу призывает:
«Идем, идем на прежний путь!
На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье кушим
Трудом у мыслящих людей,
Трудом — и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью <и т. д.>

Варианты ОЗ

- 1--3 Я мирно задремал. Во сне
Послышался внезапно мне
Звонок... Не сон ли? Нет, опять!
- 14--15 Недавно выпущенных мной,
А звон зловещий, роковой
- 49--53 *отсутствуют*
- 63--68 *отсутствуют*
- 123 Заутра суд. В судебный зал
Вм.206--208 Или погибнешь — сожжена. —
Не плачь же, дева! — будь умна,
И об одном проси судьбу,
Чтобы не вылететь в трубу!
Молись о том, моя краса

ЭЙ, ИВАН!

(стр. 307)

Варианты автографа ЛБ

- 17--24 Ремесла Иван не знает
А на всё горазд
Шьет, кует, варит, строгают
Песни петь горласт.
У Ивана нет углишка
Где пришлось — там лег,
Нет постели, тюфячишка,
Много только блох
- 45--48 У корчемницы в светлице
Пляшет и поет
Тут и парни и девицы
Пир горой идет!
- Вм 101--104 а Да надуешь ли Ивана?
Улизнул в сарай
Отхватил два пальца спяпа —
Ну, теперь сдавай!—
Рад не рад помещик снова
Ваньку взял во двор.
Честно трезво и сурово
Стал служить он. «Вор!»
Барин раз сказал детише
Ванька промолчал

А на утро в казакине
 Барском щеголял
 Обокрав господ порядком,
 Пропадал он с год
 Глядь: является ко святкам
 И в ногах ревет
 б И беззубого по дружбе
 Изловчился сбыть...
 Как-то в новой царской службе
 Вавька будет жить?..

«ЗАЧЕМ МЕНЯ НА ЧАСТИ РВЕТЕ»

(стр. 312)

Разночтения ЧВ и копии ИЛИ

7 А в детях видя отпрыск свой ЧВ, ИЛИ
 9 а Как будто на траве простой ИЛИ
 б Как будто на сосне простой ЧВ
 10 Каштаны где-нибудь родятся ЧВ, ИЛИ
 24—26 Когда являлся среди вас
 Герой навстречу смерти шедший
 Не вы ль кричали: сумасшедший ИЛИ

ЕЩЕ ТРОЙКА

(стр. 314)

Варианты автографа ЛБ

9 У коней взмылены подпруги,
 12 Нигде деревня не мелькает
 27 Поспешно шкалик выпивает...
 32 Но обольстительный металл?
 55—57 У левой лопнула подпруга
 Ямщик связал ее ремнем
 И вновь свистит, кнутом махает

«ДУШНО! БЕЗ СЧАСТЬЯ И ВОЛИ»

(стр. 318)

Варианты ЕМ

1—4 Душно мне, словно в неволе,
 Словно в могиле сырой.
 Буря бы грянула, что ли?
 Грянь! Разразись надо мной!
 7 Чашу народного горя

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I. Дедушка Мазай и зайцы (стр. 321)

Набросок ст. 53 — 64, автограф ЛБ

Слышал рассказ про Ермилу слепого
Девятилетнего внука мепьш<ого>
Брал на охоту с собою Ермил,
Чтобы тот дуло ему наводил

Варианты черновой редакции, автограф ЛБ

103—104 Поплыли лесом — под самым селом
С дерева в лодку прыгнула зайчиха
В.м. 115—126 К берегу прямо гребу с седоками
Вижу зайчишки поводят ушами
Стали на задние лапы вставать
Берег завидели — то-то раздолье
Будет где резвые ноги размять
Озимь, и кусты, и роща — приволье
К берегу близко бревно я пригнал
Лодку причалил — и ух закричал.

Варианты наборной рукописи ЛБ

В.м. 9—10 С силой стремительной. Старый Мазай
В поле завидев какой-то сарай
Только рукой показал и помчался
Я не догнал его как ни старался
А ведь ему уж за семьдесят лет

II. Соловьи

(стр. 325)

Отдельные наброски

У бедной хижины своей
Солдатка Фея пряжу пряла
Три малых сына перед пей
Шумело прыгало играло

Обычай встари велся
Тут пра<здновать> пр<иходский> праздник
Не тереби мне волоса, —
Всю косу расп<устил> проказник! —

Варианты автографа ЛБ

56 Дать уголок покойный, дети!
58 Меньшой лез матери на шею,

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

(стр. 329)

Первоначальный набросок, относящийся к этой сатире, см. на стр. 511—512 настоящего тома

Автограф ЛБ

КЛУБ

Вариант начала

Даст ли цензор тебе нагония
Это все-таки, Муза, вопрос,
Но погоду теперь наблюдая,
Отморозишь наверно ты нос
Полно трусить! Войдем туда снова,
Где мы встарь укрывались от бед,
Где бывало под бюстом Крылова
По ночам изучали пикет... ¹

67—70 Впрочем, нынче простаи суббота
Нет министров, почетных гостей
Нет ни тостов, ни спичей. Работа
Лишь зубам. Мы присмотримся к ней.

После 166 [Кандидат в их почетную стаю
Рядом с ними, обжора седой
Восседает торжественно с краю,
Лет семнадцать уж он старшиной.
В провианте, в борьбе с поварами
Сведущ он, как в грамматике Греч.
«С нами бог!» он такими словами
Начинает застольную речь.

¹ 9—10 [(К сожалению, клуб перебрался,
Бюст на старой квартире остался,
Клуб подумать о нем позабыл.
Жаль! Он счастье нам приносил)...]

Продолжает с величием Патрокла:
«В честь собрания выпить пора!»
И кончает, багровый как свекла,
Троекратным возгласом: «ура!»

Словом, в клубе он лучший оратор
Есть другой, но его мы бежим:
Чиш двора и недавний плантатор
Он в длиннейших речах нестершим.
Слог тяжел, в убеждениях шаткость.
Если падобно снич говорить,
Сохраняйте друзья мои краткость,
Но разумней — в молчании пить.]

187
191 194
Рядом юноша, бойкой, красивой
(Сын отца больше четверти века
Наполнявшего ужасом Русь)

С ним усатые два человека
(Игроки — шулера побожусь!)
После 198
Разговор его скачки, собаки,
Берты, Мины, охота, игра,
Любит он петушине драки,
Знает тайны и сплетни Двора.
Что его самолюбье щекочет,
Что доступно желаньям его,
Взял он с бою! Чего он захочет,
То и сможет. Милльон у него,
С ним всё лучшее общество дружно

После 311
начаты
Знал я мужа: энергией чудной
Он недавно весь мир удивил...
[В этой роли кровавой и <трудной>
Он великую <силу явил>]

.

В.м. 333--337
В книжных лавках, как муха на мед
На журналы, на книги бросался, —
Всё что пужно в тетрадку внесет
А иной нумерок и украдет
(С доброй целью не грех воровать)
За ночь всё приспособит, приладит,
А по утру на ловлю опять.
359 Робеспьером Краевского звал.

У КАМИНА

Стариков одурелая стая
 С мест своих тяжело поднялась;
 Животами друг друга толкая,
 До диванов кой-как добралась.
 Закурив дорогие сигары
 Неиграющий люд на кружки
 Разделился: пошли тары-бары
 Козыряют давно игроки
 Смутный говор — дуэли и драки
 Назначенья и сплетни Двора
 Лошадиные призы, собаки
 Берты, Мины, охота, игра ¹
 Тут же речь о сивухе зловонной ²,
 О финансах родной стороны,
 Погоди, якобинец салонный,
 Мы идем — мы послушать должны!
 (Их уж мало: иные успели ³
 «Все земное свершить» — и опять ⁴
 Ретроградные песни запели,
 Тем начальство велело молчать,
 Те в расчетах своих обманулись —
 Не сумев по течению плыть
 На крестьявском вопросе свихнулись
 И в Москву переехали жить).
 Так горячее первое племя
 Либералов прошло навсегда

¹ После 4 вписаны.

² Слышу речь о сивухе презрепной,
³ а То поет соловей современный
 Много их после Крымской войны
 Народилось: иные успели
 б Прогрессист, Чернышевский салонный
 Погоди! Мы послушать должны!
 (Их уж мало: иные успели
 в Погоди, якобинец салонный,
 Мы идем — мы послушать должны!
 (Их уж мало: иные успели
⁴ а Тайной цели достичь и опять
 б Личной цели достичь и опять
 в Обработать дела и опять

Но и в наше довольное время
Недовольные есть господа ¹.

После зачеркнутого:

- 670—671 Утверждает, что ей во вселенной
Будет первое место дано
678—681 Он теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подлеца оборвет,
Но получит он ключ камергерский
И уста им навеки запрет
686—689 [Если будешь ты столько наивен
Что с письмом обратишься к нему,
Он докажет, что ты прогрессивен —
В суд притянут тебя по письму!]

Далее идет связный текст, частично соответствующий ст. 441—454; перед ним предварительно было зачеркнуто начало сатиры «Газетная»

- 441—442 Даже водятся славянофилы
Светский тип их издавна один:

Далее зачеркнуто:

(Впрочем здесь мы должны замечанье
Вставить: мы оскорбить не хотим
«День» — весьма педурное издание —
(О непишущих мы говорим).

- 484—487 *вписаны:*
Впрочем, будем к нему справедливы,
Для чего ему жолчь унимать,
Если многие ради наживы
И побой готовы принять.

Далее идут ст. 702—721 основного текста; им предпослана ремарка: «(На голос il segreto ... Лукр<еция> Борж<ия>)».

¹ *Далее зачеркнуто:*

- а [Говорит либерал современный
О финансах родной стороны,
Говорит о сивухе презренной,
Заложив свои руки в штаны
с Нет в столице такого салона
Где б не встретил ты этих господ —
Либералов хорошего тона
Каждый битую песню поет —]

Далее зачеркнуто:

[«О друзья! Не кривите душою
Ради дач, капиталов, земель
Смерть придет — не возьмете с собою
Ваших дач, капиталов, земель] ¹

Отдельные записи и наброски

всё больше мирные люди поигрывали грошовую игру

Старый сын между тем говорил
Побелевшему старому волку
В молод<ом> пок<оленьи> нет сил
В молод<ом> пок<оленьи> нет толку

Спит и видит сон
Что велели опять передать
Прежним лицам акцизную водку
И он начал опять приж<игать>
Купор<осом> муж<ицкую> глотку

Начались бесконечные споры,
Неприятная рознь завелась

Умирает наш клуб, умир<ает>
Говорят меж собой старики

Словом сладкая жизнь дворянина
Здесь широко и ровно текла
Сердцу <милая> <эта> картина

Старый сын ему чутко внимает
И соседу <твердит>: нигилист
Он его к таковым причисляет
Либ <врзб> и речист

¹ Ваших дач, капиталов, домов

Тут переход недалек к нигилистам и пошла
ругань на них — любимая песня этого клуба —
Правда! правда!

Не щадя даже сына родного
Исчисляет пороки
Сабуров Андрей
Нельзя сказать, чтоб не было и либералов

Здесь первую являлась новость
Обсуждались и решались вопросы
законодательный¹ голос
Что они далеко негерои
Припугни — и попадали ниц! —

Вариант автографа КЧ

Честолюбие было в чинах
Мы другой не знавали амбиции
Гений времени жил в кабаках
Как геройство в новейшей полиции

Вариант ОЗ и Стих 1873

73--84

отсутствуют

ДЕТСТВО
(стр. 348)

Варианты чернового автографа ПЛН

	8	Что угрожает падением
	11	[Но не придумали грешные]
После	39	С улицы, с поля соседнего
	42	Песня усталого пахаря
	47	а В ту же минуту разрушиться
		б Рухнуть!.. Налои шаталися
		в Рухнуть!.. Налои кача<лися>
	51	И отворилась безвременно
После	54	Помню я: медленно строилась Новая церковь кирпичная

¹ *Написано: решительный*

- Помню ее освящение...
 В.м. 55—69 Здание скоро обрушилось,
 Дверь завалилась. Могильная
 Там тишина воцарилась
 Только со стен штукатуренных
 Строго глядели угодники,
 Ласточки вили там гнездышки
 То вылетали отудова,
 То возвращались с добычею
 83 а Сучья свои густолистные
 б Ветви свои густолистные
 В.м. 86—95 Дали отростки: виднелись там
 Две три березки красивые
 С бледно-зелеными листьями...
 96 Птицы любили их вольные
 100- 102 В широколистом лопушике
 Или в остатках строения
 Прятались, звонко аукались
 После 102 Позже, когда уж ребячество
 Минуло, эти развалины
 Я полюбила сознательно

Вариант белого автографа ИЛИ
 33 К матушке жалась смущенная —

ТРИ ЭЛЕГИИ

(стр. 356)

II

Черновые наброски ЛВ

Та заступница прекрасная
 Бла<го>душная полна
 Молчаливая и страстная —

Без слезинки, без страдания

Там страна обетованная
 Там полна веселых вод
 Вольно речка безымянная
 Волны гордые несет

III

Варианты белого автографа ИЛИ

Последняя строфа была первой. Первая — второй. В качестве последней были строки:

Мой путь означен — волею железной
Вооружась, трудиться день деньской,
Чтоб хоть остатки жизни бесполезной
Не опозорить праздностью туной

СТРАШНЫЙ ГОД

(стр. 362)

Варианты черновых набросков ИЛИ

В.м. 18-- 21

Да едва ль кому и нужен ныне
Этот стих восторженно-призывный
В населенной мертвыми пустыне
Словно камень брошенный — в пучине
Сгибнет он бесследный безотзывный

Или есть еще сердца живые

27--29

Ярый гром, ручьями кровь текла
Эти души робкие смутились
И как птички в бурю притаились

Варианты белого автографа ИЛИ

5-- 8

Грозный пир злодейства и насилья
Торжество картечи и штыков
О любовь! — вот все твои усилья
Разум, вот плоды твоих трудов!

В.м. 9-- 17

Что ни день победа роковая
Стоны жертв поверженных в крови...
Лишь молчит поэзия святая
Дочь весны, свободы и любви!

В.м. 18-- 21

И бог весть кому нужна ты ныне
В этот век жестокий и сухой
В населенной мертвыми пустыне
Словно камень, брошенный <в пучине>
Сгибнет он твой голос неземной

27

Ярый гром, ручьями кровь лила

УНЫНИЕ

(стр. 364)

*Отдельный набросок, относящийся к этому стихотворению, см.
на стр. 523 настоящего тома*

Сводные наброски ИЛП

Варианты первого наброска¹

- В.м. 16—19 а [Приехал я в деревню. Каждый год
Я шумную столицу покидаю
И каждый год в деревне оживаю
Охота, труд — жизнь правильно идет,
Устав писать — иду я на охоту
Устав бродить, вновь сяду за работу
И так жилось недурно много лет
Но в этот год таких порядков нет.]
- б Покинул я противную столицу
И вновь поля родные увидал
Я посещал Париж, Неаполь, Ницу
Но я нигде так сладко не дышал,
Как в Грешневе. За перелётной птицей
Гошусь с ружьем, а вольный ветер пив
- 20 а Я чувствую, я мыслю, я мечтаю
(Найти себя я это называю.
- б Я телом здрав. Я мыслю, я мечтаю...
- 26 Я сам себя в то время нахожу
- 28 Легко жилось. Но нынешнее лето

Варианты второго наброска

- с9 А если я тоскою удрученный
- 71—72 Их объяснять и пробую порой
Суровый бог качает головой

Варианты третьего наброска

- В.м. с9—73 Пристыженный, тоскою удрученный
В жестокости судьбы неблагоклонной
Стараюсь оправданье им найти...
Но слёзы лить над прожитыми днями,

¹ *Рукопись начинается набросками, составившими вторую строфу окончательного текста; первая строфа была написана позднее, в другой рукописи.*

Что осенью следить за облаками
 В томительном и медленном пути —
 И скучно и бесплодно... Принимаюсь
 За книгу, за газету...
 В.м. 132--144 А там в дали, в открытом чистом поле
 Видна лошадка: воля ей дана,
 Но бедная не радуется воле
 Слежу за ней: не движется она
 И кажется невероятно тучной.
 Над ней кружится тоже рой докучной
 Но уж она не борется с врагом
 Не шевельнув ни гривой, ни хвостом
 Как вкопавшая час она стояла
 И наконец шатнулась — и упала!

Варианты четвертого наброска

84 Я знал другой суровый, зоркий суд
 К чему-пришел? Клянусь, не знаю сам!
 В.м. 91--99 [Враги мои! для вас я прибавлю
 Что я себя героем не считаю
 Как ваша злость наверно заключит:
 К тому нейдет название героя
 [кто лаврами победы не увит]
 96 Решай же ты, кем взыскаю я не в меру!
 В.м. 97--101 Я покорюсь. Но не забудь одно
 Я человек, каких на свете много
 Умеренно от бога мне дано
 После 109 Они, они поэту рассказали
 Народные несчастья и печали,
 Я заразился грустью от них
 С младенчества, но мил мне ропот их.

Варианты наборной рукописи ИЛИ

В.м. 1--7 Приехал я в деревню. Каждый год
 Гнездо отцов я посещаю; летом
 Я там живу, там становлюсь поэтом
 Благодаря отсутствию забот.
 4 В тени ее лесистых берегов
 6 а И осенью в столицу возвращаюсь
 б И в сентябре в столицу возвращаюсь
 7 С запасом сил, здоровья и стихов
 45 Когда шестой десяток настает

- 47—49 Свеств итог... О юноши! придет
Она и к вам! Настанет ваш черед
Сводить концы, рассчитывать строго
- 58—60 а Жестокий бог! Он даст двойное зренье
Твоим очам, он память оживит
Привьет уму пытлиное стремленье
б Сначала я тоскою удрученный
Жестокостью судьбы неблагоприятной
Их извинял, — качая головой,
Суровый бог смеялся надо мной
а Жестокий бог! он дал двойное зренье
Моим очам; он память оживил,
Привил уму пытлиное стремленье
И сон прогнал — и жалость умертвил
- В.м. 69—73 Намученный бесплодною заботой
Гоню его стихами и охотой
Но он идет за мною по пятам
Как тень моя. В любимый труд, в забаву
Воскресни вновь — и крылья расправляя
Весь божий мир со мною ¹ облети!
Воспрянь! Хандрить над старыми грехами
Что осенью следить за облаками
В томительном и медленном пути
Напрасный труд — и скучной и бесплодной...
- В.м. 103—104 беру ружье, зову послушных псов
Иду к реке, кормилице народной,
Текущей мимо многих городов
И деревень... Знакомой грусти полны
б Иду к реке — любимице народной,
Перепелов пудля по пути.
Я подошел. Знакомой грусти полны
- 118 119 На круче овцы бродят беззаботно,
Как рекруты остриженные плотно.
- 126 137 *вставлены (первоначально следовали после ст. 171)*
- 127 а Но лошадям не до травы пришлось
б Но лошадям тошнехонько пришлось
- 131 а И машут в такт проворными хвостами.
б И машут в такт тяжелыми хвостами.
а И машут в такт кургузыми хвостами.

¹ с улыбкой

В.м. 132—137 Лишь пегой конь вдали один стоит
 Не ест травы, хвостом не шевелит
 Несчастный конь, ненатурально тучной
 Я подошел проворными шагами
 В.м. 138—145 Помилуй бог! По скату нивы к лугу
 160—161 Иду межой. Чу! женщина поет

Варианты ОЗ и ПП

В.м. 61—68 Родил в уме, истерзанном тоской,
 И, проследив за мной неутомимо
 Всю жизнь мою, вопрос неотразимый
 Насмешливо поставил предо мной:
 Зачем ты жил?..... . ОЗ и ПП
 69—90 *отсутствуют* ОЗ и ПП
 114—171 *отсутствуют* ПП

ПУТЕШЕСТВЕННИК

(стр. 370)

Варианты автографа ИЛИ

После 20 [Власа возили на <троечке?> в Питер
 Боек поехал — вернулся молчком
 «Эта ли книга? Да сколько в ней литер?»
 Все приставали... Теперь мы их ижем]

НОЧЛЕГИ

I. На постоялом дворе
 (стр. 372)

Варианты чернового автографа ИЛИ

3 На силу я с телеги слез
 5--8 Спрыгнули псы; и лай и шум
 Пошел на всю деревню
 На встречу выбежал Наум
 И ввел меня в харчевню
 14 Да, дни теперь коротки —
 17- 19 Он выпил водки — и не раз --
 И скоро разболтался
 Я записал его рассказ.
 В.м. 21- 28 Со мной особая беда

Как были мы рабами
Нас донимали господа
Теперь их ищем сами

- Признаться были тяжелы
Последние два года
41—44 За каждый шаг благодарит
Сгрублю смолчит уступит.
Напьюсь — весь день не говорит
Солгу — глаза потупит!..
43 Тем он сердитей; вышлет вон
45—46 Мы жили с ним пельзя ладней,
Я скоро понял штучку:
В.м. 49—52 Привычки рабства покидай
Сплошал — так сознавайся
А прав — обиды не спускай
Не лги не унижайся!..
В.м. 99—95 Ушел а вечер<ом> как тать
Пришел к моей кровати
И та же песенка опять:
Ударь меня Панкратий!
Мне легче будет
107—108 А коли бить, так просто бить.
На что тут — позволение?

Варианты наборной рукописи ИЛИ

- 17 Он «выпил рюмку, выпил две»
После 72 Затопал бешено ногой
Осыпал бранью ярой
Как будто вновь передо мной
Воскрес помещик старой!
73 «С ума сошли вы, господин!
77—78 И поскорей из спальни прочь,
Чуть не реву коровой.
85—92 Настало утро — не зовет!
Прибравши всё в столовой,
Принес я чай ему — не пьет!
И постоял — ни слова!
Весь день как рапсоды стонал
В уборной под халатом,
А ночью в стену постучал
Легонько (спал я рядом).

II. На погорелом месте
(стр. 375)

Варианты черного автографа ИЛИ

1- 4 Поздно. Ночь холодна и светла
Звезды крупные в небе стояли
Нас охота в тот день завела
Далеко — мы ночлега искали

Варианты белого автографа ИЛИ

5- 16 [Бесконечная черная гарь,
Ямы, пни, головешки, коренья!
Только почи таинственный царь
Добровольцы наши мучеся]

Видит с неба. Еще до зари
Мы зашли в эти страшные гары
(Завлекли нас сюда глухари —
Осужденные прятаться твари)

Дичь убитая плечи гнетет,
Тело грешное отдыха просит,
Но охотник скорее умрет,
Чем трофей победные бросит!]

В.м. 25—40

— Не видали. Пожар! Отчего? —
Мой вожатый воскликнул, вздыхая;
Не ответив ему ничего
Баба строго глядит, а другая

Две картошки достав из золы
Сует дочке, заснувшей у груди. —
Слабы, холодны, голодны, злы
Были эти несчастные люди.

Старый дед, как мертвец изнурен,
У сосенки сидел под рогожей
И ребят словно царь Соломон
Оденял уцелевшей одежкой

40
57—60

Он глядел, драпируясь в рогожу
— Погорели у вас и леса! —
«Погорели!» — А добрые были! —
«Заслоняли они небеса,
Волки с голоду страшно в них выли!»

III. У Т р о ф и м а

(стр. 377)

Варианты автографа ИЛИ

- 1-16 *отсутствуют*
- 18 Говорит вожатый мой:
- 20 а Да тулупчик, он сухой!»
- б Да закройся с головой!»
- После 20 Знать ты ухнул за колени,
А уж я-то как продрог!»
Выслал он семейство в сени
И в избе со мною лег.
- После 64 Время рабства векового
С корнем вытравить ростки,
Духа бодрого, живого
Приобщились мужики,
- 65-68 Всё что бедно, робко, голо
Скоро взглянет веселей,
Есть у вас в деревне школа
«Есть!» Побольше б их скорей.

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

(стр. 380)

Вариант ЧВ, Е

- 11 А на втором и заткнут тебе глотку...

II. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Пророк

(стр. 381)

Варианты ОЗ, III и Стих 1879

- Заглавие: (Из Барбье) *ОЗ*
- Пророк (Из Барбье) *III*
- 13-16 *отсутствуют.* *ОЗ и III*
- 16 Рабам земли напомнить о Христе! *Стих 1879*

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(стр. 382)

Первоначальные наброски ИЛИ

Стыдненько будет рассказать

Да так я быть. Послушай!
Какой-то Ваня ночевать
Зашел ко мне с Тапюшей.

Ночуйте с богом! У меня
Прохожему приволье,
Кто вы? — «Мы дальняя родня,
Идем на богомолье!»

У парня вьются волоса
Чернее темной ночи
У девки русая коса
И голубые очи.

Наум не скажет никому
О чем, какая дума —
Известно богу одному,
Да мне — я друг Наума...

Не то чтоб мне он рассказал
А сам я догадался

Чего же мне недостает
Была жена да через год

Я сладко пил, я сладко ел
Купцом я буду вскоре...
А кто мне в очи так смотрел?..
Вот в чем Наума горе!

И тяжело тяжело старику
С чего тоска напала?

Тоненько дело и веду
Идут ко мне с охотой
Сужу попавшего в беду
А мне воздай работой...

Да было некогда любить
Родись в другое время
И пожелал бы может быть
Мое упрочить племя

Ни легкой связи места нет
Ни брачному союзу
Умру — в мой исчезнет след...
Надежда вся на Музу!

Варианты сводного автографа ПЛИИ

В.м. 1—4

Науму сорок третий год
Наум неглухой малый:
Имеет патешный завод
И дворик постоянный —

9—12

a И стал родить нагой пустырь
Картофель — объяденье!
Вблизи Бабайский монастырь
И рыбница — селенье

б Зазеленел, зацвел пустырь
Картошкой, огурцами...
Будил Бабайский монастырь
Наума с петухами

в Картошку стал родить пустырь
Возделанный грядами

г Он обратил пагой пустырь
В картофельное поле.
Вблизи «Бабайский» монастырь,
Верстах в пяти не боле

13

Вдали виднелась Кострома,

17

Его «питейное» стоит

22

Выходит пропасть «чарки».

29—30

Народ валит сюда с утра:
Дерет с купцов довольно...

36

Любимица народа!

47

Чу! грозно фыркнул пароход!

54

Бурлака стон унылой

70

Бесчисленной толпою

81

a Когда спокойствие царит

б Когда ни тучки не стоит

в Когда ни тучки не висит

В.н. 89·92

О Русь!

Живая кровь в твоей груди
Иль только гной тлетворной

[Стыдись?!] Доколе поведет
Святая вера в твой парод

- В.м. 105– 116 а Хоть и желал я может быть
Оставить миру племя.
Но... было некогда любить
Лихое было время
- б Хоть может быть я был бы рад
Оставить миру племя
Но... я родился не впад.
Лихое было время
- в Хоть я с Наумом из причин
Различных соглашался
Каких? то знаю я один,
Читатель догадался
- 105 Хотя у нас, читатель мой
- 118 Исчез и месяц ясной,
- 120 От ночи день ужасной>
- 125– 127 Мгновенно звездочка блеснет
На пасмурной лазури
И буря новая идет
- 129– 132 а Над одинокой головой
Не так и тучи черны...
По бури выли надо мной
И долго и упорно —
- б Побитый долгою грозой
Потерянный, усталый
Поник я грустно головой
Погибли идеалы
- 137– 144 а Иное дело мой Паум
Он не тужил ни мало.
Имел он здравый русский ум
По сердце в нем дремало
- б Судьба Наума берегла
По милости господней
Что год — обширнее дела,
А сам сытей, дородней
- Он говорил: чего ж еще?
Хоть плавать я умею
Купаюсь в Волге по плечо,
Не лезу я по шею...
- 141– 144 Тележка — клад! Пельзя прочней
Окованы колеса, —
Хвосты и гривы у коней
Расчесаны как косы

145—156

вписаны на полях

161

а Что было всё на стол метал

б Сперва он гостю предлагал

174

Делов по самый ворот

182

Мошна надежней цепи:

193—196

а Я почему-то вспомнил вдруг

Засохшую рябину

В моем саду, там ткал паук

Всё лето паутину

б Я почему-то вспомнил вдруг

О яблоне красивой

В моем саду: там жил паук,

Паук трудолюбивой

в Я отвечал ему не вдруг

Припомнил я рябину

В моем саду: там ткал паук

Все лето паутину

г Я отвечал ему не вдруг.

Я вспомнил клен красивой

В моем саду: там жил паук,

Паук трудолюбивой

225—228

Увы! в последний мой приезд

Наум неузнаваем

Соленых рыжиков не ест

Не лакомится чаем

После 228

Спросил я: как идут дела?

«Барыш!» сказал купчина...

Откуда ж грусть к нему пришла?

Какая ей причина?

Несут с настойками поднос,

С закусками посуду

Наум мне рюмочку поднес

— Я пить один не буду!

«Я рад бы с вами да не вмочь!

Но я пристал нещадно

И напились мы в ту же ночь

Наливками изрядно

Трещало сутки в голове

Зато разгадку знаю.

Назад тому недели две

Наум напившись чаю

237- 240 У девки русая коса
И очи с поволокой
У парня вьются волоса —
И статной и высокой

241 244 Красивы, — любо поглядеть!
У них и смех и шутки
Не могут оба посидеть
Спокойно ни минутки

Варианты белого автографа

160 Аршинную стерлядку
179 Долит работа — свисну я:

Вариант ОЗ

Вл. 73—92 Мечты!.. Я верую в народ...

.
.
.

ЭЛЕГИЯ
(стр. 392)

Отдельные наброски ИЛИ

Им много что на час сомкнут<ь> придется вежды
То жгучая тоска, то тихие надежды
Волнуют грудь мою; в знакомой песне

Варианты черного автографа ИЛИ

Вл. 1- 8 Старо, не правда ли печь хлеба из муки?
Однакож из песку, попробуй, испеки!
О русский юноша! Есть темы выше моды:
Не старят их века! И знай: пока народы
Влачатся в бедности, покорствуя бичам
Как тощие стада по скошенным лугам.

4 Не верьте юноши! Живите для народа
11-- 14 [Народного врага клеймить и бичевать
А друга лаврами стяжанными вешать,
Народные черты усердно подмечая
Их в книгу <заносить?> о славе не мечтая]

25 Внимаю ль пенью жниц, идущих предо мною,
47 Чу лес откликнулся! чу Волга вторит мне
49 Кому посвящены стенания поэта

Вариант ОЗ

7--8

Влачатся в нищете
.

ПОЭТУ
(стр. 394)

Черновые наброски ИЛИ

Законники, банкиры, мореходы
И войны — вам слава и венец!

—
За честный труд, за подвиг дерзповенный

—
Кто наш герой? Победоносец воин
Сам никогда не бывшийся в бою
Кем бог забыт, кем хитрый ков подстроен

—
Достойн<ые> названия удачи
Великими считаются дела
И тратится на мелкие задачи
Так много сил и жертвам нет числа

—
Пути достойные поэта гражданина

—
Наш век умен, но мало проку в том,
Не стала жизнь ни доблестней, ни шире
Два лагеря как прежде в божьем мире
В одном рабы, властители в другом
Наш бог банкир — другого мы не знаем
Его сундук <железный> негораем
И сердце недоступно ничему
Но — всё равно! мы молимся ему

Вариант белого автографа ИЛИ

Мельчает мир... святыни нет у мира...
Жестокий век! век крови и меча!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача!

Железный век! Ты гонишь за пределы
Живой борьбы художника-певца,
И в грудь его летят тупые стрелы
И торгаша, и практика-дельца.

И он ушел... Он подчинился веку!
Поэзии замолкло божество...

Он низко пал — оплачь его паденье...
Отвагу влей в его большую грудь,
И к подвигу врожденное стремленье
В живой душе поставь на правый путь!..

Варианты ОЗ

4 *заменен строкою точек.*
13 Воспрянь поэт! вооружись громами!
После 16 С любовью — оплачь его паденье,
С надеждою пролей отвагу в грудь,
И к подвигу врожденное стремленье
В живой душе поставь на правый путь

О, возвратись художник неподкупный!
Любовь к Добру, к прекрасному буди,
До красоты всем зримой и доступной
Сокровища науки доводи...

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

(стр. 396)

Варианты черногого автографа ЛВ

1—4 *отсутствуют*
5 Нашей деревнею мы проезжали
9—10 Новое время прогресса, движения
Земства, свободы, железных путей,
В.м. 13—16 Эти избенки соломою крытые
Кажется скоро падут
Эти клячочки бесчисленно битые
Мало кормимые еле бредут
20—24 а Ворон закаркал и слово «дурак»
В карканье этом мне явственно чудится
На телеграфную нить
Перелетел он и кажется трудится

- В Питер донос на меня сообщить...
 6 Ворон в ответ мне закаркал дурак!
 Липу покинув зеленую, свежую
 На телегр<афною> нить
 Перелетел — не донос ли депешю
 Хочет в столицу пустить

ВСТУПЛЕНИЕ

к песням 1876—77 годов
 (стр. 398)

Варианты автографа КЧ

- 6 Сестра поникла головой
 8 Угрюм Кадо, любимец мой
 9-11 Сиделка дремлет, врач хлопочет
 Не ложе — иглы подо мной
 И потолок спуститься хочет
 18 Лишиться памяти готов
 22 Ты руку смерти отвела,

Варианты ОЗ

- 6 Угрюм Кадо, мой верный пес,
 13-14 Уж я дремал, я забывался,
 Увы! не долгод отдых мой!

Вариант копии Буткевич

- В.м. 5-12 Родные движутся без шума,
 Качая грустно головой,
 И потолок висит угрюмо
 Могильным камнем надо мной.

«ДНИ ИДУТ... ВСЕ ТАК ЖЕ ВОЗДУХ ДУШЕН»
 (стр. 400)

Вариант белого автографа ИЛИ

- 1-4 Неужель еще уроки нужны,
 Чтоб итог конечный подвести?
 Сильные — до ужаса бездушны,
 Слабым в них спасенья не найти!

МОЛЕБЕН

(стр. 402)

Вариант ОЗ и ИП

- 19-20 *две строки точек*

«СКОРО СТАНУ ДОБЫЧЕЮ ТЛЕНЬЯ»

(стр. 406)

Варианты автографа первоначальной редакции (по КЧ)

- 1—2 Старый дом, позабытый с рождения.
Я вернулся сюда — умереть.
5—6 Я любил неудачно. В угоду
Сильным мира души не ломал

Варианты автографа КЧ

- 6 Славы лирой моей не стяжал
9—10 Даже дружбы, союзов сердечных
Не осталось: мне с детства судьба

ПРИГОВОР

(стр. 408)

*Варианты первоначальной редакции (беловой автограф
и корректура ИЛИ)*

- 1—4 Мы в своей земле многострадальной
Парии, — не знает нас народ,
Светский круг бездушный и нахальный
Нас презреньем хладным обдает...
9—12 Погоди, о Росс! еще полвека,
Поработай разумом, внеси
Прочный вклад в успехи человека,
И тогда строй лиру на Руси!

«ЕСТЬ И РУСИ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ»

(стр. 409)

Вариант публикации ЕМ

- 7 Мир подземного богатства

«ВАМ, МОЙ ДАР ЦЕНИВШИМ И ЛЮБИВШИМ»

(стр. 410)

Вариант автографа ЛГУ

- 2—3 [Вам, ко мне участие сохранившим
До моей години роковой]

«СМОЛКЛИ ЧЕСТНЫЕ, ДОБЛЕСТНО ПАВШИЕ»

(стр. 411)

Первоначальный набросок ИЛИ

- Вм. 5—13 Гений злобы и бешенства носится
Над тобою страна безответная
Все жестокие страсти разнузданы
Подозрительность, алчность и мстительность

Варианты чернового автографа ИЛИ

- 1 Честь и слава вам доблестно павшие
10 Как враги меж собою скликаются

Вариант корректур (по ЕМ)

- 1—3 Растворилися тюрьмы глубокие...
Смокли честное знамя державшие,
За страну неуклонно стоявшие...

Разночтения «Земли и Воли» (ЗВ) и «Общего Дела» (ОД)

4	Кровожадные страсти жестокие,	ОД
7	Все живое, все честное косится...	ЗВ
11	Так на труп великана убитого	ЗВ

ПОЭТУ

(стр. 413)

Вариант автографа ИЛИ

- 1—4 И жизнь кипит под горами развалиц,
Исполнена корыстного труда
А я стою бездействен и печален
И медленно сгораю — со стыда.

Вариант ОЗ

- 2 Куда ни глянь — бесстыдство и вражда!

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА

(стр. 414)

Вариант Стих 1879

- После 8 Сгорело всё — след страсти молодой...
Сгорело всё — и радости, и пени...
И мы стоим на лестнице крутой,
Где сломаны средние ступени.

Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко;
Я в первый раз задумался глубоко:
Что ж — разойтись? Ужели суждено?..

ИЗ ПОЭМЫ: «МАТЬ»

(стр. 415)

*Отрывки первоначальной редакции см. в настоящем томе на
стр. 529 — 532*

Черновые наброски ИЛИ

Лишь только раз... о помню! страшный день!
Лихая к утру выпала пороша
Соседи из окрестных деревень
И мой отец все вместе
Уехали... Но ровно через час
Снег пова<л>ил

А!.. ты еще и рассуждать!..» и снова
Удар линейкой...

Чай не хорош... И чашку опрокинул
И Аграфену приказал позвать
И ей ему чай сделать А<графсна?>
Вдруг отец
Сказал садись... и села Аграфена...
И нагло посмотрела на нее
На мать мою...

Что ни единой слезки я не пролил
С тобою вместе, что бессмыслен <был>
Тот взгл<яд>

Наброски второй редакции поэмы — автограф ИЛИ

[И вот она явилась из могилы
Измучена, печальна, по жива...
И чувствую как погасают силы
Безжизненны и холодны слова
Святая тень! Я скрежещу и плачу
И от тебя вновь с трепетом бегу...
Нет этой жизни лучшую задачу
Я совершить достойно не могу!..
В ребячестве надменен и упорен]

И вызвал я родную из гробницы
 Ее осанка, поступь и черты...
 Как в старом здании вспугнутые птицы
 В душе проснулись детские мечты —
 [Давнишние неузнаваемые гости]

Варианты корректуры ЦГЛА

- 1—34 *отсутствуют*
 36 (С осьми годов в столицу я стремился).
 41 В родную глушь приехал я... домой!..
 44 И та же ты, река моя родная;
 47 Еще кипит, зубчатым колесом
 Вм. 50—53 Я жду иных тягучих, грозных звуков.
 Где шел отец — сегодня сын пройдет
 Но — благ господь <я> не увижу внуков
 Подумал я, припомнив пароход...
 Чу! Караван! Расшивы, коноводки,
 И бурлаки сошли с завозной лодки
 И поползли на кручу...
 54—64 *отсутствуют*
 Вм. 65—77 Я посетил старинный наш приход
 И ряд могил... Подвижница святая!
 Ты мирно спишь под мраморной плитой
 Уж много лет... о, мать моя родная!
 Но в первый раз я плачу над тобой
 (Я молод был, я жил не размышляя).
 78 а Я обошел знакомый с детства дом:
 б Я обошел наследственный наш Дом:
 80 *отсутствует*
 84—86 «Читать или нет?»... то польским, то французским

ПИСЬМО

Позор, позор! с армейским офицером
 Бежать в чужой недружелюбный край.
 Ни мать твоя ни сестры не пеняй <sic!>
 Ты первая красавица Варшавы,
 Родной семьи любимое дитя
 Ты, чьей руки граф И. искал как славы,
 Кого князь Р. посватал не шутя.
 Ты замужем за северным медведем
 Пиши скорей, пади к ногам отца

Простил бы он, мы за тобой приедем
Довольно нам терзала ты сердца.

Отдельные наброски на корректуре «Затворницы»

И началась незримая глухая
борьба
Пусть жизнь твоя ничтож<на> как <всегда> —
Влилась в их жизнь
Ты знала жизнь всегда с парад<ной> стороны
А здесь ты с ней л<лицом> к л<лицу> <стоишь>
Смягчаться понем<ногу>

И если я не вышел на дорогу
С ножом в руке тебе обязан я

Как на небе ши мно<го> черных туч
Но если ночь еще не наступила
Всё ж где-нибудь проглянет солнца луч

Варианты ОЗ, Стих 1861—1873 и ПП

13 - 30	<i>отсутствуют</i>	<i>Стих 1861—1873</i>
32	И бурей наполняют грудь мою...	<i>Стих 1861—1873</i>
34	Твою погибель, мать моя! пою...	<i>Стих 1861—1873</i>
35	<i>и след. отсутствуют</i>	<i>Стих 1861—1873</i>
91 - 93	<i>заменены тремя строками точек</i>	<i>ОЗ и ПП</i>
240 - 243	<i>заменены строкою точек</i>	<i>ОЗ и ПП</i>

ЗИНЕ

(стр. 424)

Варианты автографа ИЛИ

1 а	«Милый друг! Не прячь перо и книги
б	«Милый друг! Приблизь перо и книги
в	«Милый друг! Перо, бумагу, книги,
2	«Поскорей!.. Легенду я слышал:
7	Вот еще — красивая картина —
10—12	Иногда в полголоса запой Похвали друзьям моим, как прежде, Новый стих записанный тобой

ОТРЫВОК

(стр. 428)

Вариант ОЗ

6 Вкусив плодов, беспечно шли ко сву

СТАРОСТЬ

(стр. 429)

Вариант корректуры ИЛИ

4 Жизнь насмешливо в очи глядит

Вариант ОЗ

7 В созерцаньи бессмертных страданий

«О МУЗА! Я У ДВЕРИ ГРОБА»

(стр. 433) “

Вариант ОЗ

12 музу

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

(стр. 441)

Отрывки первоначальной редакции см. в настоящем томе на стр. 503.

2. Петербургское послание

Варианты автографа ИЛИ

1 Ты знаешь край, заслуженный и древний,
8 Почтенной старины священные следы.
9 Ты знаешь край? Туда, туда с тобой
24 Всё русское — куда ни погляди!
31 Спокойный град! Там люди в деле тихи,
41 Ученый град! Там процветает гласность,
49 Наивный град. Туда туда с тобой
51 Радужный град! по приговору сейма
59 Радужный град! — Туда, туда с тобой
61 а Достойный град! Там Павлов Соллогуба,
б Обширный град! Там Павлов Соллогуба,
в Ужасный град! Там Павлов Соллогуба,

Наброски ст. в.м. 1—10, автограф ИЛИ

а Ты знаешь град, где недоступна дева,
Где муж учен, где неподкупен друг,

Где к небесам главу возносит древо
 Свободных муз, искусства и наук?
 Где Гегелю по мудрости ровесник
 Катков науку с жизнью мирит
 Как водопад бушует «Русский вестник»
 И Атений как ручеек журчит? ¹

б Ты знаешь град, где процветает древо
 Свободных муз, искусства и наук?
 Где родилась мечтательная дева
 С Инсаровым бежавшая сам-друг?

Первоначальная редакция по письму Добролюбова

Где дочь свою замужнюю наместник
 Вторичным браком повенчать велит, —
 Как водопад бушует «Русский вестник»
 И «Атений» как ручеек журчит...

Там, не в пример столице нашей Певской,
 Оценят всё, поймут и разберут,
 Анафеме там предаи Чернышевский
 И Кокорева ум нашел себе приют!
 Ученый град! Там Павлов Соллогуба,
 Байборода Крылова обличил,
 Там Шевырев был поражен сугубо,
 Там хрестоматию Галахов сочинил;
 Ужасный град! Туда, чтоб видеться с тобой,
 Мне страшно показаться, милый мой.

ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ
 (стр. 443)

Вариант С

После 50 И тяжело я вздохнул о родине моей...

¹ *Поправка Добролюбова:*
 Вилльмену в прозорливости ровесник
 Где хрестоматию Галахов сочинил,
 Как водопад бушует Русский вестник
 И Атений как ручеек журчал?

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ
или «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИТЬСЯ»
(стр. 445)

Первоначальную редакцию см. на стр. 482 — 486.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА
ФЕДОРА ИЛЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-го, УВОЛЕННОГО
В ЧИСЛЕ ПРОЧИХ В ОТСТАВКУ в 1857 году
(стр. 446)

Первоначальную редакцию — «Мое эссе» — см. на стр. 494.

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»
(стр. 448)

Первоначальный набросок ИЛИ

Люди они благородные
Станут ли спорить с <нрав>
Плюнут! — и дело с концом
Мертвые души скупающий
Чичиков будь мне <отцом?>!
Чтобы я днесь утопающий
.
Не оказался преступником

(Я не охотник до Невского,
Бродит там всякий народ,
Встретишь как раз <Дани>левского,
Что-нибудь тотчас соврет;
После расскажешь за верное —
Скажут: и сам ты такой!
Дело такое прескверное
Было однажды со мной!..)

*Первоначальную редакцию — «Два издателя» — см. в настоящем
томе на стр. 508 — 509.*

Варианты С

Заглавие: «Песня об «Очерках» (Из лирической
драмы «Видение на Неве»)»

22 Где Елисейев живет,
28 Гибель, о Амплий! тебе!..»

После 152 Видел во сне Елисейева:
Вот он вошел в магазин,
И известил о беде его
Тотчас приказчик один.

С миной тупой, нерешительной,
Долго стоял он, суров —
Этот пассаж удивительный
Был ему, кажется, нов.
Молча пошел он вдоль Невского,
Пикнуть не мог ничего,
Словно карнизом от дому Краевского
Этим пришибло его.
40 «Очерков» я издавать.

«ЯВНО РОДСТВЕННЫ С ЗЕМЛЕЙ»

(стр. 452)

Первоначальные наброски ИЛИ

В нашем земстве господя
Всё аристократы

Как стоят за мужик<ов>
Деятели эти
Николаевских орлов
Доблестные дети!

ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

(стр. 452)

Варианты белого автографа ЛВ

14 И грады сокрушив огнем
24 И краем правящая благость
26 Изжарившись под солнцем юга
33 Ему почет — а нам покой!..
46— 49 Что с публикой шутить нечестно
Что с ложью явною такой
Искусство вовсе несовместно
Притом же и соблазн большой
55 К нему инспектор утром шасть
66 Сам хан шутя сказал однажды:
67 В театр не буду никогда
68—71 *следовали в обратном порядке: 70—71, 68—69*
72—76 Два дня две ночи молчаливо
Кисель по комнате бродил
Крутя усы, — и справедливо
Как муж разумный рассудил:

- 88 Для поднесенья Визирю
 106—109 [Всех гонит дума роковая:
 Ну как один останусь я?
 А у меня жена больная,
 Большая малая <?> семья]
- 106—109 *Первоначально следовали в обратном порядке:
 108—109, 106—107.*
- В.м. 110—116 а *начаты:*
 Тот говорит: семья большая, —
 Останется — прогонит нас
- б Тот говорит: семья большая
 Прогонит — по миру пойдем
 И с хлебом солью выступая
 Явились все пред Киселем...
- 117—118 Впереди три вдовицы преклонные
 Ветераны беззубые сонные
- 117 Впереди ветераны преклонные
- 119 Старцы, женщины, еле ползущие,
- В.м. 126—130 а Куаферов, портных, маляров!
- б С надлежащим количеством вдов
- Варианты ОЗ и Стих 1874*
- 12 Паше — владыке своему
- 24 И краем правящая благодать
- 37 Вниманье обращал на рост,
- 66 Сам хан шутя сказал однажды:
- 88 Для поднесенья визирю.
- 196 К великой грусти визиря,

П Р И Л О Ж Е Н И Я

I. НЕВКЛЮЧЕННОЕ АВТОРОМ В СОБРАНИЕ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ
 (стр. 490)

Варианты черновых набросков ИЛИ

После 93 Куда ни обращаешь взор
 Повсюду жалобы да пiski
 Жив Современник до сих пор

Чуть живы Время и Записки
 Читатель стал чудак большой
 Нейдут Краевского издания
 И над Громекиной главой
 Летают бомбы отрицанья,
 Как повествует сей герой
 В пренебрежении науки
 [Мальчишек попораны стопой]
 В искусстве издавна застой

Варианты примечаний по сводному автографу ИЛИИ

- К ст.* 20 3—4 Посильно чувствовать умеют
 И выразительно молчат... и т. д.
- К ст.* 40 5—9 Говорит в своей газете
 Публицист Иван Аксаков:
 Позабыли всё на свете
 Мы для модных брюк и фраков
 Франция для нас блаженство
К ст. 44 2 Вынуждают нас, увы! —
 4—8 Прекратить. В замену вы
 Получайте «Современное
 Слово»... Нет большой беды
 Тож издание предпочтенное —
 И будь счастлив — и т. д.

Варианты С

- 4 Давно стоим мы на мели,
 40 Духовных лиц не пощадил;

<ИЗ «ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»>

IV. Журналист-рутинер
 (стр. 495)

Варианты белого автографа ИЛИИ

- 1 Я был богат, я был прославлен,
В.м. 21—24 Перед подпиской ежегодно
 Я восклицал: «пора придет,
 Тогда я выскажу свободно...
 Теперь же... знайте наперед:
 Какие б тучи ни нависли
 Над головой моей, друзья,
 Останусь строго верен мысли...»

- Какой? тут точки ставил я...
 После 44 Хоть насажай их поларшина,
 Убытки только понесешь,
 Но либерала-гражданина
 Ты ими чести не спасешь!
 45 Кричат: «давай свою идею!»
 61—64 [Увы! мне мужеством гражданским
 В газете больше не блистать!
 С моим характером славянским
 Роль европейца не играть].

НА ПОКОСЕ
 (стр. 499)

Вариант «Нового времени»

- 10—11 Я работал бы прилежно
 И поменьше пил».

О. А. ПЕТРОВУ
 (стр. 499)

Вариант белого автографа и корректуры ИЛИ

- 5—8 отсутствуют

Варианты РС

- 3—4 Голос твой нас улаждал полвека,
 Чудный дар певца-богатыря!
 5 Не слабел под игом лет преклонных!
 10 В звуки жизни, страсти, красоты,

Варианты «Музыкального света»

- 6—8 отсутствуют
 12 На алтарь его всегда приносишь ты.
 После 12 Не слабей под игом лет преклонных!

II. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПРИ ЖИЗНИ

«ВСЕВЫШНЕЙ ВОЛЕЮ ЗЕВЕСА»
 (стр. 501)

Варианты копии Дсбрлюбова и публикации Сильчевского.

- 1—8 отсутствуют
 8 Употребляет генерал

С
 Д

- 9—12 Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна:
Недавно вышел из-под пресса
Уж новый томик Щедрина С
- После 12 Кругом воров открылась масса,
Повсюду ложь, обман и зло.
Лишь первые четыре класса
Остались чисты как стекло.
- Мужик не вынут из-под пресса,
Но уж программа издана,
Как быстро <по пути прогресса
Шагает русская страна!>
Клейнмихель прочь, Перовский умер
пумер Д
- 13—24 *отсутствуют* Д

ЛЕГЕНДА О НЕКОЕМ ПОКАЯВШЕМСЯ СТАРЦЕ,
ИЛИ СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО
(стр. 509)

Варианты ИЛИ

- 41—44 а И запел потом издатель
Тамберличьям ут-диес;
Позабыл его создатель,
Так помог хоть бес.
- б И твердит теперь издатель
В назиданье для повес:
«Коль отступится создатель —
Помните, есть бес».

ПРИТЧА

(стр. 516)

Отдельные наброски ЛБ

Испугались
выдвинет новых людей
И мудрые мужи за дело взялись
помощники нашлись
льстили
И было им многое жаль истребить
Из старого ветхого зданья

Насильственно новую мысль подводя
Под рост старины им любезной

Сплотившись в коварный и дружный кружок,
Лишь тех отличали вниманьем
Кто их заслонить пред народом не мог
Энергией, разумом, знаньем

И в сердце глубоко обижен
видит
Что <ими?> принижен л. 29 об.

И каждая трудность пугала их ум,
По своему делать желали

От плана они отступали

черте
не те
красоте

И к старому, что видеть привыкли, любовь
связывала им руки
Многое оставляли прежнее, нарушая гар-
монию целого

Они убедили царя воспретить
словом,
Зане по частям невозможно судить
О целом, еще не готовом

Кто понял, те ушли, увидя как делается дело

Последние дельные люди

На каждую отрасль работ пришли лучшие люди и
было в их сердцах желание положить всю жизнь
и силу на славу отчизны.

И ум всеобъемлющий всё начертал
Великое в целом провидя
На каждую частность идею дал

И ежели кто движимый истиной замечал,
По пройскам их — попадал в опалу

Варианты сводки конца (ст. 145—164), автограф ЛБ

В.м. 145—148

Они объявили царю, что старик
Известен давно за злодея
И много собрав небывалых улик
Вручили царю не робея

И видя несметные старца вины
Царь гневный казнил его тут же
Забыв поговорку своей же страны
Что ум хорошо, а два лучше

157—160

Блуждая по портикам, сводам, стенам
Художника взором орлиным,
Царь видит богато украшенный храм,
Нет счета статуям, картинам.

КУЗНЕЦ
(стр. 521)

Вариант копии Буткевич

13—16

Вел ты недаром борьбу многолетнюю
За угнетенный народ,
Слышал ты рабскую песню последнюю,
Видел свободы восход.

<ЭКСПРОМТ НА ЛЕКЦИИ И. И. КАУФМАНА>
(стр. 525)

Вариант копии Е

1 В стране без золота и серебра

ЗАТВОРНИЦА
(стр. 530)

Варианты корректуры ИЛИ

18

В твоих очах я видел часто слезы

21

Измену, гнев, страданье заглуши,

25 Не менее суровом рождена,
27 В семнадцать лет уж ты была одна.

«БЕЛЫЙ ДЕНЬ ПЕДОЛОГ»
(стр. 533)

Варианты автографа ИЛИ

9-10 [Темно ли светло ли
А тепла уж нет]
(10) [Солнышка <уж> нет]

КОММЕНТАРИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1856—1877

1 8 5 6

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

(стр. 7)

19 октября 1856 г. вышло первое издание «Стихотворений» П. А. Некрасова. В самом начале книги было помещено стихотворение «Поэт и гражданин», до той поры не бывшее в печати. Некрасов, очевидно, придавал этому стихотворению большое значение, так как напечатал его с особой пагинацией, в виде предисловия к книге, более крупным шрифтом, чем все остальные стихи.

«Поэт и гражданин» явился в сущности литературным манифестом молодой революционной демократии. Этим стихотворением Некрасов нанес могучий удар принципам так называемого «чистого искусства». Речи некрасовского Гражданина вполне совпадают с той проповедью Н. Г. Чернышевского о служении искусства трудовому народу, которая в то время раздавалась на страницах «Современника».

Некоторые стихи, входящие в речь Гражданина, первоначально были вложены Некрасовым в уста В. Г. Белинского (см. примечание к поэме «Белинский» в I томе настоящего издания).

Другому участнику диалога, Поэту, Некрасов придал некоторые черты своей личности, причем, как это бывало всегда, отнесся к себе слишком сурово: «пришлось сложить смиренно руки», «душа пугливо отступила» и т. д. Подобные самообвинения, характеризую высокую требовательность поэта к

себе, не имели никаких оснований в подлинных фактах его биографии. Напротив, именно в этот период (1855—1856) начался новый идейный подъем его творчества.

Возражая против несправедливых самообвинений поэта, П. Г. Чернышевский писал ему по поводу двух стихов:

Клянусь, я честно несправедлив!
Клянусь, я искренно любил!

«Не вернее ли будет сказать Вам о себе:

... я честно ненавижу!
... я искренно люблю!

В чем другом, а в холодности вам не следует упрекать себя» (П. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. III, М. — Л. 1928, стр. 342).

Когда книга Некрасова появилась в печати, П. Г. Чернышевский был единоличным редактором журнала «Современник», так как больной поэт незадолго до того уехал лечиться в Италию. П. Г. Чернышевский поместил в «Современнике» заметку, извещавшую о выходе книги, и при этом целиком перепечатал стихотворение «Поэт и гражданин» (вместе с «Забытой деревней» и «Отрывками из путевых записок гр. Гаранского»).

На стихи Некрасова было обращено внимание высших бюрократических и придворных кругов. Наиболее «возмутительным» и «дерзким» показалось стихотворение «Поэт и гражданин».

Начались репрессии и против журнала и против книги «Стихотворений П. Некрасова».

А. С. Норов раньше всего поручил чиновнику особых поручений Е. Волкову представить ему рапорт «О напечатанной в Москве, с дозволения цензора С.-Петербургского цензурного комитета Бекетова, книге, под заглавием «Стихотворения Некрасова». Рапорт был представлен 14 ноября 1856 года; по поводу «Поэта и гражданина» в рапорте было сказано следующее:

«В стихотворении этом говорится о долге гражданина... Некоторые высказанные при этом мысли, а также и некоторые выражения показали мне как будто несогласными с нашими началами и видами правительства» (В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л. 1928, стр. 222—223).

Гораздо резче высказался об этом стихотворении Некрасова (а также обо многих других) товарищ министра кн. П. А. Вязем-

ский. Получив отзыв Вяземского и рапорт Волкова, Норов тотчас же сделал выговор Мусину-Пушкину за допущение к печати книги Некрасова. «В стихотворении «Поэт и гражданин», — писал А. С. Норов, — конечно, не явно и не буквально, выражены мнения и сочувствия неблагоприятные. По всему ходу стихотворения и по некоторым отдельным выражениям нельзя не признать, что можно придать этому стихотворению смысл и значение самые превратные. Так:

В ночи, которую теперь
Мир доживает боязливо,
Когда свободно рыскал зверь,
А человек бродил пугливо,
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было негодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно.

и далее:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь недаром: *дело прочно,*
Когда под ним струится кровь.

(Мих. Лемке, Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия, СПб. 1904, стр. 312—314.)

«Тут идет речь не о нравственной борьбе, а о политической, — писал министр в позднейшем обращении к Мусину-Пушкину, — здесь говорится не о тех жертвах, которые каждый гражданин обязан принести отечеству, а говорится о тех жертвах и опасностях, которые угрожают гражданину, когда он восстает против существующего порядка и готов пролить кровь свою в междусобной борьбе или под карою закона» (Н. Ф. Бельчиков, Некрасов и цензура, «Красный архив», 1922, № 1, стр. 356).

Товарищем Н. А. Некрасова по редактированию «Современника» официально считался И. И. Панаев. «За неуместное и неприличное перепечатание стихотворений г. Некрасова в «Современнике» ему был сделан министром «строжайший выговор», «с объявлением, что издаваемый им журнал при первом подобном случае будет прекращен» (Гамже, стр. 357).

Цензор, пропустивший стих, тоже вызвал негодование министра. «Цензор статский советник Бекетов, сделавший такое важ-

ное упущение при одобрении к печати сей книги и к тому еще выписок из нее в «Современнике», как будто на образец, оказывается цензором неблагонадежным и подлежал бы увольнению от сей должности» (В. Е в г е п ь е в - М а к с и м о в, «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, Л. 1936, стр. 105). Бекетов был отстранен от «Современника» («Тургенев и круг «Современника», М. — Л. 1930, стр. 58).

«Весь этот скандал, — писал А. Ф. Писемский Б. Н. Алмазову 24 ноября 1856 года, — чрезвычайно неприятен всем нам, остальным литераторам, тем, что цензура опять выпустит свои когти» (А. Ф. П и с е м с к и й, Письма, М.—Л. 1936, стр. 103).

19 декабря 1856 г. министр внутренних дел С. С. Ланской разослал губернаторам секретный циркуляр «О перепечатывании стихотворений Н. Некрасова»: «Секретно. Циркулярно. Департамент полиции исполнительной. Господину начальнику губернии. Министр народного просвещения уведомил меня, что им сделано по цензуре распоряжение, чтобы отпечатанная недавно в Москве книга под заглавием «Стихотворения Н. Некрасова» не была дозволяема к новому изданию и чтобы не разрешались к печати ни статьи, касающиеся книги, ни в особенности выписки из оной» (Н. Ф. Б е л ь ч и к о в, Некрасов и цензура, «Красный архив», 1922, № 1, стр. 358).

Вследствие этого в 1857 г. о книге Некрасова не появилось ни одной критической статьи. Да и в 1856 г. успели проскользнуть сквозь цензурные рогатки только две рецензии (см. ЛНЗ, сообщение А. А н и к и н о й, Неизвестные отзывы о Некрасове в печати 40-х и 50-х годов). Это вынужденное безмолвие критики длилось около пяти лет, изредка прерываясь статейками в детском журнале («Журнал для детей», изд. М. Чистякова, 1858, № 3 и № 43; 1859, № 46).

Впоследствии Главное управление цензуры разъяснило редакторам, что оно не чинит препятствий к порицанию стихотворений Некрасова, но всякие похвалы возбраняются, причем критиков и рецензентов обзывали не цитировать таких стихотворений, как «Поэт и гражданин», «Забятая деревня» и др. («Книга и революция», 1921, № 2 (14), стр. 40).

Выше было сказано, что благодаря перепечатке в «Современнике» стихотворение «Поэт и гражданин» дошло до придворных кругов; там оно было принято как призыв к революции. Это, между прочим, подтверждается петербургской корреспонденцией в «Колокол» Герцена:

«Воры и укрыватели воров большой руки подняли крик, начали жаловаться государю... на книжку стихотворений, где ничего нет, кроме участия к бедности и ненависти к притеснениям. Аристократическая сволочь нашла в книжке какие-то революционные возгласы, чуть не призыв к оружию. Русское правительство, изволите видеть, боится стихов:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденья, за любовь,
Иди и гибни безупречно.
Умрешь недаром: дело прочпо,
Когда под ним струится кровь.

Это сочли чуть не адской машиной и снова дали волю цензурной орде с ее баскаками. Какое жалкое ребячество!» («К о л о к о л», 1857, № 2, «Из Петербурга»).

Нет сомнения, что в данном случае «Колокол» исключительно ради полемических целей отрицал революционное значение приводимого выше отрывка. Ведь в том же году А. И. Герцен писал о Некрасове: «Этот поэт очень замечательный — своею демократическою и социалистическою ненавистью» (Письмо к М. Мейзенбург от 9 июня 1857 г. — А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. VIII, П. 1917, стр. 517).

Из письма Добролюбова к Шемановскому от 6 августа 1859 г. видно, что тот отрывок, который цитируется в «Колоколе», был понят великим критиком, как призыв к революции.

Так как во время этой цензурной бури Некрасов был за границей, все события представлялись ему в более грозном виде, чем они происходили в действительности. Был слух, что правительство намеревается заточить его в Петропавловскую крепость, едва только он вернется в Россию и проч. (Е. К о л б а с и н, Тени старого «Современника», «Современник», 1911, № 8, стр. 234). И все же он писал своим друзьям: «Но хоть бы эти размеры <грозящего ему наказания> и точно были велики, я—не ребенок; я знал, что делал... «Мы видывали цензурные бури и пострашней—при... <Николае I> да пережили» (см. его письма к П. В. Анненкову и И. С. Тургеневу от 18 декабря (н. с.) 1856 г.—Н. А. Некрасов, Собр. соч., М. — Л. 1930, т. V, стр. 271 — 274; Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб. 1885, стр. 45).

Цензура долго не разрешала второго издания его стихов. А когда через пять лет книга, наконец, была разрешена, сильнее других пострадало стихотворение «Поэт и гражданин». То,

что было беспрепятственно пропущено в 1856 г., оказалось цензурным в 1861 г.

Печатается по *Стих* 1873, т. I, ч. II, стр. 85—101. Редакция ст. 56—57 — по автографу *ЛБ*, ст. 126—127 и 187—192 — по *Стих* 1856.

Впервые — *Стих* 1856. Перепечатывалось (с датой: «1856») во второй части всех последующих изданий.

В *Стих* 1861 был сделан ряд вычерков и переделок цензурного характера, частично восстановленных в *Стих* 1864 (ст. 118—127, 198—203, 226—229), *Стих* 1869 (ст. 58—61) и *Стих* 1873 (ст. 198—201).

Ст. 126—127 и 187—192 остались невосстановленными.

Последующие издания (*Стих* 1863—1864, 1869) не только восстанавливали первопечатную редакцию стихов, искаженных в *Стих* 1861, но в ряде случаев возвращались к допечатной, еще менее цензурной редакции: ст. 226—229 в *Стих* 1864 и ст. 194 и 197 в *Стих* 1869. Последние две поправки соответствуют рукописным редакциям. Кроме того, начиная со *Стих* 1863, Некрасов ввел ст. 174—178, отсутствовавшие в *Стих* 1856 и 1861.

Черновые наброски отдельных мест — в тетради *ЛБ* 5763, на внутренней стороне второй крышки переплета. См. также стихотворение «Русскому писателю», в переработанном виде вошедшее в ст. 136—157 «Поэта и гражданина».

По поводу разночтения в строках 56—57 см. комментарий в первом томе настоящего издания (стр. 511).

«НЕСЧАСТНЫЕ»

(Стр. 16)

В связи с тем, что 26 августа 1856 г. правительство Александра II было вынуждено дать амнистию политическим ссыльным, русские литераторы впервые получили некоторую, весьма ограниченную, возможность писать о сибирской каторге. Некрасов один из первых воспользовался этой возможностью.

Зимой 1856 г., он с увлечением принялся за работу над созданием поэмы «Несчастные». («Несчастные» — народное название заключенных в тюрьме и ссыльно-каторжных.)

7 декабря (н. ст.) он сообщал И. С. Тургеневу из Рима:

«24 дни ни о чем не думал я, кроме того, что писал. Это случи-

лось в первый раз в моей жизни — обыкновенно мне не приходилось и 24 часов остановиться на одной мысли. Что вышло, — не знаю — мучительно желал бы показать тебе... Скажи мне, пожалуйста, правду. Это для меня важно <...> Хочу знать, надо ли и стоит ли продолжать? — потому что впереди еще очень много труда — было бы из чего *убиваться*, говоря словами Фета. Он мою вещь очень хвалит...» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 265).

Из письма видно, что Некрасов начал работать над «Несчастными» приблизительно 10—12 ноября (н. ст.) 1856 года.

Кое-какие «заготовки» для этой поэмы были созданы им значительно раньше. Так, еще в 1855 г. он написал стихотворение «Петербургское утро», которое и вошло в поэму в качестве одной из частей, после того как оно появилось отдельно в майской книжке «Современника» за 1856 г. В автографе, хранящемся у Л. А. Лихачева (Москва), этому стихотворению дано заглавие «Совет (подражание Пушкину)». Некрасов ввел это стихотворение в поэму в значительно переработанном виде. В повонайденном автографе (*Солд ЛБ*) оно озаглавлено «Совет».

Позднее, в мартовской книге «Современника» (1857), появился еще один «Отрывок из поэмы», посвященный описанию захолустного города:

..... .Невольно
Припомнишь бедный городок...
<и т. д.>

Очевидно, поэма была задумана очень большая. Та глава, где изображается каторга, составляла, по словам Некрасова, только шестую долю всей поэмы. Но около 15 декабря до Некрасова дошли из Петербурга тревожные вести: его стихи вызвали негодование высших властей. Разнесся слух, что правительство хочет закрыть «Современник», а его самого заключить в Петропавловскую крепость (см. примечание к стихотворению «Поэт и гражданин»). Эти вести так взволновали поэта, что он «скомкал» поэму и «не сделал половины того, что думал». В таком «скомканном» виде поэма Некрасова была напечатана в февральской книжке «Современника» за 1858 г. под заглавием «Эпизод ненаписанной поэмы», куда вошли в переработанном виде оба ранее напечатанных отрывка. В конце поэмы в тексте «Современника» было несколько «благонамеренных» строк. Эти строки вставлены поэтом, чтобы задобрить цензуру. Некрасов так и писал Тургеневу:

«Кончивши, начну ее <поэму> портить; может, и пройдет, если вставить несколько верноподданнических стихов».

«Верноподданнические стихи» были введены в самый конец: после слов «Прощенья благовест достиг» в «Современнике» были напечатаны три строки, которые, по вышеприведенному утверждению Некрасова, искажали поэму:

Взрыдав душою умиленной,
Мы пали ниц, благодаря
Нас не забывшего царя.

Но уже в издании 1861 г. Некрасов вычеркнул эти строки, вписанные им против воли. Из этого издания были устранены точно также некоторые мелкие цензурные искажения.

Но и в урезанном виде поэма не могла не вызвать неудовольствия властей; чиновник особых поручений по цензурно-литературным делам гр. Комаровский сообщил в особом рапорте министру народного просвещения (от 26 февраля 1858 г.), что героем поэмы является «идеализированный колодник, повидимому сосланный за политическое преступление». Этот «панегирик безымянному колоднику» имеет своей целью «общественный протест». Предсмертное видение Крота Комаровский называл «пророчески двусмысленным», то есть вполне правильно усматривал здесь изображение будущей революции:

Кричал он радостно «вперед!»
И горд, и ясен, и доволен
<и т. д.>

На основании этого рапорта Главное управление по делам печати предложило председателю Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусину-Пушкину сделать выговор цензору, пропустившему эти стихи (В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в, Некрасов как человек, журналист и поэт, М. — Л. 1928, стр. 228).

О прототипе Крота существуют противоречивые мнения. После смерти Некрасова Ф. М. Достоевский сообщил в «Дневнике писателя»: «Однажды, в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он <Некрасов> указал мне на одно стихотворение «Несчастные» и внушительно сказал: «Я тут об вас думал, когда писал это» (т. е. об моей жизни в Сибири), «это об вас написано...» («Дневник писателя», декабрь 1877 г.).

С тех пор не раз высказывалась мысль, будто Крот, изображенный в «Несчастных», есть как бы портрет Достоевского. Но

это неверно, потому что повесть Некрасова «Каменное сердце», где Достоевский изображен такими резко отрицательными чертами, писалась не в шестидесятых годах, как полагали исследователи, а в 1855 г., то есть за несколько месяцев до того, как была задумана поэма «Несчастные». Так что, сочиняя эту поэму, Некрасов мог думать о ссыльном авторе «Бедных людей», но едва ли он стал бы изображать его в роли учителя, бойца и героя.

В 1907 г. П. Ф. Якубович высказал мнение, что в образе Крота Некрасов вывел не Достоевского, а Белинского, перед которым преклопался всю жизнь («Н. А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность», Критико-биографический очерк Л. Мельши на <П. Ф. Якубовича>, 1907, стр. 39—43).

Эта догадка Якубовича в настоящее время частично подтвердилась. В черновых вариантах некрасовской поэмы «Белинский» обнаружены такие стихи о Белинском, которые впоследствии вошли в поэму «Несчастные» и изображают Крота (см. в первом томе настоящего издания примечание к стихотворению «Белинский», а также статью Н. Чуковского «Белинский в поэме «Несчастные», «Литературная газета», № 47, от 23 ноября 1946 г.). Конечно, нельзя связывать образ Крота с одним определенным лицом. Это — весьма условный романтический образ политического изгнанника, каким он рисовался тогдашней передовой интеллигенции, еще не успевшей на опыте близко познакомиться с ним. В этот образ необходимо должны были войти и черты декабриста, и черты петрашевца, по все же основное в этом образе — личность Белинского.

По поводу тех восторженных мнений о «великом Петре», которые высказывает в этой поэме Крот, Н. Г. Чернышевский писал из Сибири: «Некрасов сохранил о Петре то мнение, какое воспринял в кругу Белинского и Герцена» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, М. 1939, т. I, стр. 747).

Начало поэмы имеет автобиографический характер. Начиная со строк: «Увы, там душно, там пустыня», поэт изображает свое детство в отцовской усадьбе, в Грешневе.

Святая женская душа — мать поэта.

С певцом твоих громад красивых — с Пушкиным. Критика неоднократно указывала, что образ Петербурга в поэме «Несчастные» сознательно представлен Некрасовым как антитеза тому Петербургу, который изображен в «Медном всаднике».

Вот идет солдат за фурой вроде погребальной — тюремщики везут арестованного в закрытой полицейской карете.

Печатается по *Стих* 1873, т. I, ч. II, стр. 103—145, ст. 251 восстановлен по *ИЛИ*, ст. 658—664 и 707—714 — по печатному оттиску, предназначавшемуся для книги А. Н. Пыпина «Н. А. Некрасов» и вычеркнутому цензурой (*ИЛИ*).

Впервые полностью—*С* 1858, № 2, стр. 241—266, с заглавием: «Эпизод ненаписанной поэмы» и подписью: «Н. Некрасов». Вошло (с заглавием «Несчастные» и датой: «1856») во вторую часть *Стих* 1864 и перепечатывалось во второй части всех последующих изданий.

Первоначальный набросок ст. 146—220 (соответствующий отрывку «Петербургское утро») — в тетради *ЛБ* 5764. Беловой автограф этого отрывка — *Солд ЛБ*.

Беловой автограф второй части (ст. 457—914) был послан Некрасовым Тургеневу с письмом от 7 декабря <н. ст. 1856 г.>. Хранится в *ИЛИ* 21194/СХLV б 20. Заглавие: «Крот». Примечание, в качестве подзаголовка: «(В предыдущей главе рассказывающий излагает, за что он попал в Сибирь. Глава оканчивается тем, что он, вместе с другими, потеряв всякую надежду, предался дикому буйству, подавляя в себе всякое человеческое движение)».

Беловой автограф всей поэмы — в тетради *ЛБ* 5761. Заглавие: а) «Преступники. Поэма. В двух частях», б) «Воспоминания прощенного. Поэма. В двух частях», и в) «Несчастные».

Даты: на заглавном листе «1856. Ноябрь и Декабрь. Рим», над текстом: «22 Дек. 1856. Рим».

Беловой автограф отрывка из первой части (ст. 244 — 375) был послан Некрасовым Тургеневу с письмом от 7 января <н. ст. 1857 г. >. В письме Некрасов писал: «Так как тебе нравятся мои описания, то вот тебе и еще одно. Так как оно составляет самый невинный отрывок из моей поэмы, то хочу его напечатать, если ты одобришь. Итак, буде оно изрядно, то отошли его к Анненкову, чтоб передал в редакцию «Современника».

Уже 15 января (н. ст.) И. С. Тургенев переслал рукопись П. В. Анненкову («Наша старина», 1914, № 11, стр. 987), который в письме от 25 января сообщил Тургеневу о передаче ее в «Современник» (Труды Всесоюзной государственной библиотеки СССР им. Ленина, т. III, М. 1934, стр. 64).

Эта наборная рукопись хранится в *ИЛИ* 21198/СХLV б 20. Заглавие: «Отрывок из поэмы». Дата: «Рим, Декабрь 1856». Подписи: а) «Н. Некрасов», б) «Н. Н.». Надпись, обращенная к редакции «Современника»: «Прошу напечатать без опечаток. Если хоть слово выкинут, то не печатать. Некрасов».

Правка в ст. 251, 357 и 360 была вызвана цензурными соображениями.

Несмотря на эту попытку Некрасова заранее приспособить текст к требованиям цензуры, последняя зачеркнула еще несколько выражений, как об этом свидетельствует Н. Г. Чернышевский в письме к Некрасову от 7 февраля 1857 г.:

«В отрывке, Вами присланном, цензурный комитет зачеркнул следующие слова и стихи (то, что подчеркнуто):

Ни горя, ни отрад не жди,
Отдайся весь во власть господню...
Свинья увязла в подворотню

(по причине близости свиньи).

Молчи, *фанатики* они...
Но есть и там свои могилы,
Но там напрасно гибнут силы

Подчеркнутое выброшено цензурою.

Вы написали: «если хоть одно слово выкинут, то не печатать» — потому стихотворение и осталось непечатано, что жаль — лучше бы напечатать» (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, Письма, М. — Л. 1930, стр. 349).

Некрасов согласился с Чернышевским; вместо «Молчи, фанатики они» он дал новый вариант: «Молчи — озлобятся они...», и отрывок появился в мартовской книжке «Современника».

Существует авторизованная копия поэмы с авторской правкой — в тетради Панаевой, хранящейся в *ИЛИ* (Personalia).

1 8 5 7

«В СТОЛИЦАХ ШУМ, ГРЕМЯТ ВИТИИ»

(стр. 40)

В 1857 г. либеральная интеллигенция обеих столиц шумно ликвала по поводу предстоящих «великих» реформ. В столичных журналах стали печататься такие статьи, которые после недавних строгостей николаевской цензуры казались отчаянно смелыми. А на деле все оставалось попрежнему. Лев Толстой, вернувшись в то время из-за границы, писал (18 августа 1857 г.): «В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши то же происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие» («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», СПб. 1911, стр. 80).

Именно этой теме и посвящено стихотворение Некрасова.

В октябре 1858 г. Некрасов хотел напечатать его в «Современнике». Но цензуре оно показалось опасным. Цензор Д. И. Мацкевич писал в своем рапорте: «Стихи эти содержат в себе двойной смысл, который цензурный комитет не может себе вполне объяснить. Посему и надобно представить это стихотворение на рассмотрение Главного управления цензуры».

На основании этого рапорта председатель цензурного комитета Делянов писал в Главное управление цензуры:

«Так как это стихотворение, выражая в первых двух стихах слишком звучными словами деятельность наших столиц, совершенно противоположному <sic> какому-то безотрадному положению остальной части России, представленному в последующих очерках стихотворения, может подавать, по мнению комитета, повод к различным неблагоприятным толкам, то С.-Петербургский цензурный комитет считает необходимым представить это стихотворение при сем на благоусмотрение Главного управления цензуры» (С. А. Рейсер, Заметки о Некрасове, «Звенья», т. V, М.—Л. 1935, стр. 534—538).

Главное управление запретило стихи, и они появились лишь в 1861 г.

В беловом автографе, хранящемся в бумагах А. Я. Панаевой, эти стихи озаглавлены: «В 1858 году». На самом деле они написаны годом раньше, тотчас же по возвращении Некрасова из-за границы: Некрасов приводит их (в несколько иной редакции, см. стр. 501 настоящего тома) в письме к Тургеневу от 27 июля 1857 г. (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 311).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 207.

Впервые — в *Стих* 1861, ч. I, стр. 248, с датой: «1858»; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф окончательной редакции — *ИЛИ*, без даты.

ТИШИНА

(стр. 41)

В поэме сказалась радость, которую Некрасов испытал при возвращении из Рима на родину в июне 1857 г.

Вынужденный лечиться от тяжкой болезни, он пробыл за границей десять месяцев, и в том умилении, с которым он, после дол-

той разлуки, приветствовал родные поля и леса, выразилось с особой наглядностью его горячее патриотическое чувство.

Между тем именно в недостатке патриотизма лицемерно обвиняли в ту пору Некрасова его враги из реакционного лагеря. На эту-то «укоризну» врагов он ответил в своей «Тишине»:

.....Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны, —
Я песни родине слагал...

Эти «песни родине» — поэма «Несчастные», где Некрасов прославил (в лице Крота) величие русского духа, изобразил русскую деревню, Петербург и Сибирь.

Третья глава «Тишины» написана им в Риме в декабре 1856 г., — как отдельное стихотворение, посвященное недавно закончившейся Крымской войне.

Строки:

Народ герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца
<и т. д.>.

относятся к защите Севастополя.

В строке, начинающейся словами «Молчит и он», слово «он» означает Севастополь.

Четвертая глава «Тишины» в первопечатном тексте читалась иначе (см. в настоящем томе стр. 461 и 547). Она была гораздо длиннее и включала в себе несколько строк, выражавших сочувствие реформам Александра II.

Благодаря этой четвертой главе поэма была ошибочно воспринята многими как раскаяние Некрасова, как его отказ от «мести и печали». «Тишина» Некрасова подняла бурю. Его упрекают в отступничестве», — сообщала М. Ф. Штакеншнейдер поэту Я. П. Полонскому (*ИЛИ*).

Конечно, ни о каком отступничестве здесь не могло быть и речи, но некоторые черты либерализма в этой поэме сказались. Кроме того, «благонамеренными» строками «Тишины» Некрасов старался сгладить впечатление, которое произвел «Поэт и гражданин» в высоких бюрократических сферах.

Однако необходимо отметить, что уже через несколько месяцев после появления «Тишины» в «Современнике» Некрасов решительно отказался от тех настроений, которые выразились в четвертой главе поэмы. Он не только вычеркнул хвалебные строки, посвященные реформам Александра II, но в том же году написал

злую пародию на них (см. ниже примечание к стих. «Всевышней волею Зевеса».)

То неблагоприятное впечатление, которое благодаря четвертой главе вызвала эта поэма в радикальных кругах, было значительно усилено цензурным вмешательством. Вместо

Тяжеле стонов не слыхали —

в «Современнике» напечатано:

Молитвы эсарче не слыхали.

Вместо —

Проклятья, стоны и молитвы —

напечатано:

Процанья, стоны и молитвы.

Вместо —

Ни божьих, ни ревижских душ —

напечатано:

Безропотно-покорных душ.

Некрасов сделал попытку протестовать против этих искажений. После его смерти нашли написанное его рукою «Объяснение касательно стихов, признанных неудобными к печатанию, из стихотворения «Тишина» (Стих 1879, т. IV, стр. LI).

Приводим это «Объяснение»:

«...Пусть *ропот* *ужоризны*
За мною по пятам бежал.

Здесь автор разумел дошедшие до него за границу слухи, что многие обвиняли его в нелюбви к родине.

Христос снимет
С души оковы

Никакая мирская власть не может наложить оков на душу, равно как и снять их. Здесь разумеются *оковы греха, оковы страсти*, которые налагает жизнь и человеческие слабости, а разрешить может только бог.

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей.

Что война есть народное бедствие и что после нее остаются сироты, вдовы и матери, лишившиеся детей, — об этом я не считал неудобным упомянуть в стихах, тем более, что это уже относится к прошедшему.

Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе...

Проклинали пленные враги, *стонали* раненые, *молились* все пораженные бедствием войны. — Если зачеркнуть *проклятия* на том основании, что может быть проклинали и свои, то вслед за тем придется зачеркнуть и *стоны*, потому что может быть стонали не от одних ран, — а затем придется зачеркнуть и *молитвы*, потому что мало ли о чем можно молиться?

Военный поп

Известно, что после войска самые страдательные лица в войне врач и поп, едва успевающие лечить и отпевать. Поэтому упомянув о враче, я упомянул и о попе, служащем при войске — в этом смысле употреблено прилагательное «военный» (М. К л е в е н с к и й, К истории борьбы Некрасова с цензурой, «Записки отдела рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 6-й, М. 1940, стр. 42—43).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 153—161. Ст. 149—152, 173, а также пропуск ст. после 114 и после 147 — по *Стих* 1879, т. I, стр. 243—249.

Впервые — *С* 1857, № 9, стр. 115—122, с подписью: «И. Некрасов». Вошло (без четвертой главки) в первую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий. В *Стих* 1879 «стихотворение напечатано, — пишет С. И. Пономарев в примечаниях, — с немногими исправлениями, указанными самим автором» (*Стих* 1879, IV, стр. XLIX).

Беловой автограф третьей главки (ст. 103—152) — в тетради ЛБ 5761. Без заглавия. Дата: «28 дек. 1856. Рим».

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

(стр. 47)

Как поэт революционной демократии Некрасов во многих стихах выражал протест против общественного угнетения женщины («Три тяжкие доли имела судьба», «Крестьянка», «Прекрасная пар-

тия», «Мать»). Сатира «Убогая и нарядная» тематически связана с такими стихами Некрасова, как «Еду ли ночью по улице темной», «Когда из мрака заблужденья», «Ванька», «Панаша» и др. (См. также главу «История Матильды» в повести Некрасова «Жизнь и похождения Тихоша Тростникова».)

Одна из заключительных строк «Убогой и нарядной» —

Дураков не убавим в России —

является отголоском знаменитой строки из послания Фонвизина «К уму моему» —

Ты хочешь дураков в России поубавить.

Полагаем, что слово «нерусские» (вм. «татарские») в ст. 64 утвердилось независимо от цензурных причин.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 162—168.

Впервые — *С* 1860, № 1, стр. 330—334, с подписью: «Н. Некрасов» и датой: «23 дек.» Вошло (без даты) в первую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Авторизованная копия—в тетради Панаевой, *ИЛИ*, *personalia*. Копия сделана по *С* 1860, ст. 37 восстановлен рукою Некрасова.

Цензор зачеркнул ст. 37 (замененный в корректуре и *С* дополнительной строкой точек и восстановленный в *Стих* 1861), слово «татарские» в ст. 64 (замененное в корректуре и во всех изданиях словом «нерусские»), слово «наследственной» в ст. 66 (вычерк еще в корректуре восстановлен Некрасовым), слова «наивное царство» в ст. 86 (замененные в корректуре и *С* словами «полночное царство» и восстановленные в *Стих* 1861), слово «барство» в ст. 88 (вычерк, еще в корректуре восстановленный Некрасовым) и слово «гвардия» в ст. 128 (замененное в корректуре и *С* словом «публика» и восстановленное в *Стих* 1861).

1 8 5 8

«СТИХИ МОИ! СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ!»

(стр. 51)

В течение долгого времени датировалось 1862 г., но под автографом Некрасова (в альбоме Л. П. Шелгуновой) поставлена более ранняя дата — 21 февраля 1858 г. В альбоме было заглавие «СТИХИ» и первая строка читалась так:

Стихи, стихи! Свидетели живые...

(«Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым», СПб. 1902, стр. 95).

Этот же вариант был напечатан и в оглавлении третьей части *Стих* 1864, но в тексте — «Стихи мои» (стр. 42). Очевидно, Некрасов переделал стихотворение уже во время печатания книги.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 92.

Впервые — в третьей части *Стих* 1864, стр. 42. Перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

Беловой автограф, подаренный Некрасовым кн. Д. И. Долгорукову, — в *ИЛИ* 637 (XXVI) (Собрание Н. И. Тютчева, из Долгоруковского собрания). Подпись: «Н. Некрасов» и дата: «21 Августа 1863 г. Князю Д. И. Долгорукову».

Другой беловой автограф — в альбоме Л. П. Шелгуновой (местонахождение неизвестно).

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

(стр. 52)

Тотчас же после появления в печати этой лирической сатиры Некрасова она приобрела огромную популярность в кругах разночинной молодежи. Заключительные строки сатиры (начиная стихом «Назови мне такую обитель») стали одной из любимейших студенческих песен 60—70-х годов.

По словам А. Я. Панаевой, возникло это стихотворение так: против того дома, где жил Некрасов, находилась квартира министра государственных имуществ. Однажды осенью, в холодное и дождливое утро Некрасов увидел из окна, как дворники и городской гнали от министерского подъезда иззябших и промокших крестьян, «которые, по всем вероятностям, желали подать какое-нибудь прошение и спозаранку явились к дому». «Поэт, — рассказывает Панаева, — сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошел от окна и улегся опять на диване. Часа через два он прочел мне стихотворение «У парадного подъезда» (А. Панаева, Воспоминания, М.—Л. 1933, стр. 317—318).

Рассказ Панаевой несколько расходится с тем, что сообщает Е. Я. Колбасин: «К концу 1857 года он <Некрасов> задумал свои «Размышления у парадного подъезда», а в следующем году окончательно обработал это стихотворение» (Е. Колбасин, Тени старого «Современника», «Современник», 1911, № 8, стр. 237).

В своем письме из Сибири к Пыпину по поводу посмертного

издания «Стихотворений Н. А. Некрасова» Н. Г. Чернышевский говорит о «Размышлениях у парадного подъезда»:

«Могу сказать, что картина:

Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное — и т. д.

живое воспоминание о том, как дряхлый русский грелся в коляске на солнце «под пленительным небом» Южной Италии (не Сицилии). Фамилия этого старика — граф Чернышев.

Вторая заметка: в конце пьесы есть стих, напечатанный Некрасовым в таком виде:

Иль судеб повинуюсь закону, —

этот напечатанный стих—лишь замена другому» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, М. 1939, т. I, стр. 754).

Какому? — установить не удалось. Было высказано предположение, что последние строки «Размышлений у парадного подъезда» в свободном от цензурного просмотра тексте читались так:

Ты проснешься ль исполненный сил,
Сокрушив палача и корону,
Иль судеб повинуюсь закону
<и т. д.>

(«Некрасовский сборник», П. 1917, стр. 9).

Но мы считаем это чтение сомнительным, так как Н. Г. Чернышевский говорил не о новом, добавочном стихе, а о замене одного стиха другим.

В легальной печати «Размышления» появились лишь через пять лет после того, как они были написаны. Задолго до напечатания они ходили по рукам в различных списках («Русская мысль», 1913, № 1, стр. 136).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 7—14.

Впервые — «Колокол», 1860, 15 января, № 61, стр. 505—506, с заглавием: «У парадного крыльца», без подписи, с примечанием: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить».

Впервые в русской легальной печати — в *Стих* 1863, ч. II, стр. 187—191. Перепечатывалось в третьей части *Стих* 1864, 1869 и 1873.

Корректурный оттиск (гранки) с авторской вставкой ст. 107—117 хранится в ЦГЛА; вставка сделана на полях карандашом взамен вычеркнутых восьми последних строк.

Редакция корректурного оттиска является более поздней сравнительно с редакцией «Колокола». См. также копии — в тетради Л. П. Модзалевского (ИЛИ 13998/LXXVI б 27) и в тетради Н. С. Пякитина (ИЛИ 14866/LXXXVIII б 10).

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

(стр. 56)

Писательница Е. Литвинова, учившаяся в шестидесятых годах в одной из петербургских гимназий, пишет в своих воспоминаниях, посвященных Некрасову:

«...«Песня Еремушке» омишала то и дело рекреационные залы новой женской школы: это стихотворение заключало в такой доступной форме правила новой житейской мудрости. «Жизни вольным впечатлениям душу вольную отдай» — начинала бывало одна самая бойкая из нас, и тотчас находились другие, которые продолжали: «Человеческим стремлением в ней проснуться не мешай» <...> И вскоре собиралась целая толпа девочек <...>, соединенная «Песнью Еремушке», которая была в полном смысле слова нашею ходячею песнью! Когда старшие заставляли нас подчипяться старинной освященным обычаем, которые приходились нам не по вкусу, мы отвечали словами из «Песни Еремушке»: «Будь он проклят, растлевающий, пошлый опыт. — ум глупцов!» и говорили самим себе: «Силу новую животворных юных дней в форму старую, готовую необдуманно не лей!» (Е. Литвинова), Воспоминания о Некрасове, «Научное обозрение», 1903, № 4, стр. 132).

Эта песня, появившаяся во время революционного подъема шестидесятых годов, стала боевым лозунгом молодого демократического поколения. Добролюбов, посылая ее другу, писал: «Милейший! Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить песню Еремушке Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике» <...> Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости. Боже мой, сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если б его не давила цензура!» (Н. Г. Чернышевский, Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, М. 1890, т. I, стр. 534).

«Песня Еремушке» была искажена цензурой. Из письма Добролюбова мы знаем, что в четырнадцатой строфе вместо «Истина» было слово «Равенство», а в строфе семнадцатой вражда «к угнетателям» была заменена враждою «к лютой подлости».

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 169—173. Ст. 55 и 66 даны в доцензурной редакции, сообщенной Н. А. Добролюбовым в его письме к Д. Бордюгову от 20 сентября 1859 г.

Впервые — *С* 1859, № 9, стр. 237—239, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в первую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

В архиве А. Н. Пыпина сохранилась цензурская корректура — *ИЛИ* 21121 СХLV б 13. Заглавие: «Кольбельная песня». Типографские пометы: «Г. Цензору Сент. 12» и «В Современник. г. Цензору Палаузову». Подпись: «Цензор Палау<зов>». Ст. 41 — 44 отчеркнуты на полях красным карандашом.

В ЦГЛА хранится незаконченная копия «Песни Еремушке» (ст. 1—62), сделанная рукою Н. А. Добролюбова (из архива М. А. Антоновича).

Происхождение этой копии неясно. В ней совмещены две ранних редакции стихотворения и воспроизведена правка отдельных стихов: возможно, что Добролюбов копировал подлинный черновой автограф.

«НОЧЬ. УСПЕЛИ МЫ ВСЕМ НАСЛАДИТЬСЯ»

(стр. 59)

В известной статье о Некрасове Г. В. Плеханов утверждал, что народ, изображаемый в этих стихах, «не умеет бороться и не сознает необходимости борьбы». По словам Г. В. Плеханова, «главной отличительной чертой этого народа является вечное терпение... *Такому* народу только и можно пожелать, что «*доброй ночи*»: проснуться он несособен <...> Впоследствии, когда «суровая среда» утратила часть своей прочности под панором «новых веший» шестидесятих годов и когда даже самые трезвые представители радикальной интеллигенции, например Н. Г. Чернышевский, не чужды были самых радужных ожиданий, у Некрасова является более отрадный взгляд на русский народ» (Г. П л е х а н о в, Сочинения, т. X, стр. 389).

Это истолкование «Отрывка» основано на недоразумении, которое объясняется тем, что критик воспринял данные строки Не-

красова вне всякой связи с его другими стихами. Если бы Некрасову было свойственно такое пессимистическое отношение к народу, его поэзия не была бы проникнута верой в неиссякаемые силы народа, в боевую активность масс:

Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней, —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.

(1856)

<Русский народ>
Вынесет все — и широкую ясную
Грудью дорогу проложит себе

(1864)

Рать подымается —
Непчислимая!
Сила в ней скажется
Песокрушительная!

(1876)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 95.

Впервые — *Стих* 1861, ч. I, стр. 108—109; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий. Перепечатано в VII вып. «Русской библиотеки» М. Стасюлевича, П. 1877, стр. 165, с датой: «1867» <sic>.

Н. Ф. КРУЗЕ

(стр. 60)

В начале 1858 г. либеральный московский цензор Н. Ф. Крузе (1823—1901) за некоторые послабления печати был, по распоряжению царя, уволен от занимаемой должности.

Для многих писателей это послужило поводом выразить ему горячее сочувствие, как смелому «защитнику свободы печати», и тем заклеймить остальных цензоров. В феврале 1858 г. уволенному цензору был поднесен в Москве приветственный адрес от 59 литераторов.

Подписали этот адрес: Некрасов, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Гончаров, Григорович и др. Петербургские писатели устроили чествование Крузе на квартире Некрасова — 8 апреля 1858 г. Тут Некрасов и сказал свои стихи «неустрасимому бойцу», после чего записал карандашом и вручил их ему на память («Русские ведомости», 1901, № 243).

Характерно сказавшееся в этих стихах скептическое отношение Некрасова к реформам Александра II: «луч света трепетный, *сомнительный*, чуть зримый». Тот же образ повторен поэтом в стихотворении «Тургеневу»: «луч едва блеснул *сомнительного* света».

Хотя эта коллективная демонстрация против цензурного гнета имела определенный политический смысл, Крузе, как типичный либерал, был едва ли достоин таких беспримерных почестей. В воспоминаниях А. М. Скабичевского даца вполне правильная оценка чествования Н. Ф. Крузе: «Столь были избалованы русские писатели, что достаточно было одному цензору в лице фон Крузе оказаться на один мизинец снисходительнее других, чтобы признательные литераторы почтили его велеречивыми адресами, торжественными обедами, трогательными проводами и в подобных овациях доброму палачу видели демонстрацию в пользу свободы печати» (А. М. С к а б и ч е в с к и й, Литературные воспоминания, М.—Л. 1928, стр. 101).

Печатается по беловому автографу из архива Н. Ф. Крузе, *ИЛИ* (23 255 СХХХVIII б 5); дата: «8 Апреля 1857» <sic>.

Ст. 15—22 приведены в статье Б. Городецкого «Памяти Н. Ф. Крузе» («Исторический вестник», 1901, октябрь, стр. 262).

Полностью впервые напечатано по автографу К. Чуковским в «Полном собрании стихотворений Н. А. Некрасова», Л. 1927, стр. 428.

1 8 5 9

О ПОГОДЕ

Часть первая

(стр. 61)

«...Петербург, город великолепный и обширный! Как полюбил я тебя, когда в первый раз увидел твои огромные дома, в которых, казалось мне, могло жить только счастье. <...> Но прошло несколько лет... Я узнал, что у великолепных и огромных домов, в которых я замечал прежде только бархат и золото, дорогие изваяния и картины, есть чердаки и подвалы, где воздух сыр и зловре-

ден, где душно и темно и где на голых досках, на полусгнившей соломе в грязи, стуже и голоде влачатся нищета, несчастья и преступления. Узнал, что есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и в подвалах, потому что есть счастливицы, которым тесны целые дома...

И я спустился в душные те подвалы, поднялся под крыши высоких домов и увидел нищету, падающую и падшую, нищету, стыдливо прикрывающую лохмотья свои, и нищету, с отвратительным расчетом выносящую их напоказ.

...И сильней поразили меня такие картины, неизбежные в больших и кипящих народонаселением городах, глубже запали в душу, чем блеск и богатство твои, обманчивый Петербург».

Эти строки из юношеской повести Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843) наглядно показывают, какова была система идей, лежавшая в основе его революционного урбанизма. Эта система идей сказалась с особенной яркостью в цикле его сатир «О погоде».

Стихотворение «До сумерек» долго датировалось 1859 г. Так как в февральской книжке «Современника» за 1859 г. оно помещено 10 февраля, а цензор разрешил эту книжку 1 и 15 января, ясно, что февраль, указанный под стихами, не может быть февралем 1859 г. и относится к одному из предыдущих годов, — вероятнее всего к 1858 г. Но в связи с тем, что заключительной частью этого стихотворения является глава «Сумерки», написанная в следующем году, мы относим все стихотворение к 1859 году.

Слава богу, стрелять перестали!.. Ночью пушечный гром грохотал. — В Петербурге, где нередко весной и осенью бывали наводнения, жители оновещались о подъеме воды в Неве выстрелами из пушек Петропавловской крепости.

Там одной незаметной могилы, где уснули великие силы, мне хотелось давно поискать. — Поэт говорит о могиле В. Г. Белинского.

Федотов Павел Андреевич (1815—1852) — знаменитый художник, жанрист.

Тут бедняк-итальянец с фигурами — продавец гипсовых статуэток.

Много было до сорок девятого, отдохнули потом... да опять с пятьдесят так прорвало с пятого... — Эти строки указывают определенный период в истории цензуры: с основания знаменитого бутурлинского комитета (2 апреля 1848 г.) наступила эпоха цензурного террора, длившаяся до декабря 1855 г., когда после смерти Николая I комитет был упразднен.

Я «Записки» носил с основания.... — Журнал «Отечественные записки» основан в 1820 г. и реорганизован в 1839 г. Здесь, очевидно, датой основания считается эта вторая дата.

С «Современником» няньчусь давно. — «Современник» был основан Пушкиным в 1836 г.

То носил к Александру Сергеечу — то есть к Пушкину.

А теперь уж тринадцатый год все пишу к Николай Алексичу — на Литейной живет. — «Николай Алексич» — Некрасов, живший на Литейной улице (ныне Литейный проспект), редактировал «Современник» с 1847 г.

Даже Фрейганг устанет мартъ. — А. И. Фрейганг (р. в 1805 г.) — цензор.

— Объяви, говорит, ты Краевскому. — А. А. Краевский (1810—1889) — редактор-издатель журнала «Отечественные записки».

Воейков Александр Федорович (1777—1839) — третьестепенный поэт, переводчик, критик и журналист.

Василий Андреич — Жуковский.

Там торчит Веллингтонов сапог — вывеска сапожника: высокий, выше колена, сапог для верховой езды.

Там с открытою грудью Диана — манекен в витрине парикмахера.

Печатается по *Стих* 1873, т. I, ч. II, стр. 147—170. Собственные имена в «До сумерек» ст. 113, 124 и 125 (Николая Алексеевича <Некрасова>, Фрейганга и Краевского) восстановлены по *Стих* 1879, т. I, стр. 277—278).

Впервые — С 1859 (I—№ I, стр. 307—311; II—№ 2, стр. 507—512; III — № 3, стр. 5—8). Общий заголовок: «О погоде (Вступление к сатирам)». Подпись: «Н. Некрасов». Первая сатира имеет посвящение, данное в виде подзаголовка: («П. А<ниенко>ву»). В конце второй сатиры дата: «10 февр.».

Вошли, с общим подзаголовком: «О погоде. Уличные впечатления» и датой «1858—1859», во вторую часть *Стих* 1861 и перепечатывались во второй части всех последующих изданий.

Вторая главка (ст. 21—58) стихотворения «До сумерек» была перепечатана, с заглавием: «Городская кляча», в издании для массового чтения («Красные книжки. Книжка вторая <...>, издал Некрасов», П. 1863, стр. 21—22).

В *ИЛИ* (в составе 21121 /СХLV б 13, из архива А. Н. Пыпина) хранится цензорская корректура (гранки) «Современника».

Корректурa первой сатиры — без правки и вычерков; заглавие цикла: «С утра до ночи (Вступление к сатирам)»; подпись цензора: «Цензор Д. Мацкевич». Печатная дата: «27 дек». В тексте ряд вариантов сравнительно с первопечатным журнальным.

В корректуре второй сатиры четыре цензурных вычерка красными чернилами; на полях соответственные варианты Некрасова. Печатная дата: «10 февраля». Надпись: «Исключить зачеркнутые места. Цензор Мацкевич»; конторская помета: «Г-ну Цензору Февр. 12».

Цензор зачеркнул ст. 11—12 и 15—16 (что заставило Некрасова вычеркнуть целиком ст. 9—16, восстановленные в *Стих* 1861), и слово «жандармский» в ст. 86 (замененное в корректуре и *С* словами «какой-то» и восстановленное в *Стих* 1861).

Авторизованные копии всех трех сатир (по *С* 1859) — в тетради Панаевой, *ИЛИ*, personalia.

ПАПАША

(стр. 74)

При жизни Некрасова эта сатира, сюжетно и стилистически связанная с «Убогой и нарядной», печаталась только в двух последних изданиях его сочинений. Перед смертью поэт сделал к ней примечание: «Отнесена в приложение потому, что не нравится мне. Относится к поздней <?> эпохе». Так как выражение «не нравится» в данном случае носит весьма неопределенный характер, мы печатаем ее в первом отделе. О какой «поздней эпохе» говорится в примечании Некрасова, неизвестно.

Под «легкой службой» поэт понимает службу в тайной полиции.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 233—241.

Впервые — *С* 1860, № 3, стр. 251—256, с датой: «14 марта» и подписью: «И. Некрасов». Вошло в приложение четвертой части *Стих* 1869 и перепечатано в приложении четвертой части *Стих* 1873.

Беловой автограф ст. 114—185 — *ИЛИ* 203/21.

«ЧТО ТЫ, СЕРДЦЕ МОЕ, РАСХОДИЛОСЯ?»

(стр. 79)

Политические враги Некрасова, стремясь дискредитировать его в глазах передовой молодежи, распространяли небылицы о его корыстолюбии, двуличии и проч. Именно такой клеветой и вызвано стихотворение «Что ты, сердце мое, расходилося?» Это был ответ клеветникам. По воспоминаниям одного современника, Некрасов выступил с этим ответом публично.

«Большой зал Дворянского собрания был битком набит. С благотворительной целью давался вечер при участии известных писателей. Появление каждого из них восторженно приветствовалось публикой. И только, когда на эстраду вышел Николай Алексеевич Некрасов, его встретило гробовое молчание. Возмутительная клевета, обвившаяся вокруг славного имени Некрасова, очевидно, делала свое дело. И раздался слегка вздрагивающий и хриплый голос поэта «мести и печали»:

Что ты, сердце мое, расходилося?..
 Постыдись. Уж про нас не впервой
 Снежным комом прошла-прокатилася
 Клевета по Руси по родной.

Что произошло вслед за чтением этого стихотворения, говорят, не поддается никакому описанию. Вся публика, как один человек, встала и начала бешено аплодировать. Но Некрасов ни разу не вышел на эти поздние овации легковой толпы» (Р. А н т р о н о в, Памяти Некрасова, «Звезда», 1902, № 51, стр. 6).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 112.

Впервые — *Стих* 1864, часть III, стр. 28; перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

«..... ОДИНОКИЙ, ПОТЕРЯННЫЙ»

(стр. 80)

«Навеяно разладом с Тургеневым в 1860 г.», — поясняет поэт (*Стих* 1879, т. IV, стр. LV).

Долгое время Тургенев был близким другом Некрасова. Никому Некрасов не писал таких откровенных писем о себе, о своем творчестве, как Тургеневу. Он считал его лучшим из русских писа-

телей и чрезвычайно дорожил его дружбой, его сотрудничеством в своем журнале. Тургенев тоже относился к нему с неизменной приятностью.

Но когда в шестидесятых годах в русском обществе выдвинулись в качестве крупной общественной силы «новые люди» — разночинцы, представители революционной демократии, все прежние друзья Некрасова, верные своей дворянской природе, отшатнулись от «шовых людей» и примкнули к реформистскому лагерю. Один только Некрасов из всего «поколения отцов» примкнул к «детям». Его журнал «Современник» сделался центральным органом революционно-демократической «партии», руководимой Чернышевским и Добролюбовым. Разрыв с Тургеневым стал неизбежен. Он и произошел в конце 1860 г., но Некрасов, по его собственному признанию, продолжал попрежнему любить своего «друга-врага».

Незадолго до смерти Некрасова, в начале июня 1877 г., Тургенев посетил умирающего (См. И. С. Т у р г е н е в, Последнее свидание, «Стихотворения в прозе», М.—Л. 1931, стр. 45—46).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 113 — 114.

Впервые — *Стих* 1863, ч. III, стр. 53—54; перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

ЗНАХАРКА

(стр. 81)

Последний стих «Как от господ отойдем мы на волю» имел особое значение, так как «Знахарка» была напечатана за три месяца до «освобождения» крестьян. Некрасов и сам указал на это в письме к Н. А. Добролюбову от 1 января 1861 года: «Что Вы о моих стихах <то есть о «Знахарке»? Они просто плохи, а пущены для последней строки» («Звенья», т. V, М.—Л. 1935, стр. 487).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 174—176; ст. 34—по цензурской корректуре (*ИЛИ*).

Впервые — *С* 1860, № 11, стр. 189—190, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло (с датой: «1860») в первую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Цензурская корректура (гранки) для «Современника» — в *ИЛИ*, в составе № 21, 121/CXLV б 13 из архива А. Н. Пыпина.

По первоначальному замыслу Некрасова стихотворение «На Волге» должно было составить первую часть большой поэмы «Рыцарь на час». Замысел остался невыполненным. Некрасов написал только первую и четвертую части. Эта четвертая часть и называется теперь «Рыцарь на час».

Обе части печатаются в виде отдельных стихотворений, не связанных между собою.

По поводу того места поэмы, где изображается разговор бурлаков, Н. Г. Чернышевский писал из Сибири:

«Однажды, рассказывая мне о своем детстве, Некрасов припомнил разговор бурлаков, слышанный им, ребенком, и передал; пересказав, прибавил, что он думает воспользоваться этим воспоминанием в одном из стихотворений, которые хочет написать. — Прочитав через несколько времени пьесу «На Волге», я увидел; что рассказанный мне разговор бурлаков передан в ней с совершенною точностью, без всяких прибавлений или убавлений; перемены в словах сделаны лишь такие, которые были необходимы для подведения их под размер стиха; они нимало не изменяют смысла речи и даже часто с грамматической и лексикальной стороны немногочисленны и не важны. Вместо

«а кабы умереть к утру, так было б еще лучше», — в пьесе сказано:

А кабы к утру умереть,
Так лучше было бы еще;

только такими пятью, шестью переменами отличается передача разговора в пьесе от воспоминания об этом разговоре, рассказанного Некрасовым мне» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, М. 1939, т. I, стр. 753, 754).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 188—201. Ст. 251, 277 и 288 даны в редакции *Стих* 1879, т. I, стр. 302—303.

Впервые — *С* 1861, № 1, стр. 5—12, подпись: «Н. Некрасов». Вошло в первую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

В *Стих* 1879 разночтение в ст. 277 оговорено в примечаниях С. И. Пономарева: «Поэт внимателен был к замечанию критики, находившей преувеличение в стихах о бурлачестве:

Где поколения людей
Живут бессмысленней зверей;

я в своем экземпляре исправил эту черту» (*Стих* 1879, т. IV, стр. LVII).

Цензорская корректура (гранки) — *ИЛИ* 21,121/CXLV б. 13. Ст. 277—280 зачеркнуты; надпись цензора: «Согласно сделанному 20 Декабря 1860 года одобрению Г. Цензором Рахманиновым—стихотворение это печатать позволяется. СПб. 3 января 1861 <?> года цензор В. Бекетов».

Беловая наборная рукопись — *ИЛИ* 203/17. Заглавие: «На Волге (Из детства господина Валежникова)». Подпись: «Н. Некрасов».

НА ПСАРНЕ

(стр. 91)

С. И. Пономарев ошибочно отнес это стихотворение к 1869 г. Оно написано значительно раньше. На это указывает вторая строка

Воля придет, чай, бежишь без оглядки.

О будущем «раскрепощения» крестьян можно было говорить лишь до 1861 г.

Так как поэт включил эти стихи в число «Стихотворений 1860—1863 гг.», ясно, что единственной их датой может быть 1860 г.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 248.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, приложение второе, стр. 242, под рубрикой: «Отрывки». Перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

РЫЦАРЬ НА ЧАС

(стр. 92)

В 1860 г. Некрасов задумал большую поэму «Рыцарь на час». Героем этой поэмы должен был явиться он сам под вымышленной фамилией Валежников. Замысел не был приведен в исполнение; в печати появились только два отрывка: первая часть поэмы под заглавием «На Волге (Детство Валежникова)» и то стихотворение, которое ныне известно под заглавием «Рыцарь на час». По первоначальному плану оно составляло четвертую главу задуманной поэмы и называлось «Бессонница». Так оно и названо в «Современнике», где оно напечатано до слов: «Что умел он любить», после чего следовали три ряда точек. В издании своих стихотворений 1869 г. и в «Современнике» под заголовком «Рыцарь на час» Некрасов печатал в скобках:

«Из поэмы того же названия, глава IV: Валежников в деревне. — Светлая осенняя ночь с легким морозом».

В «Современнике» не было восьмистишия:

По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко...

<и т. д.>

Очевидно, оно было написано позже.

В альбоме Л. П. Шелгуновой («Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым», П. 1902, стр. 99) сохранился отрывок из «Рыцаря на час», написанный рукою Некрасова. Там, после ст. 79, читаем:

В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибшую силу мою

<и т. д.>

(См. стр. 552 настоящего тома). Признавая идейную значительность данного чернового наброска, свидетельствующего о стремлении Некрасова к живому участию в революционной борьбе, мы полагаем, что стилистическая недоработанность этих двенадцати строк объясняется главным образом тем, что Некрасову была с самого начала ясна невозможность провести их через цензуру.

В альбоме стихотворение было посвящено Л. П. Шелгуновой, подруге поэта, переводчика и публициста Михаила Ларионовича Михайлова (1826—1865), который был арестован (в сентябре 1861 г.) и впоследствии сослан на каторгу за распространение прокламации «К молодому поколению», составленной Н. В. Шелгуновым. Очевидно, под впечатлением его ареста и ссылки, Некрасов написал в альбоме после стихов:

Суждены нам благие порывы,
Но свершить ничего не дано! —

«Редки те, к кому нельзя применить этих слов, чьи порывы способны переходить в дело... Честь и слава им — честь и слава тебе, брат!

Некрасов».

Дата: «24 мая 6 часов утра <1862 г.>».

По поводу «Рыцаря на час» Н. К. Михайловский вспоминает: «...Мне вспоминается один вечер или ночь зимой 1884 или 1885 года. Я жил в Любани, ко мне приехали из Петербурга гости, большею частью уже немолодые люди, в том числе Г. И. Успенский. <...> Кто-

то предложил по очереди читать. Г. П. Успенский выбрал для себя «Рыцари на час». И вот комната в маленьком деревянном доме; на улице, занесенной снегом, мертвая тишина и непроглядная тьма; в комнате, около стола, освещенного лампой, сидит несколько человек; повторяю, большую частью немолодых; Глеб Иванович читает; мы все слушаем с напряженным вниманием, хотя наизусть знаем стихотворение. Но вот голос чтеца слабеет, слабеет и — обрывается: слезы не дали кончить... Простите, читатель, это маленькое личное воспоминание. Но ведь оно, пожалуй, даже не личное. По всей России ведь рассыпаны эти маленькие деревянные домики, где читают (или читали?) «Рыцари на час» и льют слезы (или лились?) эти слезы...» («Русское богатство», 1897, № 2, стр. 133—134).

Сохранилось воспоминание, что Чернышевский, по возвращении из ссылки, читая однажды это стихотворение вслух, «не выдержал и разрыдался» (Переписка Чернышевского, М.—Л. 1922, стр. 14).

Один из старых сотрудников «Современника» вспоминает, что Некрасов и сам читал это стихотворение «со слезами в голосе» (П. М. К о в а л е в с к и й, Стихи и воспоминания, II. 1912, стр. 279).

Церковь Петра и Павла, которую описывает в этом стихотворении Некрасов, находится в селе Авакумцево. При церкви — могила матери поэта (см. снимки в «Архиве села Карабиха», М. 1916).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 79—91. Ст. 43 и 46 печатаются в редакции *Стих* 1879, ч. I, стр. 305.

Впервые — *С* 1863, № 1, стр. 209—214, с подписью: «Н. Некрасов» и с заглавием: «Бессонница». Перепечатывалось (с заглавием: «Рыцарь на час») в третьей части *Стих* 1864. 1869 и 1873.

Стихотворный текст записи в альбоме Шелгуновой состоит из ст. 77—79, двух шестистиший, не вошедших в окончательный текст, и ст. 201—223. Шестистишия отделены друг от друга и от обрамляющих строк окончательного текста двойными строками точек.

Шестистишия в записи Некрасова помещены между 79 и 201 стихами окончательного текста, но в известной нам редакции ст. 80—200 нет ни одного места, где связность развития темы нарушалась бы и куда эти шестистишия могли бы быть вставлены; таким образом, они являются отрывком первоначальной редакции

Этого места, которая, повидимому, давала совершенно иное развитие темы. Следует отметить, что первый из двух отрывков отличается парными мужскими рифмами, не встречающимися в окончательном тексте стихотворения.

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

(стр. 98)

Сестра Некрасова, Анна Алексеевна Буткевич, писала в своих заметках о нем: «С 1844 г. по 1863 <...> он почти каждое лето проводил в деревне у отца в сельце Грешневе в 20 верстах от Ярославля. Если брат извещал о дне приезда, отец высылал в Ярославль тарантас, чаще же брат нанимал вольных лошадей или просто телегу в одну лошадь» («Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич», *ЛН*, стр. 178).

В стихотворении «Деревенские новости» поэт изображает один из таких приездов в Грешнево.

В своих автобиографических заметках Некрасов цитирует те строки «Деревенских новостей», где говорится, что при его приезде в деревню навстречу ему из каждых ворот выходили крестьяне («что ни мужик, то приятель»), и поясняет их так: «И постоянно играл с деревенскими детьми и когда мы подросли, то естественно, что между нами была такая короткость» (Автобиография Некрасова, *ЛН*, стр. 143). Крестьянин Кузьма Ефимович Солнцев, который еще мальчишкой охотился в тех местах с Некрасовым, вспоминал в 1902 году, что, приезжая в Грешнево, Некрасов не забывал никого из своих деревенских знакомых. Детям он часто привозил игрушки. «Другая семья — большая, а он и на другой год всех по именам называет» (Ф. Смирнов, Перед некрасовскими днями, Ярославль 1902, стр. 20).

Последние строки стихотворения объясняются тем, что оно было написано за несколько месяцев до манифеста о крестьянской реформе.

Началов лесов — роща у самого въезда в деревню.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 177—183.

Впервые — «Век», 1861, № 1, стр. 32—33, где напечатано с подзаголовком: «(А. В. Дружинину)» и подписью: «Н. Некрасов». Вошло (без посвящения) в первую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

В *Стих* 1863 впервые введены ст. 57—60, отсутствовавшие в

тексте «Века» и *Стих* 1861; возможно, что эта вставка является восстановлением цензурного пропусса.

Авторизованная копия (с авторской правкой в ст. 108) — в тетради Панаевой, *ИЛИ*, *personalia*. Копия дана по журналу «Век».

ДУМА

(стр. 102)

Это стихотворение было напечатано через несколько месяцев после крестьянской реформы, когда трагедия безработицы, изображенная в нем, стала реальной угрозой для многих «освобожденных» крестьян. Вынужденные продавать свой труд на «вольном» рынке, они в те годы впервые столкнулись с этим капиталистическим злом. Таким образом, в стихотворении «Дума» заключалась косвенная оценка «раскрепощения» крестьян (см. ниже примечание к стихотворению «Калистрат»).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 186—187.

Впервые — *С* 1861, № 9, стр. 255—256, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в первую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф с правкой — в тетради *ЛБ* 5761. Вместо заголовка над текстом дата: «16 Августа. Грешшево. 1861».

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

(стр. 104)

Подготавливая незадолго до смерти новое издание своих стихов, Некрасов сделал такое примечание к «Плачу детей»:

«Это стихотворение принадлежит в подлиннике одной английской писательнице и пользуется там известностью вроде как «Песня о рубашке» Т. Гуда, — конечно, гораздо меньшею... Все остальное, что она писала, плохо. Я имел подстрочный перевод в прозе и очень мало держался подлинника: у меня оно наполовину короче. Я им очень дорожу». (*Стих* 1879, т. IV, стр. LIX—LX).

В сущности Некрасов мог бы и не сослаться на эту писательницу: такая была огромная разница между ее водянистой и вялой риторикой, нечуждой религиозно-сентиментального стиля, и сдержанным пафосом его самобытных, непогословных и могучих стихов.

Английская писательница, о которой пишет Некрасов, —

Элизабет Баррет Браунинг (1806—1861). «Плач детей» был написан ею в 1843 г., под впечатлением одного официального отчета, где изображалась ужасная эксплуатация детского труда на английских заводах и шахтах.

В ее стихотворении — 156 строк, в стихотворении Некрасова — 40.

«Плач детей» долгое время датировали 1861 г. Его следует отнести к 1860 г., так как оно появилось в той книжке журнала, которая была разрешена цензурой 29 декабря 1860 г.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 184—185. Ст. 17 и 33—40 даны в редакции *Стих* 1879, т. II, стр. 12—13.

Впервые — *С* 1861, № 1, стр. 367—368, с подписью: «Н. Н.» Вошло в первую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Окончательная редакция — в *Стих* 1879.

1 8 6 1

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

(стр. 106)

Великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко был арестован в Киеве 5 апреля 1847 г. по обвинению в принадлежности к Кирилло-Мефодиевскому братству. Так как среди его бумаг были найдены революционные стихи, «исполненные ненависти к правительству», а также карикатуры на царя и царицу, он был определен по приказу Николая I в Отдельный Оренбургский корпус рядовым под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать... Впоследствии Шевченко писал в дневнике: «Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого нечеловеческого приговора!»

Десять лет и четыре месяца томился в неволе гениальный поэт. Лишь в 1858 году он получил разрешение вернуться в столицу. Некрасовский «Современник» очень сочувственно встретил его. В статье Добролюбова о «Кобзаре» была воспроизведена автобиография Шевченко. Некрасов охотно печатал в своем журнале переводы его стихов.

Шевченко скончался вскоре по возвращении из ссылки (26 февраля 1861 г.).

В 1867 г. в петербургском окружном суде рассматривалась тяжба двух издателей книги Шевченко «Кобзарь». Некрасов выступил в этом процессе одним из экспертов и с величайшим сочувствием отозвался о творце «Кобзаря» («Глобус», 1928, № 6, «Шевченко та його доба», 1925, т. I, стр. 99—108).

В печати есть сведения, нуждающиеся, впрочем, в проверке, что Некрасов участвовал в проводах тела Шевченко. В одной газетной статье по этому поводу сказано: «Когда он <Некрасов> шел за гробом многострадального кобзаря, у него сложились стихи в его память. Вернувшись домой, Некрасов записал эти стихи, но из осторожности, — время тогда было такое, — он разорвал листок сверху вниз, так что стихи были разделены пополам. Поэт уничтожил правую <!> половину листка с началом стихов и сохранил у себя левую <?> с рифмами. Уже незадолго до своей кончины Некрасов вспомнил об этом стихотворении и восстановил текст его, причем рассказал историю стихотворения П. А. Ефремову, от которого ее и слышал пишущий эти строки» (В. В е д е н е в, Т. Г. Шевченко, «Русские ведомости», 1901, № 68).

Веденев — псевдоним В. Е. Якушкина. В его сообщении много неточностей. Во-первых, рифмы в русских стихах находятся не на левой, а на правой половине страницы, во-вторых, найденный нами автограф (несомненно относящийся к шестидесятым годам) никаких следов разрыва не имеет.

Печатается по записи А. А. Буткевич (ИЛИ). Заглавие: «На смерть Шевченко». Под текстом: «Писала со слов брата 25 декабря 1876 года». Ст. 15, пропущенный в этой записи, восстановлен по журналу «Зоря» (см. ниже).

Впервые опубликовано, по копии А. А. Буткевич, во львовском журнале «Зоря», «письмо литературно-наукове для русских родип. Памятковый номер в 25-й роковины смерти Тараса Шевченко. Львов, дня 15(27) марця 1886», стр. 87.

Перепечатано В. П. Батурякским в статье «Стихотворение П. А. Некрасова «На смерть Т. Г. Шевченко» («Литературный вестник», № 8, 1904, стр. 101). Указана дата: «27 февраля 1861 г.», без заглавия.

К. Чуковский опубликовал по черновому автографу первоначальный вариант конца. Перепечатаваем этот вариант по *Стих* 1937 (II, стр. 771), так как местонахождение автографа неизвестно.

«ЧТО НИ ГОД — УМЕНЬШАЮТСЯ СИЛЫ»

(стр. 107)

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 127.

Впервые — *Стих* 1864, ч. III, стр. 128. Дата: «1861».

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

(стр. 108)

«Крестьянские дети» в журнальном тексте были посвящены Ольге Сократовне Чернышевской, жене Н. Г. Чернышевского. Под заглавием было напечатано: «(О. С. Ч. — ской)» (См. Н. Чернышевская, Новое стихотворение Некрасова, «Звенья», М.—Л. 1935, том V, стр. 510).

Гаврила, упоминаемый здесь, — тот самый Гаврила Захаров, которому посвящены «Коробейники» (см. ниже примечание к «Коробейникам»).

Большая дорога, изображаемая в этой поэме, проходила недалеко от некрасовского имения Грешнево. Она соединяла Кострому с Ярославлем и потому в те времена была многолюдным и бойким трактом. (См. А. В. Попов, Топография поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Литература в школе», 1946, № 2, стр. 40.)

Отрывок из «Крестьянских детей», начинающийся словами «Одпажды в студеную зимнюю пору», был внесен в хрестоматию под заглавием «Мужичок с ноготок» и до настоящего времени является одним из самых популярных стихотворений Некрасова.

В *Стих* 1864 г. Некрасов почему-то пометил это стихотворение 1856 г., хотя над его автографом собственноручная дата: «1861. Грешнево. 14 июля». Первоначальное заглавие в автографе: «Детская комедия» (ЛБ 5761).

Печатается по *Стих* 1873, т. I, ч. II, стр. 171—185.

Впервые — «Время», 1861, октябрь, стр. 356—363. Вошло (без посвящения, с датой: «1861») во вторую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Цензурное искажение ст. 201—202 восстановлено в *Стих* 1864.

Беловой автограф с незначительной правкой — в тетради ЛБ 5761. На полях ряд заметок, фольклорных записей и отдельные стихи, относящиеся к стихотворениям «Дядюшка Яков» и «Коробейники».

ПОХОРОНЫ

(стр. 116)

Судя по черновому автографу, Некрасов первоначально намеревался придать охотнику-самоубийце черты народолюбивого барина (см. варианты на стр. 555).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 202—205.

Впервые — *С* 1861, № 9, стр. 128. Вошло в первую часть *Стих* 1869. Перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф, правленный — в тетради *ЛБ* 5761. Над текстом дата: «Грешнево, 1861, июнь 22—25».

СЛЕЗЫ И ПЕРВЫ

(стр. 119)

В этом стихотворении Некрасов говорит о А. Я. Папаевой. Написанное в крайнем раздражении, оно отнюдь не выражает подлинного мнения Некрасова о его подруге, про которую он сказал в более поздних стихах:

Все, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас,
Мы на один алтарь сложили
И этот пламень не угас.

Редактор посмертного издания стихотворений Некрасова ошибочно отнес эти стихи к последнему году его жизни (*Стих* 1879, IV, стр. СХХХIII). Обнаружен автограф этих стихов, из которого явствует, что они написаны значительно раньше, так как он находится в тетради Некрасова, относящейся к 1861 г. (*ЛБ*, 5761).

После строк:

Как буйство первое стихает
И переходит в аппетит

в рукописи Некрасова было:

Кто, выдержав такую сцену,
Зовет гостей постылый рой
<и т. д.>

Эти исключенные Некрасовым стихи печатаются в настоящем томе на стр. 504—506.

Печатается по газ. «Новое время», 1876, № 55, от 25 апреля, где напечатано впервые, анонимно, первым номером цикла «Из записной книжки». Примечание: «Нам передана «Записная книжка» одного из современных наших поэтов, наполненная стихотворными заметками и отрывками. Время от времени мы будем делиться с читателем этими отрывками и заметками».

При жизни Некрасова не перепечатывалось.

«Слезы и нервы» представляют собою первую половину стихотворения «Отрывок», белой автограф которого находится в тетради ЛБ 5761. Как видно по вычеркам и правке, Некрасов предполагал извлечь из первой части «Отрывка» два фрагмента: первый, соответствующий ст. 1—12 окончательного текста, был тут же озаглавлен «Слезы», второй, соответствующий ст. 33—44 и 45—60, получил заглавие «Кто?» Весь остальной текст был откинут, причем одно восьмистишие осталось в нем незачеркнутым; впоследствии оно было без всяких изменений использовано Некрасовым в качестве ст. 1—8 первой из «Трех элегий».

Беловой автограф ст. 25—32 (отсутствующих в первоначальной редакции — в автографе ЛБ), писанный на листе с другими записями (от которого сохранилась только верхняя правая четвертка с надписью, относившейся ко всем записям листа: «<Д>ля песен») — ИЛИ фонд 134, опись 11, единица 1.

ТУРГЕНЕВУ

(«Мы вышли вместе... Наобум»)

(стр. 121)

В примечании к одному из черновиков этого стихотворения Некрасов собственноручно указывает, что оно написано незадолго до появления в печати тургеневских «Отцов и детей».

В. Евгеньев-Максимов доказывал, что на самом-то деле это стихотворение адресовано не Тургеневу, а Герцену («Заветы», 1913, № 12, стр. 45). С его аргументацией почти согласился М. Лемке в примечаниях к одному письму Герцена (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, П. 1919, т. XI, стр. 215).

Мы склопямся к мысли, что Некрасов имел в виду Тургенева: стихотворение в достаточной степени соответствовало той репутации автора «Отцов и детей», которая сложилась в «Современнике» в 60-х годах.

Печатается по тексту корректур *ИЛИ* фонд 134, опись 11, № 3.

Беловой автограф первоначальной редакции — в тетради *ЛБ* 5761. Вместо заглавия ***. Эпиграф (написанный карандашом): «О! Зачем с этою головою не стал ты другом бедных и опорой покинутых всеми? Диккенс». Даты — над текстом: «1861, 14 Июля. Грешцево», под текстом: «7 июля». Эта редакция была опубликована по автографу В. Е. Евгеньевым-Максимовым в статье «И. А. Некрасов и А. И. Герцен» («Заветы», 1913, № 12, стр. 45).

Та же редакция — в автографе *ИЛИ* 203/19, относящемся к последним годам жизни Некрасова. Стихотворение написано на одном листе с набросками стихотворения «Неужель еще уроки нужны» и др. — *ИЛИ* 203/19. Заглавие: «<Г> — ву». Дата: «1861 год». Надпись (зачеркнутая): «вспомнил и записал 11 янв.». Первое восьмистишие перечеркнуто и над текстом написано: «Начало на доскутке».

Это начало — ст. 1—16 (в совершенно иной редакции) — написано набело карандашом на листе почтовой бумаги (*ИЛИ* 203/34). Заглавие и подзаголовок: а «Тургеневу (писано в 1860 году, когда разнесся слух, что Тургенев написал «Отцов и детей» и вывел там Добролюбова); б «Г-ву (Писано собственно в 1860 году, к которому и относится. Теперь я только поправил начало)».

Третью редакцию дает текст правленной Некрасовым корректуры — *ИЛИ* фонд 134, опись 11, № 3. Заглавие: «Г—ву». Подзаголовок: «Писано собственно в 1860 году, к которому и относится по содержанию. Теперь я только поправил некоторые словесные стихи». Без даты.

КОРОБЕЙНИКИ

(стр. 123)

Некрасов, посвящая поэму крестьянину Гавриле Яковлевичу, придал своему посвящению (в изд. 1861 г.) типографскую внешность старинных посвящений высокопоставленным лицам: посвящение был помещено на двух страницах, причем имя отчество крестьянина выделено особым шрифтом. Этим Некрасов еще сильнее подчеркивал свое глубокое уважение к нему.

Крестьянин Г. Я. Захаров был в шестидесятых годах товарищем Некрасова по охоте. Его имя упоминается поэтом также в стихотворении «Крестьянские дети».

Сотрудник газеты «Костромской листок» посетил в 1902 г. деревню Шоду и разыскал там Ивана Захарова (сына Гаврилы).

По словам Ивана, сюжет «Коробейников» дан Некрасову тем же Гаврилой.

«Однажды на охоте с Гаврилой Некрасов убил бекаса, а Гаврила в тот же момент — другого, так что Некрасов не слышал выстрела. Собака, к его удивлению, принесла ему обоих бекасов.. «Как, — спрашивает он Гаврилу, — стрелял я в одного, а убил двух?» По этому поводу Гаврила рассказал ему о двух других бекасах, которые попали одному охотнику под заряд. Этот случай дал повод для рассказа об убийстве коробейников, которое произошло в Мисковской волости.

Два бекаса нище славные
Мне попали под заряд!

Другие подробности, например, о Катериночке, которой приходится

Парня ждать до Покрова,

основаны на рассказах Матрены, жены Гаврилы, теперь тоже умершей, которая так же сидела в одиночестве, как и Катериночка».

Некрасов дарил Гавриле деньги, его детям и жене гостинцы, позднее дал ему книгу своих стихов с собственноручной надписью («Костромской листок», 1902, № 140).

Сестра поэта сообщала в своих мемуарных заметках, что «Коробейников» он написал в деревне, воротившись с охоты, и тогда же прочитал их крестьянину Кузьме («Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич», *ЛН*, стр. 177). Этим первым слушателем великой поэмы был, очевидно, Кузьма Ефимович Селищев, местный уроженец (о нем см. выше, в примечании к стихотворению «Деревенские повести»).

В конце поэмы примечания Некрасова, которые печатаются в настоящем томе на стр. 142. Среди этих примечаний было одно, впоследствии устраненное автором. Оно относилось к строкам:

Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?

Примечание было такое:

«Этот полуштофик (заметил автору некто) лишает поэтичности вашу героиню, давая повод читателю воображать ее покушаю-

щею в кабаке водку». Не входя в длинные объяснения, напомним читателям, что у нас почти в каждой деревне есть так называемые корчемники, а еще чаще корчемницы, у которых можно купить вина (или выменять на лен, холст или пряжу) и даже сделать это потпхоньку (*Стих* 1861, т. I, стр. 246).

Вскоре после опубликования «Коробейников» в «Современнике» Чернышевский воспользовался включенной в их текст «Песней убогого странника» для пропаганды идей крестьянской революции: процитировав в статье о Николае Успенском знаменитые строки поэмы:

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

⟨и т. д.⟩

Чернышевский дал такой комментарий: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы. «Я живу холодно, холодно». — А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — «Я живу голодно, голодно». — Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, — чего же ты смотришь? — «Жену я бью, потому что рассержен холодом». — Да разве жена в этом виновата? — «Я в кабаке иду с голоду». — Разве тебя накормят в кабаке? Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилю. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп» («Современник», 1861, № 11, стр. 101).

Эту же «Песню» вскоре процитировал и Герцен в «Колоколе» от 1 февраля 1862 г.

Голодно, странничек, голодно!
Холодно, родименькой, холодно!

(А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XV, П. 1920, стр. 34).

Седьмая строфа «Песни убогого странника» и в «Современнике» и в издании 1873 г. начинается так:

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?

Но редактор посмертного издания самовольно вставил лишний слог («поправил ритм») «Что ты бабу-то бьешь?» Против этого протестовал Н. Г. Чернышевский. Он писал из Сибири Пыпину: «Некрасов не по недосмотру, а преднамеренно сделал последнюю стопу стиха двусложною, это дает особенную силу выражению. — Поправка портит стих...» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, М. 1939, т. I, стр. 751).

Кстати отметим, что Чернышевский в «Что делать?» заставил своих персонажей рассуждать о «Коробейниках» за три года до их появления, то есть в 1858 г. Это анахронизм, так как в то время «Коробейники» еще не были написаны.

— *Встрелось нам лицо духовное* — суеверная примета: встретить попа — не к добру.

Гозулино, упоминаемое в эпитафии к пятой главе, — деревня в Ярославской губернии, принадлежавшая деду поэта («Некрасовский сборник», Ярославль 1922, стр. 77). Недавно опубликован фотоснимок этой деревни (*ЛН*, стр. 203).

Эпитафия к первой главе заимствована из одного рассказа Николая Успенского, где приводится такая песня:

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо!
Наши в поле не робеют
И на печке не дрожат.

(«Сцены из сельского праздника», «Современник», 1858, № 5.)

«Коробейники» знаменуют собою новый этап в творчестве Некрасова: до той поры он много писал о народе («Псовая охота», «Деревенские новости»), но его стихи для народа («Коробейники», «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо» и др.) начались именно этой поэмой.

Стремясь к тому, чтобы «Коробейники» возможно скорее дошли до крестьян, он тотчас после того, как они появились в журнале, выпустил их отдельной брошюрой под заглавием: «Красные книжечки. Книжка первая: Коробейники. Сочинил и издал Некрасов, СПб. 1862, 36 страниц. Цена 3 коп.».

Поэт не только отказался от дохода с этих народных книжечек, но и весь расход по их печатанию принял на себя. Об этом свидетельствует следующее его письмо к крестьянину-книготорговцу И. А. Голышеву от 28 марта 1862 г.:

«Посылаю вам 1500 экземпляров моих стихотворений, назначаемых для народа. На обороте каждой книжечки выставлена цена — 3 копейки за экземпляр, — потому я желал бы, чтобы

книжки не продавались дорожке: чтобы из трех копеек одна поступала в вашу пользу и две в пользу офеней, — таким образом книжка и выйдет в три копейки, не дорожке» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 372).

Эти книжки имели в ту пору агитационное значение. Характерно, что в числе их распространителей был Салтыков-Щедрин. «Нет ли у вас «Красных книжек» Некрасова 1-й и 2-й? — писал он Ип. Панаеву 11 мая 1863 г. — Если есть, то пришлите мне по 30 экземпляров каждой». (Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. XVIII, Л.—М. 1937, стр. 182).

С середины семидесятых годов первые двадцать четыре строки «Коробейников» вошли в народные любочные песенники под заглавием «Коробушка», иногда «Коробочка» (часто без имени автора). «Коробушка» и поныне распеваётся как одна из любимейших народных песен.

Печатается по *Стих* 1873, т. I, ч. II, стр. 187—223. Доцензурная редакция ст. 137 восстановлена по автографу ЛБ 5761.

Впервые — *С* 1861, № 10, стр. 599—620, (дата ценз. разр. 6 ноября).

Одновременно (дата ценз. разр. 7 ноября) было выпущено Некрасовым отдельным изданием «для народа» (для распространения в деревне через книжных разносчиков).

Вошло во вторую часть *Стих* 1861 и переиздавалось во второй части всех последующих изданий.

Беловой автограф — в тетради ЛБ 5761. Посвящение отсутствует. Над текстом дата: «25 Августа», под текстом: «25 Авг. 1861. Грешнево».

Записи фольклорных поговорок, частично использованные в качестве эпиграфов к главам поэмы, — на стр. 36 об. той же тетради.

СВОБОДА

(Стр. 143)

Написано в 1861 г., вскоре после «раскрепощения» крестьян.

Чернышевский вспоминал впоследствии, как встретил Некрасов царский манифест.

«В тот день, когда было обнародовано решение дела, я вхожу утром в спальную Некрасова <...> Он лежит на подушке головой, забыв о часе, который стоит на столике подле него. Рука лежит вдоль

тела. В правой руке тот печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского дела. На лице выражение печали. Глаза потуплены в грудь. При моем приходе он встрепенулся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил:

— Так вот что такое эта «воля»! Вот что такое она!

Он продолжал говорить в таком тоне минуты две. Когда он остановился перевести дух, я сказал:

— А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будет именно это.

— Нет, этого я не ожидал, — отвечал он и стал говорить, что, разумеется, ничего особенного он не ждал, но такое решение дела далеко превзошло его предположения» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, М. 1939, т. I, стр. 747).

По словам Пантелеева, Некрасов говорил еще резче:

«Да разве это настоящая воля! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами» (Л. Ф. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого, М. — Л. 1934, стр. 552).

В стихотворении «Свобода» отрицательная оценка крестьянской реформы выразилась недостаточно ясно. Очевидно, по этой причине Некрасов не напечатал «Свободы» в своем «Современнике» и всегда отсылал ее в отдел «Приложений» (см. ниже текстологический комментарий).

Более отчетливо высказал он свое отношение к крестьянской реформе в позднейших стихах. Например:

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.

Или:

Два лагеря, как прежде, в божьем мире,—
В одном рабы, властители в другом.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, приложение второе, стр. 242—243.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, приложение, стр. 237—238; перепечатано в приложении четвертой части *Стих* 1873.

Автограф — на отдельном листе после набросков, относящихся к «Медвежьей охоте» — *ИЛИ* 203/1.

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

(Стр. 144)

В «Современнике» эпиграф был пространнее:

«За скорым отъездом распродают: мебель, зеркала, фарфоровая и фаянсовая посуда, ножи, вилки и все, принадлежащее к хозяйству. В такой-то улице, дом Воронина, № такой-то, по парадной лестнице» («Полицейские ведомости»).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 103—107. Подзаголовок «Петербургская драма», отсутствующий во всех прижизненных изданиях, — по *Стих* 1879, т. II, стр. 55.

Впервые — *С* 1862, № 2, стр. 683—686, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в третью часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

20 НОЯБРЯ, 1861

(стр. 147)

По словам Некрасова, написано в день похорон Н. А. Добролюбова. Через несколько месяцев, 2 января 1862 г., когда петербургские студенты устроили поминки по Н. А. Добролюбову (в помещении Первой гимназии), Некрасов выступил с краткою речью и, между прочим, сказал:

«...Мы во всю нашу жизнь не встречали русского юноши, столь чистого, бесстрашного духом, самоотверженного! Наше сожаление о нем не имеет границ, и едва ли когда изгладится. Еще не было дня с его смерти, чтоб он не являлся нашему воображению, то умирающий, то уже мертвый, опускаемый в могилу нашими собственными руками. Мы ушли с этой могилы, но мысль наша осталась там и поминутно зовет нас туда и поминутно рисует нам один и тот же неотразимый образ».

Вслед за этим поэт прочитал приводимые в тексте стихи.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 123.

Впервые ст. 5—17 — в статье (речи) Некрасова «Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова», где это стихотворение помещено без заглавия и первой строфы в качестве лирической концовки статьи («Современник», 1862, № 1, стр. 348). Без подписи

(в оглавлении книжки указано: «с примечаниями Н. Н.»). Дата: «2 янв. 1862».

Впервые полностью в *Стих* 1863, ч. I, стр. 180. Заглавие: «25 ноября, 1861». Вошло в третью часть всех последующих изданий.

1 8 6 2

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

(стр. 148)

В великорусских народных песнях нет упоминания о зеленом шуме. Поэт заимствовал этот образ из игровой песни украинских девушек, которая была напечатана в «Русской беседе» (1856, № 1. Смесь, стр. 77).

Песня начинается так:

Ой нумо ж мы, нумо,
В Зеленого Шума!
А в нашего Шума
Зеленая шуба.
Ой Шум ходить, по воді бродить;
А Шумиха рибу ловить

<и т. д.>

Замечательно, что Некрасов в своих стихах воспроизвел не эту песню, а прозаические комментарии к ней, написанные украинским этнографом проф. М. А. Максимовичем. Комментарии были такие:

«...В этом *зеленом шуме* девчат отозвался Днепр, убирающийся в зелень своих лугов и островов, шумящий в весеннем разливе своем и дающий тогда полное приволье рыболовству. В одно весеннее утро я видел здесь, что и воды Днепра, и его песчаная *Белая коса* за *Шумиловкой* и самый *воздух* над ними — *все было зелено*... В то утро дул порывистый горючий, т. е. *верховой, ветер*, набегающий на прибрежные *ольховые кусты*, бывшие тогда в цвету, он *поднимал с них целые облака зеленоватой цветочной пыли* и развевал ее по всему полуденному небосклону».

И песня и комментарии к ней входили в статью Максимовича «Дни и месяцы украинского селянина». Максимович был не только этнограф, но и ботаник (см. Собр. соч. М.А. Максимовича, Киев, 1877, т. II, стр. 479).

Ср. у Некрасова:

Играючи расходится
Вдруг *ветер верховой*:
Качнет *кусты ольховые*,

*Подымет пыль цветочную,
Как облако: все зелено,
И воздух и вода!*

На эту близость «Зеленого шума» к статье М. А. Максимовича указал И. С. Абрамов («Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови», Київ, 1928, стр. 51).

Верховым ветром называется ветер с берега.

В истории некрасовского творчества «Зеленый шум» замечателен тем, что здесь впервые появился новый стих, который впоследствии был положен в основу поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Это — трехстопный ямб с двумя неударными, образующими дактильческие окончания, причем мужские стихи замыкают собою каждую фразу.

Этот гибкий и емкий стих был гениальной находкой Некрасова. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» он обнаружил исключительное интонационное разнообразие, богатство и мощь.

Некрасову он был подсказан великорусскими народными песнями.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 119—122.

Впервые — *С* 1863, № 3, стр. 143—144, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в третью часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

«ЛИТЕРАТУРА, С ТРЕСКУЧИМИ ФРАЗАМИ»

(стр. 151)

Краткая характеристика той атмосферы, которая отразилась в этом стихотворении, дана в статье В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма». В. И. Ленин ссылается на статью Л. Ф. Пантелеева, Из воспоминаний о 60-х годах, где, по его словам, «сгруппированы некоторые очень интересные факты о революционном возбуждении 1861—1862 гг. и полицейской реакции...» Не принимая ложных выводов этой статьи, Ленин приводит из нее следующие факты: «К началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майские пожары 1862 г. в Петербурге». Начались они 16-го мая, особенно выделились 22 и 23-го мая—в этот последний день было пять пожаров, 28-го мая запылал Апраксин двор и выго-

рело громадное пространство вокруг него. В народе стали обвинять в поджогах студентов, и эти слухи повторялись газетами. Прокламацию «Молодой России», которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякие средства, рассматривали как подтверждение слухов об умышленных поджогах. «Вслед за 28-ым мая в Петербурге было объявлено нечто вроде военного положения». Учрежденному особому комитету было поручено принятие *чрезвычайных* мер к охране столицы. Город был разделен на три участка, с военными губернаторами во главе. По делам о поджоге введен военно-полевой суд. Приостановлены на 8 месяцев «Современник» и «Русское Слово», прекращен «День» Аксакова, объявлены суровые временные правила о печати (утвержденные еще 12-го мая, *т.-е. до пожаров*. След., *«ход жизни»* резко направлялся в сторону реакции и независимо от пожаров, вопреки мнению г. Пантелеева), правила о надзоре за типографиями, последовали многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.), закрыты воскресные школы и народные читальни, затруднено разрешение публичных лекций в С.-Петербурге, закрыто 2-ое отделение при Литературном фонде, закрыт даже Шахматный клуб.

Следственная комиссия не открыла никакой связи пожаров с политикой ... есть очень веское основание думать, что *слухи о студентах-поджигателях распускала полиция*. Гнуснейшее эксплуатирование народной темноты для клеветы на революционеров и протестантов было, значит, в ходу и в самый разгар «эпохи великих реформ» (В. И. Ленин, Сочинения, 1946, 4-е изд., т. V, стр. 26—27).

В стихотворении Некрасова цензура изъяла две строки (ст. 3 и 4):

Администрация наша с указами
О забирании каждого встречного.

При жизни Некрасова этот цензурный пропуск восстановлен не был.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 124. Цензурный пропуск ст. 3—4 восстанавливается по автографу ЛБ 5761.

Впервые — *Стих* 1864, ч. III, стр. 18; перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

Автограф — в тетради ЛБ 5761; вместо заглавия * * * ; набело записаны ст. 5—12, карандашом надписаны ст. 1—4 и соответственно изменен ст. 5.

«НАДРЫВАЕТСЯ СЕРДЦЕ ОТ МУКИ»

(стр. 151)

Первое четверостишие написано под впечатлением расправы с революционными деятелями, которую учинило правительство Александра II в 1862—1863 гг. (дело Чернышевского, Серно-Соловьевича и др.).

Та строка, где говорится о топоре и цепях (ст. 4), была в журнале выброшена по цензурным условиям и заменена точками.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 76—77.

Впервые — *С* 1863, № 9, стр. 312, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в третью часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

Цензурный пропуск ст. 4 восстановлен в *Стих* 1869.

Перепечатано в сб. «На несколько часов. Литературный сборник», СПб. 1867, вып. I, стр. 90—91.

ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

(стр. 152)

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 117—118.

Впервые — *С* 1863, № 3, стр. 203—204, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в третью часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

«В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ СТРАДА ДЕРЕВЕНСКАЯ...»

(стр. 153)

В предыдущих изданиях было отнесено к 1863 г. (эта дата указана самим Некрасовым), но так как уже в начале января 1863 г. он читал его публично в зале Бенардаки вместе с «Зеленым шумом» и «Что думает старуха, когда ей не спится», — его следует отнести к концу 1862 г.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 115—116.

Впервые — *С* 1863, № 4, стр. 557—558, с заглавием: «Страда», с подписью: «Н. Некрасов». Вошло, без заглавия, в третью часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873. Перепечатано в VII вып. «Русской библиотеки» М. Стасюлевича, П. 1877, стр. 91—92, с датой: «1861».

1 8 6 3

КУМУШКИ

(стр. 155)

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 108—110. В ст. 9 вместо «Жжжжжж-жж» — «Жжжжж-жж», в качестве кофлектурь нарушенного метра.

Впервые — «Солдатская беседа», СПб. 1863, кн. I, стр. 31—32. Дата: «Январь. 1863». Подпись: «Н. Некрасов». Вошло, без даты, в третью часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в третьей части двух последующих изданий.

Первоначальный набросок — *ИЛИ* 203/13. Без подписи и даты, в левом верхнем углу запись: «Поп. Доктор. Засуха».

КАЛИСТРАТ

(стр. 157)

Некрасов около пятнадцати лет не возвращался к песенному народному творчеству. Но в шестидесятых годах, когда крестьянская тематика заняла в его поэзии господствующее место, он снова обратился к фольклору и создал в короткое время целый цикл народных песен из крестьянского быта: «Дума» (1861), «Зеленый шум» (1862), «Калистрат» (1863), «Молодые», «Катерица», «Сват и жених», «У людей-то в дому» (1866), не говоря уже о поэмах «Коробейники» и «Мороз, Красный нос», многие части которых приближаются к песенно-фольклорному стилю.

В этих песнях настойчиво повторяется тема о безвыходной крестьянской нищете («Дума», «Песня убогого странника» и т. д.). Но характерно, что крестьяне, от лица которых говорит в этих песнях поэт, склонны относиться к своей нищете иронически. Нищета не сломила их, и они находят в себе душевные силы смеяться над нею, шутливо изображая ее как особую форму богатства. Эта изумительная жизнестойкость и бодрость русского крестьянина особенно явственно выразилась в песнях «Калистрат» и «Молодые».

Существует мнение, что литературным источником для «Калистрата» послужил образ неудачника из распространённой повести в народном духе «Как Горь-Злосчастие довело молодца во иноческий чин» («Наука на Украине», 1922,

стр. 195—203). Близость этих двух произведений представляется нам сомнительной.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 102.

Впервые — *С* 1863, № 9, стр. 313, с подписью: «И. Некрасов». Вошло в третью часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

Беловой автограф на отдельном листе, без правки—*ИЛИ* 203/8. Дата: «5 июня». Подпись: «И. Некрасов».

ПОЖАРИЩЕ

(стр. 158)

Блюхер—прусский фельдмаршал (1742—1819), участник сражения при Ватерлоо (1815). Его лубочный портрет долгое время был популярен в России. Некрасов еще в романе «Три страны света» (ч. II, гл. VIII) упоминает портрет Блюхера в качестве обычного украшения станционной избы. (См. также «Сельскую ярмонку» в поэме «Кому на Руси жить хорошо».)

Забалканский — русский генерал-фельдмаршал Дибич (1785—1831), получивший имя Забалканского за переход через Балканский хребет в русско-турецкую войну в 1829 г.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 125—126.

Впервые — *С* 1863, № 10, стр. 519—520, с подписью: «И. Некрасов». Вошло в третью часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

«БЛАГОДАРЕНИЕ ГОСПОДУ БОГУ»

(стр. 160)

Дорога, изображаемая здесь, — знаменитая Владимирка, по которой гнали арестантов в Сибирь. Последние строфы посвящены арестованному революционеру, отправляемому на каторгу в сопровождении жандарма. Стихотворение написано в 1863 г., когда правительство Александра II стало ссылать в Сибирь польских повстанцев.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, приложение второе (стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части),

стр. 251—252. Цензурный пропуск ст. 29—32 восстановлен по *Стих* 1879, т. II, стр. 76.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, приложение, под рубрикой: «Отрывки», стр. 244—246. Перепечатано в приложениях четвертой части *Стих* 1873.

В *Стих* 1879 напечатано в основном отделе «по указанию автора», как свидетельствует в своих примечаниях С. И. Пономарев (*Стих* 1879, т. IV, стр. LXV).

Полное чтение ст. 30 неизвестно; В. Е. Евгеньев-Максимов обнаружил экземпляр книги стихотворений Некрасова, где неизвестной рукой этот стих был дополнен: «С саблей усач-негодяй»; но надпись не может служить документальным свидетельством, поскольку чтение «негодяй» является естественно напрашивающейся конъектурой.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

(стр. 162)

В царской армии дисциплина поддерживалась бесчеловечными карами: виновных в нарушении устава засекали нередко насмерть.

Тяготы солдатчины отражались в некрасовской поэзии не раз:

И ужас народа при слове набор
Подобен был ужасу казни —

вспоминал он в «Пире на весь мир», а в сатирах «Балет» и «До сумерек» приравнивал проводы рекрута к погребению покойника. В «Современниках» он говорил о солдате, который ночью оставлял —

Кровавый след на жестком ложе
и т. д., и т. д.

В то время когда писалась поэма Некрасова, вопрос о солдатчине был злобою дня: с 1862 г. в военном ведомстве под руководством либерального министра Д. А. Милютина (1816—1912) стали проводиться реформы по комплектованию и содержанию армии, значительно сократившие срок военной службы.

По поводу «Орины» сестра Некрасова А. А. Буткевич записала в своих воспоминаниях о поэте:

«Орина, мать солдатская, сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальсифицировать» («Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич», *ЛН.*, стр. 178).

«Орина, мать солдатская» предназначалась Некрасовым для одиннадцатой книжки «Современника» за 1863 г. По цензура запретила ее, и Некрасов, после многих мытарств, поместил ее год спустя.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 93—101.

Впервые — *С* 1864, № 2, стр. 573—576, с заглавием: «Горе старой Орины», без эпиграфа, с подписью: «П. Некрасов». Вошло, с заглавием «Орина, мать солдатская», в третью часть *Стих* 1864 и перепечатано в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

В *ИЛИ* сохранилась корректура, с заглавием «Орина», без эпиграфа. Правка отсутствует.

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

(стр. 166)

Сестра поэта Анна Алексеевна Буткевич (1823—1882), которой посвящена поэма «Мороз, Красный нос», всю жизнь была в дружеских отношениях с братом.

Он писал ей (30 октября 1874 г.) незадолго до своей смертельной болезни: «Моя усталая и больная голова привыкла на тебе, на тебе единственно во всем мире, останавливаться с мыслью о бескорыстном участии» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л. 1930, стр. 543).

Поэма «Мороз, Красный нос» писалась в 1863 году, то есть в то самое время, когда правительство Александра II, испуганное революционным подъемом, начавшимся после Крымской войны, выступило в поход против передовой демократии.

Вспользовавшись напикой, вызванной знаменитыми петербургскими пожарами 1862 г., власти приостановили некрасовский журнал «Современник», арестовали вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского, заключили в крепость Д. И. Писарева. Обыски и аресты в среде молодежи стали обычным явлением. Либералы отшатнулись от демократических масс. Польское восстание 1863 г. было использовано самодержавием для дальнейшей полицейской расправы.

Естественно, что, переживая этот разгром, Некрасов испытывал очень тяжелое чувство. Отсюда его мрачные строки о том, что эта его последняя песня —

Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней.
И в грядущем еще безнадежней.

Но даже эта поэма, которую сам Некрасов называет печальной, свидетельствует о его оптимистической вере в грядущее торжество народа. Всеми ее величавыми образами Некрасов убеждает читателя, что, как бы ни была в ту пору мучительна крестьянская жизнь, сами крестьяне так мудры и мужественны, так богаты духовными силами, их быт, несмотря ни на что, так гармоничен, устойчив и крепок, что нет на свете такого врага, которого не могли бы они сокрушить в борьбе за счастье.

Хотя в этой поэме изображаются похороны, но не они составляют ее главную тему. Главная тема ее заключается в том, как крепка и прекрасна народная жизнь, сколько силы, доброты и величия в русском простом народе.

Замечательно, что в эту поэму, равно как и в поэму «Кому на Руси жить хорошо» (которую Некрасов начал писать в том же 1863 г.), он вводит фантастические образы, подсказанные ему фольклором. В одной поэме — скатерть-самобранка и волшебная птица, в другой — знаменитый Мороз-воевода. Это свидетельствует об органической близости поэта к фольклору, к устной народной поэзии, причем фантастика не мешает обеим поэмам быть величайшими образцами реалистического искусства. Здесь, как и всюду, реализм Некрасова — не в робком копировании мелких подробностей быта, а в широко обобщенных синтетических образах.

О том, как Некрасов использовал для своей поэмы народную сказку «Морозко», народные похоронные причитания, обряды, поверья, обычаи — см. статью Н. Андреева «Фольклор в поэзии Некрасова» («Литературная учеба», 1936, № 7, стр. 68—70).

Содержащиеся в поэме прославление душевных качеств русского народа было восторженно принято тогдашним читателем.

«Мороз, Красный нос» принадлежит к числу лучших поэм Некрасова, — писал журналист Вл. Зотов. — Вся она проникнута таким знанием русского человека и русской жизни, такой любовью к народу, что после этой поэмы всякое сомнение в значении Некрасова, как истинно народного поэта, не может иметь места <...> Вся русская природа, весь быт деревни обрисованы и прочувствованы чрезвычайно верно».

Критик заканчивает статью утверждением, что поэма «Мороз, Красный нос» принадлежит к числу лучших произведений русской поэзии, которыми она всегда будет гордиться (Вл. Зотов, «Мороз, Красный нос», альбом «Северное сияние», т. IV, СПб. 1885, стр. 33—36).

«Сейчас я прочел ваш Мороз, — писал Некрасову сын декабриста Волконского (М. С. Волконский). — Он пробрал меня до костей и не холодом, — а до глубины костей тем теплым чувством, которым пропитано это произведение. Ничто, до сих пор мною читанное, не потрясло меня так сильно и глубоко, как Ваш рассказ, в котором нет ни одного слова лишнего: каждое так и бьет вас по сердцу. Все это как нельзя более знакомо и близко мне, до 25-летнего возраста то и дело переезжавшему из деревни в деревню, от одного мужика к другому <...> Дайте мне возможность поделиться им <этим произведением> с моим отцом, доказавшим на деле, как он любит русского мужика» (В. Е. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в, Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л. 1928, стр. 309).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. III, стр. 15—75 и (посвящение) — ч. IV, стр. 248—250. Ст. 367 печатается в редакции *Стих* 1879, ч. II, стр. 98.

Впервые полностью — *С* 1864, № 1, стр. 5—40, с подписью: «Н. Некрасов» и посвящением: «Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне», но без посвятельных стихов. Заглавие — с восклицательным знаком: «Мороз, Красный нос!». Вошло (с датой: «1863») в третью часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в третьей части *Стих* 1869 и 1873.

Отрывок поэмы (главки I, II, VI и VII), под заглавием «Смерть Прокла», был ранее напечатан в журнале «Время», 1863, № 1, стр. 302—305, с подписью: «Н. Некрасов». Стихотворное посвящение А. А. Буткевич впервые — в *Стих* 1869, ч. IV, стр. 242, в приложении, с заглавием: «Сестре (из посвящения к поэме «Мороз, Красный нос»)»; перепечатано в приложениях четвертой части *Стих* 1873; присоединено к тексту поэмы вслед за С. И. Пономаревым, указавшим в примечании к *Стих* 1879, IV, стр. LXVI: «Ныне помещается на своем месте, по указанию поэта».

Отдельное издание поэмы («Мороз, Красный нос», СПб. 1870, тит. В. Неклюдова, 57 стр., цена 15 коп.) было выпущено кружком молодежи в Петербурге, занимавшимся изданием «хороших народных книг» и расширением их в провинции. Участниками кружка были В. И. Семевский, А. М. Скабичевский; последний, работая в «Отечественных записках» Некрасова, «получил для кружка согласие <автора> на издание <...> поэмы «Мороз, Красный нос» (Б. Э. К е т р и ц, «Голос мнувшего», 1923, № 1, стр. 4).

Беловая наборная рукопись — *ПБ*, общее собрание русских автографов. Писана палео. Заглавие: а) «Смерть Прокла», б) «Смерть крестьянина» и в) «Мороз, Красный нос!» Под текстом карандашная помета: «Совр. № 1. Цитеро». Под текстом (под «Эпизодом») дата: «21 августа 1863. На пароходе от Нижнего».

Первоначальная редакция состояла из ст. 1—20, 131—519, 792—904, 905—988, 989—1016 и «Эпизода». Ст. 21—130 и 520—791 являются вставками в основной текст. «Эпизод» был в рукописи зачеркнут, а ст. 985—988, предшествовавшие эпизоду, переставлены перед ст. 989. Окончательная редакция рукописи, получившаяся в результате этих вставок, перестановок и правки, в основном совпадает с окончательной печатной, отличаюсь от нее немногочисленными вариантами.

Беловой автограф ст. 1—20 — в тетради *ЛБ* 5761. Заглавие: «По дороге зимой».

Ст. 33—36 посвящения записаны среди разных (преимущественно прозаических) заметок на отдельных листках *ИЛИ*, 203/42.

1 8 6 4

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

(стр. 200)

Петр Вейнберг в своих воспоминаниях между прочим сообщил, что за несколько минут до смерти Добролюбова он прошел в следующую комнату и «увидел, что Некрасов, черствый, холодный <!> Некрасов, которого все <!> знали именно таким, плакал. Под тяжелым впечатлением страдающего Добролюбова он произнес тогда те слова, которые потом вылились у него в форме его знаменитого стихотворения: «Какой светильник разума угас!..» («Россия», 1901, стр. 946).

Впоследствии Некрасов сделал к своему стихотворению примечание: «Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов».

В «Современнике» стихотворение напечатано без подписи, без двух четверостиший, следующих за словами «какое сердце биться перестало» и без указания, что стихи посвящены Добролюбову. Вместо заглавия были поставлены три звездочки и под ними в скобках—

«Отрывок». Ниже, в качестве эпиграфа, следовали стихи Добролюбова:

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою
И тебя благословляю —
Шествуй тою же стезею...

Восклицание Некрасова:

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало! —

В. И. Ленин цитировал в качестве эпиграфа к своему некрологу Фридриха Энгельса (В.И. Ленин, Сочинения, 4-е изд., т. II, стр. 5).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 176—177.

Впервые — *С* 1864, № 11—12, стр. 276. Вошло (с заглавием «Памяти — — ва») в четвертую часть *Стих* 1869 и перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

(стр. 201)

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 173.

Впервые в *Стих* 1869, ч. IV, стр. 169; перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(стр. 202)

Стихотворение основано на подлинных фактах, относящихся к постройке Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги между Петербургом и Москвой (1842—1852). Строил эту дорогу главноуправляющий путями сообщения и общественными зданиями П. А. Клейнмихель (1793—1868), бывший адъютант Аракчеева. Чтобы щегольнуть перед царем быстротою постройки, он не щадил ни здоровья, ни жизни рабочих. (См. А. В. Дельвиг, Полвека русской жизни, т. I, М. — Л. 1930, стр. 388—590).

Участовавший в постройке инженер В. А. Панаев, близкий приятель Некрасова, вспоминал впоследствии о положении этих рабочих:

«Землекопы преимущественно нанимались в Витебской и Вилецкой губерниях из литовцев. Это был самый несчастный народ

ла всей русской земле, который походил скорее не на людей, а на рабочий скот, от которого требовали в работе нечеловеческих сил без всякого, можно сказать, вознаграждения» («Русская старина», 1901, № 7, стр. 39).

Это подтверждает и официальный доклад тогдашнего ревизора Мясоедова, опубликованный в «Архиве истории труда». Оказывается, что за полгода каторжной работы землекопы получали в среднем 19 рублей (то есть три рубля в месяц), что у них не хватало ни одежды, ни обуви, что, пользуясь их темнотой, приказчики обчитывали их на каждом шагу, а когда один из них выразил недовольство казенным пайком, его наказали плетью. В другой раз жандармы выпороли 80 рабочих из партии в 728 человек. Доведенные до крайнего отчаяния, рабочие то и дело убегали на родину, но их ловили и приводили назад (И. Н. К у б и к о в, Рабочий класс в русской литературе, Иваново-Вознесенск 1926, стр. 47).

Впоследствии Некрасов, по цензурным условиям, выбросил из эпиграфа к «Железной дороге» имя Клейнмихеля и заменил его словом «инженеры». Но мы сочли необходимым восстановить первоначальную редакцию.

Возможно, что замысел этой поэмы возник у Некрасова в 1860 г. под влиянием статьи Н. А. Добролюбова «Опыт отлучения людей от пищи», где была изображена бесчеловечная эксплуатация рабочих, которая практиковалась подрядчиками при постройке железных дорог. Рабочих «не кормят по нескольку дней, привозят и пускают в голую, бесплодную степь, без хлеба, без всяких запасов, на 40° жару, не заготовивши им никаких помещений, не пославши с ними ни лекаря, ни медикаментов... Как тут не умереть человеку?..» («Современник», 1860, № 5; «Свисток», стр. 17; Н. А. Д о б р о л ю б о в, Полное собрание сочинений, т. VI, М. 1939, стр. 130—131).

6 мая 1864 г. цензурный комитет запретил печатание «Железной дороги», так как в этих стихах «объясняется генеральскому сыну картина мучений, испытываемых рабочим людом при постройке железных дорог; генерал — представитель другого быта, другого сословия, смеется над участью рабочих» (В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в, Некрасов как человек, журналист и поэт, Л. 1928, стр. 237).

Через год Некрасов, пользуясь, «освобождением» журналов от предварительной цензуры, напечатал «Железную дорогу» в «Современнике», выбросив несколько наиболее дерзостных мест: строфу о голоде («Водит он армию» и пр.) и строфу о притеснении рабочих подрядчиками («Все заносили десятники в книжку»).

В подзаголовке он написал, что стихотворение посвящается *детям*, а в конце поставил дату: «1855 год», указывая таким образом, что его сатира якобы относится к предыдущему царствованию.

Но эти меры не спасли его стихов. Член совета Главного управления по делам печати Мартынов дал такой отзыв о «Железной дороге»:

«Нельзя без содрогания читать эту страшную клевету<...> на первое благотворительное предприятие нашего правительства к усовершенствованию на западный образец наших путей сообщения... Автор утверждает, что люди, употребленные на работах, «гроб обрели здесь себе», что рельсы дороги, вместо подушек, укрепляются чуть ли не на «косточках русских», что «начальство секло народ», представляя ему мерзнуть и гибнуть от цынги в землянках. Не удовлетворяясь общими выражениями паглой клеветы, автор позволяет себе даже сделать произвольное исчисление мучеников, потерпевших смерть за железную дорогу, утверждая, что таковых пять тысяч...»

Возмущало Мартынова также и то, что в эпиграфе упомянут граф Клейнмихель — «очевидно, с целью возбудить в читателях негодование против этого имени, рассчитывая на страшную эффектность стихотворения». Мартынов находил, что стихотворение Некрасова «Железная дорога» заслуживает парекания и преследования, «как представляющее сооружение этого пути результатом притеснения народа со стороны правительства, с возбуждением негодования против высшего правительственного лица» (В. Е в г е н ь е в-М а к с и м о в, Последние годы «Современника», Л. 1939, стр. 107—108).

Совет согласился с Мартыновым, и 4 декабря 1865 г. министр внутренних дел Ш. А. Валуев определил «объявить второе предостережение журналу «Современник», в лице издателя-редактора, дворянина Николая Некрасова, и редактора, состоящего в чине VIII класса, Александра Пыпина» (Т а м ж е, стр. 110—111). Для Некрасова это было тяжелым ударом, но уже в марте 1866 г. (в «Песнях о свободном слове») он посмеялся над распоряжением министра:

Все пошатнулось! О, где ты,
Время без бурь и тревог?
В бога не верят газеты
И отрицают поэты
Пользу железных дорог...

Святой Стефан — собор в Вене, ценный памятник средневекового зодчества.

Или для вас Аполлон Бельведерский хуize печного горника — здесь Некрасов перефразировал слова Пушкина:

Тебе бы пользы все — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский...
Печной горшок тебе дороже,
Ты пищу в нем себе варишь.

«Железную дорогу» обычно относили к 1855 г. Мы относим ее к более раннему времени, потому что, как было указано выше, еще в мае 1864 г. Некрасов представлял ее в цензуру.

Влияние «Железной дороги» на тогдашнюю молодежь было огромно. Замечателен в этом отношении рассказ Плеханова:

«Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного пачальства, глубоко врезались в мою память; я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу» (Г. В. Плеханов, Сочинения, М.—Л. 1925, т. X, стр. 389).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 127—137.

Впервые — *С* 1865, № 10, стр. 547—552, с подзаголовком: «Посвящается детям», датой: «1855 г.» и подписью: «Н. Некрасов». Вошло (с датой: «1864») в четвертую часть *Стих* 1869 и перепечатано в четвертой части *Стих* 1873. В обоих случаях подзаголовки и дата указаны только на шмуцтителе.

Цензурный пропуск ст. 125—128 восстановлен в *Стих* 1869; ст. 25—28 — в *Стих* 1873.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(стр. 207)

В этих стихах Некрасов изображает свое возвращение на родину после пребывания за границей весной и летом 1864 г. Вероятнее всего, стихи сложились у него по дороге в Карабиху, куда он приехал осенью.

Последние строки:

И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило всяк... —

были правильно восприняты тогдашним читателем как выражение тоски по революционному подвигу.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 171—172.

Впервые — *С* 1865, № 9, стр. 32, с датой: «1864 г.» и подписью: «Н. Некрасов». Вошло в четвертую часть *Стих* 1869 и перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

Беловой автограф — *ЦГЛА*. Над текстом приписка: «Здоров ли ты? <Вот> тебе стихи, из них увидишь, что я не очень весел. Некрасов». Листок был послан Некрасовым Вал. А. Панаеву; дочь последнего, Е. В. Дягилева, передала автограф музею Белевского земства имени В. А. Жуковского.

НАЧАЛО ПОЭМЫ

(стр. 208)

Во второй строфе Некрасов вспоминает, что он «в Италии — писал о русских ссыльных»: в 1856 г. он жил в Риме и заканчивал поэму «Несчастные».

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 244—246.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, приложение второе (Стихотворения 1860—63 гг., не вошедшие в предыдущие части) под рубрикой: «Отрывки», стр. 239—240. Перепечатано в приложениях четвертой части *Стих* 1873.

1 8 6 5

О ПОГОДЕ

Часть вторая

(стр. 210)

1. Крещенские морозы

Самоед на Неве удивляется.—Самоедами в ту пору называли ненцев. Два-три ненецких семейства приезжали в Петербург ежегодно. Еще в 1859 г. в некрасовском журнале было напечатано такое известие: «В Петербург приехали самоеды из Архангельска с оленями показывать себя и прокатывать на оленях петербургских жителей. Они устроили на Неве юрту и покрыли ее оленьими

пикурами. Олени запряжены по четверке в маленькие санки...» («Современник», 1859, № 2, стр. 414).

Итальянская певица Аппджиолина *Бозио*, которая упоминается в этих стихах, с большим успехом выступала на петербургской сцене и умерла от простуды в 1859 г.

Никакие известия из Вильно, никакие статьи из Москвы.— Под заголовком: «И з в е с т и я и з В и л ь н о» в тогдашних газетах печатались сообщения о польском восстании. *Статьи из Москвы* — передовицы реакционного публициста М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», посвященные систематической травле восставших поляков.

И. К о м у х о л о д н о, к о м у ж а р к о.

В журнале заглавие кончалось восклицательным знаком. Цензура не разрешила строки:

Где катаются сами цари.

И потому в «Современнике» было:

Где катаются моды цари.

Шпиль за урюмой Невюю — то есть шпиль Петропавловской крепости, где были заключены революционеры. В этой крепости были казнены декабристы.

Над Думой показались два красных шара.— Эти деревянные шары были сигналом пожара; они вывешивались на высокой башне городской думы (на Невском проспекте) и на пожарных каланчах.

И на окнах аптек, в разноцветных шарах вверх ногами на миз отразилась... — В то время отличительным признаком аптек были большие стеклянные шары, которые выставлялись на окнах.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 9—26.

Впервые — первая сатира — *С* 1865, № 2, стр. 541—545, с заглавием: «О погоде. V. Крещенские морозы» и с подписью: «Н. Некрасов». К цифре V в заглавии — сноска:

«См. «Современник» 1861, №№ 1, 2 и 3. Глава IV, следующая за напечатанными, выпущена». После текста ремарка: «(Продолжение впереди)».

Вторая сатира — там же, № 3, стр. 235—239, с заглавием: «О погоде. VI. Кому холодно, кому жарко!» и с подписью: «Н. Некрасов». После текста ремарка: «(продолжение впереди)».

Вошли (с датой на шмуцтитуле: «1865») в четвертую часть *Стих* 1869 (где составили вторую часть цикла сатир «О погоде») и переизданы в четвертой части *Стих* 1873.

Цензурный вариант ст. 12 исправлен в *Стих* 1869.

Наборные рукописи второй части сатир «О погоде» хранятся в *ЛБ*. Ст. 143—164, на обороте непосредственно продолженные следующей главой сатир, «Клуб»—*ЛБ* 5764. Под текстом приписано: «(Продолжение впрямь)». Подпись: «Н. Некрасов».

Характеристику рукописей, относящихся к циклу сатир 1864—1866 гг., и историю цикла см. в примечаниях к сатире «Недавнее время» (стр. 715—717).

ГАЗЕТНАЯ

(стр. 219)

Газетной называлась особая комната петербургского Английского клуба, предназначенная для чтения газет и журналов.

Стихотворение «Газетная» является откликом на тогдашнюю злобу дня. Незадолго до того (6 апреля 1865 г.) правительство Александра II «даровало» литераторам весьма своеобразную «свободу», издав закон о предоставлении «некоторых облегчений и удобств отечественной печати». По этому закону все газеты и журналы освобождались от предварительной цензуры. Но на деле «свобода печати» оказалась хуже цензурных тисков, потому что за малейшее нарушение цензурных правил были назначены суровые кары. Прежде за содержание статей отвечал раньше всего цензор, теперь вся тяжесть ответственности падала на автора и редактора-издателя. Тем не менее в первой же «беспензурной» книжке своего «Современника» Некрасов воспользовался этой мнимой свободой и напечатал «Газетную», где заклеил ненавидящих ему цензоров. Совет по делам печати, рассмотрев эту книжку «Современника», на основании нового закона, пашел там немало «зловредных» статей— в том числе и стихотворение «Газетная», где «изображено в крайне оскорбительном виде звание Цензора».

Когда в ноябре «Современник» получил первое предостережение, «Газетная», несомненно, была одним из поводов к недовольству «Современником», хотя и не упоминалась в числе произведений, вызвавших административную кару (М. Л е м к е, Эпоха цензурных реформ, П. 1904, стр. 431).

Печатая «Газетную» в книге своих стихотворений, Некрасов, из цензурных соображений, снабдил ее таким предисловием:

«В. Само собою разумеется, что лицо цензора, представленное в этой сатире, — вымышленное, и, так сказать, исключительное в ряду тех почтенных личностей, которые, к счастью русской литературы, постоянно составляли большинство в ведомстве, дер-

жавшем до 1865 года в своих руках судьбы всей русской прессы» (*Стих* 1869, ч. IV, стр. 48).

Предисловие — ироническое, но оно было принято всерьез, и «Газетная» беспрепятственно появилась в печати.

Как видно из автографа (*ЛБ*), «Газетная» является лишь частью большой сатиры, которую Некрасов хотел написать об Английском клубе. Другая часть была впоследствии выделена поэтом в самостоятельную сатиру «Недавнее время» (1871), посвященную тому же клубу.

Прав доныне старик Грибоедов... — Поэт ищет в виду слова Фамусова в «Горе от ума»:

Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно снится.

Просто Толстой — Ф. М. Толстой (1809—1881), цензор, композитор и беллетрист, автор повести «Болезни воли» (см. о нем *ЛН2*).

До того расходилась печать, что явилась потребность субсидий... — Начиная с 60-х годов, правительство Александра II ввело систему подкуна прессы для борьбы с нарастающим революционным движением.

Нам Катков предстоит великаном, мы Тургенева кушать зовем... — Сопоставление Тургенева с реакционером Катковым должно было восприниматься тогдашними читателями как резкий выпад против Тургенева, которого после напечатания «Отцов и детей» «Современник» трактовал как реакционного автора.

Вральня — комната московского Английского клуба. (А. И. Дельвиг, Мои воспоминания, М. 1913, т. III, стр. 23).

«Инвалид» — официальная газета военного министерства («Русский инвалид»), в которой, наряду с другим газетным материалом, печатались приказы о служебных перемещениях, назначениях и наградах.

Цензор в «Газетной» упоминает ряд умеренных либералов, реакционная роль которых была видна и тогда. Но в отсталой России даже эти реакционеры-парламентарии казались охранителям «красными». Поэтому и реформист Маколей и демагог Гизо, проводивший во Франции крайне консервативную политику в угоду дворянской олигархии, оказываются в одном ряду с «кровопийцей» Прудомом, запальчивым пропагандистом мелкобуржуазного анархизма.

Тьер, ныне известный как палач Коммуны 1871 г., в те времена заявлял о своей принадлежности к «партии революции» и мог быть причислен русскими ретроgrадами к «злодеям» (то есть к борцам за свободу).

Канунер — ядовитое растение (*Balsamina vulgaris*).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 49—66.

Ст. 183 восстановлен по рукописи (*ЛБ*).

Впервые — *С* 1865, № 8, стр. 505—514, с подзаголовком: «(Сатира 12)» и с подписью: «И. Некрасов». Вошло (без подзаголовка, с датой: «1865») в четвертую часть *Стих* 1869 и перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

Цензурные исправления ст. 232 и 234 (упоминание о северном орле — эмблеме императорской власти) и ст. 316 и 318 (о цензоре-палаче) восстановлены в *Стих* 1873.

Наборная рукопись — *ЛБ* 5761. К заглавию «Газетная» был приписан подзаголовок: «Из опытов в сатире», замененный подзаголовком: «(Очерк [11] 12)». Над текстом помета: «Совр. № 8». На последнем листе — переход к следующей сатире «Игорная» («Недавнее время»); после ст. 340 Некрасов поставил свою подпись и пометил (для типографии): «до этого».

Ранняя редакция ст. 1—8 — среди черновых набросков сатир в *ЛБ* 5754.

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

(стр. 228)

В. И. Ленин использовал двустишие из «Песен о свободном слове» в статье «Зсеровские меньшевики»: народный социалист Пешехонов спрашивает: «Можно ли взять всю землю?» и тоже отвечает: *пелльям*. Осторожность, осторожность, осторожность, госнода!» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. X, стр. 70).

О тех цензурных реформах, которыми вызваны «Песни о свободном слове», см. примечание к стихотворению «Газетная».

Особенно пострадал от этих реформ некрасовский «Современник». 10 ноября 1865 г. министр внутренних дел П. А. Валуев объявил «Современнику» первое предостережение, 4 декабря — второе. Два предостережения были серьезной угрозой журналу, так как после третьего он подлежал закрытию.

В стихотворении «Наборщики» выражено глубокое сочувствие Некрасова типографским рабочим, которые в то время были вынуждены трудиться в антигигиенических условиях по 14 и по 16 часов в сутки.

Что в Петербурге климат плох. — Когда в 40-х гг. об этом написал Фаддей Булгарин, один из жандармов грозно заметил ему: «Вольнодумствовать вздумал!? Климат царской резиденции

брапвшь!? Смотри!» («Исторический вестник», 1887, № 10, стр. 168).

Все лишь подобье. — В передовице аксаковского «Дня» по поводу уничтожения предварительной цензуры были такие строки: «Всмотритесь пристально вокруг себя — что вы увидите? Толпу призраков, теней или, вернее сказать, подобий, вы окружены подобием всего» («День», 1865, № 313).

Ясно — премудрый Аксаков, автор премудрого «Дня»! — Ив. Аксаков, славянофил, редактор газеты «День». Называя эту газету премудрой, пост тем самым напоминал о статье Антоповича «Суемудрие «Дня» («Современник», 1865, № 10, стр. 181), за которую наряду с «Железной дорогой» Валуев и дал журналу второе предостережение. В статье разоблачалась реакционная сущность передовиц Аксакова, прикрывавшаяся мнимо радикальными фразами (М. А. Антопович, Избранные статьи, Л. 1938, стр. 398).

Мы все должны мужикам! — Здесь Некрасов снова напоминает о статье «Современника», вызвавшей репрессии П. А. Валуева. Один из подзаголовков этой статьи был таков: «Как измерить примерно долг народу цивилизованных классов?» Написана она была Ю. Г. Жуковским. В ней доказывалось, что, судя по налогам, которые государство взимает с крестьян, так называемые культурные классы (то есть дворяне) должны крестьянам около шести миллиардов («Современник», 1865, № 9, стр. 92).

И отрицают поэты пользу железных дорог! — новая насмешка над министром Валуевым, который дал второе предостережение «Современнику» за напечатание некрасовской «Железной дороги» (наряду с «Суемудрием «Дня»).

Он полуженским Ташкента разволновался, как лев... — 30 ноября 1865 г. совет Главного управления по делам печати нашел, что в газете «Голос» (№ 322 и 325) в статье по поводу приятия Ташкента под покровительство России заключаются «резкие порицания и неприличные суждения о правительственных мероприятиях», и постановил объявить первое предостережение газете «Голос». (См. Сборник постановлений и распоряжений по делам печати с 5 апр. 1865 г. по 1 авг. 1868 г., СПб. 1868, стр. 75—76.)

Даже коснулся министра неустрашимый Катков. — В газете «Московские ведомости» реакционный публицист Катков изобличил либеральствовавшего министра народного просвещения А. В. Головнина в том, что он действовал на два фронта, одновременно заискивая перед Катковским и поощряя его врагов (М. Лебедев, Эпоха цензурных реформ, 1904, стр. 352—357).

Так как в последнем отрывке стихотворения «Осторожность»

(о пожаре в селе Остожье) было задето духовное ведомство, отрывок удалось напечатать лишь в 1869 г. в новом издании стихотворений Некрасова.

Вторая строка «Литераторов» в автографе читается так:

(Писцов, Дворянчиков, Кутьин).

Эти три фамилии, несомненно, указывают на три разных социальных слоя, которые по-разному отнеслись к дарованной им «свободе печати». Писцов — чиновник, Дворянчиков — помещик, Кутьин — разночинец (от слова кутья, которым дразнили тогда лиц духовного звания). В то время как чиновник и помещик встречают «свободу» с восторгом, разночинец скептически качает головой.

Господин Пановский. — Пановский Н. М. (1802—1872), московский фельетонист, близкий сотрудник катковских изданий.

Курил на улицах сигары. — Курение на улицах и в общественных местах воспрещалось. Это нелепое стеснение было отменено только в 1865 г. особым постановлением Государственного совета (А. П. Дельвиг, Полвека русской жизни, М. — Л., т. II, 1930, стр. 319).

Стихотворение «Пропала книга!» написано по следующему поводу. В 1866 г. фельетонист либеральных «Петербургских ведомостей» А. С. Суворин (впоследствии издатель и редактор ретроградной газеты «Новое время») напечатал фельетонную повесть «Всякие. Очерки современной жизни». Эта книга еще до выхода в свет была арестована, и 20 декабря 1866 г. петербургская судебная палата (ислед за окружным судом) приговорила ее к уничтожению, найдя в ней восхваление политических преступников, оскорбительные отзывы о дворянском сословии и резкие нападки на государственную строй.

Книга эта больше всего замечательна тем, что в ней (под псевдонимом Самарского) сочувственно изображен Н. Г. Чернышевский, незадолго до того (в 1864 г.) сосланный на каторгу. В книге указывалось, что вынесенный ему приговор был основан на фальшивых документах и даже было названо имя того лжесвидетеля, который создавал эти фальшивки: по словам автора, Самарский «погиб от подделок под его руку письма каким-то Всеволодом Теломаровым», т. е. Всеволодом Костомаровым («Сборник сведений по книжно-литературному делу за 1866 г.», М. 1867, ч. II, стр. 87—123; А. С. Суворин, Всякие. Очерки современной жизни, изд. 2-е, СПб. 1909).

Это разоблачение преступных махинаций сената и царской полиции было настоящей причиной уничтожения книги Суворина.

Некрасов именно потому и отнесся к этой книге с таким горячим сочувствием, что в ней заключался протест против расправы с И. Г. Чернышевским.

Этой «пропавшей книге» и посвящено стихотворение Некрасова. Есть основания думать, что поэт лично присутствовал на процессе Суворина (см. его письмо В. Гаевскому от 20 декабря 1865 г.).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 67—100. Имя Паповского в ст. 19 песни «Фельетонная букашка» восстановлено по *С* 1866, № 3, стр. 5. Ст. 36 восстановлен копьевидно (ср. автограф).

Впервые цикл был напечатан в *С* 1866, № 3, стр. 5—20, в составе восьми песен: «Рассыльный», «Наборщики», «Журналист-руководитель», «Журналист-рутинер», «Поэт», «Литераторы», «Фельетонная букашка», «Публика». Общий заголовок: «Песни о свободном слове (писано в ноябре и декабре 1865 года)»; вместо подписи — три звездочки.

Беловая наборная рукопись цикла — *ИЛИ* 203/22, в двух редакциях.

В списке автографов стихотворений Некрасова, сделанном А. А. Буткевич (*ИЛИ* 203/44), значится: «Журналист будущего (В Ледовитом океане)».

Два последние присоединенные к циклу стихотворения — «Осторожность» и «Пропала книга!» — впервые напечатаны вне цикла, в журнале «Отечественные записки», 1868, № 3, стр. 313—315 (с датой: «1865, декабрь») и № 4, стр. 635—636; вместо подписи — три звездочки.

Включая цикл в четвертую часть *Стих* 1869, Некрасов исключил из него песни «Журналист-руководитель» и «Журналист-рутинер» (см. стр. 495—497) и присоединил напечатанные отдельно «Осторожность» и «Пропала книга». Общее заглавие цикла: «Песни о свободном слове (1865 год)»; под VII песней дата: «1865» (относящаяся и ко всем предыдущим стихотворениям цикла), под VIII песней: «1866».

1 8 6 6

БАЛЕТ

(стр. 244)

Сила этой сатиры — в резком контрасте крестьянского горя и бессмысленной праздности социальных верхов. На таких «очных ставках» угнетенной и бесправной деревни с «ликующими, праздни

болтающими, обагрившими руки в крови» основаны многие сатиры Некрасова: «Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога», «Современники», пьеса «Как убить вечер» и пр.

Те стихи «Балета», где трактуется тема всеобщего безденежья, были написаны Некрасовым несколькими годами ранее и предназначались для сатиры «Клуб», которая впоследствии была напечатана под заглавием «Недавнее время». Эта тема в ту пору была злободневной (см. брошюры: «Два современных вопроса: безденежье и дороговизна», СПб. 1860; Н. Т а р а с е н к о-О т р е ш к о в, Причины нынешнего безденежья и средства к ослаблению их действия, СПб. 1861; А. К р а с и л ь н и к о в, Наше безденежье, СПб. 1864 и др., указанные А. Максимовичем в его статье «Некрасов — участник «Свистка». ЛН, стр. 316).

«Стихотворение Н. Некрасова «Балет» навеяно впечатлениями от балетов «Дочь фараона», «Конек-горбунок» и танца «Мужичок», — говорит Ю. Слонимский в своей книге «Мастера балета» (М.—Л. 1937, стр. 280).

О танце «Мужичок», вызвавшем негодование Некрасова, в той же книге приводится следующий отзыв современной печати: «Особенно наэлектризовала г-жа Петипа публику в «Мужичке» в национальном русском костюме, в плисовых шароварах, в красной рубахе, с отвороченными сапожками и в ямщицкой, украшенной павлиньим пером, шапочке набекрень» (Т а м же, стр. 212).

По первоначальному замыслу Некрасова «Балет» явился десятой сатирой его большого цикла «О погоде». В «Современнике» в подзаголовке так и сказано: «Сатира 9».

В «Современнике» были выброшены цензурой четыре строки, начинающиеся словами: «Чу, клячонку хлестнул старичина...»

М. С. Петина (Суровщикова) — известная характерная танцовщица.

Рита Бернарди — итальянская певица.

Мышиный жеребчик. — Некрасов имеет в виду следующее место «Мертвых душ»: «... семенил ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышинными жеребчиками, забскающие весьма проворно около дам» (ч. I, гл. VIII).

Андрей Адамович Роллер — декоратор петербургских театров.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 27—48. Ст. 79 восстановлен по *Стих* 1879, т. II, стр. 191 (совпадает с автографом ЛБ).
Впервые — *С* 1866, № 2, стр. 608—618, с подписью:

«Н. Некрасов». Вошло (без подзаголовка) в четвертую часть *Стих* 1869 и перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

Беловая наборная рукопись — в ЛБ 5746. Лист 7 взят из черновой единой рукописи сатир. Заглавие: «Театр (Сатира 9)». Надпись, обращенная к метранпажу: «Я бы желал часов в 5-ть иметь 1-ую корректуру в 7-мь вторую. Некрасов».

Первоначальная редакция пачала (ст. 1—21) — на рукописи «Недавнего времени» — ЛБ 5754.

«ЛИКУЕТ ВРАГ, МОЛЧИТ В НЕДОУМЕНЬИ»

(стр. 255)

В эпоху правительственного террора, наступившего после каракозовского выстрела (1866), Некрасов, желая спасти от гибели «Современник», являвшийся в ту пору единственным органом революционной демократии, совершил большой политический промах, о котором впоследствии весьма сожалел: принял участие в чествовании М. Н. Муравьева.

По словам Некрасова, стихотворение «Ликует враг» написано им в тот же день, когда были написаны стихи, обращенные им в Английском клубе к М. Н. Муравьеву (Из записной книжки А. Н. Пыпина, ЛН., стр. 192).

Текст некрасовской оды до сих пор неизвестен. П. И. Бартев, и вслед за ним другие ученые опубликовали, в качестве этой оды, стихи, автором которых, как выяснилось впоследствии, было другое лицо («Русский архив», 1885, № 2, стр. 202; Ч. Ветрицкий (В. Е. Чешихин), Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях. Под редакцией А. Е. Грузинского, М. 1911, стр. 280—281). Хотя редактор настоящего тома в своей давнишней статье высказал (вслед за М. Лемке) сомнение в принадлежности опубликованной оды Некрасову и привел ряд аргументов, подтверждающих эти сомнения (К. Чуковский, Некрасов, Л. 1926, стр. 15), он положился на авторитет вышеупомянутых исследователей (а также на указание «Некрасовского сборника», П. 1918, стр. 227) и некоторое время не считал себя вправе исключить эту оду из числа стихотворений Некрасова. Грубая ошибка редактора была указана Б. Бухштабом в статье «О муравьевской оде Некрасова» («Каторга и ссылка», 1933, № 12; перепечатана в сб. «Некрасов в русской критике», М.—Л. 1944, стр. 183—189).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, Приложение, стр. 246.

Впервые с подзаголовком: «(Из Лары)» — *Стих* 1869, ч. IV, приложение второе («Стихотворения» 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие издания), стр. 241. Перепечатано в приложениях четвертой части *Стих* 1873.

Копия — *ИЛИ* 21/17, из архива А. Н. Пыпина, с его надписью: «Стихи Некрасова (непропущ. во Внутр.<еннем> Об.<озрении> Отеч.<ественных> Зап.<исок> 1878, о похоронах Н.<екрасо>ва). В этих стихах — речь об известном стихотворении М.<уравье>ву, за которое на Н.<екрасо>ва папали».

ПЕСНИ (стр. 256)

Первые четыре песни написаны народным языком, но в них, по словам проф. Н. Андреева, «не обработка непосредственного фольклорного материала, а самостоятельное творчество Некрасова в духе и стиле фольклора. Фольклор отчасти подсказывает автору темы (отчасти потому, что темы эти существовали и в самой жизни), фольклор (опять-таки отчасти) подсказывает ему и формы... песенность «Катерины» настолько велика, что произведение это стало действительно песней и вошло в широкий песенный обиход... Некоторой аналогией к песне «Молодые» является фольклорная песня такого характера:

Хвалилася теща зятем:
У моего зятюшки
Нет ни ус, ни бородушки,
Ни сохи, ни боропушки,
Землицы ни бороздочки,
На току ни кладушечки,
Во столе ни краюшечки!

Однако у Некрасова значительно острее подчеркнута ирония в изображении «богатства» молодых («Это — стойлице коровье, а коровку — бог прибрал!» и т. д.).

«Молодые» и «Сват и жених» написаны четырехстопным хорем, без дактилических окончаний и с более четкими ритмическими ударениями, что придает этим «песням» несколько «рубленый», скороговорочный, прибауточный характер (это особенно естественно для «Свата и жениха», где эта скороговорочность и прибауточность усилена и подчеркнута соседней рифмовкой). (Н. А н д р е е в, Фольклор в поэзии Некрасова, «Литературная учеба», 1936, № 7).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 178—186.

Песня «Сват и жених» впервые — *ОЗ* 1868, № 4, стр. 531—532, с подписью: «Н. Некрасов».

Песня «Гимн» впервые — *ОЗ* 1868, № 12, стр. 322, с подписью: «Н.».

Остальные три песни впервые — *Стих* 1869, ч. IV, стр. 174—182 (где они, вместе с двумя ранее напечатанными, составили цикл с общим заголовком: «Песни»).

Карандашный набросок ст. 15—19 стих. «Катерина» — *ИЛИ* 203/11.

1 8 6 7

«УМРУ Я СКОРО. ЖАЛКОЕ ПАСЛЕДСТВО...»

(стр. 261)

Тема этого стихотворения имеет непосредственную связь с обстоятельствами, изложенными в примечании к стихотворению «Ликует враг» (см. выше).

В. И. Ленин цитировал стихотворение «Умру я скоро», чтобы показать, что либералы-кадеты напрасно «хватаются за фалды Некрасова»:

«Некрасов, по... личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них:

Не торговал я лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры *звук неверный* исторгала
Моя рука...

«*Неверный звук*» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи» (В. И. Ленин, Сочинения, 3-е изд., т. XVI, стр. 132—133).

Стихотворение является ответом на укоризненное анонимное послание, полученное Некрасовым 4 марта 1866 г. и подписанное «Неизвестный друг».

Незадолго перед смертью поэт, подготавливая новое издание своих стихотворений, написал на полях возле слов «Неизвестному другу»: «Не выдуманный друг, но точно неизвестный мне... Где-нибудь в бумагах найдете эту пьесу, превосходную по стиху. Ее

следует поместить в примечании» (Стих 1879, т. IV, стр. LXXIII).

Вот эти стихи:

Не может быть...

Н. А. Некрасову

Мне говорят: твой чудный голос — ложь,
Прельщаешь ты притворною слезою
И словом лишь толпу к добру влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толпою,
Но их речам меня не убедить;
Иное мне твой взгляд сказал невольно:
Поверить им мне было б горько, больно...
Не может быть!

Мне говорят, что ты душой суров,
Что лишь в словах твоих есть чувства пламень,
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно, как камень!
Но отчего ж весь мир сильнее любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И в них обман, а не душа живая!?.
Не может быть!

Но если прав ужасный приговор?..
Скажи же мне, наш гений, гордость наша,
Ужель сулит потомства строгий взор
За дело здесь тебе проклятья чашу?
Ужель толпе дано тебя язвить,
Когда весь свет твоей дивится славе,
И мы сказать в лицо молве не в праве —
Не может быть!?

Скажи, скажи, ужель клеймо стыда
Ты положил над жизнью своею?
Твои слова и я приму тогда
И с верою расстануся моею.
Но нет! И им ее не истребить!
В твои глаза смотря с немым волненьем,
И повторю с глубоким убежденьем:
Не может быть!

В литературе существует указание, не подкрепленное документальными данными, что стихи эти написаны некоей Владимирской («Свиток», М. 1922, вып. I, стр. 163).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 228—230.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, стр. 224—226, с датой: «1867»; перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

Беловая запись ст. 39—48 — *ЛВ* 7591 (там же «Еще тройка»). Редакция совпадает с печатной. Текст перечеркнут карандашом, но на полях помечено: «чисто». Под текстом дата: «26—27 февр.».

ВЫБОР

(стр. 263)

В одном из черновых вариантов поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Матрена Корчагина, рассказывая странникам свою горькую жизнь, обращалась к ним с такими словами:

Крестьяне, сами знаете,
Какая баба русская
Раз двадцать на веку
Не подходила к проруби,
Не думала повеситься?..

Эти строки могут служить комментарием к стихотворению «Выбор».

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 165—170.

Впервые — *ОЗ* 1868, № 1, стр. 75—76. Подпись: «Н. Некрасов».

Черновой автограф — *ЛВ* 5755. Заглавие: «Выбор», перед текстом надпись рукою Некрасова: «Первая статья в сборник». Под текстом: «Н. Некрасов».

«МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

(стр. 266)

Весною 1867 г. Некрасов уехал во Флоренцию, взяв с собой начатую в России стихотворную драму «Как убить вечер». Содержание драмы таково: несколько богатых людей приехали в глушь развлечься медвежьей охотой и случайно познакомились с красавицей Любой Тарутиной, которая мечтает о поступлении на сцену. Девушка просит приезжих помочь ей, не подозревая, как бездушно они относятся к ней (см. Н. Некрасов, Тонкий человек, М. 1928, стр. 271—319).

Пьеса осталась незаконченной. Вместо нее Некрасов начал во Флоренции новую — «Медвежья охота». Хотя в этой новой пьесе сохранились те же персонажи (за исключением Любы и Лесничего), но прежняя фабула была уничтожена, и пьеса превратилась в собрание монологов на общественные темы. Некрасов и эту пьесу не довел до конца. Перед смертью он написал о ней на полях своей книги:

«Несколько раз я принимался окончить эту пьесу, которой содержание само по себе интересно, и не мог — скука брала. Вообще свойство мое таково — как только сказал, что особенно занимало, что казалось важным и полезным, так и довольно, — скучно досказывать басню. Если найду время, расскажу прозой с приведением отрывков» (*Стих* 1879, т. IV, стр. LXXV — LXXVI).

Времени «досказать басню» поэт не нашел. Публицистические темы отвлекли его от первоначального замысла.

Миша, изображенный в «Медвежьей охоте» и выведенный в пьесе «Как убить вечер» под именем Миши Воинова — историк литературы XVIII в. М. П. Лонгилов (1823—1875), впоследствии начальник Главного управления по делам печати. В первой половине пятидесятых годов был умеренным либералом, дружил с Некрасовым и сотрудничал в журнале «Современник», но по мере повышения в чинах все ближе примыкал к реакционерам и сделался одним из самых воинственных мракобесов.

В драме «Как убить вечер» поэт придал Мише большее портретное сходство с Лонгиновым. Здесь же этот образ обобщен. Это либерал-бюрократ. Он в высшей степени доволен тем «прогрессом», который установился при Александре II. Любопытные подробности полемики с Лонгиновым мы находим в черновых набросках к «Медвежьей охоте», напечатанных в настоящем томе на стр. 571—578.

«Медвежья охота» написана вскоре после того разгрома, которому подверглись представители революционно-демократического движения в середине шестидесятых годов. При этом разгроме обнаружилась реакционная сущность либерального «общественного мнения».

Вторая половина «Медвежьей охоты» посвящена оценке дворянского либерализма сороковых годов. Здесь образ «Миши» теряет свое сходство с М. П. Лонгиновым. Миша дает характеристики Белинского и Грановского, вполне соответствующие взглядам поэта. Есть основания думать, что эти три отрывка были вначале написаны Некрасовым отдельно в виде самостоятельных стихотворений и лишь впоследствии связаны между собою в «Медвежьей охоте».

Как выяснилось недавно, некоторые стихи о Грановском написаны еще в 1855 г. (см. примеч. к стих. «Еще скончался честный человек»); восьмистишие, начинающееся словами: «Бог на помощь! бросайся прямо в пламя!» — написано еще в 1861 г. и в рукописи озаглавлено: «Молодому поколению».

Цензор Лебедев в своем отчете о направлении «Отечественных записок» писал по поводу «Медвежьей охоты»: «В этой пьесе преданы смейнию молодые бюрократы, представленные людьми формы и слова, а не дела, в ней весьма неуместно, между прочим, описание времени 40-х годов, в которые будто приходилось всякому мыслящему человеку задыхаться от невыносимого гнета» («Голос минувшего», 1918, № 4—6, стр. 86).

В. И. Ленин использовал некрасовское выражение «диалектик обаятельный» в применении к умеренному либералу мирнообновленцу Д. Н. Шипову (В. И. Ленин, Сочинения, 3-е изд., т. XV, стр. 85).

Сам Гомер не смея Омиром называться. — В эпоху цензурного террора (1848—1855) цензура находилась в ведении мрачного изувера министра просвещения князя П. А. Ширинского-Шихматова, который в 1852 г. запретил произносить греческие слова «по Эразму», т. е. потребовал, чтобы в университетах и школах, вместо «герой» произносили и писали «ирой», вместо «Гомер» — «Омир» и т. д., ибо такое произношение было утверждено будто бы православной церковью! (А. Горнфельд, Омир и Гомер, «Резец», 1929, № 6, стр. 21).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 187—216.

Впервые — *ОЗ* 1868, № 9, стр. 1—16, с заглавием: «Три сцены из лирической комедии: «Медвежья охота», с датой: «Весна, 1867 года. Париж и Флоренция», и с подписью: «Н. Некрасов».

Вошло в четвертую часть *Стих* 1869 (с заглавием «Медвежья охота», а на шмуцтителе: «Сцены из лирической комедии «Медвежья охота» (1867)»; перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

Наборная рукопись с значительной правкой — ЛБ 5749. Заглавие: «Три сцены из комедии: «Медвежья охота». Над текстом помета: «Отеч. Зап., № 5. Отд. 1-е». После ст. 511 дата: «2—4 Март», под текстом: а) «Март 1867 года», б) «Весна 1867 года. Париж и Флоренция» и подпись: «Н. Некрасов».

Рукопись частично скомпонована из отдельных набросков разновременных редакций. Пятую сцену Некрасов разрабатывал неоднократно, каждый раз начиная воспоминанием о «золотом вре-

мени». Потом он отбросил эти начала и объединил оставшиеся куски.

Более ранние наброски, относящиеся к «Медвежьей охоте», сосредоточены в рукописях *ИЛИ* 203/1. На тех же листах — отдельные наброски, которые трудно непосредственно соотнести с определенными частями замысла «Медвежьей охоты», а также и вовсе не относящиеся к нему черновики и разрозненные заметки.

В письме В. П. Боткина А. А. Фету от 20 апреля 1865 г. сообщено отдельное четверостишие — вариант ст. 130—133 (А. А. Фет, Мои воспоминания, т. II, М. 1890, стр. 64—65).

Как выяснилось, два стиха из этого четверостишия заимствованы Некрасовым у Добролюбова (см. предисловие Б. Бухштаба к Полному собранию сочинений Добролюбова, М. 1933, стр. XIII).

В *Стих* 1937 в примечаниях к «Медвежьей охоте» было опубликовано несколько ранних редакций и отдельных набросков, более или менее связанных с тем же замыслом; так как местонахождение рукописного источника неизвестно, мы воспроизводим эти наброски по тексту из примечаний К. Чуковского в вышеуказанном издании (т. II, стр. 821—825).

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

(стр. 283)

Эту песню поет Остроухов во втором действии пьесы «Как убить вечер», текст которой связан с «Медвежьей охотой» (Н. Некрасов, Тонкий человек и другие неизданные произведения, М. 1928, стр. 309).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 217—219.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, стр. 213—215, с датой: «1867». Перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

ПЕСНЯ

(стр. 285)

Г. В. Плеханов по поводу этого стихотворения писал:

«Скажите, согласилась ли бы объявить его чуждым поэтического вдохновения одна из тех до сих пор многочисленных у нас девушек, которые рвутся на простор, — куда-нибудь «на курсы», в Петербург, в Москву, за границу — и которым приходится встре-

чать любвеобильное, нежное, но тем труднее преодолеваемое сопротивление со стороны матерей, отцов или вообще близких лиц» (Г. В. Плеханов, Сочинения, М. — П. 1925, т. X, стр. 388).

Вначале эта песня называлась «Песней Любы», но перед смертью Некрасов зачеркнул последнее слово и написал на полях: «Нужно большое примечание — если успею. Мать девочки была трагическая актриса».

Сделать большое примечание он не успел, и композиционная связь «Песни Любы» с «Медвежьей охотой» оставалась неизвестна. Но в 1913 г. был найден первоначальный фрагмент этой лирической комедии, озаглавленный «Как убить вечер» (см. примечание к «Медвежьей охоте»). Тогда выяснилось, что «Люба» — это та провинциальная девушка Тарутина, которая стремится стать актрисой. Мать Любы, бывшая актриса, и слышать не хочет об ее сценической карьере, так как ненавидит театр, в котором сама перенесла столько унижений и мук. Узнав, что в город приехали какие-то влиятельные господа из столицы, Люба отправляется к ним и просит их похлопотать перед матерью, чтобы мать отпустила ее на столичную сцену. Те предлагают ей спеть что-нибудь. Она отвечает:

Теперь не расположена я петь,
Но вы не будьте строги. Я готова
Вам песню спеть, которую певала
Я матери моей, когда еще надежда
Во мне была, что можно убедить
Упрямую несчастную старуху.

Садится к роялю и поет «Песню Любы»: «Отпусти меня, родная, отпусти, не споря!» (Н. Некрасов, Тонкий человек и другие неизданные произведения, М. 1928, стр. 270—319).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 220 — 221. Заглавие дано в редакции *Стих* 1879, т. II, стр. 270.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, стр. 216—217, с заглавием: «Песня Любы (из «Медвежьей охоты»)». Перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

(стр. 287)

Датировалось 1876 г. Но, изучая черновую рукопись «Медвежьей охоты», мы нашли там двенадцать строк, почти буквально

совпадающих с началом этого стихотворения, что дает нам право отнести его к 1867 г. Двенадцатая строка:

Незабываемых годов —

указывает на годы царствования Николая I, ибо, с тех пор как его наследник Александр II, вступая на престол, назвал его в одном из своих манифестов «незабвенным», это прозвище стало официальным эпитетом. Газеты так и писали в некрологах царя: «Августейший его преемник, в порыве сыновней любви, наименовал его незабвенным. «Покойся на лоне вечности, незабвенный монарх!»... («Северная пчела», 1855, № 51, от 7 марта).

Нелегальная революционная пресса, вслед за Герценом, придала этому прозвищу иронический смысл и стала называть Николая I — «неудобозабываемым». (См., например, в дневнике Т. Г. Шевченко: «полюбовался монументом неудобозабываемому», «в этом великолепном храме искусств сильно напечаталась тяжелая казарменная лапа неудобозабываемого дрессированного медведя». Тарас Шевченко, Повна збірка творів, Київ 1939, т. V, стр. 244 и 257.)

Печатается по газете «Новое время», 1876, № 96, от 6 июня, где напечатано впервые, без подписи и указания автора, четвертым номером цикла «Из записной книжки».

К. Чуковский сообщает набросок из черновой рукописи «Медвежьей охоты», являющийся первоначальной редакцией отрывка «Человек сороковых годов» (*Стих* 1937, т. II, ч. 2, стр. 827—828). Набросок перепечатывается в отделе вариантов по тексту *Стих* 1937, так как подлинная черновая рукопись теперь неизвестна.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

1. Дядюшка Яков

(стр. 288)

В беловом автографе (*ЛБ*) есть одна особенность, которую мы не воспроизводим, — в рефрене поставлено ударение: «По грушу, по грушу». В печатном тексте Некрасов это ударение уничтожил. Весьма, впрочем, возможно, что то было не ударение, но указание на долготу звука «о».

Строки о соборной маковой, возможно, заимствованы из сборника Вл. Даля, Пословицы русского народа (1862), где в отделе «Ключ посячих» имеется фольклорная запись:

Ой, избоины маковой,
Под окошками плакала,
На грош два кома.

(стр. 588)

В тетради Некрасова, относящейся к началу 60-х годов, записано рукою Некрасова:

У дядюшки Якова
Сбоина макова
Больно лакома,
На грош два кома.

(ЛБ 5761).

II. П ч е л ы

(стр. 291)

В журнале напечатано вместе с «Дядюшкой Яковом» под общим заголовком: «Стихотворения, посвященные русским детям», и к заголовку сделано примечание:

«Из приготавливаемой к печати книги стихотворений для детского чтения».

Эта детская книга так и не вышла в свет, но в 1869 г. М. Е. Салтыков-Щедрин упомянул ее в шуточном примечании к своей «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил». «Автор настоящего рассказа, — писал Щедрин, — предполагает издать книгу для детского чтения, составленную из прозаических рассказов и стихотворений (последние принадлежат Н. А. Некрасову). Но предварительно он желал бы знать мнение публики, насколько намерение его осуществимо и полезно. С этою целью помещается здесь образчик детского рассказа».

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 147—164.

Впервые — *ОЗ* 1868, № 2, стр. 239—246, с подписью: «Н. Некрасов». Перепечатано (с датой на шмуцтитуле: «(1867)») в четвертой части *Стих* 1869 и 1873.

Автограф стихотворения «Дядюшка Яков» (ст. 1—93) — в ЦГЛА. Окончательное чтение отличается от печатного отдельными вариантами и композиционно.

Беловой автограф с незначительной правкой — ПБ, Общее собрание русских автографов. Заглавие: «Дядюшка Яков», подпись: «Н. Некрасов», без даты.

Бсловой автограф стихотворения «Пчелы», — ПБ, Общее собрание русских автографов. Текст отличается от печатного существенными вариантами в ст. вм. 4—12 и вм. 29—33. Заглавие: «Пчелы», под текстом дата: «15 марта».

Автограф стихотворения «Генерал Топтыгин» (ст. 1—61) — ПЛН 203/4. Первоначальный подзаголовок («Посвящается детям») позднее вычеркнут синим карандашом и под заглавием составлена цифра «III», определяющая место стихотворения в цикле.

Второй лист этой рукописи (ст. 62—125) — в собрании К. Чуковского. Под текстом подпись: «Н. Некрасов» и зачеркнутая дата: «17 марта».

СУД

(стр. 296)

В третьей книжке некрасовского «Современника» за 1866 г. была напечатана статья Ю. Г. Жуковского «Вопрос молодого поколения», стр. 4—67. «Когда разовьется новое царство кулаков-промышленников, — писал Жуковский, — тогда дворяне либо покумится с кулаками, либо пойдут к ним в лакейскую службу», — такова была главная мысль статьи. За эту статью Ю. Г. Жуковский был привлечен к суду вместе с ответственным редактором «Современника» А. Н. Пыпиным.

Дело слушалось 25 августа 1866 г. в петербургском окружном суде. По словам обвинительного акта, статья «вредила чести и достоинству всего сословия дворян-землевладельцев, так как в ней землевладельческое дворянство изображалось отличающимся перед другими сословиями преимущественно тупеядством и мотовством». Окружной суд вынес оправдательный приговор, но товарищ прокурора П. Б. Якоби обжаловал это решение, и дело было перенесено в петербургскую судебную палату, где слушалось 4 октября 1866 г. Защищал обоих подсудимых адвокат К. К. Арсеньев. Судебная палата приговорила А. Н. Пыпина и Ю. Г. Жуковского к денежному штрафу «по сту рублей и к аресту на военной гауптвахте в течение трех недель каждого» («Сборник сведений по книжно-литературному делу за 1866 год», ч. II, М. 1867; «Архив села Карабих», М. 1916, стр. 159—160).

Под впечатлением этого судебного дела Некрасов написал «современную повесть» «Суд».

«Суд» предназначался для первой книжки возобновленных «Отечественных записок», но после напечатания был вырезан оттуда по распоряжению цензуры.

«Вечерний звон! вечерний звон! Как много дум наводит он!» — строки из стихотворения П. П. Козлова «Вечерний звон».

«Модный магазин» (основан в 1862 г.) — иллюстрированный журнал. (До 1881 г. редактор — София Григорьевна Мей, жена известного поэта.) Программа журнала: «Распространять между нашими женщинами умение хорошо одеваться, с соблюдением наибольшей экономии». В рукописи «Модный магазин» был сначала иронически назван «преступным».

Строка «Одно из славных русских лиц» взята из «Казначейши» Лермонтова.

Строка «С печатью тайны на челе» — из «Последних стихов» Д. В. Веневитинова.

А. Ф. Орлов (1787—1862) — шеф корпуса жандармов, главный начальник III отделения. Та «мораль», которую читал он Некрасову, приводится в сатире «Педавнее время». См. примечание к этой сатире.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 101—120. Ст. 296 восстановлен по автографу *ИЛИ* 203/32.

Впервые — *ОЗ* 1868, № 1, стр. 227—238, с подписью: «П. Некрасов». Перепечатано, с датой на титуле: «(1867)» — в четвертой части *Стих* 1869 и 1873.

В *ОЗ* «Суд» был вырезан цензурой, отсутствие поэмы, значащейся на обертке, замаскировано вброшированным стихотворением «Эй, Иван!» (с пагинацией 239—242; следующая книжка начата снова со стр. 239, а стихотворение «Эй, Иван!» помещено в ней опять, на стр. 373—376).

Беловая наборная правленная рукопись — *ИЛИ* 203/32. Подпись: «Н. Некрасов».

На листе черновой рукописи «Притчи о Киселе» (*ЛБ* 5752) — беловая запись ст. 333—338; там же отдельный набросок: «Не то беда, что по суду».

Варианты ст. 266—269 впервые опубликованы К. Чуковским в статье «Новонайденные творения Некрасова» в газете «Русское слово», 1913, № 285 от 11 декабря.

Стихи черновой редакции эпилога («На путь, где шагу мы не ступим» и след.) были дословно использованы Некрасовым в 1875 г. в стихотворении «М. Е. Салтыкову (при отъезде его за границу)».

ЭЙ, ИВАН!

(стр. 307)

В 1869 г. по поводу этого стихотворения цензор Лебедев доносил в Комитет по делам печати: «Здесь в самом возмутительном виде представлено положение бывшего крепостного человека, употреблявшегося на всевозможные работы и получавшего в награду одни побои» («Голос минувшего», 1918, № 4—6, стр. 86).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 139—146.

Впервые — *ОЗ* 1868, № 2, стр. 373—376, с подписью: «Н. Некрасов». Перепечатано, с датой на шмуцтитуле: «1867», в четвертой части *Стих* 1869 и 1873.

Черновой автограф — *ЛБ* 5755; эта рукопись, несмотря на достаточно ясное начертание, является текстологически одной из самых сложных в рукописном наследии Некрасова.

Первоначальная запись была осуществлена в виде двух связанных кусков: первый соответствовал ст. 1—16, 33—56 и вм. 57—64; второй (писанный на обороте листа, без связи с первым) — ст. 73—100. Вся дальнейшая композиционная правка, шедшая несколькими слоями, часто без отмены предыдущих вариантов, сосредоточена в трех местах: 1) вставка ст. 17—32 между ст. 16 и 33; 2) разработка связки между двумя отрывками, между ст. 64 и 73 и 3) завершение — ст. 101—116.

Беловой автограф — *ИЛИ* 203/39. Первоначальное заглавие «Иван. Тип недавнего прошлого» исправлено красным карандашом на: «Эй, Иван! тип недавнего прошлого», и чернилами подзаголовок поставлен в скобки.

С РАБОТЫ

(стр. 311)

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 174—175.

Впервые — *ОЗ* 1868, № 3, стр. 262, с подписью: «У». Вошло, с датой: «1867», в четвертую часть *Стих* 1869 и 1873.

«ЗАЧЕМ МЕНЯ НА ЧАСТИ РВЕТЕ»

(стр. 312)

Эта отповедь «остервенелой толпе» вызвана той травлей, которой подвергся Некрасов после каракозовских дней (см. примечание к стихотворению «Ликует враг»).

На полях поэт приписал:

«Это написано в минуту воспоминания о мадригале <Муравьеву>. Хорошую ночь я провел!»

Стихи были напечатаны тотчас же после смерти поэта в статье Г. З. Елисеева «Внутреннее обозрение», которое было посвящено в первой своей части похоронам Некрасова; до читателя они не дошли, так как эта часть статьи была, по распоряжению цензуры, вырезана из журнала (см. статью В. Е в г е н ь е в а-М а к с и м о в а, Похороны Н. А. Некрасова, в сборнике «Пролетарские писатели — Некрасову», Л.—М. 1928, стр. 69).

Печатается по тексту К. Чуковского, восходящему к ныне утраченному беловому автографу и копии А. А. Буткевич.

Вариант «Отечественных записок» со ссылкой на статью Г. З. Елисеева — в книге В. Е. Чехихина-Ветринского, Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях, М. 1911, стр. 282—283. Указана дата: «Карабиха, 24 июля 1867 г.» и помета над текстом: «Пиши для себя <пишу?»».

Автограф — *ИЛИ* 203/33; ст. 1—17 записаны подряд набело, далее — с одновременной правкой последней редакция, имеет варианты сравнительно с печатной. Дата: «24 Июля». На лицевой стороне того же листа — текст третьей из «Трех элегий».

ЕЩЕ ТРОЙКА

(стр. 314)

На тройках в сопровождении жандармов отправляли в Сибирь политических ссыльных. В ту пору, вскоре после каракозовских дней, такие «тройки» стали бытовым явлением.

Заглавие объясняется тем, что в первой части того же издания стихотворений Некрасова (*Стих* 1869) была напечатана «Тройка», ставшая популярным романсом («Что ты жадно глядишь на дорогу»).

В 1883 г., уже после смерти Некрасова, директор департамента полиции представил Александру III «Записку о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России». В «Записке» между прочим говорилось: «Некрасов со злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающим». В подтверждение этой мысли автор цитировал стихотворение

«Еще тройка» (Б. Папковский и С. Макашин, Некрасов и литературная политика самодержавия, *ЛН*, стр. 526).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 121—126.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, стр. 119—124, с датой на шмуц-тителе: «1867». В оглавлении названо: «Еще тройка, романс». Перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

Беловой автограф — *ЛБ* 7591. Под текстом дата: «2 марта» и подпись: «Н. Некрасов». Выше, на том же листке — ст. 39—48 стихотворения «Неизвестному другу».

1 8 6 8

МАТЬ

(«Она была исполнена печали»)

(стр. 316)

Подготавливая незадолго до смерти новое издание своих книг, Некрасов написал на полях этого стихотворения: «Думаю — по-настоящему: жена сосланного или казненного».

Высокую оценку этого стихотворения дал Г. В. Плеханов в своей статье о Некрасове: «Тут поэзия Некрасова, никогда не бывшего революционером <?>, становится революционной поэзией, и не удивительно, что отрывки, подобные только что приведенному, заучивались наизусть русскими передовыми людьми. Такие отрывки несколько не утратили значения до настоящего времени и не утратят его до тех пор, пока передовое человечество останется вынужденным силой пролагать себе дорогу к своему идеалу» (Г. Плеханов, Сочинения, т. X, стр. 385).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 226.

Впервые — *ОЗ* 1869, № 10, стр. 530. Дата: «1868»; подпись: «Н. Некрасов». Вошло в четвертую часть *Стих* 1869 и перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

«НЕ РЫДАЙ ТАК БЕЗУМНО НАД НИМ»

(стр. 317)

«Павелю смертью Писарева и посвящено М. А. Маркович», — написал поэт на своем экземпляре стихов. Критик Д. И. Писарев

утонул в Дуббельне во время морского купанья 4 июля 1868 г. Его гражданская жена, известная украинско-русская писательница Мария Александровна Маркович (Марко-Вовчек), была потрясена этой смертью. 7 августа Некрасов прислал ей стихи «Не рыдай так безумно над ним» с такой запиской:

«Только Вам, Мария Александровна, решаюсь покуда дать это стихотворение. Писарев перенес тюрьму не дрогнув (нраственно) и вероятно так же встретил бы эту могилу, которая здесь разумеется, но ведь это исключение — покуда жизнь представляет более фактов противоположного свойства и поэтому-то и моя мысль приняла такое направление. Словом — Вы понимаете — так написалось» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 446).

Писареву было 28 лет, когда он утонул (род. 1840). С 1862 по 1866 г. он находился в заключении в Петропавловской крепости. По выходе Писарева из тюрьмы Некрасов пригласил его сотрудничать в «Отечественных записках», где он и поместил свои последние статьи.

В «Радуге» (Альманах Пушкинского дома, П. 1922, стр. 228) приводится первоначальная редакция стихотворения Некрасова, дающая незначительные разночтения.

К последним двум стихам Некрасов сделал примечание: «Пословица эта не выдумана. Ее можно найти в сборнике пословиц Даля».

Некрасов имеет в виду книгу Вл. Даля, Пословицы русского народа, где в отделе «Счастье — удача» приводится такое изречение: «У счастливого умирает недруг, у бесчасного — друг» (М. 1862, стр. 36).

Об отношениях Некрасова и Писарева см. статьи: Некрасов и Писарев, «Печать и революция», 1925, № 1, стр. 79—89 и Е. П. Казапович, Д. И. Писарев после крепости, «Звенья», М.—Л. 1936, т. VI, стр. 634—635.

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 223—224.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, стр. 219—220, с датой: «1868»; перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

Беловой автограф — *ИЛИ*.

«ДУШНО! БЕЗ СЧАСТЬЯ И ВОЛИ»

(стр. 318)

Этими стихами начинается известная студенческая прокламация «Союза объединенных землячеств» («Литература и революция», 1930, № 2, стр. 72).

При жизни Некрасова в подзаголовке указывалось, по цензурным причинам, что это стихотворение «Из Гейне». Но перед смертью Некрасов зачеркнул эту строчку и написал: «собственное» (*Стих* 1879, ч. IV, стр. LXXVII).

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 222.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, стр. 218, с датой: «1868»; перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

В списке стихотворений Некрасова, сделанном А. А. Буткевич (*ИЛИ* 203/44), значится: «Душно без счастья и воли (копия, подлинное дано Боровиковскому)».

ДОМА — ЛУЧШЕ!

(стр. 319)

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 225.

Впервые — *ОЗ* 1868, № 11, стр. 120, с подписью: «Н.». Вошло в четвертую часть *Стих* 1869 и перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

«НАКОНЕЦ, НЕ ГОРИТ УЖЕ ЛЕС»

(стр. 320)

Печатается по *Стих* 1873, т. II, ч. IV, стр. 227.

Впервые — *Стих* 1869, ч. IV, стр. 223, с датой: «1868»; перепечатано в четвертой части *Стих* 1873.

1 8 7 0

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I. Д е д у ш к а М а з а й и з а й ц ы

(стр. 321)

Деревня Малые Вежи находится в той же Мисковской волости Костромской губернии, где Некрасов охотился с Гаврилой (см. примечание к «Коробейникам»). Малые Вежи действительно заросли хмелем, так как почти вся Мисковская волость занимается хмелеводством. Но, по словам тамошних жителей, избы этой деревни не стоят на высоких столбах, как описано у Некрасова. На столбах стоят только бани. Весенние воды, заливая окрестности и превра-

шая каждое селение в остров, все же не доходят до изб («Костромской листок»), 1902, № 140, подстрочное примечание к статье Мизенца «Об одном из костромских знакомых Н. А. Некрасова»).

По поводу «Дедушки Мазая и зайцев» М. Е. Салтыков-Щедрин писал Некрасову 17 июля 1870 г.: «Стихи Ваши прелестны» (И. Щ е д р и н, Полное собрание сочинений, Л. 1937, т. XVIII, стр. 228). 25 ноября того же года он писал о Некрасове поэту А. М. Жемчужникову: «Есть у него несколько готовых детских стихотворений (прелестных)...» (Т а м ж е, стр. 230). Возможно, что в данном случае Салтыков имел в виду, кроме «Дедушки Мазая», также и стихотворение «Накануне светлого праздника», которое, хотя и помечено в последней редакции 1873 г., было написано раньше (Н. А. Н е к р а с о в, Собр. соч., т. V, М.—Л. 1930, стр. 609).

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 157—165.

Впервые — *ОЗ* 1871, № 1, стр. 124—128, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло (первым произведением цикла «Стихотворения, посвященные русским детям») в пятую часть *Стих* 1873.

Наборная черновая рукопись — *ЛБ* 5747. Заглавие (приписанное позднее) «Дедушка Мазай и зайцы (Из стихотворений, посвященных русским детям)». Над текстом помета: «*ОЗ* № 1».

Там же, на обороте автографа, стихотворение «Как празднуют трусу».

Ранняя редакция ст. 53—64 — на листе *ЛБ* 5755, на котором позднее были записаны отдельные наброски стихотворения «Притча».

И. С о л о в ь и

(стр. 325)

19 октября 1870 г. цензор Лебедев доносил в цензурный комитет: «Муза Некрасова, отличающаяся гражданскою скорбью о меньшей братии и старающаяся выставить напоказ больные места общественного строя, и в этом стихотворении не изменила себе... Здесь не отрицается обязательность податей и военной службы, но желательно было бы избежать сопоставления их с силками и сетями» («Голос минувшего», 1918, № 4—6, стр. 86—87).

23 октября 1870 г. совет Главного управления по делам печати обсуждал донесение Петербургского цензурного комитета о 10-й книге «Отечественных записок», где было напечатано стихотворение «Соловьи». Председатель Совета М. Н. Лонгинов высказал мнение, что «Соловьи», равно как и другие «статьи» этой книги, «ярко харак-

теризуют «вредное» направление журнала» (Б. П а п к о в с к и й и С. М а к а ш и н, Некрасов и литературная политика самодержавия, ЛН, стр. 462).

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 166—169.

Впервые—*ОЗ* 1870, № 10, стр. 444—446, с заглавием: «Соловьи (Из стихотворений, посвященных русским детям)» и подписью: «Н. Некрасов». Вошло (вторым произведением цикла «Стихотворения, посвященные русским детям», с датой на шмуцтитуле: «1870») в пятую часть *Стих* 1873.

Наброски — ЛБ 5755.

1 8 7 1

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

(стр. 328)

Прияель Некрасова инженер Александр Николаевич Ераков (1817—1886), которому посвящена эта сатира, был мужем его сестры Анны Алексеевны Буткевич. (О нем см. А. Ф. К о н и, Некрасов—Достоевский, П. 1921, стр. 14—15). Кроме «Недавнего времени», Некрасов посвятил ему «Элегию» (1874).

В «Недавнем времени» изображается петербургский так называемый Английский клуб.

1 марта 1870 г. клуб торжественно праздновал столетие со дня своего основания. Сатира «Недавнее время» — отклик на этот юбилей: в ней дано резкое обличение представителей высшей бюрократии и знати, состоявших членами клуба. В «Отечественных записках» (в оглавлении) был подзаголовок: «Записки клубиста, изданные Н. Н.».

Многие строки сатиры были написаны в 1865 г. (см. примечание к стихотворению «Балет»).

До появления «Недавнего времени» в журнале один из членов совета Главного управления по делам печати Ф. Толстой предложил Некрасову не печатать этого стихотворения. Петербургский цензурный комитет нашел содержание этой сатиры «крайне предосудительным»: по мнению комитета, «поэт в самых непристойных и мрачных красках описывает время последних лет царствования императора Александра I. Он припоминает события об аресте Полевого <...> замечает о неблагодарности русских к героям, жертвовавшим собою на войне... Переходя затем к новому времени, то есть к нынешнему

царствованию, поэт замечает, что надежда на него не сбылась, что оно не сдержало своих обетов к удовольствию ретроградов и невежд...» и т. д., и т. д.

Начальник Главного управления М. П. Шидловский заявил, что «клуб здесь только маска, под прикрытием которой поэту удобнее порицать порядки недавнего прошлого».

К его мнению присоединились почти все члены совета.

Особенно дерзкой показалась цензуре строфа, где упоминается генерал-адъютант:

Впрочем, быть генерал-адъютантом

<и т. д.>

Здесь увидели намек на шефа цензурного ведомства, министра внутренних дел генерал-адъютанта С. Тимашева, ранее управлявшего III отделением (Б. Папковский и С. Макашин, Некрасов и литературная политика самодержавия, *ЛН*, стр. 507—511).

Старый дедушка был у нас членом. — И. А. Крылов сделался членом Английского клуба в 1817 г. В клубе была особая комната, которая называлась Крыловской; в этой комнате находился бист баснописца, установленный над тем диваном, на котором он обычно сидел («Столетие СПб. Английского собрания», II, 1870, стр. 27, 92).

Покрытая лаком резолюция. — Всякий автограф цари на официальных бумагах покрывали для сохранности лаком.

Привезли из Москвы Полевого... — В 1834 г. журналист Н. А. Полевой напечатал в своем «Московском телеграфе» неодобрительный отзыв о ложно-патриотической драме Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Николай I закрыл журнал и приказал привезти Полевого в Петербург на перекладных в сопровождении жандарма.

У Цепного бессмертного мосту. — В Петербурге на реке Фонтанке у Цепного моста помещалось III отделение.

Получив роковую повестку... — Здесь Некрасов рассказывает длинный эпизод. Граф (впоследствии князь) Орлов вызвал его и Панаева в III отделение в 1849 г. из-за смелой статьи, напечатанной ими в № 10 «Современника» и направленной против бутурлинского комитета, «угрожающего погибелью литературе, журналистике и т. д.» (М. Лемке, Николаевские жандармы и литература, СПб. 1908, стр. 201).

Пемлю я Петрашевского дело. — М. В. Петрашевский (1819—1867), пропагандист утопического социализма, организатор круж-

ков радикальной интеллигенции в Петербурге, был осужден на пожизненную каторгу в 1849 г. Вместе с ним суровым карам подверглись пятьдесят петрашевцев.

И декабрьским террором пажуло. — Некрасов понимает террор, который свирепствовал в России после подавления Николаем I восстания декабристов.

Наши Фоксы и Роберты Пили. — Чарльз Джемс Фокс (1749—1806) и Роберт Пиль (1788—1850) — английские государственные деятели.

Подкосила их «ликантропия». — «Ликантропия — помешательство, превращающее людей в бешеных животных» («Современник», 1866, № 1, стр. 264). В данном случае Некрасов имел в виду знаменитого шефа жандармов князя А. Ф. Орлова, который к концу жизни «ползал на четвереньках и не хотел есть иначе как из корыта» (А. И. Вольф, Хроника русского театра, II. 1882, ч. III, стр. 112).

Кайен — ценившийся гастрономами дорогой перец, который привозили из Кайены, французской колонии в Гвиане.

Отбиваешь с оркестром кровати. — А. И. Сабуров (1797—1866), известный в свое время богач, директор императорских театров, «способный находить удовольствие в таком вздоре, как самодвижущаяся кровать, снабженная музыкальным аппаратом» (Н. О. Лернер, Пушкиниологические этюды, «Звенья», М.—Л. 1935, т. V, стр. 97).

Взволновался Паризс беспокойный. — Февральская революция 1848 г.

Доносчик Авдей — Фаддей Булгарин, писавший доносы жандармам на литературных врагов, в том числе и на Некрасова (см. примечание к «Кольбельной песне»).

Колоссальный ворище — А. Г. Политковский, тайный советник, близкий к Николаю I, растративший в пятидесятых годах огромный капитал, предназначенный для инвалидов войны (А. В. Никитенко, Записки и дневник, т. I, СПб. 1904, стр. 415). Состоял членом Английского клуба.

Князь NN — несомненно князь Николай Иванович Трубецкой (1807—1874), придурковатый старик, перешедший в католичество, постоянно живший в Париже и в то же время искренне считавший себя славянофилом (см. воспоминания Е. М. Феокистова, За кулисами политики и литературы, Л. 1929, стр. 73).

Чу! наш друг, путешественник славный — генерал-майор Егор Петрович Ковалевский (1811—1868), у которого был слуга негр, вывезенный им из Абиссинии (см. А. А. Фет, Мои воспоминания, М. 1890, т. I, стр. 129).

Юноша-гений — Добролюбов, постоянно издававшийся над наивными восторгами и надеждами, которые возбуждали в либеральных кругах реформы шестидесятих годов. Например, в статье «Литературные мелочи прошлого года» Добролюбов писал: «Уже несколько лет все наши журналы и газеты трубят, что мгновенно, как бы по мановению волшебства, Россия вскочила со сна и во всю мочь побежала по дороге прогресса, так что ее теперь никак не догонишь... Несколько лет уже каждая статейка, претендующая на современное значение, непременно начинается у нас словами: «в настоящее время, когда поднято столько общественных вопросов» (Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, М. 1937, т. IV, стр. 41).

Мораль, о которой пишет Некрасов, была читана поэту весной 1848 г. вскоре после февральских дней. Редакторы толстых журналов были вызваны в III отделение, и там им сообщили, что «государь император изволил признать, что журналы сии допускали в своих статьях мысли в высшей степени преступные, могущие посеять в нашем отечестве правила коммунизма... и вообще приготовить у нас те пагубные события, которыми ныне потрясены западные государства» («Голос минувшего», 1913, № 3).

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 197—232. Ст. 73—84 восстановлены по автографу из собрания К. Чуковского. По той же рукописи восстановлено имя князя Орлова в ст. 57.

Впервые — *ОЗ* 1871, № 10, стр. 265—284. Подпись: «Н. Н.».

Вошло (с датой «1871» на шмуцтителе) в отдельно изданную пятую часть «Стихотворений Н. Некрасова», П. 1873 и перепечатано в пятой части *Стих* 1873.

Черновой автограф первоначальной редакции — ЛБ 5754. Основной текст состоит из трех отдельных, окончательно не сведенных в единый связный текст, кусков-очерков (первый озаглавлен «Клуб», второй — «У камина», третий — первоначальная редакция окончания — не имеет названия). Там же — разрозненные наброски и заметки, а также записи более поздних переработок отдельных мест сатиры. На отдельном листе — «Послесловие» (ст. 722—759 «Недавнего времени»), записанное позднее всей рукописи и датированное после текста: «1 июля 1871. Караб.».

Рукопись в целом написана значительно ранее. Лицевая часть первого листа, на обороте которого начат текст очерка «Клуб»,

занята концом (ст. 143—164) стихотворения «Кому холодно, кому жарко». При наборе последнего листок был использован в качестве наборной рукописи.

То же подтверждается двойкой связью рукописи с сатирой «Балет». Во-первых, в самом тексте рукописи наличествуют (и не вычеркнуты) значительные куски, впоследствии в другой связи использованные Некрасовым в окончательном тексте «Балета». Во-вторых, след за последним стихом третьего, последнего очерка (соответствующим стиху 721 «Недавнего времени») в качестве его непосредственного продолжения записана первоначальная редакция начала (ст. 1—20) «Балета» (с заглавием «Театр»).

Ниже излагается история рукописи того цикла сатир, последним звеном которого является «Недавнее время». Говоря о единой первоначальной рукописи цикла сатир, мы будем иметь в виду рукопись, частично сохранившуюся в ЛБ в составе № 5750, 5754 (1,2).

Повидимому, незадолго перед 1865 г. Некрасов осуществил вчерне единый цикл сатир, задуманный как продолжение первой части цикла «О погоде» (1858). Рукопись цикла начиналась второй частью стихотворений «О погоде» — «Крещенскими морозами» (в рукописи обозначено как V сатира; IV сатира неизвестна) и «Кому холодно, кому жарко» (VI сатира). Вслед за ними шли сатиры, посвященные описанию Английского клуба — «Клуб» (VII сатира), «У камина» (без номера) и не озаглавленное в рукописи окончание «клубных» сатир, вслед за которыми шел «Балет» (первоначально VII, потом IX сатира); относящаяся к последнему часть единой рукописи не сохранилась (известна только позднейшая наборная рукопись).

По первоначальному замыслу, «окончанию» клубных сатир должны были предшествовать описание «Газетной» (также отсутствующее в единой рукописи¹ и имеющееся в виде отдельной наборной рукописи) и «Игорной», начало которой является непосредственным продолжением наборной рукописи «Газетной».

В начале 1865 г. Некрасов выделил из единой рукописи листы с двумя первыми сатирами «О погоде», окончательно выправил текст и отдал в набор (появились в февральской и мартовской книжках «Современника» 1865 г.).

Вслед за тем он изъясил из рукописи «Газетную» и «Игорную»

¹ Зачеркнутое начало «Газетной» не является органической частью единой рукописи: Некрасов воспользовался для новых записей листком со старыми записями, зачеркнув последние.

(этим объясняется их отсутствие в рукописи); «Газетная» была окончательно отделана и напечатана в качестве отдельной, XII (первоначально XI), сатиры в августовской книжке «Современника» 1865 г., а «Игорная» закончена не была.

Повидимому, наиболее существенной переработке подвергся «Балет», в окончательной редакции вобравший в себя ряд мест из «клубных» сатир и напечатанный в качестве отдельной IX сатиры в февральской книжке «Современника» 1866 г. В наборной рукописи «Балета» использован лишь один лист первоначальной единой рукописи, остальное в результате переработок написано заново.

Оставшаяся основная часть рукописи «клубных» сатир послужила, за вычетом кусков, вошедших в «Балет», материалом для последней сатиры — «Недавнее время», наборной рукописи которой не сохранилось.

Более поздний автограф начала (ст. 31—88) «Недавнего времени» — в собрании К. Чуковского; там же отдельными набросками записаны ст. 404—407, 565—568, набросок «Что могла быть живей безрасчетней» и ст. 573—576. На лицевой стороне второго листа — запись ст. 36—43 и 24—34 «Пролога» главы «Крестьянка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Значение основных записей этого листа в том, что они являются единственным источником текста ст. 73—84 (о деле Петрашевского). Это место рукописи записано особенно бегло, слова недописаны, сокращены, частью только обозначены первыми буквами; чтение, вводимое в основной текст, является конъектурой К. Чуковского.

Ст. 644—647, 499 и 585—587 записаны среди разных, преимущественно прозаических, заметок на отдельных листках ИЛИ 203/42 (там же — наброски, относящиеся к «Современникам»).

ДЕТСТВО

(стр. 348)

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. VI, стр. 203—211.

Впервые — *ОЗ* 1873, № 8, стр. 523—526, с подписью: «И. П.». Вошло (с датой: «1873 г.») в шестую часть *Стих* 1873.

Наборная беловая рукопись — ИЛИ 203/6. Заглавие а): «Где я играла в детстве (отрывок)»; б) <карандашом>: «* * * (отрывок)». Дата (зачеркнутая карандашом): «19 марта, 1873»; подпись: «И. Некрасов».

Более ранний автограф — также *ИЛИ* 203/6. На двух отдельных листах; без заглавия, даты и подписи. На первом листе набело записаны, почти без правки, ст. 1—22; далее, с значительной правкой, ст. соотв. 23—103. На втором листе снова записаны, с правкой, ст. соотв. 65—103, отдельными набросками ст. 104—118 и набело записан конец: ст. 109—137.

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

(стр. 352)

Здесь говорится о Рстове Великом (Ярославской губернии), расположенном на берегу озера Неро.

Есть основания думать, что именно об этих стихах Некрасов писал 25 февраля <1873 г.> Александре Николаевне Якоби, составительнице детского сборника, обратившейся к поэту с просьбой о сотрудничестве: «Я нашел мое стихотворение, но оно в этом виде вовсе не годится в детский сборник. Я или напишу другое, или переделаю это» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л. 1930, стр. 609).

Ни в одно из прижизненных изданий Некрасова эти стихи не входили, но перед смертью он распорядился ввести их в собрание своих стихотворений (*Стих* 1879, ч. IV, стр. XC).

Печатается по сборнику «Нашим детям. Иллюстрированный литературно-научный сборник. Издание А. П. Якоби», П. 1873, стр. 260—264, где появилось впервые, с датой: «20 марта 1873» и подписью: «Н. Некрасов».

ТРИ ЭЛЕГИИ

(стр. 356)

Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893), которому посвящены эти стихи, — поэт и беллетрист, сотрудник «Современника», впоследствии секретарь «Отечественных записок». В 1849 г. был арестован за принадлежность к кружку М. В. Петрашевского и послан рядовым в 1-й Оренбургский линейный батальон. Освобожденный в 1857 г., он сблизился с Чернышевским и Добролюбовым, и его поэзия, начиная с 60-х годов, отразила в себе могучее влияние некрасовской поэзии. Некрасову он посвятил в 1862 г. три стихотворения: «Всем застигнутым ненастьем», «Пестрота и блеск и говор», «О, не забудь, что ты должник» («Современник», 1862, № 1,

стр. 320—322). Через несколько лет после смерти поэта А. П. Плещеев напечатал стихотворение «Памяти Н. А. Некрасова» («Устой», 1882, № 2, стр. 138).

Все три элегии обращены Некрасовым к А. Я. Панаевой, его бывшей гражданской жене, с которой он тогда разошелся.

Элегии написаны в разные годы. Первая восходит к 1861 г., когда поэт написал стихотворение «Слезы» (позднейшее название «Слезы и нервы»), обращенное к тому же лицу. В рукописи «Слезы» заканчивались тем восьмистишием, которое впоследствии образовало вступительные строки первой элегии:

Ах! что изгнание, заточенье
<и т. д.>

Записная тетрадь, где находится стихотворение «Слезы», была использована Некрасовым в два разных периода: в 1856—1857 гг. (в Риме) и в 1861 г. (в Грешневе). В грешневский период Некрасов и набросал несколько не связанных между собою стихов, относящихся ко второй элегии:

Там страна обетованная...
Ты заступница прекрасная...
Без слезинки, без страдания...

Окончательный текст второй элегии был, очевидно, создан позднее: в тетради 1861 г. нет ее черновика.

Третья элегия относится, по всем вероятностям, к 1867 г., так как она написана на одном листе с черновым автографом стихотворения «Зачем меня на части рвете?»

В беловом автографе первоначального варианта третьей элегии после слов: «седеет голова» были такие строки:

Мой путь означен — волею железной
Вооружась, трудиться день-денской,
Чтоб хоть остаток жизни бесполезной
Не опозорить праздностью тупой (*ИЛИ*)

Содержание этого отрывка подтверждает нашу датировку: третья элегия могла быть написана Некрасовым лишь на склоне лет — не раньше конца 60-х годов.

Мы относим окончательную редакцию «Трех элегий» и соеди-

нение их под общим заглавием к 1873 г., когда Некрасов, очевидно, подготовил их к напечатанию в «Складчине». В перечне стихов, написанных в 1874 г., который собственноручно составил Некрасов, «Три элегии» отсутствуют.

Заглавие для этих стихов было найдено поэтом не сразу. Он собирался прочесть их в субботу 16 марта 1874 г. в пользу Литературного фонда в зале Купеческого собрания в Петербурге, и тогда они были озаглавлены «Любовь и злость» (см. объявление в «СПб. ведомостях» 15 и 16 марта 1874 г., а также «Голос» от 15 марта 1874 г.)

Повторяю стансы страстные, что сложил когда-то ей. — Некрасовым посвящены А. Я. Панасовой стихотворения: «Так это шутка», «Да, наша жизнь текла мятежно», «Давно — отвергнутый тобою», «Прости, не помни дней паденья» и мн. др.

Печатается по *ПП*, стр. 25—29.

Впервые — сборник «Складчина», П. 1874, стр. 522—524, с подписью: «И. Некрасов». Вошло в *ПП*.

В *ИЛИ* 203/178 сохранился корректурный оттиск (две страницы верстки), без правки; заглавие: «Три идиллии»; посвящение отсутствует; текст совпадает с окончательным печатным, кроме пунктуации.

Отдельные карандашные наброски, относящиеся ко второй элегии, — на переплете тетради *ЛБ* 5761 (л. 64 об).

Беловой автограф первоначальной редакции третьей элегии — *ИЛИ* 203/33; на одном листе с черновым автографом «Зачем меня на части рвете».

В архиве А. П. Пыпина — *ИЛИ* 21135 /СХLV б 17 — сохранилась снятая им с этого именно автографа копия, на которой его же помета: «Оба стихотворения на одном листе — из пачки, доставленной А. Ф. Кони. 1899».

1 8 7 4

УТРО

(стр. 359)

Печатается по *ПП*, стр. 34—36.

Впервые — *ОЗ* 1874, № 2, стр. 379, с подписью: «И. Некрасов». Вошло в *ПП*, с датой: «1874».

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

(стр. 361)

Первоначальный вариант этого стихотворения — «Поверхностная глупая насмешка».

Печатается по ОЗ 1874, № 5—6, стр. 292, где появилось впервые, с подписью: «Н.».

По сообщению С. И. Пономарева, «поэт указывает на него, как на предположенное в состав издания» (*Стих* 1879, ч. IV, стр. XC).

СТРАШНЫЙ ГОД

(стр. 362)

В последнее время в научной литературе сделана попытка доказать, что это стихотворение является якобы откликом Некрасова на франко-прусскую войну (1870) и на поражение Парижской коммуны (в мае 1871). Исследователи, выдвинувшие эту гипотезу, утверждают, что «Страшный год» не имеет никакого отношения к событиям русской жизни, ибо, «как бы широко ни раздвигать рамки теоретически допустимых датировок стихотворения — от 1872 г. до 1876 г. (год появления в печати), все равно оно писалось в период, когда в русской жизни не было ровно ничего такого, о чем пишет Некрасов: ни «резни», ни «впечатлений крови и убийства», ни «торжества картечи и штыков» и т. п. Заглавие «Страшный год» воспроизводит, по мнению авторов, заглавие знаменитой книги Виктора Гюго «L'Année Terrible», вышедшей в конце апреля 1872 г. и посвященной французским событиям 1870—1871 гг. Анализ стиля некрасовского стихотворения привел исследователей к уверенности, что оно написано под прямым воздействием этой книги Гюго. То обстоятельство, что журнал, руководимый Некрасовым («Отечественные записки»), многократно откликался в те годы на тогдашние события во Франции, явилось в их глазах косвенным подтверждением их мысли (см. статью И. В л а с о в а, доработанную С. М а к а ш и н ы м, Некрасов и Парижская коммуна, *ЛН.*, стр. 397). Гипотеза эта не может быть принята — особенно в той своей части, где говорится о мнимом влиянии Виктора Гюго на Некрасова: Некрасов задолго до появления «L'Année Terrible» владел тем патетическим стилем, каким написана эта книга Гюго (см., напр., некрасовские стихотворения «Муза» и «Родина»). Возможно, что непосредственным толчком к написанию «Страшного

года» действительно явились события во Франции, но так как в своей поэзии Некрасов всегда придерживался русской тематики, стихи эти были восприняты читателями как стихи о России, тем более, что и в других произведениях Некрасова русская действительность всегда была связана с «впечатлениями крови и убийства».

Печатается по *ПП*, стр. 30—31.

Впервые — сборник «Братская помощь пострадавшим семьям Боснии и Герцеговины», П. 1876, стр. 73—74, с подписью: «Н. Некрасов».

Два наброска — *ИЛИ* 203/29. Первый соответствует ст. 18—21, второй — 26—30. На той же странице — набросок, относящийся к стихотворению «Смолкли честные, доблестно павшие», записанный, повидимому, в то же время. Далее на листе (на той же странице, на обороте и на лицевой стороне л. 2) — наброски, относящиеся к стихотворению «Уныние», возможно записанные в другое время.

Беловой автограф (ст. 5—8 вписаны на полях) — в составе *ИЛИ* 203/31. Без заглавия и даты. На том же листе — беловой автограф первоначальной редакции стихотворения «У Трофима».

УНЫНИЕ

(стр. 364)

В стихах описан пейзаж Грешнева, ярославского имения Некрасовых на Волге, хотя стихи написаны в Чудовской Луке Новгородской губернии, о чем свидетельствует дата автографа.

Печатается по *ПП*, стр. 19—24. Ст. 61—90 восстановлены по публикации Чуковского; ст. 114—171, пропущенные по недомотру А. А. Буткевич (см. *ЛНЗ*) — по *ОЗ*.

Впервые — *ОЗ* 1875, № 1, стр. 5—10, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в *ПП*, с датой: «1875».

Пропущенные по цензурным причинам строфы V—VII (ст. 61—90) впервые опубликованы К. Чуковским по рукописи, в статье «Новонайденные творения Некрасова» («Русское слово», 1913, 11 декабря, № 285).

Черновые наброски десяти строк, относящиеся главным образом к VI строфе, — *ИЛИ* 203/29, после записей, относящихся к стихотворениям «Смолкли честные, доблестно павшие» и «Страшный год».

ПУТЕШЕСТВЕННИК

(стр. 370)

С 10 по 15 июля 1874 г. в особом присутствии сената слушалось дело Долгушина и других революционеров, обвинявшихся в распространении нелегальной литературы.

Возможно, что стихотворение «Путешественник», написанное 13 июля, есть отклик на этот процесс. Посылая его в редакцию «Отечественных записок» своему заместителю по редакционной работе А. М. Скабичевскому, Некрасов писал: «При сем стихи, вдохновлённые новейшими событиями. Хорошо бы их напечатать, а еще лучше не печатать. Прочтите их и передайте Плещееву. Не надо их списывать и распространять. Я их со временем вклею в свою книгу, а если они походят по рукам, как опасный товар, тогда пропадут» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л. 1930, стр. 535). Стихи не были напечатаны при жизни Некрасова, — вероятно по цензурным причинам.

Долгушин Александр Васильевич (1848—1885) — член революционного кружка нечаевцев. В 1870 г. был арестован по нечаевскому делу и заключен в Петропавловскую крепость. В 1872 г. основал в Петербурге кружок, имевший целью пропаганду восстания в крестьянских массах. В устроенной Долгушиным тайной типографии были отпечатаны прокламации для распространения среди крестьян: «Русскому народу», «Как должно жить по закону природы и правды».

У крестьян, которым Долгушин вручил эти прокламации, были произведены обыски, их подвергали допросам и пр.

Печатается по копии из бумаг А. А. Буткевич, *ИЛИ* 203/45.

При жизни Некрасова не напечатано. Впервые опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым, по той же копии, в статье «Предсмертные думы Н. А. Некрасова» («Заветы», 1913, № 6, стр. 31—32).

Автограф — *ИЛИ* 203/27; дата: «13 июля <июня?>»; заглавие отсутствует.

НОЧЛЕГИ

(стр. 372)

В первой части своего стихотворного цикла «Ночлеги» Некрасов обличает одного из молодых либералов пореформенной эпохи. Эта часть органически связана с такими антилиберальными стихами Некрасова, как «Саша», «Самодовольных болтунов», «Медвежья охота» и пр.

Возможно, что здесь, равно как и в других стихотворениях этого цикла, даны подлинные зарисовки с натуры, так как всю первую половину лета 1874 г. Некрасов скитался с ружьем по деревням Новгородской губернии (Н. С. Ашукнин, Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М. — Л. 1935, стр. 443—447). Это, так сказать, его «записки охотника», к которым примыкают такие стихи того времени, как «Горе старого Наума» и «Уныние».

Печатается по ОЗ 1874, № 11, стр. 181—190, где напечатано впервые, с подписью: «Н. Некрасов», без даты. При жизни поэта не перепечатывалось. По свидетельству С. П. Пономарева, Некрасов «указал на эти стихи, как на такие, которые должны войти в будущее издание» (*Стих* 1879, т. IV, стр. ХСІ).

I. На постоялом дворе

Лист наборной рукописи (ст. 1—104) — в составе *ИЛИ* 203/31. Первоначальное заглавие: «Новый барин» зачеркнуто и заменено окончательным. Следующий лист рукописи, содержащий ст. 105—116, отсутствует.

Черновой автограф ст. 1—84 — также в составе *ИЛИ* 203/31. Без заглавия.

Черновой набросок следующего эпизода, соотв. ст. 93—110, в составе *ИЛИ* 203/36. Там же запись ст. 81—84 и 50—56.

II. На погорелом месте

Наборная рукопись хранится в *ИЛИ* в составе 203/31. — Первоначальное заглавие: «Погорелое место», позднее (также зачеркнутое) — «Гари». Дата: «20—21 июля». После текста — помета Некрасова, обращенная к метранпажу: «III У Трофима, которое у вас есть в наборе».

В составе того же *ИЛИ* 203/31 — черновые карандашные записи.

III. У Трофима

Беловой автограф — в составе *ИЛИ* 203/31. Заглавие: «Ночью». Дата: «18 июля 1874».

Отдельные карандашные наброски — в составе *ИЛИ* 203/31.

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

(стр. 380)

Стихотворение обращено к Тургеневу, который, после краткого пребывания в России, уехал за границу летом 1874 г.

Оно не было напечатано при жизни Некрасова, а впоследствии

сестра поэта включила его в число «Последних песен» и отнесла к 1877 г. Ее ошибка повторялась во всех дореволюционных изданиях Некрасова и вела к неверному толкованию его тогдашнего отношения к Тургеневу.

Дело в том, что в начале июня 1877 г. Тургенев посетил больного Некрасова и примирился с ним; а так как в этих стихах, написанных в июле, поэт называет Тургенева врагом, можно было прийти к ошибочному заключению, будто примирение было притворным и Некрасов попрежнему питал к Тургеневу враждебные чувства.

На самом же деле стихотворение «Отъезжающему» написано в июле 1874 г. и к «Последним песням» не имеет никакого отношения. Поэт написал его на том же листе, где «Погорелое место», отрывок из «Ночлегов», помеченный 20—21 июля, и впоследствии внес его в список стихов, написанных им в 1874 г. (ИЛИ).

Мы печатаем это стихотворение в настоящем отделе, так как во время своей продолжительной болезни Некрасов читал его корректуру для «Отечественных записок» и следовательно предназначал его для печати.

Печатается по ОЗ 1878, № 1, стр. 309, где напечатано впервые, в цикле «Последние песни Н. А. Некрасова»; ст. 11 дополнен по тексту корректуры ИЛИ, фонд 134, опись 11, единица 3.

Беловая наборная рукопись — ИЛИ 203/31, на обороте последнего листа рукописи «Ночлегов». Без заглавия, дата: «23 июля».

Корректурный оттиск (лист гранок) — ИЛИ, фонд 134, опись 11, единица 3. Вместо заглавия: «* * *»; дата: «23 июля». Корректурa была читана Некрасовым: ряд стихотворений, оттиснутых на том же листе, правлен его рукою.

Сохранилась копия А. А. Буткевич — ИЛИ, фонд 134, опись 11, единица 2; вместо заглавия «* * *», дата отсутствует. Чехихиным-Ветринским сообщен вариант ст. 11 в статье «Крохи Н. А. Некрасова (из данных Н. А. Ефремова)» («Литература, искусство, наука». Бесплатное приложение к № 354 газеты «День», от 31 декабря 1913 г.).

П. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Пророк

(стр. 381)

Когда Некрасов писал это стихотворение, великий революционный демократ Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889),

приговоренный правительством Александра II к 7 годам каторжных работ и «поселению в Сибирь навсегда», находился в вилюйской тюрьме.

В журнале стихотворение было напечатано под заглавием «Пророк», без последней строфы, за подписью: «Н. Н.»

Не желая, чтобы цензура сочла его связанным с русской действительностью, Некрасов решил выдать его за перевод и долго колебался, выбирая фиктивного автора. Сперва он думал приписать его Байрону, потом Ларре и, наконец, остановился на Барбье.

В женевской «Правде» напечатаны «Воспоминания о Некрасове» народника П. Безобразова (Григорьева). П. Безобразов виделся с Некрасовым в мае 1875 г. Некрасов между прочим сказал ему:

«Вот вы говорите в ваших статьях о моих характеристиках Белинского, Добролюбова, Писарева. У меня есть еще портрет Чернышевского... Хотите, я вам прочту его?»

Я просил. Он как-то по-детски встал, покачался на одном месте и прочел мне стихи:

Не говори: «Забыл он осторожность!..»

< и т. д. >

Некрасов читал нараспев, заунывно и певуче. Я попросил у него позволения записать стихи» («Правда», 1883, № 16).

Недавно найден экземпляр некрасовской книги «Последние песни», подаренный поэтом художнику И. П. Крамскому 3 апреля 1877 г. Там на стр. 13-й это стихотворение напечатано под заглавием «Пророк (Из Барбье)». Некрасов зачеркнул заглавие и написал: «Памяти Чер<нышев>ского». Но так как Чернышевский в ту пору был жив, Некрасов зачеркнул слово «памяти» и написал «В воспоминание о Чер<нышев>ском» (*ЛН*, стр. XXV).

Существует много автографов этого стихотворения. На одном из них — дата, приводимая нами: «8 августа 1874 г.» Таким образом, предположение Е. А. Ляцкого («Чернышевский в Сибири», т. I, П. 1912, стр. VII), что стихотворение написано в 1862 г., когда Чернышевский находился в Петропавловской крепости, неверно.

Печатается по *ПП*, стр. 13. Подзаголовок снят по указанию С. И. Пономарева (см. ниже), ст. 13—16 восстановлены по беловому автографу *ИЛИ* 203/38.

Впервые — *ОЗ* 1877, № 1, стр. 280, без заглавия, в составе дикла «Последние песни», с подписью: «Н. Н.» Вошло в *ПП*, с заглавием: «Пророк (Из Барбье)».

По свидетельству С. И. Пономарева, Некрасовым на его экземпляре было зачеркнуто имя Барбье — см. *Стих* 1879, т. IV, стр. С1. С. И. Пономарев приводит «последний куплет, отброшенный поэтом» — ст. 13—16, печатающиеся в настоящем издании в основном тексте. А. А. Буткевич указывала Пономареву, в письме от 5 июня 1878 г.: «Последние четыре стиха в «Пророке» приписаны рукою брата в моем экземпляре и, мне кажется, нет причины не поместить их. Они были выпущены только потому, что брат, желая скорей увидеть в печати свои «Последние песни», избегал всего, к чему могла бы придраться цензура». (*ЛН* 3).

Ст. 13—16 вторично опубликованы Чехихиным-Ветринским по корректурному оттиску из «Русской старины», 1878, № 3 (где они не могли появиться по цензурным причинам); стихотворение было списано М. И. Семевским с автографа, — записи Некрасова для П. А. Ефремова, датированной 27 мая 1875 г. Редакция — окончательная, заглавие — «Из Ларры». См. статью Чехихина-Ветринского «Крохи Н. А. Некрасова (из данных П. А. Ефремова)» («Литература, искусство, наука». Бесплатное приложение к № 354 газеты «День» < от 31 декабря 1913 г. >).

Беловой автограф — *ИЛИ* 203/38. Заглавие: а) «* * * (Из Байрона)» и б) (карандашом): «* * * (из Ларры)». Дата (обведенная кружком): «В избе лесника на 125 версте М. Ж. Д., ночь 8 Авг. 1874».

Сохранилась копия А. А. Буткевич — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, номер 2, — сделанная, повидимому, с того же самого автографа. Озаглавлена: «Из Л».

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(стр. 382)

Некрасов и раньше отмечал в своих стихах эксплуататорскую сущность кулачества (см., например, стихотворение «Влас», написанное еще до крестьянской реформы). Но Влас в те времена был сравнительно редким явлением, а кулачество 70-х годов сделалось массовым бедствием. Свою кулацкую деятельность Влас ощущал как непрощаемый грех, а для Наума, типичного кулака 70-х годов, организованное им систематическое ограбление крестьян служит источником гордости:

Округа вся в горсти моей.
Казна — надежней цепи.
Уж нет помещичьих крепей,
Моя остались крепии.

Его хищничество не вызывает в окружающем обществе никакого протеста. В этом Некрасову виделось величайшее зло, но многие либеральные критики, не замечая элементов суровой сатиры в его якобы благодушном отношении к Науму, неоднократно утверждали, вопреки очевидности, будто Некрасов любит (!) своим «старым Наумом» и его хозяйственными талантами. Через два года Некрасов опроверг это ложное мнение: выведя в сатире «Современники» такого же кулака-мироєда, наделенного такими же «талантами», он определил свое отношение к нему следующими, исполненными негодования, стихами:

Вместо сердца, грош фальшивый
У тебя в груди!

Эти строки в полной мере относятся и к Науму.

В настоящее время на месте завода «Старого Наума» выросло огромное химическое и паточное производство «Красный Профинтерн». Старики на Профинтерне утверждают, что паточник Наум, «наук трудолюбивый», — это тамошний богач Понизовкин («Красная пива», 1928, № 1).

Никола-Бабавский монастырь (по крестьянской терминологии Бабайки), основанный в XVI веке, находился в нескольких верстах от некрасовского имения Грешнево. На противоположном берегу Волги — посад *Большие Соли*, жители которого встарину занимались соляным промыслом (Ф. С м и р н о в, Перед некрасовскими дьями, Ярославль, 1902, стр. 6—7).

Печатается по ОЗ 1876, № 3, стр. 51—60, где появилось впервые, с датой: «1874», с подписью: «Н. Некрасов». Глава III — ст. 74—92 — восстановлена по беловому автографу ИЛИ 203/5.

Первоначальные черновые наброски отдельных строф — ИЛИ 203/36.

Отдельный набросок к ст. 197—204 — там же, после черновых набросков стихотворения «На постоялом дворе».

Следующая сохранившаяся рукопись — полный сводный текст ИЛИ 203/5. Дата: «7 августа 1874. Лука».

Беловая цензурная наборная рукопись — ИЛИ 203/5. После правки — цензурные вычерки красным карандашом (сопровождаемые надписью на полях: «Не дозволено печатать»); вычеркнута вся III глава (ст. 73—92; помета Некрасова на по-

лях: «Не нужно» и «Набрать цифру III и первый стих, а потом 3 строки точек — и затем цифра IV», ст. 105—136 (помета Некрасова: «Не нужно»). Дата: «[Переписано 10 Августа]» и подпись: «И. Некрасов».

ЭЛЕГИЯ

(стр. 392)

В стихах 1874 г. Некрасов указывает с особой настойчивостью, что и после крестьянской реформы народ попрежнему остался в кабале («Ночлеги», «Горе старого Паума»). Та же мысль воплощена им в «Элегии»:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?

Строки: «пора идти вперед», «каждый в бой иди» — правильно воспринимались тогдашним читателем как призывы к революционному действию.

29 августа 1874 г. Некрасов писал А. Н. Еракову: «Посылаю тебе стихи. Так как это самые мои задушевные и любимые из написанных мною в последнее время, то посвящаю их тебе, самому дорогому моему другу» (*ИЛИ*).

К письму приложен беловой автограф «Элегии», где под заглавием написано в скобках: «А. Н. Е—ву».

О Еракове см. примечание к «Недавнему времени».

В черновой рукописи «Элегия» начиналась так:

Старо, не правда ли, печь хлеба из муки?
Однако ж из пещу, попробуй, испеки!

Эти два стиха являются точным пересказом прозаического афоризма Некрасова, высказанного им в «Заметках о журналах» за октябрь 1855 г.: «Очень однообразная вещь печь хлеб всё из муки да из муки; он даже не всегда и удается, — однако ж никому не приходит в голову начать печь его из пещу» («Заметки о журналах». Публикация А. Максимовича, *ЛН*, стр. 251).

В «Отечественных записках» строки:

покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным полям —

были исключены цензурой.

Печатается по ОЗ 1875, № 2, стр. 495—496, где появилось впервые, с подписью: «Н. Некрасов». Ст. 7—8 восстановлены по беловому автографу ИЛИ 203/40.

Беловая наборная рукопись — ИЛИ 203/40. Без даты, подпись: «Н. Некрасов».

Запись первой и третьей строф — ИЛИ 203/41; первая строфа — с одновременной правкой, вторая — без правки.

После этой записи сделаны черновые записи отдельных стихов — среди черновиков стихотворения «На постоялом дворе» — ИЛИ 203/31.

В бумагах С. И. Пономарева — ИЛИ 28.4.15 (Нов), л. 67 — сохранилась копия, писанная рукою А. А. Буткевич, датированная «15—17 Августа 1875 < ! >» В тексте ряд разночтений, многие из которых могут быть сочтены простыми опечатками. Но в этой копии встречается разночтение ст. 8: «Как тощие стада по выжженным лугам» вместо «скошенным», принятое во втором и третьем посмертных изданиях (*Стих* 1881 и 1882).

ПОЭТУ

(«Где вы — певцы любви, свободы, мира»)

(стр. 394)

В «Отечественных записках» подзаголовок «Памяти Шиллера» нет. Четвертая строка (о палаче, провозглашенном героем) заменена, по цензурным условиям, точками. Точно так же цензура не разрешила строки:

Вооружись небесными громами!

и Некрасову пришлось напечатать:

Воспрянь, поэт! вооружись громами.

Печатается по ПП, стр. 32—33.

Впервые — ОЗ 1874, № 9, стр. 231, с заглавием: «Поэту» и с подписью: «Н. Некрасов».

Вошло в ПП. — с заглавием: «Поэту (Памяти Шиллера)».

Беловой автограф — ИЛИ 203/24. Дата: «6 сент.». Черновые наброски — там же.

М. Е. САЛТЫКОВУ

(стр. 395)

М. Е. Салтыков-Щедрин был товарищем Некрасова по журнальной работе; они оба редактировали «Отечественные записки»; до той поры Салтыков был ближайшим сотрудником некрасовского «Современника». В декабре 1874 г. он заболел, простудившись на похоропах своей матери. Болезнь затянулась надолго. 13 февраля 1875 г. Некрасов писал А. Н. Пыпину: «Салтыков был крайне опасен. Теперь ему несколько лучше, но все еще он слаб и не встает с постели» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 549).

Для поправления здоровья Салтыкову пришлось ехать за границу. 12 апреля Салтыков покинул Петербург («Голос», 1875, № 103).

У Некрасова состоялся прощальный обед. Друзья Салтыкова и сотрудники «Отечественных записок» получили от поэта визитную карточку: «Н. А. Некрасов на Литейном пр. дом № 38», на которой Некрасов приписал: «просит к себе обедать <v> субботу 5 ч. Проводы Салтыкова за границу» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л. 1930, стр. 554).

Здоровье Салтыкова внушало Некрасову серьезные опасения. 27 апреля 1875 г. он писал П. В. Анненкову: «Нечего Вам говорить, как уничтожает меня мысль о возможности его смерти теперь, именно: у-ни-что-жа-ет. С доброй лошадейю и надорванная прибавляет бегу. Так было со мной в последние годы. Журнальное дело у нас всегда было трудно, а теперь оно жестоко. Салтыков нес его не только мужественно, но и доблестно, и мы тянулись за ним как могли... Не говорю уже о том, что я хорошо его узнал и привязался к нему <...> Вот стихи, которые я сложил в день отъезда Салт <ыкова>. Прочтите их ему, когда ему будет полегче» (Там же, стр. 555—556).

Вернулся Салтыков в Россию летом 1876 г.

А. Я. Максимовичу удалось обнаружить, что Некрасов эти стихи «сложил» восьмью годами раньше; это была концовка поэмы «Суд» (1867), зачеркнутая Некрасовым (см. примечание на стр. 705).

Печатается по беловому автографу *ИЛИ* 203/19 и 203/28.

Впервые — *ОЗ* 1878, № 4, стр. 417, без подписи, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова». Заглавие: «С—ву (При отъезде за границу)».

Беловой автограф — в письме к П. В. Анненкову от 27 апреля 1875 г. — *ИЛИ* 5697/XXIX б 58.

Более поздний беловой автограф разбит между двумя архивными единицами — ст. 1—4 в *ИЛИ* 203/19, продолжение, ст. 5—12, — *ИЛИ* 203/28. Заглавие: «М. Е. С[ал]—ву (при отъезде его за границу)»; дата: «1875 г. 12 Апр.».

Именно с этого автографа был набран текст, дошедший до нас в виде корректурного оттиска (листа гранок), правленного Некрасовым — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единица 3.

1 8 7 6

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

(стр. 396)

При жизни Некрасова не могло быть напечатано по цензурным условиям, так как здесь Некрасов с особой резкостью открывает свое отрицательное отношение к крестьянской реформе.

Черновой автограф этого стихотворения — на оборотной стороне того листа, на котором набросан черновой отрывок стихотворения «Дедушка Мазай и зайцы» (*ЛБ* 5747 б). Очевидно, первоначальный текст этого стихотворения относится еще к 1870 г.

Печатается по журналу «Жизнь» 1898, № 1, стр. 3—4, где опубликовано впервые по автографу. Дата: «Апрель 1876». Заглавие отсутствует и дается нами по копии письма Некрасова А. С. Суворину от 1 мая 1876 г. (из бумаг А. А. Буткевич — *ИЛИ* 203/45), где поэт пишет по поводу этого стихотворения: «В пьесе «Как празднуют труса» первый стих поправьте так: Времи-то есть да писать нет возможности».

Первоначальное чтение ст. 1 неизвестно.

Черновой автограф — *ЛБ* 5747. Без заглавия.

ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕСНЯМ 1876—77 годов

(стр. 398)

Вернувшись из ссылки, Н. Г. Чернышевский говорил о Некрасове молодому литератору Н. А. Панову: «На-днях я перечитал его от доски до доски... Неотразим! Взять хотя бы «Последние песни». Он ведь только о себе, о своих страданиях поет, но какая сила, какой огонь! Ему больно, вместе с ним и нам тоже. Если помните наизусть его вступление к «Последним песням», прочтите, пожалуйста».

Под веселое щебетание птицы и голоса рабочих, доносившиеся с пристани, под шум волн и пароходных колес, на берегу родной Некрасову Волги прозвучали его же, некрасовские, стихи:

Нет, не поможет мне аптека
< и т. д. >»

(«Записи двух бесед с Н. Г. Чернышевским о Некрасове». *ЛН*, стр. 602).

Печатается по *ПП*, стр. 7—8.

Впервые — *ОЗ* 1877, № 1, стр. 277—278, с заглавием: «Вступление», в составе цикла «Последние песни» (первым стихотворением), с подписью: «Н. Н.». Вошло в *ПП* с заглавием: «Вступление к песням 1876—77 годов».

Наборная черновая рукопись — в собрании К. Чуковского. В тексте значительная правка, окончательная редакция отличается от печатной. Над текстом заголовок: «Последние песни. 1. Музе» и надпись, обращенная к метранпажу: «Потом из тетрадки // набирай страницы // 5, 6, 9, а потом // лист 2,3 // с лоскутом // в начале».

Первоначальная, предшествующая этому автографу, редакция была сообщена в письме А. А. Буткевич С. И. Пономареву от 6 мая и напечатана в примечаниях *Стих* 1879 (ч. IV, стр. ХСIX — С).

«ДНИ ИДУТ... ВСЕ ТАК ЖЕ ВОЗДУХ ДУШЕИ»

(стр. 400)

Печатается по *ПП*, стр. 15.

Впервые — *ОЗ* 1877, № 1, стр. 280, в составе цикла «Последние песни», с подписью: «Н. Н.». Вошло в *ПП*.

Беловой автограф — *ИЛИ* 203/19. Редакция первой страницы значительно отличается от печатной. Дата: «Ночь с 8 на 9 янв.». На том же листе — стихотворения «Приговор», «Т<ургене>ву» («Ты как поденщик выходил») и др.

СВЯТЕЛЯМ

(стр. 401)

Печатается по *ПП*, стр. 9.

Впервые — *ОЗ* 1877, № 1, стр. 278, в составе цикла «Последние песни», с подписью: «Н. Н.». Вошло в *ПП*.

МОЛЕБЕН

(стр. 402)

Печатается по *ПП*, стр. 10—11. Ст. 19—20 восстановлены на основании поправки на экз. *ПП*, сообщенной Чехихиным-Ветришским в статье «Крохи Н. А. Некрасова (из данных П. А. Ефремова)» («Литература, искусство, наука»). Бесплатное приложение к № 354 газеты «День» < от 31 декабря 1913 г. >).

Впервые — *ОЗ* 1877, № 1, стр. 279, в составе цикла «Последние песни», с подписью: «Н. Н.». Вошло в *ПП*, без восстановления цензурного пропуска ст. 19—20.

Ст. 21 и 23 записаны среди разных, преимущественно прозаических, заметок на отдельных листках *ИЛИ* 203/42.

ДРУЗЬЯМ

(стр. 403)

Печатается по *ПП*, стр. 16.

Впервые — *ОЗ* 1877, № 1, стр. 282, в составе цикла «Последние песни», с подписью: «Н. Н.». Вошло в *ПП*.

Беловой автограф — *ИЛИ* 203/28. Текст совпадает с печатным; дата: «[Декабрь 1876]». На том же листе ст. 5—12 стихотворения «С< алтыко>ву» («О нашей родине унылой»), стихотворения «Человек лишь в одиночку» и «О Муза! наша песня слета».

ЗИНЕ

(«Ты еще на жизнь имеешь право»)

(стр. 404)

«Зина» — жена Некрасова. Настоящее ее имя Фекла Онисимовна Викторова. Когда Некрасов познакомился с нею в 1871 году, ему было 50 лет, ей 18. Она была женщина без образования. 12 февраля 1874 г. Некрасов подарил ей книгу своих стихов с надписью: «Милому и единственному моему другу Зине». Ей же посвятил он свое стихотворение «Дедушка». Когда он заболел, она так

самоотверженно ухаживала за ним, что, по свидетельству П. М. Ковалевского, «по истечении этих *двухсот дней и ночей* из молодой, беленькой и краснощекой женщины превратилась в старуху, с желтым лицом, и такой осталась» (П. М. К о в а л е в с к и й, Стихи и воспоминания, П. 1912, стр. 297).

Некрасов обвенчался с ней уже на смертном одре. После его смерти она уехала из Петербурга. Умерла в Саратове в 1915 г.

Печатается по *ПП*, стр. 17, где появилось впервые. В заголовке восстановлено полностью имя Зины.

Сохранился корректурный оттиск — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единица 3. Заглавие: «З — не». Дата: «18-го мая». Корректурa была читана Некрасовым: ряд стихотворений, отпистнутых на том же листе, правлен его рукою.

МУЗЕ
(стр. 405)

Печатается по *ПП*, стр. 18, где появилось впервые. При жизни Некрасова не перепечатывалось.

Беловой автограф — *ИЛИ* 203/28. Без заглавия и даты. На том же листе стихотворение «Друзьям» и др.

«СКОРО СТАНУ ДОБЫЧЕЮ ТЛЕНЬЯ»
(стр. 406)

Написано весной 1874 г. В первой редакции оно начиналось так:

Старый дом, позабытый с рожденья...
Я вернулсЯ сюда — умереть.

Когда, незадолго перед смертью Некрасова, его посетил Петр Вейнберг, поэт обратился к нему с просьбой рассказать о предсмертной болезни Гейне.

«— Он ведь тоже страдал не меньше мсего... Расскажите. Вейнберг стал рассказывать и между прочим упомянул, что Гейне находил умирание ужаснее смерти.

«— Как? Гейне сказал это? — воскликнул Некрасов.

— Да, а что?

— Удивительно! Да ведь это почти слово в слово мой стих, недавно написанный: «Хорошо умереть, тяжело умирать...» Удивительно!» («Слово», 1907, № 360).

В адресе, который студенты поднесли Некрасову в феврале

1877 г. (см. примечание к стихотворению: «Вам, мой дар ценившим и любившим») был отклик на содержащееся в этих стихах утверждение Некрасова, что его «некому будет жалеть».

«Прочли мы твои «Последние песни», — говорится в этом адресе, — ... и защемило у нас сердце: тяжело было читать про твои страдания, неумогу услышать твое сомнение: «да и некому будет жалеть». Себялюбив, правда, тот род, которому ты лирой своей не стяжал блеска, и не он тебя пожалеет. Темен народ наш и не скоро еще узнает тебя. Но зачем же забыл ты нас, учащуюся русскую молодежь? Много, правда, темных сторон найдешь ты в нас, но несем мы в сердцах могучую святую любовь к народу, ту любовь, что уж многим стоила свободы и жизни.

Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий; мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу и воспламенял ненавистью к его притеснителям.

Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья.

Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и возрастит семена эти всей душой тебя любящая, учащаяся молодежь русская» (В. Е в г е н ь е в-М а к с и м о в, Некрасов и Петербург, Л. 1947, стр. 129—130).

Печатается по *ПП*, стр. 14.

Впервые — *ОЗ* 1877, № 1, стр. 281, в составе цикла «Последние песни», с подписью: «Н. Н.». Вошло в *ПП*.

Автограф, писанный карандашом, неверной рукой, — в собрании К. Чуковского. Некоторые слова пропущены.

Более ранняя редакция была опубликована К. Чуковским в статье «Новонайденные творения Некрасова» («Русское слово», 1913, № 285 от 11 декабря); местонахождение автографа неизвестно.

ЗИНЕ

(«Двести уж дней»)

(стр. 407)

См. примечание к стихотворению «Зине» на стр. 736—737.

Печатается по *III*, стр. 12. В заглавии и в ст. 1 и 12 восстановлено полностью имя Зины.

Впервые — *ОЗ* 1877, № 1, стр. 279, в составе цикла «Последние песни», с датой: «4 дек. 1876, ночь», с подписью: «Н. Н.». Вошло в *III*.

1 8 7 7

ПРИГОВОР

(стр. 408)

Печатается по *III*, стр. 39.

Впервые — *ОЗ* 1877, № 2, стр. 532, с датой: «1877. Ночь с 7-го на 8-е янв.» и с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в *III*.

Беловой автограф — *ИЛИ* 203/19. Без заглавия, редакция отличается от печатной (третья строфа совершенно иная), дата: «Ночь с 7 на 8 янв.» Справа запись: «Посл | Ш П | С | д-ну | Др.».

Именно с этого автографа был набран текст, дошедший до нас в виде корректурного оттиска (листа гранок), правленного Некрасовым — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единица 3.

«ЕСТЬ И РУСИ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ»

(стр. 409)

Вестминстерское аббатство—старинная церковь в Лондоне, служит местом погребения знаменитых ученых, поэтов и государственных деятелей, где каждому из них воздвигнут памятник.

Дата стихотворения (23 января 1877 г.) указывает, что оно является откликом на рассматривавшееся тогда в сенате дело о демонстрации землевольцев, бывшей на Казанской площади в С.-Петербурге 6 декабря 1876 года.

Из двадцати одного подсудимого шестеро были приговорены к каторжным работам, двенадцать — к ссылке на поселение в Сибирь.

Печатается по автографу *ИЛИ*, *personalia*, разряд 1, опись 20, № 7.

Впервые опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым по автографу, хранившемуся у С. И. Кривенко («Заветы», 1912, № 9, декабрь, стр. 87).

В автографе *ИЛИ* под текстом дата: «23 янв. 1877» и надпись: «Катерине Павловне <Елисейевой?> подарок на память».

На листах *ИЛИ* 203/42 с разными, преимущественно прозаическими, набросками записано два стиха: «Вестминстерское аббатство // Есть у нас свое».

«ВАМ, МОЙ ДАР ЦЕНИВШИМ И ЛЮБИВШИМ»

(стр. 410)

В январе 1877 г. у Некрасова возникло намерение издать новую книгу стихов под заглавием: «В черные дни». На первой странице сборника поэт предполагал напечатать посвящение «Друзьям-читателям»: «Вам, мой дар ценившим и любившим». Книга «В черные дни» не вышла. Вместо нее Некрасов напечатал книгу «Последние песни», куда это посвящение не было включено.

Когда в начале февраля к больному Некрасову явилась депутация студентов и поднесла ему приветственный адрес от четырех высших учебных заведений, поэт прочитал студентам свое посвящение и подарил им на память листок, на котором оно было написано. Отсюда и возникла ошибочная мысль, будто в этих стихах Некрасов обращается к студентам и будто сами стихи называются «В черные дни».

Об этой депутации сохранился рассказ очевидца — Г. З. Елисеева. «Когда, — пишет он, — я пришел предупредить покойного, что к нему через час явятся три депутата от студентов с заявленным сочувствием к нему... он, видимо, очень обрадовался.

— Мне очень это приятно, — сказал он мне, — но я боюсь, чтобы это не было как-нибудь дурно истолковано для них, чтобы не вышло чего... Да и, ах, боже мой! Чем я их отблагодарю? Я бы хотел что-нибудь написать им. Но теперь я решительно не в состоянии, а готового ничего нет. Вот разве это дать им? — сказал он, вынимая из находившихся перед ним бумаг написанное вчерне предисловие к «Последним песням». — Предисловие обращено к читателю, но все равно, оно и к ним относится. Как вы думаете: будут они довольны? — обратился он ко мне.

Я успокоил его, сказав, что студенты желают одного только, чтобы он их принял... они будут довольны всем, что он даст им на память» («Отечественные записки», 1878, № 1, «Внутреннее обозрение», вырезанное по распоряжению цензуры).

Листок был вставлен студентами в рамку и вывешен в университетской библиотеке. В 1898 г. проф. С. Ф. Ольденбург прислал копию этого стихотворения Н. К. Михайловскому, который опубликовал

ликовал ее в четвертой книге «Русского богатства» того же года (см. «День», 1913, № 331; «Книга и революция», 1921, № 2 (14), стр. 51; Некрасов по неизданным материалам Пушкинского дома, П. 1932, стр. 130; см. также статью Т. А. Б е с е д и н о й, По поводу автографа Н. А. Некрасова в библиотеке Ленинградского государственного университета, «Научный бюллетень» того же университета, Л. 1947, № 16—17, стр. 63—66). Исправляем в тексте стихотворения ошибку, указанную Т. А. Бесединой. До сих пор первая строка стихотворения печаталась так: «Вам, мой дар любившим и ценившим»: Между тем Некрасов изменил здесь порядок слов, поставив над ними соответствующие цифры.

Печатается по автографу библиотеки ЛГУ.

Впервые (по этому же автографу с ошибками в ст. 8) — «Спб. ведомости», 1877, 20 декабря, № 351, хроника.

Дата: «СПБ. 1 февраля 1877 года». Под текстом: «Посвящаю моим друзьям-читателям».

Более ранний беловой автограф — *ИЛИ*, personalia, разряд 1, опись 20, № 2. Написан без правки, неверной рукой. Заглавие: «Посвящение», подпись: «Н. Н.» (зачеркнута).

«СМОЛКЛИ ЧЕСТНЫЕ, ДОБЛЕСТНО ПАВШИЕ»

(стр. 411)

С 21 февраля по 14 марта 1877 г. в Петербурге происходил знаменитый «процесс пятидесяти», на котором двумя подсудимыми были произнесены пламенные речи против самодержавного строя.

Вскоре после этого один из них, рабочий Петр Алексеев, приговоренный к каторжным работам, получил в петербургской тюрьме стихотворение Некрасова «Смолкли честные, доблестно павшие».

«Земля и воля!», печатая это стихотворение, указала, что оно «посвящается подсудимым процесса пятидесяти» («Земля и воля!», 1879, 8 апр., № 5, стр. 5). Таково же было мнение других революционеров (В. Б о г у ч а р с к и й, Активное народничество, М. 1912, стр. 301).

Черновики этого стихотворения относятся к 1874 г. Сохранился почтовый листок (*ИЛИ*), где поэт, перечисляя свои стихи, написанные в 1874 г., указывает и это стихотворение. В мае 1875 г. поэт записал его для П. А. Ефремова («Литература, искусство, наука», приложение к № 354 газеты «День» за 1913 г.).

В марте 1882 г. эти стихи были перепечатаны в журнале «Общее дело» (№ 47) вместо передовицы, причем в заключительных строках было сказано: «Они <стихи> — последняя вспышка благородного гения поэта, осветившего ту безрассветную ночь, о которой говорится в них и среди которой мы живем теперь».

В беловом автографе (*ИЛИ*) стихам придано заглавие: «Современная Франция (С французского)».

Как доказывают И. Власов и С. Макашин в своей недавней статье «Некрасов и Парижская коммуна», стихи эти посвящены разгрому Парижской коммуны в 1871 г.: под «доблестно павшими» поэт разумеет расстрелянных коммунаров. По словам авторов, строки одного из вариантов:

Растворились тюрьмы глубокие...
Смокли честное зная державшие... —

«не могут быть поняты иначе, как прямое указание Некрасова на известные факты из истории подавления Парижской коммуны — на массовые расстрелы пленных коммунаров в тюрьмах Ла-Рокетт и Сатори» (*ЛН*, стр. 412—422).

Тем не менее, как указано выше, эти стихи были *поняты иначе*, так как русские революционеры считали, что у них есть все основания видеть в этих стихах воспроизведение русской действительности.

Печатается по автографу *ИЛИ* 203/37. Заглавие снято.

Впервые — в газете «Земля и воля!», 1879, 8 апреля, № 5, стр. 5.

Вторично — женевская газета «Общее дело», 1882, март, № 47, стр. 1.

Первоначальный набросок второй строфы — *ИЛИ* 203/29. Там же наброски, относящиеся к стихотворениям «Страшный год» и «Уныние».

Черновой автограф на обороте наборной рукописи стихотворений «Уныние» и «На покое» — *ИЛИ* 203/37. Заглавие: а) «Современная Франция», б) «(С французского)». Без даты.

Сохранилась копия с этого автографа, сделанная А. А. Буткевич, — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единца 2.

Стихотворение вместе с «Пророком» было записано Некрасовым для П. А. Ефремова 27 мая 1875 г. Заглавие: «С французского».

М. И. Семевский намеревался опубликовать его в «Русской старине», 1878, № 3, но это не было разрешено цензурой.

Корректурный оттиск *РС* хранился в архиве П. А. Ефремова — см. статью Чехихина-Ветринского «Крохи П. А. Некрасова

(Из данных П. А. Ефремова) («Литература, искусство, наука». Бесплатное приложение к № 354 газеты «День» <от 31 декабря 1913 г.>). Заглавие: «2-ое декабря 1852 г. (с французского)». В тексте вариант ст. 1—3 (В. Е в г е н ь е в-Максимов), Николай Алексеевич Некрасов, М. 1914, стр. 210). Местонахождение оттиска неизвестно.

«ВЕЛИКОЕ ЧУВСТВО! У КАЖДЫХ ДВЕРЕЙ»

(стр. 412)

Печатается по ОЗ 1878, № 4, стр. 417, где опубликовано впервые, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова».

ПОЭТУ

(«Любовь и Труд—под горами развалин!»)

(стр. 413)

Печатается по ПП, стр. 37.

Впервые — ОЗ 1877, № 2, стр. 531, с датой: «Февр. 1877», с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в ПП.

Первоначальный вариант ст. 1—4 впервые опубликован по автографу в ОЗ 1879, № 1, стр. 65, в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)».

Он сохранился в виде отдельно записанного четверостишия на листке с разными записями — ИЛИ 203/25.

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА

(стр. 414)

Вариант стихотворения «Письма», написанного в 1855 г. (см. первый том настоящего издания, стр. 131). По словам С. И. Пономарева, в экземпляре поэта был еще один вариант конца (*Стих* 1879, ч. IV, стр. XLIII). В настоящем томе см. стр. 609.

Печатается по ПП, стр. 38.

Впервые в настоящей редакции — ОЗ 1877, № 2, стр. 531, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в ПП.

ИЗ ПОЭМЫ: «МАТЬ»

(стр. 415)

Мать поэта Елена Андреевна, урожденная Закревская, умерла в Грешневе 29 июля 1841 года. Некрасов посвятил ее памяти

много благоговейных стихов («Родина», «Рыцарь на час» и др.). Кроме того, им с давнего времени была задумана большая поэма о матери. Еще в 1861 г. в первой части своих «Стихотворений» он напечатал «Начало поэмы», которое кончалось стихом:

Твою погибель, мать моя, пою...

Через восемь лет в издании 1869 г. он обнаружил другой отрывок:

Та бледная рука, ласкавшая меня...

Отрывок заключал 17 строк и кончался стихом:

А вьюга в окна била и мела.

Закончить поэму Некрасов не успел. Это мучило умирающего поэта, он хотел во что бы то ни стало исполнить свой нравственный долг и, несмотря на жестокие физические страдания, снова принялся за работу. Но стройная композиция уже не давалась ему: поэма осталась в отрывках. Впоследствии он написал над ее заглавием:

«Некоторые из отмеченных здесь точками мест можно восстановить только по корректурам, в некоторых же местах поставлены точки из-за недостатка связи в отрывках» (*ЛН*, стр. XXIII).

Об этом же он записал в дневнике (июнь 1877 г.):

«... Из страха и нерешительности и за потерю памяти я перед операцией испортил в поэме «Мать» много мест, заменив точками иные строки» («Отечественные записки», 1878, № 6, стр. 403).

Из-за отрывочности поэмы многое осталось в ней неясным. Вследствие того, например, что цитируемое поэтом письмо было частично написано по-польски и послано из Варшавы, его биографы не раз утверждали, будто его мать была полькой. Между тем, найдены документы, свидетельствующие, что она была из украинской семьи (см. Н. С. Ашук и н, *Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова*, М.—Л. 1935, стр. 20).

Елена Осиповна Лихачева (1836—1904), которой Некрасов посвятил поэму «Мать», — автор книг и статей о так называемом женском вопросе. В журнале Некрасова она поместила статьи: «Новости по женскому делу во Франции и Америке», «Женское движение у нас и за границей», «Женщина в современной войне».

Печатается по *III*, стр. 151—166. По письму А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 12 мая 1878 г. (*ИЛИ*) восстановлены ст. 90—93 и 240—243 (но ст. 93 дан в редакции *Стих* 1879, т. III, стр. 381 — повидимому, более правильной).

Впервые (без ст. 90—93 и 240—243) — *ОЗ* 1877, № 3, стр. 296—306, с датой: «9 февр. 1877» и подписью: «Н. Некрасов». Вошло в *ПП*.

Сохранившиеся рукописи (2 листка *ИЛИ* 203/14) относятся к наиболее ранним этапам обработки замысла, который возник, повидимому, еще в пятидесятых годах.

Единственным источником, отражающим подготовительную работу над окончательной редакцией, является правленная Некрасовым корректура гранок (соотв. ст. 1—161).

Она хранится в *ЦГЛА*. Вместо заглавия: «Песнь первая». Эпиграф: «Надо мной // Младая тень уже летала... А. Пушкин». Вступительная строфа отсутствует, относительно чего на полях помета Некрасова: «О.З.+Вступление (поместить и это — сводку показать мне. Начало у вас или я свой оттиск где-то забросил. Оно выправлено». Текст (значительно отличающийся от окончательного и сильно правленный Некрасовым) разбит на строфы.

Другой вариант этой поэмы («Затворница») см. на стр. 530 настоящего тома.

ЗИНЕ

(«Пододвинь перо, бумагу, книги!»)

(стр. 424)

Печатается по *ПП*, стр. 40.

Впервые — *ОЗ* 1877, № 2, стр. 454, с заглавием: «З — не», с датой: «13 февр. 1877. СПб» и с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в *ПП*.

Беловой автограф — *ИЛИ* 3522/XVII б 60, архив А. Н. Пыпина (вторично зашифрован в архиве М. А. Гамазова и Я. С. Лалаева, фонд 68, опись 1, единица 41). Без заглавия и даты.

БАЮШКИ-БАЮ

(стр. 425)

Некрасов продиктовал это стихотворение своей сестре в четверг 3 марта 1877 г. В тот же день (и в пятницу 4 марта) он, лежа в постели, читал эти стихи наизусть доктору Н. А. Белоголовому, проф. Е. И. Богдановскому, А. Н. Пыпину и др. (см. Н. А. Белоголовый, Воспоминания, М. 1897, стр. 458; А. Н. Пыпин, Из записной книжки, «Современник», 1913, № 1, стр. 231).

После 3 марта в здоровье поэта произошло резкое ухудшение. В начале этого периода он продиктовал своей сестре:

«Недуг меня ододел, но муза явилась ко мне беззубой, дрых-

лой старухой, не было и следа прежней красоты и молодости, того образа породистой русской крестьянки, в каком она всего чаще являлась мне и в каком обрисована в поэме моей: «Мороз Красный нос». Я пожалел, что я не выдержал:

Непобедимое страданье,
Певыносимая тоска...
Влечет как жертву на закланье
Недуга черная рука.
Спаси, о Муза!

<и т. д.>

(«Автобиография Некрасова», ЛН, стр. 167).

Летом на Черной речке он вспомнил о «Баюшки-баю» и записал в дневнике:

«14-го июня. Буду писать, что приходит в голову; надо же убивать время <...> Сибиряки обнаружили особенную симпатию ко мне со времени моей болезни. Много получаю стихов, писем и телеграмм. Было две с двумя десятками подписей. Я хотел сделать на это намек в стихотворении «Баюшки-баю» — и было там четыре стиха:

И уж несет от добрей снежных
На гроб твой лавры и венец
Друзей неведомых и нежных
Хранимый богом посланец, —

— да побоялся, не глупо ли будет. А теперь этого вопроса решить не могу и подавно...» (Там же, стр. 168).

Стихи о «людской злобе», нанесшей поэту обиду, относятся, вероятно, к цензуре, которая незадолго до того запретила напечатать «Пир на весь мир».

Печатается по III, стр. 167—169.

Впервые — ОЗ 1877, № 3, стр. 267—268, с датой (над текстом): «1877 г. Марта 3-го» и с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в III.

«ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ! КАК НИЩИЙ ПРОСИТ ХЛЕБА»

(стр. 427)

Написано весной 1877 г. Первоначально в четвертом стихе не было упоминания о цензорах. Оно появилось при таких обстоятельствах. Незадолго до этого поэт закончил свою книгу «Последние песни». Он надеялся, что цензура тотчас же рассмотрит ее. Но цензура, по случаю пахсы, отложила рассмотрение книги. «Брат был очень расстроен, — вспоминает

А. А. Буткевич. — Выход книги отсрочивался на три недели». — «Для меня, — говорил он, — это целая вечность, когда каждый день может быть последним».

Чтобы ускорить выход книги, Некрасов решил обратиться к председателю цензурного комитета с письмом, где просил, невзирая на праздники, частным образом просмотреть и разрешить его «Песни».

По когда письмо было написано, он, по словам сестры, передумал посылать его. «Не хочу я у них ничего просить! — сказал он. — Пусть будет, как будет!» — На столе лежали только что записанные мною стихи «Черный день». Брат взглянул на них: «поправь, пожалуйста, там, напиши: «друзей, врагов и цензоров» («Автобиография Некрасова», ЛН, стр. 172).

Эта запись дает нам возможность установить дату стихов: в 1877 г. пасха была 27—30 марта (по ст. ст.).

Так как Некрасов держал корректуру стихов, намереваясь поместить их в журнале, мы печатаем их в настоящем отделе.

Печатается по ОЗ 1878, № 1, стр. 309, где появилось впервые, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова».

ОТРЫВОК

«...Я сбросила мертвящие оковы»

(стр. 428)

Стихотворение выражает ту страстную жажду революционного действия, которую с таким нетерпением высказывала в 70-х годах русская разночинная молодежь.

«Оплошными врагами» именуются здесь представители правительства Александра II.

Печатается по ОЗ 1877, № 1, стр. 278, где появилось впервые, в составе цикла «Последние песни», с подписью: «П. Н.», при жизни Некрасова не перепечатывалось. Ст. 6 дан в редакции *Стих* 1879, т. III, стр. 397.

Вторично напечатано в ОЗ 1878, № 4, стр. 418, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова».

СТАРОСТЬ

(стр. 429)

Печатается по корректурному оттиску — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единица 3. Корректурa правлена Некрасовым.

Впервые — ОЗ 1878, № 4, стр. 418, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова». Разпочтение в ст. 7 установлено А. Я. Максимовичем.

ТЫ НЕ ЗАБЫТА

(стр. 430)

Нам не удалось выяснить, о какой женщине идет речь в этом стихотворении, но нельзя сомневаться, что она служила революционному делу и что именно поэтому Некрасов называет ее могилу великой.

Между тем цензор Лебедев доносил в комитет, что Некрасов в этом стихотворении «желает освятить идею самоубийства <!>, так как не только прощает девушке, покусившейся на свою жизнь, ее поступок, но видит в нем поучение другим и могилу ее называет великой, тогда как в живых людях не находит величия» («Книга и революция», 1921, № 2(14), стр. 47).

Так как это и еще несколько стихотворений Некрасов считал совершенно законченными и предназначал для печати в ближайших книгах «Отечественных записок», мы помещаем их в настоящем отделе, чтобы не разрушать установленного поэтом цикла.

Печатается по ОЗ 1878, № 2, стр. 609, где опубликовано впервые, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова». Дата: «5-го ноября 1877 г.»

ОСЕНЬ

(стр. 431)

Отклик умирающего Некрасова на русско-турецкую войну. Стихотворение появилось в журнале без подписи автора. Это было последнее стихотворение, напечатанное при его жизни.

Печатается по ОЗ 1877, № 11, стр. 283, где появилось впервые в составе цикла «Последние песни», с подписью «Н. Н.». При жизни Некрасова не перепечатывалось.

СОН

(стр. 432)

Страдания Некрасова во время его предсмертной болезни были так велики, что приходилось ежедневно прибегать к наркозу. В марте 1877 г. Некрасов писал Краевскому: «Сейчас поставлю опий —

и одурею. Он-то меня и делает дураком <...> Внимание мое тупеет...» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 581—582).

Лишь на несколько минут, между двумя приемами опия, он чувствовал некоторое просветление и стремился использовать это короткое время для писания стихов.

В стихотворении «Сон» есть несколько строк об одуряющем влиянии паркоза, которое мешает поэту творить:

Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век...

В поэме «Мать» сказалась, по нашему мнению, такая же страстная жажда большого Некрасова освободить свое сознание от опия:

Хаос! мечусь в беспамятстве, в бреду!
Хаос! едва мерцает ум поэта...

Печатается по ОЗ 1878, № 2, стр. 610, где опубликовано впервые в составе цикла «Последние песни П. А. Некрасова». Дата: «12 ноября 1877 г.»

«О МУЗА! Я У ДВЕРИ ГРОБА!»
(стр. 433)

По свидетельству сестры Некрасова, это стихотворение было последним, которое он написал (*Стих* 1879, ч. IV, стр. CV).

Печатается по ОЗ 1878, № 1, стр. 310, где опубликовано впервые, в составе цикла «Последние песни П. А. Некрасова».

Ст. 12 восстановлен на основании поправки, указанной Чешхиным-Ветринским в статье «Крохи П. А. Некрасова (из данных П. А. Ефремова)» («Литература, искусство, наука». Бесплатное приложение к № 354 газеты «День» <от 31 декабря 1913 г.>).

НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

БУИТ
(стр. 434)

В этом стихотворении изображается, по всем вероятностям, кровавая расправа с крестьянами, учиненная рязанским губернатором П. П. Новосильцевым в селе Мурмине в июне 1857 г.

В герценовском «Колоколе» была напечатана корреспонденция об этом событии («Колокол», 1858, л. 10).

Посылая в 1876 г. свое стихотворение А. С. Суворину для напечатания в «Новом времени», Некрасов сделал такое «Примечание для редакции»:

«Этот отрывок пропустил г. Стасюлевич при печатании записок г. Ломачевского».

А. И. Ломачевский, жандармский полковник, напечатал в журнале М. М. Стасюлевича «Записки жандарма» («Вестник Европы», 1872, №№ 3—5). В «Записках» он между прочим рассказывает о бесчеловечном усмирении крестьян деревни Стошаны, Минской губернии, которые три дня подряд были сечены розгами за неповиновение самодуру-помещику.

Очевидно, ссылкой на эти «Записки» поэт хотел указать редакции «Нового времени», что изображение таких эпизодов не возбраняется цензурой.

И все же «Бунт» мог появиться в печати лишь по истечении срока с лишним лет — в 1913 году.

Печатается по копии из бумаг А. А. Буткевич, *ИЛИ* 203/45 (при копии письма Некрасова к А. С. Суворину от 1 мая 1876 г.).

Впервые опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым в статье «Предсмертные думы Некрасова» («Заветы», 1913, № 6, стр. 33).

МОЛОДЫЕ ЛОШАДИ

(стр. 435)

В этих «вчерашних сценах» Некрасов клеймит обывателей, взиравших с притворным участием на революционные жертвы и подвиги молодежи 70-х годов.

«Сцены» помещаются в настоящем отделе, так как, по свидетельству С. И. Пономарева, поэт намеревался ввести их в собрание своих стихотворений (*Стих* 1879, стр. СXXXIII).

Печатается по газете «Новое время», 1876, № 55 от 25 апреля, где напечатано впервые, анонимно, вторым номером цикла «Из записной книжки».

ПРАЗДНОМУ ЮНОШЕ

(стр. 436)

По цензурным условиям три последние строки этого стихотворения могли появиться в печати лишь в 1913 г. Во всех изданиях Некрасова (до 1920 г.) они заменялись строкою точек.

Печатается по тексту корректур — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единица 3. Заглавие: «Праздному юноше». Без даты. Корректурa была читана Некрасовым: ряд стихотворений, отиснутых на том же листе, правлен его рукою.

Ст. 1—9 опубликованы в газете «Новое время», 1878, № 662 от 1 января, в фельетоне Познакомца <Суворина> «Недельные очерки и картинки».

Ст. 10—12 опубликованы В. Евгеньевым-Максимовым в статье «Предсмертные думы П. А. Некрасова» («Заветы», 1913, № 6, стр. 35).

В *ИЛИ* 203/45 — копия из бумаг А. А. Буткевич (при копии письма Некрасова к А. С. Суворину от 1 мая 1876 г.). Заглавие: «Праздному».

МУЖ И ЖЕНА

(стр. 437)

Мы полагаем, что это стихотворение, чуждое тематике «Последних песен», было написано раньше и вошло в этот цикл случайно.

Печатается по ОЗ 1878, № 3, стр. 43—44, где появилось впервые, без подписи, в составе цикла «Последние песни П. А. Некрасова». Дата: «9-го ноября 1877 г.».

Беловой автограф ст. 27—33 — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единица 1. Без даты. Лист озаглавлен: «<Д>ля песен». Ниже текста стихотворения «Муж и жена» записаны ст. 25—32 стихотворения «Слезы и цветы».

ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

(стр. 439)

При жизни Некрасова критика реакционного лагеря часто внушала читателям, будто он не проявляет заботы о художествен-

ной форме стиха. Лучшим опровержением этой упорно распространявшейся лжи служат воспроизводимые в нашем издании черновые рукописи стихотворений Некрасова, где он постоянно осуществляет девиз, изложенный им в стихотворении «Форма»:

Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

В этом же стихотворении утверждается тезис о полной зависимости художественной формы от того, что у Некрасова называется «сущностью» — то есть от содержания и смысла стихов:

важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.

Тема же полностью зависит от мировоззрения поэта, от тех «типов добра и любви», которые необходимы поэту.

Так как это стихотворение чрезвычайно важно для понимания эстетических воззрений Некрасова, мы печатаем его в настоящем отделе.

Печатается по ОЗ 1879, № 1, стр. 63, где опубликовано впервые, в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)».

ЮМОРСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1 8 5 9

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ (стр. 440)

4 июня 1859 г. Добролюбов в письме к своему товарищу И. И. Бордюгову привел между прочим такие стихи:

Ты знаешь град, где Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади,
Где уцелел остаток древне-барский
У каждого патриция в груди.

и т. д.

Стихи кончались так: «Ужасный град! Туда, чтоб видеться с тобой, мне страшно показаться, милый мой!» (Н. Г. Черны-

шевский, *Материалы для биографии Н. А. Добролюбова*, М. 1890, стр. 513).

Через месяц, в следующем письме к Бордюгову, Добролюбов объяснил, что эти стихи принадлежат ему меньше чем наполовину. «Это мы с Некрасовым однажды дурачились, и, конечно, все лучшие стихи — его».

Перед смертью Некрасов продиктовал сестре небольшую заметку о «Дружеской переписке», где было сказано, что все стихи принадлежат ему, а Добролюбов написал только шуточные примечания к ним. «Эту пьесу я не хотел зачесть своею при жизни<...>. Теперь ею можно воспользоваться для статейки обо мне, и ввести ее в приложение, когда будет издание моих сочинений» («Автобиография Некрасова», *ЛН*, стр. 153).

Чернышевский указал в письме к Пышину, что это стихотворение было приписано Добролюбову по ошибке (Н. Г. Чернышевский, *Литературное наследие*, М.—Л. 1930, т. III, стр. 191).

«Петербургское послание» — пародия на «Песнь Миньоны» Гёте. Первые четыре строки являются парафразой известного стихотворения Ф. Н. Глинки о Москве:

Город пышный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И лачуги и дворцы.

Стих о Москве — «*России дочь любима*» — принадлежит поэту И. Н. Дмитриеву:

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?

«Освобождение Москвы» (1795)

Анафеме там предан Чернышевский. — В Москве Чернышевского «предал анафеме» Аполлон Григорьев, который писал в «Москвитяине» 1855 г. (№ 13—14), что Чернышевский проповедует в «Современнике» «тьму безвкусных и безобразных ересей».

И Кокорев а ум нашел себе приют. — В. А. Кокорев, крупный делец, мяслионер-откущик, прикрывавший свои темные дела громкими либерально-патриотическими фразами. Писал по финансовым вопросам в московском «Русском вестнике» (1857, № 24, 1858, № 16 и др.).

Ученый Бабст стихами Розенгейма там подкрепляет мнения свои. — В московском либеральном журнале «Атеней» (1858, № 46, стр. 207) экономист буржуазно-либерального направления проф. И. К. Бабст поместил «Объяснение» (по поводу акциза на вино) и

в последних строках статьи процитировал следующие стихи Розенгейма:

Ну, и напишешь: властям непокорны;
Этим, брат, всякого можно унять.

Там сомневается почтеннейший Киттары... — Эти сомнения выразил на торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук 17 декабря 1858 г. профессор технологии Модест Киттары. Он объявил себя врагом плетей и розог, но прибавил: «Я прибегаю к ним очень редко, в самых крайних случаях... *в минуты сомнения* в непогрешимости моего взгляда» («Речи и отчет, читанные в торжественном заседании Московской практической академии», 1858). Киттары был инспектором этой академии.

Там в Хомякове чехи и мадьяры нашли певца народности своей. — Славянофил А. С. Хомяков писал в одном из своих стихотворений о Чехии:

Беззвездная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя под окном;
О Праге я с грустною думал отрадой,
О Праге мечтал, забываясь сном.

(«Русская беседа», 1856, № 1, стр. 4)

Там Павлов Соллогуба, Байборода Крылова обличил. — В то время в Москве на шумела полемическая статья Н. Ф. Павлова «Разбор комедии графа Соллогуба «Чиновник» (М. 1857), первоначально напечатанная в «Русском вестнике» (кн. 3 и 4). *Никита Ив. Крылов* (1808—1879), профессор римского права, был обличен Байбородой в вопиющем невежестве («Русский вестник», 1857, № 8, стр. 404—411). *Байборода*—журнальный псевдоним М. Н. Каткова, Ф. М. Дмитриева и П. М. Леонтьева.

Там Шевырев был поражен сугубо. — Намек на избиение, которому подвергся профессор С. П. Шевырев 14 января 1857 г. на заседании совета Московского художественного общества. На этом заседании член совета англоман гр. В. А. Бобринский ругал русские нравы. Шевырев стал упрекать графа в недостатке патриотизма. Бобринский вызвал Шевырева на дуэль, тот отказался. Тогда Бобринский избил своего оппонента (См. Н. А. Добролюбов, *Дневник 1851—1859*, Полное собрание сочинений, т. VI, М. 1939, стр. 461; Н. И. Панов, Степан Петрович Шевырев, «Русская старина», 1890, № 9, стр. 629).

Там сам себя Чичерин поразил. — В 1858 г. проф. Б. Н. Чичерин написал Герцену письмо в защиту русского правительства. В письме заключалось злобное осуждение революционной пропаганды Герцена. Это письмо вызвало даже со стороны либералов горячие нападки на Чичерина. Когда группа лиц, в том числе Тургенев, Бабст и Анненков, выразила Чичерину письменный протест, он отправил их письмо к Герцену и таким образом *сам себя поразил*. В редакции «Современника» близко знали обо всех перипетиях этого дела, так как одним из участников полемики был близкий к «Современнику» Валериан Панаев (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, II. 1919, т. IX, стр. 404—424, 440—441).

Там область прайднословного романа мужщина передал в распоряденье дам. — В московском журнале «Русский вестник» участвовало много женщин: Евгения Тур (Е. В. Салиас), Кохановская, Жадовская, Каролина Павлова, Марко-Вовчок (М. А. Маркович) и др.

Устами Чаннинга о трезвости поют. — Уильям Чаннинг — американский священник. Его речь «О трезвости», произнесенная им в Бостоне в 1837 г., была напечатана в «Русском вестнике» (1859, № 20).

Там люди презирают балаганство... — В «Московских ведомостях» «Свисток» пазван «балаганным отделом «Современника», возобновленным, вероятно, по случаю недавних праздников» (1859, № 95).

В первом наброске (см. стр. 503 настоящего тома) были такие стихи: «Где дочь свою замужнюю наместник вторичным браком повенчать велит...» Строки о наместнике направлены против графа Закревского, выдавшего замуж свою дочь графиню Лидию Нессельроде за чиновника своей канцелярии кн. Дм. Вл. Друцкого-Соколинского при жизни первого мужа и без развода с ним (В. В. Руммель и В. В. Голубцов, Родословный сборник русских дворянских фамилий, II. 1886, т. I, стр. 258 и 291).

Печатается по С 1860, № 3, «Свисток», № 4, стр. 30—33, где напечатано впервые, со вступительной заметкой и примечаниями Добролюбова. При жизни Некрасова не входило в собрание его стихотворений.

Перепечатано в посмертном издании «Сочинений Н. А. Добролюбова» (П., 1862, т. IV, стр. 471—482) и в сборнике Н. В. Гербеля «Русские поэты» (П. 1873, стр. 638—640). Шуточные примеча-

ния Добролюбова—в Полном собрании его сочинений (т. VI, М. 1939, стр. 119—127).

Наборная рукопись — *ИЛИ*, архив Добролюбова (по описанию Княжнина № 86). Стихотворный текст писан и правлен Некрасовым (одна мелкая поправка Добролюбова, в ст. 64, не была принята в печатном тексте; другая, более значительная, относится к наброскам первой строфы, замененным ст. 1—18).

Прозаическое вступление и примечания (на отдельных листах) писаны сплошь рукою Добролюбова; им же отмечены соответствующие сноски в стихотворном тексте.

1 8 6 0

ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

(стр. 443)

В докладе Главного управления цензуры о «Современнике» 1860 г. (Дело за № 285) «Первый шаг в Европу» указан в числе произведений, характеризующих «вредное» направление журнала. «Свисток» за май, — говорилось в докладе, — представил еще первое письмо, имеющее целью урочить наших помещиков, но и оно замечательно... Здесь уже без всяких уловок, без всяких разысканий в чужой истории или законодательстве указывается на ненормальное положение нашего отечества» (В. Е в г е н ь е в-М а к с и м о в, «Современник» в 60-х годах. Л. 1936, стр. 431).

Печатается по *Стих* 1874, ч. VI, приложение третье, Юмористические стихотворения разных годов, стр. 219—221.

Впервые — *С* 1860, № 5, «Свисток», № 5, стр. 36—37, без подписи, с заглавием: «Первый шаг в Европу. Письмо первое». Вошло без подзаголовка, с датой: «1861» <sic!> в приложение шестой части *Стих* 1874.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, ИЛИ «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИТЬ»

(стр. 445)

После смерти Гоголя библиограф Г. Н. Геннади (1826—1880) составил список его сочинений, который и был напечатан в «Оте-

чественных записках» (1853, № 9, отд. VII, стр. 29—35). Указав многие мелкие приведения Гоголя, Геннади пропустил главное его произведение «Мертвые души». Этому эпизоду и посвящено стихотворение Некрасова («Русский архив», 1888, № 2, стр. 470).

В защиту Геннади его биограф указывает, будто составленный им список сочинений Гоголя не притязал на полноту: туда будто бы должны были войти лишь малоизвестные произведения Гоголя (У. Г. И в а с к, Г. П. Геннади, М. 1913, стр. 15). Но это неверно: в список Геннади включены «Коляска», «Тарас Бульба», «Вий», «Вечера на хуторе», «Ревизор» и т. д.

В некрасовском «Современнике» не раз обличали Геннади: Добролюбов писал о его «шарлатанстве, логости, тупоумии» («Современник», 1860, № 4, стр. 406, № 12, стр. 40; Н. А. Д о б р о л ю б о в, Полное собрание сочинений, М. 1911, стр. 366).

Недавно выяснилось, что направленная против Геннади статья «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина», напечатанная в 6-м выпуске «Свистка» за подписью Григория Сычовкина, принадлежит перу Некрасова (см. статью А. Я. М а к с и м о в и ч а, Некрасов — участник «Свистка», ЛН, стр. 309).

«Светские забавы», о которых говорит Некрасов, весьма характерны для Геннади. Он был женат на княжне Куракиной, имел огромный дом в Петербурге, жил постоянно за границей и т. д.

Заира, которую библиограф приписал Шекспиру, — знаменитая трагедия Вольтера (1732).

В «Современнике» стихотворение было гораздо длиннее (см. стр. 482 настоящего тома). Вместо последнего куплета следовало 84 строки, где пересказывалась брошюра библиографа, в которой он ругал своих литературных врагов. Перепечатывая «Литературную травлю» в собрании своих стихов, Некрасов сократил ее в несколько раз.

Беловой автограф носит такое заглавие: «Отрывки из автобиографии Рудометова» (ИЛИ).

Печатается по *Стих* 1874, ч. VI, приложение третья: Юмористические стихотворения разных годов, стр. 270—272, где в настоящей редакции появилось впервые и при жизни Некрасова больше не перепечатывалось. Дата: «1860».

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФЕДОРА
ИЛЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-ГО, УВОЛЕННОГО В
ЧИСЛЕ ПРОЧИХ В 1857 ГОДУ

(стр. 446)

В предпоследнем куплете смелая игра слов: «И мощь мою и — крепость!» — намек на Петропавловскую крепость, куда незадолго до того был заключен Чернышевский.

Печатается по *Стих* 1874, т. III, ч. VI, приложение третье, стр. 262—264. Здесь оно датировано: «1857».

Впервые — С 1863 г., за подписью: «Савва Намордников» под заглавием: «Мое желание» (см. настоящий том, стр. 494).

Автограф (ст. 1—24) — *ИЛИ* 203/35. Без заглавия, даты и подписи.

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

(стр. 448)

Бывший цензор Амилей Николаевич Очкин (1791—1865) тридцать лет редактировал казенную газету «С.-Петербургские ведомости», проявляя полную «благонамеренность». Когда он вышел в отставку, власти охотно разрешили ему издавать собственную газету «Очерки», надеясь, что в руках у бывшего цензора эта газета будет оказывать поддержку правительству.

Но Очкин для привлечения подписчиков решил придать своей газете некоторый либеральный оттенок. Правительство и в этом не мешало ему, а, напротив, содействовало — по крайней мере, на первых порах (М. Л е м к е, Эпоха цензурных реформ, II. 1904, стр. 245).

Редактировать газету Очкин пригласил Г. З. Елисеева, одного из видных публицистов «нигилистической партии», а тот, со своей стороны, привлек в новую газету П. Л. Лаврова, А. П. Щапова, А. И. Левитова, Н. Г. Помяловского, М. А. Антоновича. Таким образом, газета бывшего цензора стала, неожиданно для него самого, радикальнейшей газетой в России. Под видом корреспонденций и передовиц в ней печатались обширные статьи о необходимости изменения существующего государственного строя.

Очкин несколько раз уговаривал Елисеева переменить направление, но безуспешно. Тогда Очкин «удрал», по выражению

Некрасова, «кунштик чудный». Он самовольно прекратил свою газету и напечатал в газете Писаревского «Современное слово» такой анонс:

«О т р е д а к ц и и г а з е т ы «О ч е р к и»

Вынужденные обстоятельства прекратить издание нашей газеты, имеем честь уведомить гг. подписчиков, что они будут получать, вместо «Очерков», ежедневную газету «Современное слово»; те же из них, которые несогласны на этот обмен, могут, в течение месяца, начиная с 9 апреля, получить обратно из книжного магазина Д. Е. Кожанчикова следующие им по расчету деньги.

Ред.-изд. газеты «Очерки»

(«Современное слово», 1863, № 75, стр. 293).

Этому эпизоду и посвящена «Песня об «Аргусе». В «Свистке» все действующие лица были названы своими именами. Стихотворение было озаглавлено так: «Песня об «Очерках» (Из лирической драмы «Видение на Неве»)». Подписано: «Савва Намордников». Вместо стиха «Где мой редактор живет» прежде было «Где *Елиссеев* живет». Вместо стиха «Гибель, несчастный, тебе» было «Гибель, с *Амплий*, тебе». Вместо «Аргуса» было дано подлинное название газеты.

Этот же эпизод отражен Некрасовым во «Вступительном слове «Свистка» и в «Двух издателях».

История газеты «Очерки» изложена в книге «Русская журналистика. Шестидесятые годы» (М.—Л. 1930, стр. 53—71, статья С. Б р е й т б у р г а).

В бумагах Некрасова был найден черновой набросок, тесно связанный с «Песней об «Аргусе». Здесь поэт хотел изобразить, как издатель «Очерков» Очкин договаривался с издателем «Современного слова» Писаревским, чтобы после прекращения «Очерков» подписчики получали «Современное слово». Мы печатаем этот отрывок на стр. 508 настоящего тома.

Печатается по *Стих* 1874, т. III, ч. IV, приложение третье, стр. 222—229.

Первоначальная редакция впервые — С 1863, № 4, «Свисток», № 9, стр. 67—71.

Черновой набросок — *ИЛИ* 203/23.

«Два издателя» — самая ранняя черновая редакция «Песни» — впервые напечатана по черновому автографу в примечаниях С. И. Пономарева, в *Стих* 1879, ч. IV, стр. СXXX—СXXXI. Автограф нам неизвестен.

1 8 6 5

«ЯВНО РОДСТВЕННЫ С ЗЕМЛЕЙ»

(стр. 452)

В 1864 г. было введено положение о земских учреждениях. По словам В. И. Ленина, «земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска» («Гонители земства и Аннибалы либерализма»). Ленин указывал, что эта уступка имела «половинчатый, трусливый характер», что «земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, М.—Л. 1946, т. V, стр. 30—32). Реформа вызвала большую радость в либеральных кругах. Некрасов не только не разделял этой радости, но, напротив, полагал, что земство, в котором распоряжаются те же помещики, есть новая кабала для крестьян. Это он и выразил в своей эпиграмме «Явно родственны с землей». Эпиграмму долго относили к 1863 г., но так как она могла быть написана лишь после возникновения земства, мы относим ее к более позднему времени.

Возможно, что ею Некрасов откликнулся на известный адрес московских дворян, поднесенный Александру II в январе 1865 г. В этом адресе под прикрытием либеральных фраз дворянство настаивало на том, чтобы ему была передана правительственная власть.

«Весть» — крепостническая газета, защищавшая интересы крупных помещиков.

Печатается по *Стих* 1874, т. III, ч. VI, приложение третье: Юмористические стихотворения разных годов, стр. 234, где появилось впервые, с датой: «1863». При жизни Некрасова не перепечатыва-

лось. Ст. 7 из-за цензуры печатался: «...ских орлов». Здесь он восстановлен по автографу *ИЛИ* 203/12.

Черновой набросок *ИЛИ* 203/12 — на обороте листа с записями, относящимися к главе «Счастливые» поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

1 8 6 7

ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

(стр. 452)

Возможно, что «Притча о «Киселе» направлена против тогдашнего помощника директора императорских театров барона К. К. Кистера (1820—1893), который вначале служил в конно-гренадерском полку, а в 1867 г. был поставлен во главе императорских театров, где и проявил анекдотическое самодурство («Бирюч», 1919, №№ 15 и 20; «Исторический вестник», 1899, № 11, стр. 510). По более вероятно, что прототипом «Киселя» послужил граф А. М. Борх (1804—1867), о котором П. В. Долгоруков писал: «Граф Борх, знатный барин, вельможа, отлично воспитанный, но администратор неспособнейший... Театр при нем пришел в совершенный упадок» (П. В. Долгоруков, Петербургские очерки, М. 1934, стр. 285; «Колокол» от 1 марта 1867, № 235—236, стр. 1917—1923).

О похищении статуй Александринского театра П. П. Гнедич писал: «Шталь уверял меня, что он хорошо помнит эти статуи и помнит, что они сняты были во время летнего ремонта в начале шестидесятых годов. Более того, он уверял, что видел их в саду зрителя зданий дирекции — Крутицкого, что они стояли там долго и назад в театр более не возвращались» («Биржевые ведомости», вечерний выпуск, 1916, № 15760).

Во всех изданиях до 1927 г. слово «царь» было заменено словами: «паша» и «визирь», а вместо стиха:

II императорская благодать
было:

И миром правящая благодать.

Печатается по *Стих* 1874, т. III, ч. VI, приложение третье: Юмористические стихотворения разных годов, стр. 252—261. Здесь дати-

ровано: «1865». Доцензурные редакции ст. 12, 24, 37, 66, 88 и 196 восстановлены по автографу ЛВ 5752.

Впервые — С 1868, № 1, стр. 1—6. Подпись: «И. Некрасов». Отдельные черновые наброски (ст. 22—30, 64—65, 151—153) и первоначальные сводки отдельных отрывков (ст. 34—57, 155—178 и 183—210) — ЛВ 5752. На том же листе — ст. 317—326 и 333—338 стихотворения «Суд» и черновые наброски, относящиеся к иным замыслам.

Там же — сводная наборная рукопись. Отдельные цензурные поправки — карандашом. Заглавие: а) «Басня о «Киселе», б) «Притча о «Киселе». Пометы Некрасова над текстом: «Отд. 1-е Отеч. зап. 1868, № 1» и «Наберите это стихотворение *поскорее* — его можно будет пустить в начале»; под текстом дата: «21 Августа».

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. НЕВКЛЮЧЕННОЕ АВТОРОМ В СОБРАНИЕ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ

1 8 5 7

<ИЗ ПОЭМЫ «ТИШИНА»>

(стр. 461)

Отрывок, исключенный поэтом из основного текста поэмы. См. комментарий к стихотворению «Тишина» на стр. 635—638.

1 8 5 9

<А. Е. МАРТЫНОВУ>

(стр. 462)

Александр Евстафьевич Мартынов (1816—1860) — замечательный русский актер. Из-за грошového жалованья ему приходилось играть сверх сил, он заболел чахоткой и по совету врачей уехал лечиться на юг. В его честь в Петербурге был дан прощальный обед (10 марта 1859 г.). Об этом обеде Василий Боткин в письме к своему

брату сообщал: «Всего было до 40 чел<овек>. Обед происходил с некоторой торжественностью, прочитан был адрес и за подписью всех передан Мартынову. Составление адреса было поручено Дружинину, и он отлично составил его; затем Островский сказал или увыл прочитал длинную и умную речь об отношениях драматического писателя к актеру — затем Некрасов прочел небольшое, но весьма удачное стихотворение к Мартынову. — Такой чести не было еще никакому актеру. — Мартынов прослезился, терялся и чувствовал себя счастливейшим человеком: это можно было читать на его лице» (Письма В. П. Боткина, «Литературная мысль», П. 1923, № 2, стр. 162). «Все было искренне и просто, и потому хорошо», — записал об этом обеде Никитенко в дневнике (А. В. Никитенко, Записки и дневник, П. 1904, т. I, стр. 555).

Вспомывая об этом обеде, П. Н. Вейнберг пишет, что строка некрасовского стихотворения «Свободная семья людей свободных» — «произвела огромное, непонятное теперь впечатление» («Россия», 1901, № 946).

Некрасов с юности был близок с Мартыновым, который играл в его водевилях.

Стихотворение Некрасова было напечатано в «Заметках Нового Поэта» (Панаева), где приведены речи Дружинина и Островского.

Печатается по беловому автографу ЦГЛА.

Впервые — С 1859, № 3, стр. 208.

ЗАБРАКОВАННЫЕ

(стр. 463)

«Забракованные» посвящены актуальной теме конца пятидесятых годов: массовой тяге разночинной молодежи к высшему образованию и тем почти непреодолимым препятствиям, которые встречали ее на этом пути в жестоких условиях тогдашней действительности.

Я к «Таинствам природы» имел когда-то «Ключ». — «Ключ к таинствам природы» — сумбурная книга немецкого мистика Карла Эккартсгаузена (1752—1803). Ее русский перевод появился в России в 1804 году.

Повытчик — столоначальник; здесь — писец, канцелярский служитель.

Индижестия — несварение желудка.

Печатается по С 1859, № 10, «Свисток», № 3, стр. 501—519, где напечатано впервые, с подписью: «Чурмень».

1 8 6 0

«О, ГЛАСНОСТЬ РУССКАЯ! ТЫ БЫСТРО ЗАШАГАЛА»

(стр. 478)

В № 67 «С.-Петербургских ведомостей» 1860 г. появилась статья известного зоолога Н. А. Северцова (1827—1885), где говорилось, что, по словам великого естествоиспытателя Кювье, успехам зоологии положен предел, дальше которого пойти невозможно. Против этого утверждения выступили три академика — Бэр, Брандт и Миддендорф, которые в № 69 той же газеты поместили «Протест против нападки на Кювье», заявляя, что такие отзывы «оскорбляют память великих преобразователей науки».

Этот протест был встречен в некрасовском «Современнике» большими насмешками: в то время, как «вопрос о двух тысячах голодающих и мрущих рабочих» оставался подолгу невыяснен, шумно протестовать против каких-то нападок на давно умершего Кювье казалось Некрасову недостойной игрой в «свободное» общественное мнение. Вообще в начале шестидесятых годов в редакции «Современника», главным образом под влиянием Добролюбова, установилось сатирическое отношение ко всякого рода пустозвонным протестам, которые стали модным явлением в эпоху «великих реформ». «Современник» резко порицал эти крикливые протесты против маленьких зол, так как они создавали обманчивую видимость свободы при наличии самого тяжелого рабства. Нужно протестовать против всего самодержавного строя, а не против отдельных и случайных явлений, — такова была антилиберальная программа «Современника», особенно ярко выражавшаяся в «Свистке».

Живого Чацкого ты прежде защищала... — Доктор И. А. Чацкий подвергся оскорблению в одной из антисемитских статей В. Р. Зотова в журнале «Иллюстрация» (1858, № 43, стр. 286). Против этой статьи протестовали Т. Г. Шевченко, П. Г. Чернышевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, С. Т. Аксаков и многие другие писатели.

Подробности об этом протесте см. в комментариях С. Рейсера к добролюбовскому «Письму из провинции» (Н. А. Д о б-

р о л ю б о в, Полное собрание сочинений, т. VI, М. 1939, стр. 702—704).

Печатается по С 1860, № 5, «Свисток», № 5, стр. 38—39; без подписи.

ГИМН «ВРЕМЕНИ»

(стр. 478)

С января 1861 г. в Петербурге стал издаваться М. М. и Ф. М. Достоевскими ежемесячный литературный и политический журнал «Время». Стихотворение Некрасова является шутивным приветствием «Времени» от лица редакции «Свистка».

Меж тем как Гарибальди дремлет. — 7 ноября 1860 г. Гарибальди сложил с себя звание диктатора и удалился на остров Кипреру. Через несколько дней был издан декрет о роспуске его добровольческих отрядов.

Колелется пекинский трон. — Осенью 1860 г. французские войска разгромили Пекин.

Гаэта грому пушек внемлет. — Крепость Гаэта (в Кампаньи), где заперся неаполитанский король Франческо II, капитулировала перед пьемонтскими войсками 13 февраля 1861 г.

Дает права Наполеон. — Наполеон III принимал большое участие в тогдашних итальянских событиях. В прокламации 3 мая 1859 г. он заявил о своем намерении «освободить Италию до берегов Адриатического моря»; в битве при Мадженте разбил австрийскую армию и торжественно въехал в Милан в роли спасителя Италии. Но вскоре он предал Италию, заключил мир с Австрией, дабы «победить гидру итальянской революции» (Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. VI, Письмо благонамеренного француза. М. 1939, стр. 159).

Чтобы ни «Век», ни «Наше время» не покраснели за тебя. — В 1861 году наряду с журналом «Время» вышли: умеренно-либеральный еженедельник «Век» П. И. Вейнберга и рептильная газета «Наше время» Н. Ф. Павлова.

Редактор-дама «Русской речи» — графиня Елизавета Васильевна Салиас, урожд. Сухово-Кобылина (1815—1892), писавшая повести и статьи под псевдонимом Евгения Тур. Начала в 1861 г. издавать либеральный журнал «Русская речь».

Чтоб фельетон «Ведомостей» не похвалил твоих статей. — Поэт имеет в виду реакционную газету М. Н. Каткова «Московские

ведомости». Так как эта газета хвалила только мракобесов, Некрасов оценивал ее похвалы как бесчестье.

Не называй «Свистка» трусливым. — В первой книге журнала «Время» за 1861 г. А. Ф. Писемский (под псевдонимом Посторонний сатирик) написал, что в одном из своих журнальных объявлений «Свисток» очень робко напомнил о себе читателям.

Припомни ямбы Хомякова, что гордость грешная мечта. — Поэт имеет в виду стихотворение А. С. Хомякова, обращенное к России: «Гордись!» — тебе льстецы сказали».

И Воскобойникова лай без раздражения внимай. — Н. Н. Воскобойников — мелкий публицист реакционного лагеря.

Микель Анджело Пишто — радикальный политический деятель Италии. В 50-х годах — близкий знакомый Герцена. С 1860 г. лектор итальянского языка в Петербургском университете. В начале этого года прочел в Петербурге несколько публичных лекций об итальянской литературе, не имевших успеха. Автор книги «Данте, его поэма и его век» («Современник», 1860, № 5, стр. 282).

Со треском небо развалится ... взято из стих. П. И. Дмитриева «Ермак» (1794):

И славы луч твоей затмится,
Когда померкнет солнца свет,
Со треском небо развалится,
И время на косу падет.

Принадлежность «Гимна «Времени» Некрасову установлена А. Я. Максимовичем на основании записей в бухгалтерской книге «Современника» («Некрасов — участник «Свистка», ЛН, стр. 299—348).

Печатается по С 1861, № 1, «Свисток», № 7, стр. 9—10, без подписи.

В Собрание стихотворений Некрасова вводится впервые.

ФИНАНСОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

(стр. 480)

Принадлежность этого стихотворения Некрасову установлена А. Я. Максимовичем на основании записей в бухгалтерской книге «Современника» 1861 г. (ИЛИ). Оно, по словам исследователя, «было посвящено экономическому кризису конца 50-х—начала 60-х го-

дов, всеобщим толкам о безденежье, что оживленно комментировалось в тогдашней прессе <...> Всеобщее отсутствие кредита ощущалось особенно резко после недавнего финансового «процветания», которое развило привычку к роскоши у привилегированного столичного общества, о чем пишет Некрасов в «Финансовых соображениях» (А. М а к с и м о в и ч, Некрасов — участник «Свистка», ЛН, стр. 312 и 316).

Печатается по С 1861, № 1, «Свисток», № 7, где напечатано впервые с подписью: «У — —кий старожил».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ,
ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ
(стр. 482)

Первоначальная редакция стихотворения, печатаемого в настоящем издании на стр. 445.

Дудышкин С. С. (1820—1866) — критик, редактор «Отечественных записок».

Бов — псевдоним Н. А. Добролюбова.

Андрей Краевский (1810—1889) — издатель «Отечественных записок».

Гербель Н. В. (1827—1883) — стихотворец, переводчик, много занимавшийся библиографией.

Де-Жеребцов — Н. А. Жеребцов (1807—1868) — реакционный публицист, впоследствии виленский губернатор, издал в Париже «Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie» (1858), вызвавший резкий отзыв Добролюбова. См. статью «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» («Современник», 1858, №№ 10 и 11). Н. А. Добролюбов уличает Жеребцова в невежестве и восстает против его ретроградно-славянофильских тенденций в истолковании русской истории.

Де-Кокорева — шуточное прозвище известного откупщика В. А. Кокорева (1817—1889), который субсидировал брюссельскую газету «Le Nord», основанную для защиты интересов русского правительства, и потому был переименован на французский лад в тогдашней юмористической прессе.

Мецерский Елим Петрович — русский князь, писавший стихи только по-французски.

Решил я составить словарь собачьих кличек. — Геннади составлял всевозможные «словари» и «указатели», напр., «Указатель

географических, этнографических и статистических статей, помещенных в «Губернских ведомостях».

Дудышкин и Галахов, Гаевский и Геннади. — В этом списке нарочно приведен и Геннади, дабы замаскировать направленность этих стихов.

Сам Лонгинов напишет статью, он мне приятель. — М. Лонгинов был действительно в дружбе с Геннади и горячо хвалил даже заведомо плохие его работы, — например, проредактированное им Собрание сочинений Пушкина («Московские ведомости», 1860, № 42). О Лонгинове см. примечание к стихотворению «Послание к Лонгинову», т. I настоящего издания.

Печатается по С 1861, № 1, «Свисток», № 7, стр. 41—44, где напечатано впервые. В переделанном виде вошло в приложения VI части *Стих* 1873—1874, с заглавием: «Литературная травля, или «Не в свои сани не садись».

Беловой автограф ранней редакции — *ИЛИ* 133/1 б. Заглавие: «Литературная травля (Отрывок из автобиографии Рудометова)». Автограф — из собрания П. А. Ефремова (см. его описание в сб. *Некрасов ПД*, стр. 129—130).

РАЗГОВОР В ЖУРНАЛЬНОЙ КОНТОРЕ

(стр. 486).

Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» обычно выходил дважды в месяц — 1-го и 15-го числа, но в конце 1860 г. вышла двойная декабрьская книжка журнала. В этой книжке было напечатано окончание статьи ботаника А. Н. Бекетова «Гармония в природе», а также анонимная полемическая статья «Еще несколько слов о мировой юстиции», направленная против Б. И. Утипа. Этой-то книжке и посвящено стихотворение Некрасова, напечатанное без подписи в примечании к статье «Вместо предисловия».

«*Москвитянин*» — журнал московских славянофилов, представителей казенной народности, выходивший, весьма неаккуратно, с 1841 по 1856 г.

Печатается по С 1861, № 1, «Свисток» № 7, стр. 2.

МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА
ПРИ ЧТЕНИИ ПРОГРАММЫ, ОБЕЩАЮЩЕЙ НЕ ЩАДИТЬ
ЛИТЕРАТУРНЫХ АВТОРИТЕТОВ

(стр. 487)

В конце 1860 г. была объявлена подписка на журнал Ф. М. Достоевского «Время» (под официальной редакцией его брата М. М. Достоевского).

В этом объявлении Ф. М. Достоевский писал:

«Мы решились основать журнал, вполне независимый от литературных авторитетов... с полным и смелым обличением всех литературных странностей нашего времени... Мы не побоимся иногда немного и «пораздразнить» литературных гусей; гусиный крик иногда полезен: он предвещает погоду, хоть и не всегда спасает Капитолий».

По поводу этого объявления и написаны стихи Некрасова, обращенные к Ф. М. Достоевскому.

Журналистами в ту пору назывались не только сотрудники журналов, но, главным образом, издатели их.

Елена, Берсенева, Инсаров — герои романа Тургенева «Накануне», напечатанного в «Русском вестнике», 1860, № 1—2.

Ученый историк. — Было высказано мнение, что здесь Некрасов разумел Костомарова («Современник», 1861, № 6, стр. 455), но мы полагаем, что это Погодин, которого журнал Некрасова нередко упрекал в сребролюбии («Современник», 1860, № 3, стр. 37).

Вот Молилари дешевле... — Гюстав де-Молилари (1819—1912) — бельгийский буржуазный экономист, сотрудник реакционных изданий Каткова. В начале 1860 г. посетил Москву и Петербург. «Современник» встретил его рядом насмешек, называя шарлатаном и фатом («Современник», 1860, № 4, стр. 456; № 9, стр. 89; см. рецензию Н. Г. Чернышевского на его курс «Политической экономии» (Полное собрание сочинений, СПб. 1906, стр. 339).

Куплет, посвященный дороговизне произведений Тургенева, вызвал упрек со стороны катковского «Русского вестника». Н. Г. Чернышевский от имени «Современника» ответил, что эта шутка «относилась вовсе не к г. Тургеневу, а к журналисту, да и не к какому-нибудь журналисту в отдельности, а ко всем журналистам». Шутка эта, по словам Чернышевского, имела тот смысл, что теперь автор хороших повестей или статей берет за свой труд хорошие деньги, и «нельзя журналисту держать его на антониевской пище, как делалось когда-то... Что тут обидного!» («Современник», 1861, № 6, стр. 455).

Печатается по С 1861, № 1, «Свисток» № 7, стр. 45—46, где появилось впервые, с подписью: «**».

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ? (стр. 488)

«Свисток» (сатирическое приложение к «Современнику») выходил весьма нерегулярно. Пятый номер вышел в мае 1860 г., а шестой — лишь в декабре. Стихотворение Некрасова помещено в шестом номере после семимесячного перерыва и поэтому имеет ретроспективный характер: Некрасов делает обзор событиям недавнего прошлого.

На грамотность ударил Даль. — Писатель В. П. Даль в ряде статей доказывал, что грамотность без «истинного просвещения» вредна (см. примечание к стихотворению «Всевышней волею Зевеса»).

Но отразил его Карнович. — Е. П. Карнович (1824—1885), историк, журналист и публицист, выступил против высказываемых Далем идей — в «Современнике», 1857, № 10, стр. 123—128.

И против грамоты один теперь остался Беллюстин. — В «Журнале министерства народного просвещения» (1860, № 10, стр. 36—38) была напечатана заметка священника Иоанна Беллюстина «Теория и опыт», где высказывались сомнения насчет правительственной пользы (!) той «полуграмотности», которая якобы прививалась народу (см. отклик на эту статью в «Русском мире», 1860, № 91, и ответ Беллюстина в брошюре «Два и последние слова о народном образовании»).

Припомним: Михаил Петрович звал Костомарова на бой. — 19 марта 1860 г. в Петербурге в университетской зале состоялся диспут историков М. П. Погодина и Н. И. Костомарова «О происхождении Руси». Так как диспутанты принадлежали к двум различным лагерям, их спору было придано значение крупного общественного события.

Припомним, что один Громека заметно двинул нас вперед. — С. С. Громека (1823—1877)—отставной жандармский полковник, сотрудник «Отечественных записок» и «Русского вестника». В «Русском вестнике» был напечатан ряд его статей (1857—1859), обличавших тогдашнюю полицию.

Что в нем писали Булкин, Ржевский, Матиль, Григорий Данилевский. — Булкин — сотрудник «Русского вестника», писавший о положении ремесленников и др.; В. К. Ржевский (1811—1885)—чиновник министерства внутренних дел, впоследствии сенатор,

ретроградный публицист, поместил в «Русском вестнике» 1860 г. статью «О мерах, содействующих развитию пролетариата», которая вызвала едкие насмешки Добролюбова (Н. А. Д о б р о л ю б о в, Полное собрание сочинений, т. VI, М. 1939, стр. 96, 121, 126, 158); Г. А. Матиль — печатал в «Русском вестнике» письма из Америки; Г. П. Данилевский (1829—1890)—автор исторических романов, писатель консервативного лагеря.

И русский пить переставал. — См. статью Н. А. Добролюбова «Народное дело» о многочисленных группах крестьян, которые в ряде губерний подвергали дружному бойкоту сильно вздорожавшую водку, продававшуюся им откупщиками (Н. А. Д о б р о л ю б о в, Полное собрание сочинений, т. IV, М. 1937, стр. 106—139).

Нам твердит Memento mori (помни о смерти! — лат.) *своею смертью «Атеней».* — «Атеней» — московский журнал либерального направления; выходил под редакцией Е. Ф. Корша с 1 января 1858 по 1 мая 1859 г. Корш в последней книге «Атеней» сам заявил, что журнал прекращается, «истощив все свои скудные средства в борьбе с равнодушием публики».

О *Кокореве* см. стр. 765 настоящего тома.

И ужасает нас Ристори. — Зимой 1860 г. в Петербурге в Мариинском театре выступала итальянская артистка Аденаида *Ристори* (1822—1906), поражавшая зрителей страстностью своего темперамента.

Печатается по С 1860, № 12, «Свисток», № 6, стр. 34. В журнале подзаголовок: «Вместо предисловия».

1 8 6 3

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ (стр. 490)

Воспользовавшись паникой, вызванной пожарами 1862 г., правительство Александра II приостановило «Современник» Некрасова на восемь месяцев (см. комментарий к стих. «Литература с трескучими фразами»). Для «Современника» наступили черные дни: Добролюбов умер, Михайлова сослали в Сибирь, Чернышевский был заточен в Петропавловскую крепость, Некрасов остался один, без помощников. Умер И. Панаев. В 1863 г. «Современник» был возобновлен, но его подвергли жестокой цензуре. Начавшееся

польское восстание еще более усилило цензурный гнет. Казалось бы, думать о возобновлении «Свистка» в такое время было невысказано. Но в апреле 1863 г. Некрасов сделал последнюю попытку воскресить этот популярный отдел своего журнала, пригласив к участию в нем М. Е. Салтыкова. Так как предыдущий (восьмой) номер «Свистка» был напечатан больше года назад — в январе 1862 г., то в начале нового (девятого) номера появился обзор событий, случившихся в этот долгий период невольного молчания «Свистка». Обзор очень грустный, с постоянными намеками на крушение недавних надежд:

«То, что достойно свиста и освистания, осталось неизменным и продолжает обнаруживать себя явлениями, способными вызвать не только резкий свист, но и глухой, болезненный стон» («Современник», 1863, № 4; «Свисток», стр. 8).

Вслед за этими строками шло «Вступительное слово «Свистка», столь же печально отмечающее «новые порядки в литературе».

Эти новые порядки заключались в том, что литература была изъята из ведения министерства народного просвещения и подчинена министерству внутренних дел, то есть полицейскому ведомству. При министерстве внутренних дел образовалось особое управление по делам печати, имевшее право уничтожать любой журнал не за ту или иную конкретную статью, а вообще за *вредное направление*.

Новые порядки заключались и в том, что в Москве приобрела необычайное влияние газета Каткова «Московские ведомости», где началась бешеная травля восставших поляков, а вместе с ними и других «инородцев».

Этим объясняются строки Некрасова о «догадливом антрепренере «Московских ведомостей». Тот «гимн безмолвию», который поет Катков, находится в № 68 его газеты, где Катков говорит о русских крестьянах и рабочих:

«Они собраний не имеют, речей не говорят и адресов никаких не посылают. Они люди простые и темные. Они люди малые, люди бедные и нищие духом. Но они русские люди, и они издавна, в своей темной глубине, прежде чем люди на горах, люди просвещенные и умные, говорящие и пишущие и правоправящие, — они издавна слышали голос отечества и отозвались на него, в простоте и смирении сердца, тихою молитвой» («Московские ведомости». 1863, № 68). Против этой циничной тирады и направлены строки Некрасова.

Пановский — см. примечание к «Песням о свободном слове».

Юркевич лист бумаги мял и о намереньях желудка публично лекцию читал. — П. Д. Юркевич (1828 — 1874) — реакционный философ-идеалист. В феврале и марте 1863 г. он читал в Петербурге ряд публичных лекций, направленных против материалистической философии. Некто Рогов прислал ему анонимное письмо, порицавшее его лекции. Юркевич, взойдя на кафедру, смял письмо и заявил, что он вправе сделать из него такое употребление, какое найдет пригодным. Салтыков-Щедрин написал, что такими словами Юркевич поведал о своих желудочных настроенях («Современник», 1863, № 10, стр. 47). О Юркевиче см. сочинения Плеханова (М. — Л. 1925, т. X, стр. 167—169).

Нейдут Краевского издания. — С начала шестидесятых годов «Отечественные записки» А. А. Краевского утратили свою популярность в связи с усилившимся влиянием некрасовского «Современника».

И над Громекиной главой летает бомба отрицанья. — Либеральный публицист С. С. Громека после 1862 г. сильно поправел. В «Современной хронике России», постоянном отделе «Отечественных записок», он укорял нигилистов, что они бросают с шумом «бомбы отрицанья» («Отечественные записки», 1863, № 3, стр. 9).

И всплакал Фет, что топчут гуси. — А. А. Фет в статье «Из деревни» жаловался, что при новых порядках крестьянские гуси потравили у него траву («Русский вестник», 1863, № 1).

Когда ругнул Иван Аксаков. — В № 12 газеты «День» за 1863 г. напечатано письмо в редакцию «Из Парижа», подписанное фамилией Касьянов (псевдоним Ивана Аксакова). Автор письма упрекает представителей «российских образованных классов» за то, что, живя за границей, они быстро теряют свое национальное обличье и начинают походить на иностранцев. Даже русское духовенство «стареется изо всех сил, чтобы его не признали за духовенство». В письме дважды встречается восклицание, введенное Некрасовым в стихи «275 000 русских!»

Внезапно Павлов замолчал. — Газета Н. Ф. Павлова «Наше время» прекратилась в 1863 г. на 126-м номере.

И Амплий Очкин куштик чудный с газетой «Очерки» удрал. — См. примечание к «Песне об «Аргусе».

В те дни, когда явился «Голос». — Газета Краевского «Голос» основана в 1863 г.

И прекратилась «Ерунда». — Возможно, что «Ерундою» Не-

красов называет московский журнал «Зритель», яростно нападавший на «Современник». Он прекратился в 1863 году.

Или изгладила «Заноза». — «Заноза» — враждебный «Современнику» умеренно-либеральный юмористический еженедельник, основанный поэтом Розенгеймом в 1863 г.

И вновь начнут свой презренный спор Гиероглифов и Стелловский. — Газета «Русский мир», издававшаяся Ф. Т. Стелловским, под ред. А. С. Гиероглифова, прекратилась в январе 1863 г. в результате спора между редактором и издателем. Гиероглифов обвинял Стелловского в растрате денег, поступающих от подписчиков. В дело вмешалась полиция.

И зимы братьев Достоевских самим себе не заглушишь! — Ф. М. Достоевский, совместно со своим братом М. М. Достоевским, издавал журнал «Время». В № 1 этого журнала за 1863 г. была напечатана статья Ф. М. Достоевского «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов», посвященная нападкам на «казенный либерализм» обличительных журналов и кончающаяся восхвалением «Времени» за его смелые нападки на авторитеты.

Девятый номер «Свистка», где напечатано «Вступительное слово», был последним: усилившаяся реакция сделала возобновление «Свистка» невозможным.

Печатается по С 1863, № 4, «Свисток» № 9, стр. 8—12, где напечатано впервые, без подписи. Ст. 4 и 40 даны в доцензурной редакции автографа.

Черновые наброски и рукопись, дающая цельный сводный текст, — ИЛИ 203/3.

На л. 5—7 и л. без номера — наброски; укажем последовательность сохранившихся записей. На лицевой стороне л. 4-а три наброска; один дает первоначальную редакцию ст. 13—20 и 33—36 (ст. 21—32 являются позднейшей вставкой в сводном тексте), другой — ст. 49 и 51, третий — 110—113. На обороте л. 4 — зачеркнутое четверостишие «Он низко кланяется всем» (не включенное в сводный текст) и запись ст. 57—60. На лицевой стороне л. 5 — черновой набросок ст. 100—107, непосредственно продолженный записью ст. 108—121. На обороте л. 5 — запись ст. 25—27. На обороте л. 7 — черновой набросок ст. 81—99, дающий несколько иное, чем в окончательном тексте, развитие: между ст. 93—94 — неиспользованное впоследствии четверостишие

«Куда ни обращаешь взор», между ст. 97 и 98 — ст. 28—32, перенесенные впоследствии в начало.

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

(стр. 494)

Печатается по С 1863, № 4, «Свисток» № 9, стр. 72—73, где появилось впервые, с подписью: «Савва Намордников».

В переработанном виде, с датой: «1857» вошло в приложения шестой части *Стих* 1873—1874 (см. «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году»).

1 8 6 5

ЧЕРНИЛЬНИЦА

(стр. 494)

В конце 1865 г. в дворянской газете «Весть» была напечатана заметка:

«Подарок М. Н. Каткову. На предшествовавшем съезде московского дворянства многие дворяне собрали между собой значительную сумму денег и заказали фабриканту Сазикову, по модели ваятеля Рамазанова, серебряную чернильницу для поднесения редактору «Московских ведомостей» М. Н. Каткову в изъявление удовольствия за патриотическое направление его литературных трудов» («Весть», 1865, № 32).

К чернильнице было приложено золотое перо со старинною надписью: «Мокающему перо в разум».

Это постыдное выступление московских дворян было выслано в «Современнике» в четвертом «Письме в глушь», написанном П. М. Ковалевским. В письме помещены стихи Некрасова.

Принадлежность этих стихов Некрасову устанавливает П. М. Ковалевский в своих воспоминаниях о поэте (П. М. К о в а л е в с к и й, Стихи и воспоминания, П. 1912, стр. 294).

Печатается по С 1865, № 11—12, стр. 185—186, где появилось впервые.

<ИЗ «ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»>

III. Журналист-руководитель

IV. Журналист-рутинер

(стр. 495)

Печатается по С 1866, № 3, стр. 10—11, где появилось впервые, третьим и четвертым стихотворением цикла «Песни о свободном слове», с подписью: «***».

При включении цикла в *Стих* 1869 обе песни были изъяты из текста и при жизни Некрасова не перепечатывались.

Беловой автограф второго стихотворения — на одних листах с остальными стихотворениями цикла — *ИЛИ* 203/22. Вместо первоначального заглавия «Журналист № 2» карандашом надписано поное: «Журналист-банкрот» (замененное в печатном тексте окончательным: «Журналист-рутинер»).

Текст этого стихотворения, печатавшийся в *Стих* 1927—1937, был контаминацией печатной и рукописной редакций; здесь, по предложению А. Я. Максимовича, он заменен прежним текстом (*Стих* 1879, стр. XIX).

ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ

(стр. 497)

Осип Иванович Комиссаров, «мастеровой из костромских крестьян», в апреле 1866 г. был объявлен официальной прессой спасителем царя Александра II при покушении на него Каракозова (см. А. В. Никитенко, Записки и дневник, СПб. 1905, т II, стр. 331—332).

Александр II даровал Комиссарову дворянское звание. О его «подвиге» было напечатано множество «ура-патриотических» брошюр и листовок: «Осип Иванович Комиссаров-Костромской, спаситель государя императора», М. 1866; «Чудесное спасение», СПб. 1866 и мн. др. Целый месяц Комиссарова чествовали всевозможные организации и общества. В субботу 9 апреля его чествовал петербургский Английский клуб. На торжестве присутствовало 330 человек, в том числе и Некрасов. Под влиянием свирепствовавшего в то время террора он обратился к Комисса-

рову со стихотворным приветом, надеясь таким путем спасти от гибели «Современник».

Печатается по С 1866, № 4, «Современное обозрение», стр. 248, где появилось впервые, с подписью: «Н. Некрасов». При жизни поэта не перепечатывалось.

Беловой автограф — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единица 1-а. Заглавие: «О. И. Комиссарову». Четвертая строфа записана непосредственно после второй, затем третья; на полях отмечена перестановка. Без даты.

Сохранилась копия рукою Я. П. Полонского — *ИЛИ* 13476/LXXIII б 3.

1 8 7 0

«СЫНЫ «НАРОДНОГО БИЧА»

(стр. 498)

В стихотворении говорится о том чувстве вины перед народом, которое было свойственно демократически настроенной части дворян. Именно такое толкование дает этому стихотворению Некрасов в одной из своих автобиографических записей («Автобиографии Некрасова», *ЛН*, стр. 143).

В течение долгого времени это стихотворение ошибочно относили к 1871 г. Но оно не могло быть написано позже 1870 г., так как в 1871 г. напечатано в январской книжке «Отечественных записок».

Печатается по ОЗ 1871, № 1, стр. 240, где появилось впервые, с подписью: «Н. Некрасов».

1 8 7 4

НА ПОКОСЕ

(стр. 499)

Примыкает к тем стихотворениям Некрасова, где высказывается его отрицательное отношение к «освобождению» крестьян без земли.

Печатается по газете «Новое время», 1876, № 96 от 6 июня, где напечатано впервые, в составе цикла «Из записной книжки», без подписи и указания автора.

Наборная беловая рукопись, на одном листе со стихотворением «Уныние», — *ИЛИ* 203/37; дата: «5 Авг.».

Сохранилась копия рукою А. А. Буткевич — *И.ЛН*, фонд 134, опись 11, №2.

Хотя переделка ст. 10—11 указана самим Некрасовым в его письме к А. С. Суворину, редактору «Нового времени», от 1 мая 1876 г. (копия из бумаг А. А. Буткевич — *ИЛИ* 203/45), мы удерживаем тот вариант, который представляется нам наименее цензурным.

1 8 7 5—1 8 7 6

АВТОРУ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

(стр. 499)

Роман Льва Толстого «Анна Каренина», печатавшийся в «Русском вестнике» с января 1875 г., был встречен враждебно тогдашней разночинной интеллигенцией, которая увидела в нем ряд реакционных идей: прославление дворянского сословия, мистику, а главное — чрезмерный интерес к семейным и интимным отношениям, при полном равнодушии к политико-социальным вопросам.

Этим и объясняется отрицательное и глубоко несправедливое отношение Некрасова к роману Толстого.

Печатается по газете «Новое время», 1876, № 22 от 21 марта, где появилось впервые, анонимно, в фельетоне Познакомца <А. Суворина> «Недельные картинки». Авторство Некрасова установлено Н. Ветринским в газете «День» (1913, приложение к № 354).

О. А. ПЕТРОВУ

(стр. 499)

Стихотворение написано к 50-летию юбилею артистической деятельности Осипа Афанасьевича Петрова (1807—1878), знаменитого оперного артиста. Было положено на музыку П. И. Чайковским и исполнено на юбилее хором Петербургской консерватории.

В автографе (*ИЛИ*) помечено 1875 г., но так как юбилейное

чествование Петрова происходило 24 апреля 1876 г., мы считаем правильной более позднюю дату.

Печатается по автографу, хранящемуся в Ленинградской консерватории.

Ст. 1—4 и 9—12 впервые напечатаны, без имени Некрасова, как текст кантаты Чайковского, в описании 50-летнего юбилея певца О. А. Петрова («Музыкальный свет», 1876, № 17 от 2 мая, стр. 133).

Впервые полностью, без указания на предыдущую публикацию, по автографу, хранящемуся в библиотеке Ленинградской консерватории, — в *РС* 1886, ноябрь, стр. 484. Подзаголовок отсутствует.

Беловой автограф — *ИЛИ* 203/19. На том же листе — стихотворения: «Неужель еще уроки нужны», «Приговор», «Гургеневу» и др. Заглавие: «О. А. Петрову (в день 50-ти летнего юбилея)». Дата: «1875».

Сохранился правленный Некрасовым корректурный оттиск (гранки), текст которого набирался именно с этого автографа — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единица 3.

К ПОРТРЕТУ **

(стр. 500)

Посылая эти стихи редактору «Нового времени», Некрасов писал: «Многим годится, и мне в том числе» (*Стих* 1879, т. IV, стр. СXXXIV). На основании ошибочных сообщений Л. Ф. Пентелева и других современников Некрасова в изданиях 1927—1934 гг. стихи печатались под заглавием: «К портрету Александра II».

С. А. Рейсер убедительно доказал в своих «Заметках о Некрасове», что для такого заглавия нет оснований («Звенья», т. V, М.—Л. 1935, стр. 524—531).

Печатается по копии из бумаг А. А. Буткевич — *ИЛИ* 203/45 (в копии письма Некрасова к А. С. Суворину от 1 мая 1876 г.). В письме Некрасов писал: «Болен так, что не пишется да и трудно измыслить что-нибудь цензурное. Вот всего четыре стиха» (следует текст комментируемого стихотворения).

Впервые — в газете «Новое время», 1876, № 96 от 6 июня, в

составе цикла «Из записной книжки» (пятым номером), без указания автора.

Вторично — также в газете «Новое время», 1878, № 669 от 1 января, в фельетоне «Недельные очерки и картинки» Незнакомца <А. С. Суворина>, с опечаткой в третьем стихе («последних» вм. «поздних»). Авторство Некрасова указано.

1 8 7 7

«УСТАЛ Я, УСТАЛ Я... МНЕ ВРЕМЯ УСНУТЬ!»

(стр. 500)

Печатается по тексту, сообщенному в письме А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 14 июля 1878 г. (ЛН 3).

Впервые — *Стих* 1879, ч. IV, стр. 127 в составе цикла «Из записной книжки»; напечатано с опечаткой в ст. 1 (ср. письмо С. И. Пономарева к М. М. Стасюлевичу от 28 февраля 1879 г. — «Стасюлевич и его современники в их переписке», СПб. 1913, т. V, стр. 83).

II. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПРИ ЖИЗНИ

1 8 5 7

«В СТОЛИЦАХ ШУМ — ГРЕМЯТ ВИТИИ»

(стр. 501)

Первоначальный вариант, из письма И. С. Тургеневу (И. А. Некрасов, собр. Соч., т. V, стр. 311). Окончательный текст стихотворения на стр. 40.

«ВСЕВЫШНЕЙ ВОЛЕЮ ЗЕВЕСА»

(стр. 501)

В конце пятидесятых годов русские либералы выражали удовлетворение подготовлявшимися правительством Александра II реформами. Одно время эти иллюзии готов был разделить и Некрасов:

...быстро царство молодое
Шагает по пути добра, —

восклицал он в поэме «Тишина» летом 1857 г., только что вернувшись из Италии. Но уже зимой того же года им была написана пародия на эти стихи:

Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

Причем он едко высмеял восторги либералов и вскрыл подлинный смысл намечающейся «свободы», приведя следующие характерные факты:

В «Трудах Вольно-экономического общества» (1856, № 6) орловский помещик, статский советник *Г. Б. Бланк* выступил в защиту крепостничества, доказывая, что отношения между помещиком и крестьянином — «патриархально-семейные, основанные на взаимной пользе» — составляют преимущество русской общественной жизни (см. также «Русский вестник», 1856, № 16; «Труды Вольно-экономического общества», 1857, № 1).

В «Земледельческой газете» астраханский корреспондент Вольно-экономического общества помещик *П. Давыдов* выступил с восхвалением розги («Земледельческая газета», 1857, № 86).

Писатель *В. И. Даль* поместил в «Русской беседе» «Письмо к издателю», в котором высказывал мнение о преждевременности, всеобщего распространения грамоты («Русская беседа», 1856, № 3; «Отечественные записки», 1857, № 2; «Спб. ведомости», 1857, № 245).

Дата стихотворения определяется датой выхода в свет третьего тома «Губернских очерков» (осень 1857 г.).

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1920, стр. 530 по копии А. Панаевой. Печатается по этой публикации. Ст. 11—24 были ранее по автографу опубликованы библиографом Д. П. Сильчевским в статье «Из неизданных стихотворений Н. А. Некрасова» («Биржевые ведомости», 1899, № 208, от 1 августа); ст. 1—12 и два четверостишия, не вошедшие в основной текст, опубликованы, по записи Н. А. Добролюбова, Вл. Княжниним в его описании бумаг Добролюбова («Временник Пушкинского дома», П. 1913, стр. 23—24).

Ст. 13—16, в измененной редакции, были впоследствии использованы Некрасовым в фельетоне «Что поделявает наша внутренняя гласность?»

Местонахождение копии А. Панаевой — неизвестно.

В бумагах Н. А. Добролюбова сохранилась запись этих стихов — *ИЛИ* № 1856. Повидимому, Добролюбов записывал

стихи по памяти, не все куплеты подряд, отмечая знаком тире повторяющиеся строки или вспоминая только рифмы; вспомнив дополнительно два четверостишия, он записал их на свободном месте внизу.

〈В АЛЬБОМ О. С. ЧЕРНЫШЕВСКОЙ〉

(стр. 502)

Эти стихи Некрасов написал на втором листе альбома О. С. Чернышевской (публикация Н. Чернышевской, Н. А. Некрасов. Новое стихотворение, «Звенья», т. V, М.—Л. 1935, стр. 508—510).

Печатается по автографу (Дом-музей П. Г. Чернышевского в Саратове).

1 8 5 9

〈В АЛЬБОМ С. Н. СТЕПАНОВУ〉

(стр. 502)

Карикатурист Н. А. Степанов, основатель и главный сотрудник (совместно с Вас. Курочкиным) знаменитого сатирического журнала «Искра», был женат на сестре композитора А. С. Даргомыжского. У них был сын Сергей, который рос среди писателей и художников. Когда Сергею исполнилось десять лет, мать подарила ему альбом и написала на нескольких страницах ряд пожеланий и советов. Кончается ее запись так:

«.....Чем бы ты ни был, куда бы ни забросила тебя Судьба, будь всегда добрым, честным и благородным человеком.

Твоя Мать и друг *С. Степанова*».

Под этими словами Некрасов написал свой экспромт.

Через много лет жена Сергея Степанова в своих воспоминаниях о Некрасове сообщила, по поводу этого экспромта, что поэт «глубоко уважал С. С. Степанову, как умную и энергичную женщину» (А. Г. Степанова-Бородина, Воспоминания о Некрасове, *ЛН*, стр. 581).

Печатается по беловому автографу альбома С. Степанова — *ИЛИ* 4224/XXII б 2.

Впервые — Некрасов ПД, 1922, стр. 121.

Дата автографа: «17 ноября 1859»; подпись: «Н. Некрасов».

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ (стр. 503)

Первоначальные наброски стихотворения, помещенного в настоящем томе на стр. 440. Комментарий к нему см. на стр. 750.

Хотя весь черновик «Дружеской переписки» написан рукой Некрасова, но некоторые стихи, несомненно, принадлежат Добролюбову.

Впоследствии Некрасов, очевидно, исключил из этого первого варианта стихи Добролюбова и написал всю «Переписку» один, а Добролюбов ограничился тем, что составил к ней примечания, которые и были напечатаны в «Свистке» тотчас после текста «Переписки».

Черновик (уже не первый) написан чернилами. Некрасов сильно исчеркал его своими карандашными поправками и, не переписывая пабело, послал в набор.

Мечтательная дева, с Инсаровым безавшая — Елена, героиня романа И. С. Тургенева «Накануне» (1860).

Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860) — в газете своего брата И. С. Аксакова «Молва» писал передовицы о том, что Россия должна вернуться к «своим древним основным началам» («Молва», 1857, №№ 4 и 6). Эти статьи и разумел Некрасов, говоря об Аксакове, что тот учил *«ходить нас наподобье раков»*.¹

Черкасский там запутался в плетях. — Государственный деятель славянофильского лагеря, князь Владимир Александрович Черкасский (1824—1878), участник подготовки крестьянской реформы, в статье о будущем сельском управлении советовал, «в случае особенного бесчинства крестьян», предоставлять участковому старосте право наказывать виновных плетью — «не свыше 18 ударов» в присутствии [двух свидетелей, преимущественно из стариков («Сельское благоустройство», 1858, № 9)].

Там граф Толстой «Альберта» сочинил. — Рассказ Л. Н. Толстого «Альберт» был написан в Дижоне, но прислан Некрасову в «Современник» из Москвы (26 ноября 1857 г.). Некрасов считал этот рассказ неудачным (см. его письмо к Л. Н. Толстому от 16 декабря 1857 г. в Собр. соч., 1930, т. V, стр. 323).

Погодин доказал России всей, что бескорыстен он — продажему музея и беспорочен пряжкой своей. — В 1852 г. М. П. Погодин (1800—1875), историк и реакционный журналист, продал прави-

тельству часть своего «древлехранилища» за полтора ста тысяч рублей. В 1853 году он получил от правительства пряжку за беспорочную службу (знак отличия).

Всего вероятнее, что шестой куплет (о Зотове) был сочинен Добролюбовым, так как Добролюбов, единственный во всей редакции «Современника», отнесся отрицательно к тому коллективному протесту против зотовской статьи, который был единодушно заявлен большинством тогдашних литераторов. Наряду с известными писателями, под протестом подписались какие-то неведомые лица, и Добролюбов в своих статьях издевался над этими незнакомцами, про которых в настоящей рукописи сказано:

И были мы свидетелями писка
Каких-то новых странных голосов.

(Подробнее о протесте против Зотова см. примечание к стихотворению «О гласность русская! ты быстро зашагала...»)

Полная хрестоматия литературоведа и педагога А. Д. Галахова выходила в Москве начиная с 1843 г.

Вильмен Абель Франсуа (1790—1870) — французский политический деятель, историк литературы и критик.

Четвертая строка восьмой строфы была написана рукою Добролюбова:

Чичерин там гремел и отгремел.

О совместной работе Некрасова и Добролюбова над «Дружеской перепиской» см. статью А. Максимовича «Некрасов — участник «Свистка»» (*ЛН*, стр. 299—300).

1 8 6 1

«ПРИЯТНО ВСТРЕТИТЬСЯ В СТОЛИЦЕ ШУМНОЙ С ДРУГОМ»

(стр. 504)

Печатается по автографу *ИЛИ* 203/1.

Впервые опубликовано К. Чуковским в сб. «Неизданные произведения Н. А. Некрасова», II. 1918, стр. 91.

Автограф записан на отдельном листе, вместе с записями ст. 395—402 «Медвежьей охоты» и набросками стихотворения «Свобода». Рядом с текстом запись: «<Кругом?» зелень, поля, природа — и доброе лицо с печатью благородной честного труда».

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

(стр. 504)

Первоначальная редакция. См. комментарий к стихотворению «Слезы и нервы» на стр. 660.

1 8 6 3

〈ЭПИЛОГ ПОЭМЫ «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»〉

(стр. 506)

Эпилог, не вошедший в окончательную редакцию поэмы. Комментарий см. на стр. 676.

ДВА ИЗДАТЕЛЯ

(стр. 508)

См. комментарий к «Песне об «Аргусе» на стр. 758.

1 8 6 5

ЛЕГЕНДА О НЕКОЕМ ПОКАЯВШЕМСЯ СТАРЦЕ, ИЛИ «СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕВРО»

(стр. 509)

Сатира на А. А. Краевского (1810—1889), беспринципного литературного предпринимателя, издателя газеты «Голос». Газета эта возникла при содействии министра народного просвещения А. В. Головнина. Краевский получал от Головнина тайную субсидию. В 1865 г. М. Н. Катков открыто назвал «Голос» «официальным органом петербургских педагогов», «газетой, получающей субсидии». А. В. Головнин изображается в «Легенде» в виде беса, искушающего старца Краевского. В то время еще не знали, что Краевский получал субсидии не только от Головнина: с 1 января 1863 г. он, по распоряжению Александра II, получал 12 000 руб. в год на расходы по составлению статей по части *финансов* и народного просвещения (Е. М. Феоктистов, *За кулисами политики и литературы*, Л. 1929, стр. 132—133).

Некрасов называет «Голос» «Куриным эхом» вслед за

М. Е. Салтыковым-Щедриным, который, вскоре после основания «Голоса» (1863), писал в некрасовском «Современнике» об этой газете:

«От первой строки до последней она все умиляется, все поет: «Красен куриный мир!», «тепло греет куриное солнышко!» («Наша общественная жизнь», «Современник», 1863, № 3, стр. 191; Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в), Полное собрание сочинений, М. 1941, т. VI, стр. 69).

Александр Ледрю-Роллен (1807—1874) — французский радикал, министр внутренних дел временного правительства 1848 г., был своего рода пугалом для русской цензуры. Тот же Краевский в «Отечественных записках» жестоко поносил его заодно с другими республиканцами: «... развратные учения <социализма> мы гоним от себя, как язву, и крепкий нравственный карантин защищает нас от этого бедствия... Россия! Драгоценное наше отечество! Цвети и красуйся под сению своих самодержавных монархов!» («Отечественные записки», 1848, № 7, отд. III, стр. 20). Но впоследствии Краевский непрочь был прослыть либералом и «покаялся» в своем либерализме после сближения с Головинным, получив казенную субсидию.

Стихотворение Некрасова написано в тесной связи с очерком Щедрина «Сеничкин яд» («Современник», 1863, № 1), где имеются следующие строки об А. А. Краевском: «Нет, это человек неблагонамеренный, ибо в нем засел Ледрю-Роллен. И напрасно Андрей Александрович Краевский будет уверять меня, что Ледрю-Роллен был да весь вышел, — я не поверю ему ни за что» (Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в), Полное собрание сочинений, Л. 1935, т. VII, стр. 94—95.).

Печатается по публикации В. Е. Евгеньева-Максимова «Новонайденная сатира Некрасова против Краевского» («Речь», 1914, № 33).

Опубликовано по автографу, найденному в бумагах сестры поэта А. А. Буткевич; его местонахождение в настоящее время неизвестно.

〈ИЗ САТИРЫ «НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ»〉

(стр. 511)

Первоначальная редакция одной из частей сатиры. Печатается по *Стих* 1927, стр. 432, где впервые опубликовано К. Чуковским.

<В. И. АСТАШЕВУ>

(стр. 513)

В апреле 1866 г. Некрасова посетил его знакомый, с которым он бывал на охоте, генерал-лейтенант Вениамин Иванович Асташев (1837—1889) и, не застав его дома, оставил ему записку в стихах, где между прочим писал:

Зачем гибнешь душою и телом
За проклятым зеленым столом?
Позаялся бы лучше ты делом,
Поработал бы лучше пером!
И уж если тебе развлекаться
«Спокон веку» судьбой суждено,
Так поедем тогда вместе шляться
На охоту. Не лучше ль оно?..

Кончалась записка так:

Если хочешь, черкни мне с Василием
Слова два стихоплетством твоим,
Полон им ты всегда с изобилием,
Раскошешься богатством своим!

Выражение «спокон веку» — из сатиры Некрасова «Газетная», напечатанной за полгода до того.

Василий — камердинер поэта.

Ответом на эту записку и является послание Некрасова, чрезвычайно ценное для характеристики той «свободы», которой пользовалась тогдашняя печать. Эту «свободу печати» ввел министр внутренних дел П. А. Валуев пресловутым законом 2 апреля 1865 г., по которому все журналы и газеты освобождались от предварительной цензуры, но попадали в кабалу к полицейскому ведомству (см. примечание к стихотворению «Газетная»).

Валуев был тогда действительно «не в меру сердит». Не прошло и месяца, как «Современник» был закрыт навсегда «по высочайшему повелению».

А. И. Герцен писал в «Колоколе» о валуевской «свободе печати»: «Условия, сделанные в России бесцензурному книгопечатанию, безобразны, лучшие журналы пришиблены, лучшие газеты под беспрерывным ударом предостережений и остановок» (А. И. Герцен, Собрание сочинений и писем, II. 1922, т. XIX, стр. 379).

Печатается по *РС* 1913, № 2, стр. 463—465, где опубликовано впервые В. А. Алексеевым «с подлинников, в свое время данных мне Г. А. Мачтетом». Указана дата: «7 апреля 1866 г.».

Стихотворное письмо В. И. Асташева В. А. Алексеев привил также за «подлинник» Некрасова и опубликовал его тут же как принадлежащее Некрасову. Эта атрибуция была подвергнута основательной критике А. Измайловым в заметке «Некрасов ли?» («Русское слово», 1913, № 31, 7 февраля; ср. заметку К. Чуковского «Воскресающее былое», «Речь», 1913, № 46).

1 8 6 7

<ОТРЫВКИ ИЗ «МЕДВЕЖЬЕЙ ОХОТЫ»>

(стр. 514)

Первоначальная редакция. См. комментарий к «Медвежьей охоте», на стр. 697.

«ЧЕГО ЖЕ ВЫ ХОТЕЛИ Б ОТ МЕНЯ»

(стр. 515)

Печатается по записи А. А. Буткевич из собрания К. Чуковского.

Впервые опубликовано им в *Стих* 1931, стр. 475.

Постоящий текст — начало законченного стихотворения, авторграф которого ныне утерян (*Стих* 1937, т. II, ч. 2, стр. 833).

1 8 7 0

ПРИТЧА

(стр. 516)

Печатается по копии А. А. Буткевич — *ИЛИ* 203/43. В стихе 45— конъектура. Копия датирована: «20 Июля 1870 г. Пар<иж>».

Другая идентичная копия А. А. Буткевич — в бумагах С. И. Пономарева, *ИЛИ* 28.4.15; была послана Пономареву, видимо, с письмом от 1 июля <1878 г.>.

Впервые опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым в статье «Н. А. Некрасов и реакция 60—70 гг.» («Заветы», 1913, № 2, стр. 130—133) по копии А. А. Буткевич.

Первоначальные наброски — *ЛБ* 5755. Связный текст отсутствует, записи отдельных строк и отрывков строф перемежаются

прозаическими записями. На том же листе набросок, относящийся к стихотворению «Дедушка Мазай и зайцы».

Там же, на отдельном листе, первоначальная сводка конца «Притчи» (ст. 145—164). Некрасов ошибочно включил «Притчу» в число стихотворений, относящихся к 1874 г. (ЛН2).

1 8 7 2

КУЗНЕЦ

(стр. 521)

Н. А. Милютин (1818—1872) — либеральный сановник при Александре II, с 1859 г. — товарищ министра внутренних дел; руководил разработкой крестьянской реформы 1861 г. Его смерть взволновала либеральные круги русского общества; говорили, что он умер от потрясений, причиненных ему кознями крепостников.

К концу жизни Некрасов высказал иное отношение к Милютину (см. стр. 526 настоящего тома).

Печатается по ОЗ 1878, № 5, стр. 166, где опубликовано впервые, без даты, с подписью: «Н. Некрасов».

Нами высшена (вслед за *Стих* 1879) отсутствующая в журнальной публикации разбивка на строфы.

С. И. Пономарев на основании письма к нему А. А. Буткевич от 14 июля 1878 г. (ЛН 2) сообщает дополнительный четвертый куплет, отброшенный Некрасовым (см. стр. 622 настоящего тома).

«ВНИЗУ СЕРЕБРЯНИК ЧЕКАЛИН»

(стр. 521)

Автограф—на четвертушке почтовой бумаги. Местонахождение его в настоящее время неизвестно. Впервые напечатано в *Стих* 1928. Печатается по этому тексту. Под стихами дата: «Апр. <18>72».

<ЭКСПРОМТ Н. П. АЛЕКСАНДРОВОЙ>

(стр. 521)

Летом 1872 г. брат Некрасова Федор Алексеевич (1827—1913) сообщил поэту о своем намерении вступить в брак с Натальей Павловной Александровой, сестрой гувернантки его детей. Поэт в это время проживал в Карабихе вместе с Федором Алексеевичем.

Стихи Некрасова, обращенные к невесте брата, были произнесены им на вокзале из окна вагона за несколько минут до отъезда, и Пяталья Павловна не имела возможности записать их тотчас же после того, как они были сказаны. Поэтому в своих воспоминаниях она говорит: «Я не привожу этих стихов за точное произведение Школая Алексеевича, но смысл их был таков».

Печатается по тексту, впервые опубликованному П. П. Некрасовой (Александровой) в статье «Мои воспоминания о Н. А. Некрасове» (сб. ФОСП «Некрасов. К 50-летию со дня смерти», Л. 1928, стр. 18).

В ст. 8, вслед за К. Чуковским, принята конъектура: «Я его предоставлю судьбе» вместо: «я его представляю судьбе».

Приведенный Н. П. Некрасовой текст относится к числу не вполне достоверных.

1 8 7 3

<ЭКСПРОМТ Е. О. ЛИХАЧЕВОЙ>

(стр. 522)

25 июня 1873 г. Некрасов писал А. Н. Еракову из Киссингена:

«На-днях, провожая одну даму, окончившую курс водопития, я сказал ей за обедом глупейший экспромт и, в извинение сего, заключил так:

Пусть не кажется вам удивительно
Слабоумие в этих стихах»

<и т. д.>

(Н. А. Некрасов, *Собр. соч.*, 1930, т. V, стр. 507).

Это была Е. О. Лихачева, сотрудница «Отечественных записок». Из Киссингена она уезжала в Швейцарию, где должна была встретиться со своей подругой П. П. Суловой (о Лихачевой см. примечание на стр. 742).

Печатается по автографу, местонахождение которого теперь неизвестно.

Впервые опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым в статье «Цензурные мытарства Н. А. Некрасова» («Русское богатство», 1913, № 8, стр. 209—210). Ст. 5—6 в этой публикации отсутствуют.

〈П. А. ЕФРЕМОВУ〉

(стр. 522)

С библиографом Петром Александровичем Ефремовым (1830—1907) Некрасов сблизился в 1873 г. во время общей работы в редакционно-издательском комитете по составлению сборника «Складчина», издававшегося писателями в пользу голодавших крестьян Самарской губернии. Кроме Некрасова и Ефремова, в комитет входили И. А. Гончаров, А. А. Краевский, А. В. Пякятенко и В. П. Мещерский. В сборнике были напечатаны новые произведения И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского и др. Некрасов поместил в «Складчине» свои «Три элегии». Успех «Складчины» был огромный. У Ефремова «времена «Складчины», то есть времена совместной работы с Некрасовым, вызвали впоследствии теплое чувство. «Об них и об вас я действительно сохранил самое доброе воспоминание», — писал он поэту 27 марта 1874 г. (ЛН 2).

Печатается по автографу библиотеки ИЛИ 18 1/2 — на обороте фотокарточки Некрасова с надписью: «П. А. Ефремову Н. Некрасов». Под текстом стихотворения дата: «19 марта 1874». Карточка вклеена в экземпляр *Стих* 1873.

Впервые опубликовано Д. П. Сильчевским, в заметке «Из неопубликованных стихотворений Н. А. Некрасова» («Биржевые ведомости», 1899, № 208, 1 августа).

БУКИНИСТ И БИБЛИОГРАФ

(стр. 522)

Гумбольдт — бродячий петербургский книгопродавец Семен Андреев, торговавший запрещенными и «жужженими» книгами. Сожжение книг практиковалось главным образом при генерале Р. М. Шидловском, стоявшем во главе цензуры (1870—1871), и его преемнике М. Н. Лошгинове (1871—1875). Стихотворение написано Некрасовым около 1874 г., когда поэт, редактируя «Складчину», сблизился с библиографом П. А. Ефремовым, который и рассказал ему о Гумбольдте. По словам одного из современников, прозвище «Гумбольдт» этот торговец получал отчасти потому, что «своей фи-

зиономией (фигурою) был похож на бюст Гумбольдта, а вместе с тем и потому, что любил пофилософствовать» («Исторический вестник», 1897, № 8, стр. 411; «Памяти П. А. Ефремова», М. 1908, стр. 13).

В бумагах Некрасова сохранилась такая запись: «Гумбольт (букинист). Посил книги к трактирщику, который сначала покупал все старые книги, а потом только по хиромантии. У каждого торгующего книгами на толкуне была его связка книг... Библиографы и любители старых книг по специальностям — спросить у Ефремова» (*ИЛИ*). Очевидно, поэт предполагал посвятить Гумбольдту особое стихотворение; существует и другая заметка поэта, относящаяся к тому же лицу:

«Ремесло это <торговля запрещенными книгами>, — говорится в заметке, — не только очень трудное, но и опасное. Раз он <Гумбольдт> продал кому-то «Колокол» и некоторые другие книги в Зимнем дворце и, выходя оттуда с остатками запрещенного товара, был схвачен и представлен куда следует. В тот раз отделался долгим заключением в Третьем отделении. Будучи пойман в другой раз, был выслан из Петербурга и пробыл там более года. Вдруг опять появился.

— Гумбольдт! Ты каким образом?» (Н. Некрасов, Тонкий человек и другие неизданные произведения, М. 1928, стр. 337—340).

В декабре, за три недели до смерти, Некрасов послал «Букиниста и библиографа» редактору «Нового времени» с таким указанием: «Это под рубрику из Записной книжки. Подписи моей не надо» (*ЛН*, стр. 207).

Печатается по копии А. А. Буткевич — *ИЛИ*, Дашковское собрание.

Впервые — «Новое время», 1878, № 662, от 1 января, в фельетоне Незнакомца <А. С. Суворина> «Педельные очерки и картины».

«ХОТИТЕ ЗНАТЬ, ЧТО Я ЧИТАЛ? ЕСТЬ ОДА»

(стр. 523)

Найдено среди бумаг Некрасова, относящихся к 1874 г. Написано на том же листе, где черновые наброски «Элегии». Возможно, что Некрасов намеревался начать «Элегию» именно этими строками. В них мы находим еще одно подтверждение того, какую за-

метную роль сыграла в биографии Некрасова ода Пушкина «Вольность», прочитанная им в детстве.

Печатается по автографу — *ИЛИ* 203/36.

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1927, стр. 433.

<ИЗ ПОЭМЫ «УНЫШИЕ»>

(«... Но первые шаги не в нашей власти»)

(стр. 523)

Найдено среди бумаг Некрасова, относящихся к 1874 г. Как видно из белого автографа (*ИЛИ*), поэт первоначально намеревался включить эти строки в поэму «Уныние» после 4-й строфы. В черновом автографе было такое двустишие:

В пятнадцать лет медведей я стрелял.
Не правда ли, я странно был воспитан?

См. текстологический комментарий к стихотворению «Уныние» (стр. 722).

<ЕРШОВ>

(стр. 524)

Печатается по *ОЗ* 1879, № 1, стр. 62—63, где было опубликовано впервые, по автографу, в качестве плана поэмы о сельском враче Ершове, — в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)».

1 8 7 5

<ЭКСПРОМТ НА ЛЕКЦИИ И. И. КАУФМАНА>

(стр. 525)

5 января 1875 г. буржуазный экономист И. И. Кауфман был выбран членом Литературного фонда и тут же прочитал свое рассуждение о русских финансах.

Слушая эту лекцию Кауфмана, Некрасов и написал свой экспромт.

Печатается по беловому автографу из архива А. П. Пыпина — *МЛИ* 250/383.

На автографе помета рукою А. П. Пыпина: «5 янв. 1875. В собрании литер. фонда, по поводу финансового чтения Кауфмана».

Впервые опубликовано В. Е. Чешихиним-Ветринским в статье «Крохи П. А. Некрасова (из данных П. А. Ефремова)» («Литература, искусство, наука». Бесплатное приложение к № 354 газеты «День» от 31 декабря 1913 г.).

Копия П. А. Ефремова (с вариантом в ст. 1) вплетена в экземпляр *Стих* 1873, хранящийся в библиотеке *МЛИ* 18 1/2.

«ЭКСПРОМТ ПРИ ОТЪЕЗДЕ Я. ДМИТРИЕВА ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ
В КИЕВ»
(стр. 525)

Печатается по тексту, впервые опубликованному В. Е. Чешихиним-Ветринским в статье «Крохи П. А. Некрасова (Из данных П. А. Ефремова)» («Литература, искусство, наука». Бесплатное приложение к № 354 газеты «День» от 31 декабря 1913 г.).

1 8 7 6

ПЕСНЯ

(«Всюду с музой проликающий»)
(стр. 525)

Печатается по ОЗ 1879, № 1, стр. 64, где опубликовано впервые, по автографу, в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)».

Фамилия Фуксы в ст. 14 восстановлена по копии А. А. Буткевича (повидимому с чернового автографа) — *МЛИ* 203/45, л. 3.

«НЕ ЗА ЯКОВА РОСТОВЦЕВА»
(стр. 526)

В этом наброске Некрасов высказывает отрицательное свое отношение к либеральным общественным деятелям.

Я. И. Ростовцев (1803—1860) — генерал-адъютант, главный начальник военно-учебных заведений. К концу жизни приобрел большую популярность среди либералов в качестве председателя

так наз. редакционных комиссий, подготовлявших крестьянскую реформу.

Н. А. Милютин — см. примечание к стихотворению «Кузнец».

Печатается по черновому автографу, извлеченному В. Е. Евгеньевым-Максимовым из бумаг библиографа П. А. Ефремова.

Некрасов набросал эти строки на конверте письма М. Л. Златковского, адресованного П. А. Ефремову. Письмо помечено 24 декабря 1876 г. Подпись под стихами: «П. Некрасов».

Впервые — в «Заветах», 1913, № 2, стр. 136, в статье В. Евгеньева-Максимова «Н. А. Некрасов и реакция 60—70 гг.».

«УГОМОНИСЬ, МОЯ МУЗА ЗАДОРНАЯ»

(стр. 526)

Печатается по тексту «Петербургского листка», 1907, № 355.

Впервые опубликовано в этой газете актером Нилом Пильским, сообщившим, что он печатает стихи по автографу, полученному им от П. А. Никитина. Публикация снабжена примечанием: «Стихотворение это написано в Крыму и помечено 1876 годом».

— НУ

(«Человек лишь в одиночку»)

(стр. 527)

Печатается по тексту корректур — *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, единица 3.

Впервые опубликовано К. Чуковским в статье «Новонайденные творения Некрасова» («Русское слово», 1913, № 285 от 11 декабря).

Беловой автограф — *ИЛИ* 203/28. Заглавие: «—ну». Дата: «1876 Дек.». На том же листе, выше — ст. 5—12 стихотворения «Салтыкову», и ниже — стихотворения «Друзьям» и «Музе».

Корректуры правлены Некрасовым.

1 8 7 7

«ИМЕНИ И РОДУ»

(стр. 528)

Отрывок из ненаписанной поэмы «Без роду, без племени». Эту поэму Некрасов задумал незадолго до смерти и рассказывал ее содержание знакомым, посещавшим его во время болезни. По

словам А. Н. Пыпина, сюжет этой поэмы рисовался Некрасову так: «Снежная пустыня, Сибирь, на снегу отпечатались лапки птиц и зверьков; бродит беглый, непомнящий родства; много раз он попадался, начальство бывало строгое: «кто ты?» — «житель» — начальство бесится; «кто ты?» — «сочинитель» — начальству смешно, и бродяга обошелся без наказания. Он жил в селе, и была у него невеста, — чиновник отбил, и он ушел сам в Сибирь и бродил «непомнящим родства». — Теперь — время ужасное: дни все дольше, а снегу все больше. Попадаетея ему маленький зверек, замерзший; он взял его на руки, тот задрывал лапкой, еще жив. Он спрятал зверька, горносталя, в шапку, и все бродил; через несколько времени снял шапку посмотреть — зверек ожил и стремглав ринулся в лес. Другая встреча: набрел на кибитку, там тот самый чиновник с его бывшей невестой и ребенком: они сбились с пути, грозит мятежь, ямщик ушел искать дорогу. Они просят спасти их; бродяга отводит их в избу, какие строят в пустых местах для всякого случая. Он отводит их туда, — и хочет потешиться мпением; он любит смотреть на огонь и собирается сжечь их; он обложил избу дровами, выбрал место, откуда станет смотреть, — но захотелось ему взглянуть еще раз на эту жепщину; он взглянул в волоковое окно и увидел, что она молится и ребенка крестит. Зрелище поразило его, он бросился бежать и без оглядки тридцать верст пробежал...» («Из записной книжки А. П. Пыпина», *ЛН*, стр. 192—194).

Столь же подробно изложил Некрасов сюжет этой сибирской поэмы в разговоре с Сувориным, после чего вручил Суворину листок, где был написан отрывок «Без роду, без племени» (А. С. Суворин, Недельные очерки и картинки, *ЛН*, стр. 206).

Суворин напечатал эти стихи в «Новом времени» после смерти поэта, причем указал, что предполагаемое заглавие поэмы — «Бродяга». Там же, в «Новом времени», было подстрочное примечание Некрасова, которое почему-то никогда не воспроизводилось в дореволюционных изданиях: «Бородуля» — баба с бородой. Между тем оно объясняет, почему начальство прыснуло, услышав этот бойкий ответ. Очевидно, слово «бородуля» было подслушано Некрасовым на охоте, в деревне; сестра поэта сообщала впоследствии: «Вот крупно написано одно слово «бородуля». Это слово вызывало в памяти брата целую сцену, полную жизни...» (*ЛНЗ*).

Печатается по газете «Новое время», 1878, № 662 от 1 января, где опубликовано впервые, в фельетоне Незнакомца <А. С. Суворина> «Недельные очерки и картинки».

Конъектурно исправлена опечатка в ст. 9: было «пули» вместо правильного «пуля» (ср. рифму: «бородуля»).

«ПУСКАЙ ЧУТЬ СЛЫШЕН ГОЛОС ТВОЙ»

(стр. 529)

Впервые было опубликовано вместе с цитатой из предсмертного дневника Некрасова: «Худо, читатель! Мой дом — постель. Мой мир — две комнаты: пока освежают одну, лежу в другой. Полрюмки кипрского меня опьяняет; граф опия делает меня идиотом, не всегда давая сон. Стихов уже писать не могу, но днями нападает на меня какое-то сомнение. На-днях муза моя на прощанье пропела мне такую песнь:

Пускай чуть слышен голос твой... <и т. д.>

(«Автобиографии Некрасова», ЛН, стр. 166.)

Первоначально у этого стихотворения была такая концовка:

Уступит свету мрак угрюмый <упрямый?>
Не бойся: песенку твою
Над Волгой, над Окой, над Камой
Еще народу я спою.

Впоследствии это четверостишие (в измененном виде) вошло в состав стихотворения «Баюшки-баю».

Печатается по копии А. А. Буткевич из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова.

Впервые опубликовано, по автографу — записи в дневнике, — ОЗ 1879, № 1, стр. 65, в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)».

<ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»>

(стр. 529)

Наброски первой редакции. См. примечание на стр. 741.

ЗАТВОРНИЦА

(стр. 530)

Один из черновых вариантов поэмы «Мать», написанной Некрасовым на смертном одре. Боясь, что уже не удастся закончить давно задуманную поэму, больной Некрасов хотел было напечатать этот черновой вариант и отдал набрать «Затворницу» для «Отече-

«ственных записок». В бумагах его вдовы сохранился корректурный оттиск «Затворницы» с его собственноручными поправками (*ИЛИ*). Из этого оттиска видно, что первоначальный подзаголовок был: «Памяти матери».

«Затворница» не удовлетворила поэта. На обороте корректурного листа он начал пабрасывать другую поэму о матери:

И если я не вышел на дорогу
С ножом в руке, тебе обязан я.

Эта другая поэма была закончена через несколько дней и напечатана в «Отечественных записках» под заглавием «Из поэмы: «Мать», а «Затворница» появилась лишь в 1879 г. в первом посмертном издании его стихотворений, причем — неизвестно кем — слово «палач» в 8-й строфе было заменено более мягким «деспот». В авторской корректуре читаем:

Ты палача покорством не смягчила.

По поводу этой строки сестра поэта писала С. И. Попомареву 12 мая 1878 г.:

«Обратите внимание на противоречье: в «Затворнице» сказано: «Ты палача покорством не смягчила». В большой поэме: «У ног твоих — детей твоих отец». В действительности первое ближе к правде, ~~ко~~ брат почему-то переменял» (*ЛН* 3).

Печатается по корректурным гранкам, правленным Некрасовым (*ИЛИ* 2408/ХС. Заглавие: «Затворница»; подзаголовок а) «Памяти матери», б) «Сон»; печатная дата: «28 января»).

«ТАК ЗАПОЙ, О ПОЭТ, ЧТОБЫ ВСЕМ МАТЕРЯМ»

(стр. 533)

Отклик на русско-турецкую войну 1877 г.

Дата стихотворения — 28 ноября 1877 г. — вполне объясняет восклицание Некрасова о «сокрушенном и плененном» враге. Именно в ту пору началась полоса русских военных удач: 6 ноября пал Карс, 28 ноября пала Цлевна и был взят в плен Осман-паша.

Некрасов, как и в стихотворении «Внимая ужасам войны» (1854), вспомнил раньше всего ослепотевших матерей, которые тоскуют о своих детях в глухих деревнях.

Печатается по тексту, впервые опубликованному в статье В. Евгеньева-⟨Максимова⟩ «Предсмертные думы П. А. Некрасова» («Заветы», 1913, № 6, стр. 37). Указана дата: «28 ноября».

«СКОРО — ПРИМЕТЫ МОИ ХОРОШИ!»

(стр. 533)

Печатается по *Стих* 1879, т. IV, стр. 127, где опубликовано впервые.

Стихотворение было сообщено для издания С. И. Пономареву в письме А. А. Буткевич от 5 июня 1878 г., где сестра поэта поясняет: «Эти четыре строчки я недавно нашла в книге, на лоскутке, отрезанном от корректурного листа, сбоку, карандашом написано рукою брата: «Для моей книги» (ср. *Стих* 1879, т. IV, стр. СХХХVI).

НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

«БЕЛЫЙ ДЕНЬ НЕДОЛОГ»

(стр. 533)

Воспроизводится по беловому автографу, находящемуся в тетради С. С. Панаевой, жены Ипполита Панаева, заведывавшего копторой «Современника» (*ИЛИ* 21. 107/CXLV б 10).

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1927, стр. 439 по тому же автографу. Автограф без даты.

ПРИМЕТЫ

(стр. 534)

Написано от лица мешанки, живущей недалеко от Петропавловской или Шлиссельбургской крепости. Судя по рукописи Некрасова, он хотел приспособить это стихотворение к тогдашним цензурным условиям и придал было первой строфе песенную форму, скрывающую смысл стихов:

Задурили, видно, милые,
Одурманились опять:
На лачужки наши хилые
Стали цены набивать.

(ИЛИ)

Печатается по тексту, впервые опубликованному В. Евгеньевым-⟨Максимовым⟩ в статье «Предсмертные думы П. А. Некрасова» («Заветы», 1913, № 6, стр. 36—37).

ЧТО НОВОГО?

(стр. 534)

Третья строка до сих пор читалась: «*плутократия* дерет». Исправлена А. Я. Максимовичем.

Плутосократия (то же, что плутократия) — власть богачей. По поводу этого слова см. статью Н. К. Михайловского в «Отечественных записках», 1874, № 9 (Полное собрание сочинений Н. К. Михайловского, т. II, 1907, стр. 678).

Печатается по копии из бумаг А. А. Буткевич — *ИЛИ* 203/45, л. 6 (письмо Некрасова А. С. Суворину от 1 мая 1876 г.).

Впервые опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым в статье «Предсмертные думы П. А. Некрасова» («Заветы», 1913, № 6, стр. 32).

К ПОРТРЕТУ***

(«Развечан нами сей кумир»)

(стр. 535)

Печатается по тексту корректур *ИЛИ*, фонд 134, опись 11, № 3. Корректурa была читана Некрасовым: ряд стихотворений, оттиснутых на том же листе, правлен его рукою.

Впервые опубликовано А. С. Сувориным в газете «Новое время», 1878, № 662 от 1 января, в фельетоне Незнакомца «Недельные черки и картинки».

В *ИЛИ* 203/45 — копия из бумаг А. А. Буткевич (при копии письма Некрасова к А. С. Суворину от 1 мая 1876 г.). Заглавие: «К портрету***».

<ЭПИТАФИЯ>

(стр. 535)

В своих заметках о Некрасове сестра поэта А. А. Буткевич пишет:

«Одно стихотворение, о котором <брат> сожалел, что не написал <его>, это эпитафии. С одним из своих друзей, охотником, он однажды переходил кладбище. Гаврила рассказывал ему о покойниках, могилы которых обращали на себя внимание брата. Я помню только эпитафию, произнесенную Гаврилой помещику:

Зимой играл в картишки
<и проч.>

{«Автобиографии Некрасова», «Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич», *ЛН*, стр. 178).

Печатается по рукописи А. А. Буткевич, из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова.

Впервые опубликовано в статье А. Скабичевского «Н. А. Некрасов (Его жизнь и поэзия)», *ОЗ* 1878, № 5, стр. 401.

«ЗА ЖЕЛАНЬЕ СВОБОДЫ НАРОДУ»

(стр. 535)

Печатается по тексту, сообщенному («конечно, не для печати») в письме А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 14 июля 1878 г. (*ЛН* 3).

Впервые опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым в статье «Н. А. Некрасов и реакция 60—70 гг.» («Заветы», 1913, № 2, стр. 137) — по той же копии.

«НО, ЛЮБЯ, СВОЕ СЕРДЦЕ ГОТОВЬ»

(стр. 535)

Печатается по автографу *ИЛИ* 203/25.

Впервые — *ОЗ* 1879, № 1, стр. 65, в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)».

Автограф — *ИЛИ* 203/35. На этом листке: 1) «О, господи, что делать?..»; 2) «Но, любя, свое сердце готовь»; 3) «Спрашивал я у людей»; 4) «Погиб! Его болото засосало»; 5) «И жизнь кипит под грудями развалин»; 6) (на обороте второй страницы) «В городе волки», «Как празднуют трусу».

«СПРАШИВАЛ Я У ЛЮДЕЙ»

(стр. 535)

Печатается по автографу *ИЛИ* 203/25.

Впервые — *ОЗ* 1879, № 1, стр. 65, в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)».

Автограф — *ИЛИ* 203/25;

«ОН НЕ БЫЛ ЗЛОБЕН И КОВАРЕН»

(стр. 536)

Печатается по *ОЗ* 1878, № 6, стр. 402, где опубликовано впервые, в статье А. Скабичевского «Николай Алексеевич Некрасов

(Его жизнь и поэзия)» — в составе записи 14 июня <1877г.> предсмертного дневника Некрасова (см. ЛН, стр. 168).

«НИ СТЫДА, НИ СОСТРАДАНИЯ»

(стр. 536)

Печатается по тексту, сообщенному в письме А. А. Буткевич к С. П. Пономареву от 14 июля 1878 г. (ЛН 2).

Впервые Стих 1879, т. IV, стр. 126, в составе цикла «Из записной книжки».

<1> «И БУДЕМ ЖИТЬ МЫ ПРОСТО, ПОШЛО ДАЖЕ»

<2> «ПОВЕРХНОСТНАЯ, ГЛУПАЯ НАСМЕШКА»

<3> «И ТИХОЙ ЖЕНЩИНЫ КАКОЙ-ТО»

(стр. 536)

Печатается по автографу ИЛИ 203/18.

Автограф — отдельные карандашные наброски. Они имеют непосредственное отношение к позднейшей обработке той же темы — к стихотворению «Над чем мы смеемся» (1874). На том же листе, выше — прозаический набросок из «Свистка».

«ТАК УМЕРЕТЬ? ТЫ МНЕ СКАЗАЛА»

(стр. 538)

Печатается по автографу, хранящемуся у К. Чуковского.

Впервые процитировано им в статье «Некрасов и деньги» («Былое», 1923, № 22, стр. 36).

«ВСЕ ПЫТКОЙ ПРАВСТВЕННОЙ ИЗМЯТЫЙ»

(стр. 538)

Возможно, что эти стихи относятся к 1867 г., когда поэт особенно мучительно переживал «нравственную пытку» после своего выступления в Английском клубе в апреле 1866 г. (см. стр. 693).

Печатается по автографу — ИЛИ 203/1.

Впервые опубликовано К. Чуковским в сборнике «Неизданные произведения Н. А. Некрасова» («Памятники русской культуры» СПб. 1918, стр. 92); записан на том же листе, где набросок к «Медвежьей охоте», «Администратор оступился». Выше текста запись: «Прошел наденья миг позорный и <он?>».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Н. А. Некрасов. С фотографии 1868 г.
2. Корректурa заключительных строк стихотворения «Размышления у парадного подъезда».
3. А. А. Буткевич, сестра Н. А. Некрасова. С фотографии 1869 г.
- 4—5. Автограф отрывка стихотворения «Рыцарь на час» из альбома Л. П. Шелгуновой.
6. З. Н. Некрасова. С фотографии 60-х годов.
7. Н. А. Некрасов. 1877 г. С картины маслом И. Н. Крамского.

СОДЕРЖАНИЕ

Страницы

текста
вар-
антов
коммен-
тариев

СТИХОТВОРЕНИЯ 1856—1877

1 8 5 6

Поэт и гражданин («Опять одил, опять суров»)	7	543	624
«Несчастливые» («Тяжел мой крест: уединенье») .	16	544	629

1 8 5 7

«В столицах шум, гремят витий»	40	547	634
Тишина («Всё рожь кругом, как степь живая»)	41	547	635
Убогая и нарядная («Беспокойная ласковость взгляда»)	47	548	638

1 8 5 8

«Стихи мои! Свидетели живые»	51	548	639
Размышления у парадного подъезда («Вот па- радный подъезд. По торжественным дням»)	52	548	640
Песня Еремушке («Стой, ямщик! жара неспо- на!»)	56	549	642
«Ночь. Успели мы всем насладиться»	59	—	643
Н. Ф. Крузе («В печальной стороне, где роди- лись мы с вами»)	60	—	644

1 8 5 9

О погоде. Часть первая

I Утренняя прогулка («Слава богу, стрелять перестали!»)	61	550	645
II До сумерек («Ветер что-то удушлив не в меру»)	65	550	645
III Сумерки («Говорят, еще день. Правда, я не видал»)	70	551	645
Папаша («Я давно замечал этот серенький дом»)	74	551	648

1 8 6 0

«Что ты, сердце мое, расходилося?»	79	551	649
«...одинокий, потерянный»	80	—	649
Знахарка («Знахарка в нашем живет окологде»)	81	551	650
На Волге («Не торопись, мой верный пес!»)	83	551	651
На псарне («Ты, старина, здесь живешь, как в аду»)	91	—	652
Рыцарь на час («Если пасмурен день, если ночь не светла»)	92	552	652
Деревенские новости («Вот и Качалов лесок»)	98	553	655
Дума («Сторона наша убогая»)	102	553	656
Плач детей («Равнодушно слушая проклятья»)	104	553	656

1 8 6 1

На смерть Шевченко («Не предавайтесь особой унылости»)	106	554	657
«Что ни год — уменьшаются свлы»	107	554	659
Крестьянские дети («Опять я в деревне. Хожу на охоту»).	108	554	659
Похороны («Меж высоких хлебов затерялся»)	116	555	660
Слезы и первы («О слезы женские, с придачей»)	119	556	660
Тургеневу («Мы вышли вместе.. Наобум»)	121	556	661
Коробейники	123	556	662
Свобода («Родина мать! по равнинам твоим»)	143	558	666
Дешевая покупка («Надо поехать — статья подходящая!»).	144	—	668
20 ноября, 1861 («Я покинул кладбище унылое»)	147	—	668

Страницы

текста
вари-
антов
коммент-
тариев

1 8 6 2

Зеленый Шум («Идет-гудет Зеленый Шум») . . .	148	559	669
«Литература, с трескучими фразами»	150	559	670
«Надрывается сердце от муки»	151	559	672
Что думает старуха, когда ей не спится («В позднюю почь над усталой деревней») . .	152	—	672
«В полном разгаре страда деревенская»	153	—	672

1 8 6 3

Кумушки («Темен вернулся с кладбища Тро- фим»)	155	559	673
Калистрат («Надо мной певала матушка») . .	157	—	673
Пожарице («Весело бить вас, медведи почтен- ные»)	158	—	674
«Благодарение господу богу»	160	560	674
Орипа, мать солдатская («Чуть живые, в ночь осеннюю»)	162	—	675
Мороз, Красный нос	166	560	676

1 8 6 4

Памяти Добролюбова («Суров ты был, ты в мо- лодые годы»)	200	563	679
Притча о Ермолае трудящемся («Раньше людей Ермолай подымается»).	201	—	680
Железная дорога («Славная осень! Здоровый, ядренный»).	202	563	680
Возвращение («И здесь душа унынем объята») .	207	—	683
Начало поэмы («Опять она родная сторона») . .	208	—	684

1 8 6 5

О погоде. Часть вторая			
I Крещенские морозы («Государь мой! куда вы бежите?»)	210	563	684
II Кому холодно, кому жарко! («Свечере- ло. В предместных дальных»).	214	565	685

	Страницы		
	текста	вариантов	комментариев
Газетная («...Через дым, разъедающий очи») . .	219	566	686
Песни о свободном слове			
I Рассылный («Люди бегут, суетятся») .	228	—	688
II Наборщики («Чей это гимн суровый») .	229	568	688
III Поэт («Друзья, возрадуйтесь! — простор!»)	233	—	688
IV Литераторы («Три друга обнялись при встрече»)	233	568	688
V Фельетонная букашка («Я — фельетонная букашка»)	234	568	688
VI Публика («Ай да свободная пресса!») .	235	568	688
VII Осторожность («В Ледовитом океане») .	240	569	688
VIII Пропала книга («Пропала книга! Уж была»)	242	—	688

1 8 6 6

Балет («Свяренсет мороз ненавистный») . . .	244	569	691
«Ликует враг, молчит в недоумень»	255	—	693
Песни			
I «У людей-то в дому — чистота, лепота»	256	—	694
II Катерина («Вишет, пропадает красота моя!»)	257	—	694
III Молодые («Повенчавшись, Парасковье») .	258	—	694
IV Сват и жених («Нутко! Марья у Зиновья!»)	258	—	694
V Гимн («Господь! твори добро народу!») . .	260	—	694

1 8 6 7

«Умру я скоро. Жалкое наследство»	261	—	695
Выбор («Ночка сегодня морозная, яная») . .	263	571	697
Сцены из лирической комедии «Медвежья охота»	266	571	697
Песня о труде («Кто хочет сделаться глупцом») .	283	—	700
Песня («Отпусти меня, родная»)	285	—	700
Человек сороковых годов («...Пришел я к крайнему пределу...»)	287	579	701

	Страницы		
	текста	варь- антов	коммент- ариез
Стихотворения, посвященные русским детям			
I Дядюшка Яков («Дом — не тележка у дядюшки Якова»)	288	579	702
II Пчелы («Натко медку! с караваем покушай»)	291	580	703
III Генерал Топтыгин («Дело под вечер, зимой»)	292	580	703
Суд («Однажды, зимним вечерком»)	296	580	704
Эй, Иван («Вот он весь, как намалевал»)	307	582	706
С работы («Здравствуй, хозяйюшка! Здравствуйте, детки!»)	311	—	706
«Зачем меня на части рвете»	312	583	706
Еще тройка («Ямщик лихой, лихая тройка»)	314	583	707

1 8 6 8

Мать («Она была исполнена печалью»)	316	—	708
«Не рыдай так безумно над ним»	317	—	708
«Душно! без счастья и воли»	318	583	709
Дома — лучше! («В Европе удобно, но родины ласки»)	319	—	710
«Наконец, не горит уже лес»	320	—	710

1 8 7 0

Стихотворения, посвященные русским детям			
I Дедушка Мазай и зайцы («В августе, около Малых Вежей»)	321	584	710
II Соловьи («Качая младшего сынка»)	325	584	711

1 8 7 1

Недавнее время («Нынче скромн наш клуб именитый»)	328	585	712
---	-----	-----	-----

1 8 7 3

Детство («В порвые годы младенчества»)	348	590	717
Накануне светлого праздника («Я ехал к Ростову»)	352	—	718

Страницы

	текста	вариантов	комментариев
Три элегии			
I «Ах, что изгнание, заточенье!»	356	—	718
II «Бьется сердце беспокойное»	357	591	718
III «Разбиты все привязанности, разум»	358	592	718

1 8 7 4

Утро («Ты грустна, ты страдаешь душою»)	359	—	720
Над чем мы смеемся... («Раз сказал я за пирушкой»)	361	—	721
Страшный год («Страшный год! Газетное витьство»)	362	592	721
Уныние («Сгорело ты, гнездо моих отцов!»)	364	593	722
Путешественник («В городе волки по улицам бродят»)	370	596	723
Ночлеги			
I На постоялом дворе («Вступили кони под навес»)	372	596	723
II На погорелом месте («Слава богу, хоть ночь-то светла!»)	375	598	724
III У Трофима («Звезды осени мерцают»)	377	599	724
Отъезжающему («Даже вполголоса мы не пели»)	380	599	724
Н. Г. Чернышевский (Пророк) («Не говори: «Забыл он осторожность!»)	381	599	725
Горе старого Паума («Пауму паточный завод»)	382	599	727
Элегия («Пускай нам говорит изменчивая мода»)	392	604	729
Поэту («Где вы — певцы любви, свободы, мира»)	394	605	730

1 8 7 5

М. Е. Салтыкову («О нашей родине унылой»)	395	—	731
---	-----	---	-----

1 8 7 6

Как празднуют трусу («Время-то есть, да писать нет возможности»)	396	606	732
Вступление к песням 1876—77 годов («Нет, не поможет мне аптека»).	398	607	733

	Страницы		
	текста	вариантов	комментариев
«Дни идут... Все так же воздух душн»	400	607	733
Сеятелям («Сеятель знания на пиву народную!»)	401	—	734
Молебен («Холодно, голодно в нашем селении»)	402	607	734
Друзьям («Я примирился с судьбой неизбежною»)	403	—	734
Зине («Ты еще на жизнь имеешь право»)	404	—	734
Музе («О муза! наша песня спета»)	405	—	735
«Скоро стану добычею тленья»	406	608	735
Зине («Двести уж дней»)	407	—	736

1 8 7 7

Приговор («...Вы в своей земле благословенной»)	408	608	737
«Есть и Руси чем гордиться»	409	608	737
«Вам, мой дар цецившим и любившим»	410	608	738
«Смолкли честные, доблестно павшие»	411	609	739
«Великое чувство! у каждых дверей»	412	—	741
Поэту («Любовь и Труд — под горами развалин!»)	413	609	741
Горящие письма («Они горят!.. Их не напишешь вновь»)	414	609	741
Из поэмы: «Мать» («В насмешливом и дерзком нашем веке»)	415	610	741
Зине («Пододвинь перо, бумагу, книги!»)	424	612	743
Баюшки-баю («Непобедимое страданье»)	425	—	743
«Черный день! как нищий просит хлеба»	427	—	744
Отрывок («...Я сбросила мертвящие оковы»)	428	612	745
Старость («Просит отдыха слабое тело»)	429	613	745
Ты не забывай («Я была вчера еще полезна»)	430	—	746
Осень («Прежде — праздник деревенский»)	431	—	746
Сон («Мне снилось: на утесе стоя»)	432	—	746
«О Муза! я у двери гроба!»	433	613	747

Неизвестных годов

Бунт («...Скачу как вихорь из Рязани»)	434	—	747
Молодые лошади («Лошади бойко по рельсам катили»)	435	—	748

	Страницы		
	текста	вариантов	комментариев
Праздному юноше («Что спдишь ты, сложа руки?»)	436	—	749
Муж и жена («Глашенька! пустошь Иващево»)	437	—	749
Подражание Шиллеру			
I Сущность («Если в душе твоей ясны»)	439	—	749
II Форма («Форме дай щедрую дань»)	439	—	749

Юмористические стихотворения

1859

Дружеская переписка Москвы с Петербургом («На дальнем севере, в гиперборейском крае»)	440	613	750
---	-----	-----	-----

1860

Первый шаг в Европу («Как дядю моего, Ивана Ильича»)	443	614	754
Литературная травля, или «Не в свои сани не садись» («... О светские забавы!»)	445	615	754

1863

Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году («Убил ты, точно, на веку»)	446	615	756
Песни об «Аргусе» («Я полагал, с либерального»)	448	615	756

1865

«Явно родственны с землей»	452	616	758
----------------------------	-----	-----	-----

1867

Притча о «Киселе» («Жил-был за тридцать земель»)	452	616	759
--	-----	-----	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Невключенное автором в собрание его стихотворений

1857

〈Из поэмы «Тишина»〉 («Но Русь цела, но Русь тверда»)	461	—	760
---	-----	---	-----

1859

〈А. Е. Мартынову〉 («Со славою прошел ты пол- дороги»)	462	—	760
Забракованые	463	—	761

1860

«О, гласность русская! ты быстро зашагала» . .	478	616	762
Гимн «Времени» («Меж тем как Гарибальди дремлет»)	478	—	763
Финансовые соображения («Между тем, как в глуши»)	480	—	764
Литературная травля, или раздраженный би- блиограф («О, светские забавы!»)	482	—	765
Разговор в журнальной конторе («— Одна-то книжка за две книжки?»)	486	—	766
Мысли журналиста при чтении программы, обе- щающей не шадить литературных авторите- тов («Что ты задумал, несчастный?»). . .	487	—	767
Что подельвает наша внутренняя гласность? («Друзья мои! Мы много жили»)	488	—	768

1863

Вступительное слово «Свистка» к читателям («В те дни, когда в литературе»)	490	617	769
Мое желание («О, как желал бы я служить») . .	494	—	773

Страницы

текста	вариантов	комментариев
--------	-----------	--------------

1 8 6 5

<Черныльница> («Предмет, любопытный для взора»)	494	—	773
---	-----	---	-----

1 8 6 6

<Из «Песен о свободном слове»>			
III Журналист-руководитель («Пу... небесам благодаренье!»)	495	—	774
IV Журналист-рутинер («Созрела мысль, проект составлен»)	495	618	774
Осипу Ивановичу Комиссарову («Не громка мол лира, в ней ист»)	497	—	774

1 8 7 0

«Сыны «народного бича».	498	—	775
---------------------------------	-----	---	-----

1 8 7 4

На покосе («Сын с отцом косили в поле») . . .	499	619	775
---	-----	-----	-----

1 8 7 5 — 1 8 7 6

Автору «Анны Карениной» («Толстой, ты доказал с терпением и талантом»)	499	—	776
О. А. Петрову («Умиляя сердце человека») . .	499	619	776
К портрету** («Твоя права на славу очень хрупки»)	500	—	777

1 8 7 7

«Устал я, устал я... мне время уснуть!» . . .	500	—	778
---	-----	---	-----

II. Печопубликованное при жизни

1857

«В столицах шум — гремят витии»	501	—	778
«Всевышней волею Зевеса»	501	619	778
〈В альбом О. С. Черпышевской〉 («знаком с Вами будучи лично»)	502	—	780

1859

〈В альбом С. Н. Степанову〉 («Пишите, други! — Начат путь!»)	502	—	780
Дружеская переписка Москвы с Петербургом («Ты знаешь град — заслуженный и древний»)	503	—	781

1861

«Приятно встретиться в столице шумной с другом»	504	—	782
Слезы и нервы («Кто ей теперь флакон подносит»)	504	—	783

1863

〈Эпизод поэмы «Мороз, Красный нос»〉 («Задумав правдивую повесть»)	506	—	783
Два издателя («Совестно днем среди Невского»)	508	—	783

1865

Легенда о некоем покающемся старце, или седина в бороде, а бес в ребро («Жил да был себе издатель»)	509	620	783
〈Из сатиры «Недавнее время»〉 («Муза! ты отступаешь от плана!»)	511	—	784

1 8 6 6

<В. И. Асташеву> («Посылаю поклои Веньями- цу»)	513	—	785
--	-----	---	-----

1 8 6 7

<Отрывки из «Медвежьей охоты»> («Я лучший перл с души моей достал»)	514	—	786
«Чего же вы хотели б от меня»	515	—	786

1 8 7 0

Притча («Прислушайте, братцы! Жил царь вста- рину»)	516	620	786
--	-----	-----	-----

1 8 7 2

Кузнец («Чуть колыхнулось болото стоячее»)	521	622	787
«Внизу серебряник Чекалини»	521	—	787
<Экспромт Н. П. Александровой> («В твоём сердце, в минуты свободные»)	521	—	787

1 8 7 3

<Экспромт Е. О. Лихачевой> («Уезжая в стра- ну равноправную»)	522	—	788
--	-----	---	-----

1 8 7 4

<П. А. Ефремову> («Взглянув чрез много, мно- го лет»)	522	—	789
Букинист и библиограф («А вот еще издание. Страсть»)	522	—	789
«Хотите знать, что я читал? Есть ода»	523	—	790

	текста	картин- аэтов	коммент- тариев
<Из поэмы «Уныние»> («...Но первые шаги не в нашей власти»).	523	—	791
<Ершов> («Он попал в нашу местность») . .	524	—	791

1 8 7 5

<Экспромт на лекции И. И. Кауфмана> («В стране, где нет ни золота, ни серебра») . .	525	622	791
<Экспромт при отъезде Я. Дмитриева из Яро- славля в Киев> («Милый, не брани его») .	525	—	792

1 8 7 6

Песня («Всюду с музой проникающий») . . .	525	—	792
«Не за Якова Ростовцева»	526	—	792
«Угомонись, моя муза задорная»	526	—	793
— ну («Человек лишь в одиночку»)	527	—	793

1 8 7 7

«Имени и роду»	528	—	793
«Пускай чуть слышен голос твой»	529	—	795
<Из поэмы «Мать»> («Увижу ли уединенный сад») .	529	—	795
Затворница («Я посетил заброшенный наш сад») .	530	622	795
«Так заной, о поэт! чтобы всем матерям» . . .	533	—	796
«Скоро — приметы мои хороши!»	533	—	797

Неизвестных годов

«Белый день недолог»	533	623	797
Приметы («Видно, вновь в какой пелености») .	534	—	797
Что нового? («Администрация — берет») . . .	534	—	798
К портрету*** («Развенчан нами сей кумир») .	535	—	798
<Эпитафия> («Зимой играл в картишки») . .	535	—	798
«За желанье свободы народу»	535	—	799
«Но, любя, свое сердце готовь»	535	—	799
«Спрашивал я у людей»	535	—	799
«Он не был злобен и коварен»	536	—	799

	С т р а н и ц ы		
	текста	вари- антов	коммен- тариев
«Ни стыда, ни сострадания!»	536	—	800
<1> «И будем жить мы просто, пошло даже». .	536	—	800
<2> «Поверхностная, глупая насмешка»	536	—	800
<3> «И тихой женщины какой-то»	537	—	800
«Так умереть? ты мне сказала»	538	—	800
«Весь пыткой нравственной измятый»	538	—	800
Варианты и комментарии.	539		
Список иллюстраций	801		

Редактор М. Ближневская. Художник Н. В. Ильин
 Технич. редактор Д. Ермоленко. Корректоры А. Ноткина и А. Типольт.
 Сдано в набор 18/IX 1947 г. Подпис. к печати 5/III 1948 г. А00832. 51
 печ. л. + 6 вклеек. 38,84 уч.-авт. л. Форм. бум. 82 × 108¹/₂. Тираж 50 000.
 Заказ № 7617

1-я Образцовая тип. треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете
 Министров СССР. Москва, Ваволова, 28.

160-

